

Я
С
У
С
К

И
Н
О
У
Э

Х
О
В
У
Х
Я

В
У
М
У
Я

Б
И
О

Ясуси Иноуэ
Хозяйка замка Ёдо

«Центрполиграф»

Иноуэ Я.

Хозяйка замка Ёдо / Я. Иноуэ — «Центрполиграф»,

Роман знаменитого японского писателя Ясуси Иноуэ (1907–1991) посвящен реальным событиям одного из самых ярких и драматических периодов японской истории. Подходит к концу XVI век. Полководец Нобунага Ода ведет борьбу за объединение разрозненных княжеств в централизованное государство, ему на смену приходит Хидэёси Тоётоми и достигает вершин власти, а после его смерти наступает черед Иэясу Токугавы – основателя новой династии сёгунов. В разгар междоусобных войн, на фоне пылающих замков, под шум кровопролитных сражений взрослеет, постигает понятия чести и долга княжна Тятя, дочь Нагамасы Асаи и племянница Нобунаги Оды. Ей предстоит стать наложницей злейшего врага клана Асаи – Тайко Хидэёси, родить ему наследника, воспитать отважного воина и проводить его в последний путь на развалинах пылающего Осакского замка.

Содержание

I	5
II	22
III	51
IV	72
V	88
VI	104
VII	121
VIII	134
IX	148
X	163
XI	183
Эпилог	196

Ясуси Иноуэ

Хозяйка замка Ёдо

I

На двадцать шестой день восьмой луны 1-го года правления под девизом Тэнсё¹ военачальник Нобунага Ода,² уже одержавший победу над Ёсикагэ Асакурой в краю Этидзэн, продолжил непримиримую борьбу за власть и осадил замок Нагамасы Асаи, что в местечке Одани провинции Оми, отрезав его от внешнего мира. Теперь, после смерти Асакуры, давнего соратника, Нагамасе не от кого было ждать помощи. В безудержном стремлении к безраздельному господству над страной Нобунага предал огню храмы на горе Хиэй,³ разорил монастырские сокровищницы, изгнал из Киото последнего сёгуна⁴ рода Асикага. А Исияма Хонгандзи,⁵ хоть и остался последним островком сопротивления, был не настолько могущественным, чтобы прийти на выручку своему союзнику Нагамасе Асаи.

Нобунага Ода смотрел на север из укрепленного лагеря на Торагодзэяме, смотрел туда, где стоял замок его врага, и диву давался: неужто эти крошечные башенки и есть горная твердыня Одани? Асаи, владевшие землями между его цитаделью в Гифу и киотоским двором, вечно чинили препоны честолюбивым замыслам полководца, но сейчас, взятые в кольцо, беспомощные и бессильные, угодившие в ловушку, запертые в стенах этого игрушечного замка, они наконец-то были в его руках. Нобунага не отрывал от Одани взгляда кошки, подстерегающей мышь.

Три главных строения, составлявшие крепость и ее линии обороны, четко вырисовывались на фоне лесистых склонов горы Одани. Вечернее солнце затопило багряным светом сторожевую башню, западный ветер, прилетевший с озера Бива, шумел ветвями деревьев, но ни прозрачные сумерки, ни свежее дыхание осени не взволновали душу Нобунаги – он смотрел на закат, а видел голову Нагамасы, воздетую на острие копья, и голову его отца Хисамасы Асаи. Всего месяц назад, не в воображении, а в действительности, на его, Нобунаги, копье, красовалась голова Ёсикагэ Асакуры. Ликование оттого, что враг повержен, враг, которого он обратил в бегство, преследовал и настиг наконец в дальней провинции Этидзэн, еще не забылось, еще лежало печатью на челе военачальника, тлело огоньком в глубине прищуренных глаз, чей взгляд был прикован к замку Одани. Нобунага твердо решил прибавить к голове Асакуры головы Нагамасы и Хисамасы, а потом найти какой-нибудь верный способ сохранить их до празднования Нового года, чтобы его воины могли наполнить чарки сакэ, наслаждаясь созерцанием этих трофеев.

¹ В Японии до сих пор используется система летосчисления по годам и девизам правления императоров. Эпоха Тэнсё началась в июле 1573-го, закончилась в декабре 1592 г. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

² Ода Нобунага (1534–1582) – полководец, в эпоху феодальной раздробленности положивший начало объединению японских княжеств в централизованное государство.

³ Хиэй (Хиэйдзан) – гора в окрестностях Киото, оплот буддийской школы Тэндай. В VIII в. на этой горе был заложен храмовый комплекс Энрякудзи, включающий около 3000 строений.

⁴ Сёгун (сокращение от «сэйи тайсёгун» – «великий полководец, покоритель варваров») – с 1192 г. звание военных правителей Японии из феодальных кланов Минамото (1192–1333), Асикага (1335–1573) и Токугава (1603–1867). Сёгунам принадлежала фактическая власть над страной, в то время как императору отводилась чисто «декоративная» функция.

⁵ Исияма Хонгандзи – один из храмовых комплексов буддийской школы Дзёдо синёу, основанный в 1533 г. на земле Нанива (современная Осака) и принимавший активное участие в военно-политической жизни Японии; под его знаменами сражались крупные войска вооруженных монахов и крестьян.

Двадцать седьмого числа, на следующий день после начала осады, Токитиро Киносите⁶ удалось зажать в тиски палаты, примыкающие к третьему кольцу укреплений, – резиденцию отца Нагамасы. Когда два полководца клана Асаи, державшие внешнюю линию обороны, сдались, Коитиро Киносита, младший брат Токитиро, и Хамбэй Такэнака без труда проникли со своими ратниками на территорию этого рубежа.

«Стыд и позор – капитулировать в столь решительный момент» – вот и все, что сказал той ночью Нобунага, перед тем как отдать приказ обезглавить на месте двух плененных полководцев, которых Токитиро доставил в укрепленный лагерь.

Штурм продолжился на следующий день. Весь внешний пояс укреплений замка Одани был взят. В своих покоях Хисамаса Асаи незамедлительно совершил сэппуку. Хисамасе был семьдесят один год. Актер театра Но Таю Такамацу сослужил своему господину «последнюю службу»⁷ и тотчас последовал за ним, приняв смерть от собственного меча на галерее-энгаве. В последовавшей за тем жестокой битве все верные вассалы клана Асаи сложили головы, и вскоре тэнсю,⁸ резиденция Нагамасы, осталась последним оплотом сопротивления.

В ту ночь Токитиро посоветовал Нобунаге послать к Нагамасе гонца с требованием сдаться.

– Полководцы и воины, которые держат оборону в центральной башне, без сомнения, готовы дорого продать свои жизни, все до единого, посему позволю себе заметить, что нам выгоднее взять крепость миром, вынудив Нагамасу капитулировать и тем самым избежав ненужных потерь. Это в наших интересах, равно как и в интересах хозяйки Одани... – Последние слова Токитиро произнес так, будто прочел тайные мысли Нобунаги. Сам же военачальник помолчал немного и хмуро проговорил:

– Нагамаса откажется, ясно как день, однако гонца отправить все же стоит.

В тот миг его мысли обратились к младшей сестрице, которая десять лет назад сделалась женой Нагамасы и теперь находилась вместе с мужем в замке, обреченном на уничтожение. Нобунаге и раньше доводилось вспоминать о ней, но в ту пору, когда он выдавал сестру замуж, ему и на ум не приходило, что наступит день забрать ее у Асаи. Выйдя замуж, она перестала быть его сестрой.

О-Ити-но-ката, госпожа О-Ити, хозяйка Одани, супруга Нагамасы, была не единственной родственницей Нобунаги, которую постигла подобная участь. Свою родную дочь Токухимэ он выдал за Нобуясу Сабуро Окадзаки, сына и наследника Иэясу,⁹ а племянницу – за Кацумори, князя Каи. Вот так-то Нобунага поставил на службу собственному честолюбию даже членов своей семьи, вплоть до дочери и родных сестер. Но в Эпоху воюющих провинций¹⁰ воин и не мог поступить иначе. Это был единственный способ выжить: либо ты уничтожишь ближнего своего, либо ближний уничтожит тебя.

О-Ити исполнилось восемнадцать, когда старший брат устроил ее брак с Нагамасой Асаи из провинции Оми в 7-м году Эйроку.¹¹ Принимая решение о замужестве сестры, Нобунага находился на важном витке своей карьеры. Не прошло и четырех лет со дня его победы над Ёсимото Имагавой в Окэхадзамае. С тех пор он разгромил войско Тасуоки Сайто и покори

⁶ Киносита Токитиро – имя, под которым на самурайскую службу поступил Хиёси Киносита, будущий тайко Хидэёси Тоётоми (1536–1598).

⁷ То есть отсек ему голову после совершения обряда сэппуку – ритуального самоубийства путем вспарывания живота.

⁸ Тэнсю – в японском замке XVI–XVII вв. центральная укрепленная башня с изогнутыми, как у храмов и дворцов, крышами ярусом. В основе конструкции – каркас из бревен.

⁹ Чокугава Иэясу (1542–1616) – полководец, завершивший объединение японских земель, основатель династии сёгунов Токугава (1603 г.).

¹⁰ Эпоха воюющих провинций (Сэнгоку дзидай) – период с конца XV по конец XVI в., в течение которого в Японии шли междоусобные войны за перераспределение феодальной власти, закончившиеся созданием централизованного государства.

¹¹ 1564 г.

провинцию Мино, основал замок и город Гифу. Окончательно укрепив позиции, теперь он мог перейти к новому этапу: выступить на запад, к Киото. Замужество О-Ити, таким образом, имело стратегическое значение: оно позволило Нобунаге заключить союз с Нагамасой Асаи и тем самым открыло ему дорогу к столице. Семилетней дружбе с Асаи конец настал в 1-м году Гэнки,¹² но брачные узы сестры с хозяином Одани и так уже достаточно послужили честолюбивым замыслам Нобунаги.

Не отрывая пристального взгляда от лица Токитиро, Нобунага размышлял над сложившимся положением вещей: да, разумеется, он имеет полное право спасти свою сестру, коли предоставится такая возможность, в этом нет ничего предосудительного. И впервые со дня свадьбы образ сестренки, хорошенькой худенькой девушки, предстал перед его глазами.

В ту ночь Фува Кавати-но-ками был избран посланником. Ему в обязанность вменялось передать Нагамасе следующее извещение:

«Битва не на жизнь, а на смерть – таков обычай воинского сословия, ничто не в силах противостоять неотвратимой воле оружия. Ёсикагэ пошел против меня – и Небо покарало его смертью. К вам же, уважаемый Нагамаса, я всегда питал дружеские чувства и хотел видеть вас в числе своих союзников, более того – ближайших родственников. Вопреки нынешнему положению дел я не держу на вас зла и обещаю вам жизнь и безопасность в обмен на вашу капитуляцию. Покиньте замок по доброй воле и отрекитесь от своих владений. Мои чаяния тем самым будут удовлетворены, и, к величайшей радости, отпадет необходимость уничтожить дом Асаи».

Спустя час Фува, правитель Кавати, вернулся с ответом: Нагамаса и не думал сдаваться, однако просил дозволения переправить жену и трех дочерей в укрепленный лагерь под опеку Нобунаги. Той же ночью Фуве пришлось еще раз наведаться во вражеский стан, чтобы передать Нагамасе: Нобунага согласен уважить его просьбу относительно госпожи Одани и трех княжон.

На рассвете за паланкином возвращавшегося в лагерь Фувы, правителя Кавати, следовали еще четыре паланкина и два десятка придворных дам. Сам посланник, верный вассал Нобунаги, десять лет назад присутствовал на свадебной церемонии сестры своего господина, теперь же ему довелось поучаствовать в ее спасении.

Узнав, что четыре паланкина втайне и без происшествий покинули осажденный замок, Нобунага и бровью не повел. Ближайшие вассалы тотчас явились за распоряжениями, но военачальник ограничился тем, что приказал укрыть паланкины в рощице на опушке леса близ лагеря.

Процессию препроводили под деревья на пологий склон холма. Многочисленная свита последовала за своими хозяйками, и благородные дамы расселись на траве вокруг паланкинов.

Прибытие женщин стало своего рода сигналом к боевым действиям – вскоре начался штурм центральной башни. День напролет бушевало сражение между отрядами под предводительством Токитиро Киноситы, Нагахидэ Нивы, Кацуиэ Сибаты и осажденными воинами, которые защищались с отвагой и яростью людей, доведенных до отчаяния. Замок не сдавался. Бой кипел на подступах к внутренней крепостной стене, вот уже сгустились сумерки, а ни одному из нападавших не удалось прорваться в ее пределы. Той ночью поднялся сильный ветер, принес с собой брызги дождя, и разыгралась буря столь страшная, что сотни крестьян в окрестностях Киото остались без крова.

Утром первого дня девятой луны погода смилоствивилась, буря утихла, но по озеру Бива еще гуляли свирепые волны – их видно было с вершины холма, ставшего полем битвы. Сражение возобновилось – со смертоносным пылом и ожесточением, неслыханными накануне. В тот

¹² 1570 г.

день осажденное войско должно было принять последний бой, и в час Дракона¹³ ворота замка распахнулись, выпустив на волю две сотни самураев, ведомых самим Нагамасой.

Воины Киноситы и Сибаты как раз прорвались за крепостную стену с другой стороны, не обращая внимания на маневры Нагамасы и лишив его надежды вернуться в укрытие. Нагамасе ничего не оставалось, как броситься к ближайшим палатам – резиденции Акао Мимасака-но-ками. Обнаружив, что при нем осталось не более дюжины верных всадников, и осознав, что отныне часы его сочтены, Нагамаса велел поджечь палаты и выставить лучников, дабы стрелами сдержали наступление вражеских ратников, пока он будет совершать обряд сэппуку. Ему было двадцать девять лет. В пылу битвы уцелели только Асаи Ивами-но-ками и Акао Мимасака-но-ками, старые воины, слывшие надеждой и опорой дома Асаи, прочие сторонники Нагамасы были убиты или приняли смерть от своих мечей.

Все подразделения наступающего войска устремились на территорию объятого пламенем замка Одани, и до часа Быка¹⁴ победители уничтожали последних врагов. Таким образом, самоубийство отца Нагамасы, военачальника Хисамасы Кёгоку, стало началом конца могущественного клана Асаи, долгое время владевшего провинцией Оми.

А четыре паланкина, уже двое суток укрывавшиеся на опушке леса, по-прежнему стояли под деревьями, неподвижно, словно дорогие безделушки в токономе.¹⁵ Ветер, дувший с поля боя, приносил отголоски битвы. Крики и звон оружия звучали то тише, то громче, а когда буря прошла стороной и сгнула вдаль, женщины заметили, что половина неба затянута тучами невиданного черного цвета. В середине часа Быка,¹⁶ когда огонь сражения уже погас, паланкины под охраной нескольких дюжин воинов спустились по склону Тэрагодзэямы и направились на юг – берегом озера, в причудливом полумраке, под небом, почерневшим от дыма пожаров.

Той же ночью, отрядив своих приближенных за головой Нагамасы, Нобунага велел привести Асаи Ивами-но-ками и Акао Мимасака-но-ками, захваченных в плен. В свете факелов лица двух старых воинов казались багрово-красными, их черты – размытыми.

– Вы злонамеренно подстрекали Нагамасу восстать против меня, – прорычал Нобунага. – Это по вашей милости в течение долгих лет он причинял мне столько беспокойства. Ненависть, каковую питаю к вам, невообразима!

При этих словах связанный Асаи, правитель Ивами, поднял голову и ответил, с трудом сдерживая ярость:

– Князь Нагамаса, в отличие от вас, не был двуличной тварью. И смерть сегодня он принял с достоинством!

– И ты смеешь говорить о достоинстве? Ты, воин, позволивший взять себя в плен, как последний трус! – Не сдержавшись, Нобунага три раза ударил древком копья по седовласой голове правителя Ивами.

– Вот, стало быть, какова твоя месть? Бьешь связанного врага!

Не обратив на этот выкрик внимания, Нобунага повернулся к Акао Мимасака-но-ками:

– А ты? Рассказывают, что в молодости ты сражался как демон!

Не в пример своему товарищу правитель Мимасаки проявил смирение:

– Теперь я всего лишь немощный старик...

Нобунага потребовал привести сына правителя Мимасаки, Симбэя, который тоже попал живым в руки победителей.

– От тебя, старая развалина, никакого толку, так, может, твой сын на что-то сгодится?

¹³ Час Дракона – время с 8 до 10 часов утра.

¹⁴ Час Быка – время с 2 до 4 часов ночи.

¹⁵ Чоконома – ниша в традиционном японском доме, предназначенная для услады глаз; в ней вешают свиток с картиной или каллиграфической надписью, ставят икэбану, курильницы, шкатулки и пр.

¹⁶ В 3 часа ночи.

Акао, правитель Мимасаки, резко обернулся к Симбэю:
– Не верь князю Нобунаге, сынок! Угодишь в ловушку!
– Само собой! – расхохотался Нобунага. – Чего зря болтаешь, пустомеля? – И вдруг смех оборвался. – Казнить всех троих!

Госпожа О-Ити и три княжны были препровождены в замок Киёсу¹⁷ и поручены заботам Нобуканэ Оды. Вскоре после того был пойман наследник Нагамасы, Мандзю-мару, который бежал из отцовского замка еще раньше матери и сестер и скрывался в уезде Цуруга провинции Этидзэн. Нобунага приказал Токитиро отрубить ему голову. Мальчику было всего десять лет, но Нобунага не знал жалости. Самому младшему ребенку в семье Асаи, Икумару, не сравнялось и года; его надежно спрятали в храме соседней деревеньки, пока шла осада Одани. Там Нобунага искать не стал.

На новогодних празднествах во 2-м году Тэнсё, как и обещал самому себе Нобунага перед началом штурма Одани, ритуальные возлияния проходили в покоях, украшенных тремя трофеями – отрубленными головами Нагамасы, его отца и сына.

Когда пал замок Одани, О-Ити было двадцать семь лет, ее старшей дочери Тяте – семь; средней, Охацу, – пять; младшей, Когоо, не исполнилось и трех. О-Ити произвела на свет Мандзюмару в первый год замужества, остальных детей рожала с интервалом в два года. Последнему, Икумару, в час падения дома Асаи было всего три месяца.

У Тяти остались смутные воспоминания о бегстве на паланкинах, ей казалось, будто все эти события произошли во мраке безлунной ночи – возможно, потому, что они с матерью покинули замок перед самым рассветом, в тот мгlistый час, когда в глубине садов перестаешь различать стволы деревьев. К тому же не успели дамы Асаи сесть в паланкины, как пологи опустились и уже ни разу не поднялись за всю дорогу, и нянюшка строго-настрога, с незнакомыми суровыми нотками в голосе наказала Тяте не выглядывать, не подсматривать в щелочку.

Еще Тяте вспоминались языки пламени, которые жадно тянулись к паланкинам, пока носильщики стремительно мчались сквозь огонь. На самом деле они едва ли могли оказаться так близко к очагам пожара. На рассвете, когда ветер по-прежнему щекотал ноздри запахом крови, прилетая с поля битвы, процессия двинулась напрямик на юг, по тропам меж рисовых полей.

Но в сознании Тяти бегство на паланкинах неразрывно сплелось с пламенем, которое начинало разгораться у нее на глазах. К тому времени она уже успела повидать, как пляшут на вершине горы Одани жертвенные костры – монахи из храма Эйдзан совершали свои обряды. Может статься, силуэты монахов, увиденные сквозь пелену сумрачного огня, бесновавшегося на вязанках хвороста, запечатлелись на сетчатке ее глаз, а мозг связал этот образ воедино с бегством из замка, породив мысль, будто им пришлось тогда прорываться через огненный заслон.

Каково бы ни было объяснение, именно такую картину семилетняя Тятя нарисовала и сохранила в своем воображении – картину гибели замка, в котором она родилась и провела раннее детство. Странно, но девочка совсем не печалилась об отце. Она запомнила его таким, каким видела в последний раз: воин в черных доспехах, в походной накидке из оленьей шкуры, за поясом – длинный меч в ножнах, покрытых алым лаком... Нагамаса подошел к паланкину, чтобы попрощаться с ней. Но этот образ отца никак не соотносился с его смертью. В диковинном полумраке, окутавшем в памяти девочки отбытие на паланкинах, лишь сверкающая фигура воина имела форму и цвет.

Через месяц пребывания под крышей замка Киёсу Тятя узнала из уст старого вассала Хисамасы, явившегося к ним с визитом, о причинах столь поспешного бегства. Тот же человек поведал им и о смерти Нагамасы. О-Ити, не вынеся ужасающих подробностей, разрази-

¹⁷ Киёсу – главный город провинции Овари, землями которой владел клан Ода.

лась рыданиями, а Тятя ничего не почувствовала – ни малейшего волнения. Она была твердо убеждена, что отцу, так же как им с матушкой и сестрицам, удалось спастись и теперь он тоже продолжает жить, но где-то далеко.

Мать, которая до сих пор при Тяте и слезинки не уронила, с того дня, как услышала рассказ о смерти мужа, взяла за правило реветь по пустякам – конечно же все от нервного напряжения. Такое настроение матери передалось и Тяте – теперь девочка нарочно хныкала по любому поводу, приводя нянек в отчаяние. Спустя две недели после того, как стали известны обстоятельства гибели Нагамасы, один из слуг, прибиравшийся в саду, сообщил госпоже Одани, что убежище юного Мандзюмару в Цуруге было раскрыто и что Токитиро Киносита казнил мальчика по приказу Нобунаги. Молва утверждала, что он изрубил тело ребенка в куски и разбросал по дорогам. Услышав об этом, О-Ити сделалась бледнее смерти, зажгла свечи на буддийском алтаре, воскурила благовония и в течение нескольких дней не покидала спальню, где укрылась вместе с дочерьми в страхе, что старший брат Нобунага придет и отберет у нее девочек, чтобы предать их той же лютой смерти.

Тятя в гибель своего брата поверила не больше, чем в самоубийство отца. Леденящие душу слухи о них казались ей сказками, пришедшими из дальних земель и не имеющими никакого отношения к ее жизни. Она даже не очень-то ясно представляла себе, что значит «изрубить в куски», зато понимала, что от этих слов у матушки разрывается сердце, поэтому запретила себе произносить их в ее присутствии.

Больше всего Тятю удручало то, что ее разлучили с Икумару, маленьким братиком, младенчиком. Она знала лишь, что два самурая, состоявших на службе у отца, отвезли малыша в безопасное место, но чувствовала: пока не то что спрашивать о нем – даже имени его произносить нельзя.

А вот к деду своему, Хисамасе, Тятя была вполне равнодушна – еще в те времена, когда жила в замке Одани. Они даже почти не разговаривали – может, оттого, что ее отец с Хисамасой не ладил. К тому же дедовы палаты стояли за пределами крепостной стены, так далеко от главного дворца, что она и встречалась-то нечасто со старым великаном. Редкий случай повидать его выпадал на праздники и церемонии, которые собирали вместе всех представителей клана Асаи. На таких торжествах старик Хисамаса, выше сына на целую голову, полный сил и пышущий здоровьем, занимал почетное место. Маленькая Тятя понимала, что этому величественному гиганту дела нет до окружающих, кем бы они ни были, и все же, несмотря на отсутствие душевной близости, которая могла бы установиться у деда с внучкой, да не установилась, она не питала к нему ни малейшей неприязни. Этот человек, подавлявший ближних своим ростом и властными манерами, казался девочке фигурой более значительной, чем ее отец Нагамаса, который вечно вступал в споры со стариком. Хищное ястребиное лицо деда, большеглазое, с горбатым носом, странным образом завораживало Тятю, всякий раз замиравшую перед ним в немом созерцании.

Много лет спустя это лицо всплыло в ее сознании с удивительной ясностью. Отцовские черты к тому времени стерлись из памяти, канули в небытие воспоминания о его смерти и жизни, полной воинских свершений, а облик деда в тот день впервые, в мельчайших подробностях, встал перед ее глазами.

Произошло это, когда Тяте было девятнадцать лет и жила она в замке Адзути. Бродячие торговцы из Синею однажды явились ко двору. Среди них был мальчик лет двенадцати-тринадцати, уроженец Синею. Звали его Сувадзю. Несколько лет назад он потерял родителей в междоусобной войне, развязанной местными даймё. По просьбе одной из дам, живших при замке, Сувадзю поделился своими воспоминаниями об этой печальной истории.

В ту пору ему сравнялось девять. Наигравшись у реки с деревенской ребятней, он вернулся домой и обнаружил ворота особняка наглухо запертыми. Подобное и раньше случалось – родители таким образом давали ему знак, что в замке произошло неладное и они ждут его

там. Знакомая тропинка, петлявшая по склону горы среди рисовых полей, на которых колося уже пошли в рост, привела его на территорию между замком и вражеским лагерем. В тот самый миг, когда Сувадзю уже рванул было к замку, воин в доспехах вырос перед ним как из-под земли, схватил мальчика за волосы и потащил за собой. Второй самурай, оказавшийся не кем иным, как родным дядей Сувадзю, подоспел вовремя. Он уложил нападавшего одним ударом меча, затем подвел ребенка к крепостной стене, поднатужился и перекинул его через стену во двор. Сувадзю перевернулся в воздухе и потерял сознание, ударившись о пыльную, утопанную землю. Придя в себя, он увидел в глубине сада седовласого воеводу – тот раздавал приказы своим воинам. Тут Сувадзю срочно понадобилось справиться малую нужду, но не успел он повернуться лицом к крепостной стене и подоткнуть полы кимоно, как извне волной хлынул боевой клич и на территорию замка пролился дождь стрел. Одна стрела срезала прядку волос на голове мальчика и со свистом вонзилась в столб на энгаве. А враги уже карабкались на стену, подбадривая друг друга воинственными выкриками. Из главного особняка выскочила женщина с мечом в руке и, оттолкнув на бегу Сувадзю, принялась рубить пальцы цеплявшихся за гребень стены захватчиков...

Бой закончился. Безголовые трупы, точно срезанные колосья, лежали на рисовых полях. Созревшие злаки, тропинка, бежавшая от замка к дому родителей Сувадзю, – все вокруг тонуло в крови.

Вот и все, что чудесным образом уцелело в памяти мальчика.

Еще он помнил, как спустя несколько дней после того боя воины в замке готовились к смерти и прощались, со слезами на глазах протягивая друг к другу руки.

На этом рассказ Сувадзю прерывался. Он не назвал замок, но от слуг, которые тоже слышали эту историю, Тятя узнала, что речь, по всей вероятности, шла о падении крепости Ханно, что в Оиго, в 12-м году Тэнсё.¹⁸

Когда паренек говорил о седовласом воеводе, перед глазами Тяти само собой возникло лицо деда Хисамасы. А вооруженная мечом женщина, как истинный самурай вступившая в бой с врагами, представилась ей в образе дедовой наложницы – сильной коренастой тетки, которая неотлучно сопровождала его везде и всюду. Конечно, завоевание маленькой крепости из рассказа Сувадзю не могло иметь ничего общего с осадой и уничтожением замка Одани – размах не тот, но его рассказ впервые в жизни породил в душе девушки чувство реальности того, что произошло с ее близкими. Впервые она задумалась о том, что отцовский замок действительно был сожжен, а отзвуки жестокой битвы не приснились ей.

Горести, которые несет с собой война, равновелики для всех и каждого, независимо от того, сколь могущественны или незначительны ее участники, и трагическая история, услышанная из уст мальчика, почти ребенка, без сомнения, глубоко взволновала Тятю, неожиданно вернула ее в собственное детство.

Но и встреча с Сувадзю, и его печальная история произойдут гораздо позже, а пока что Тятя живет в замке Киёсу. Минуло совсем мало времени после кровавой драмы, разыгравшейся в Одани, и девочка еще не способна установить связь между видением адского пламени, поглотившего отцовскую крепость, и исчезновением ее близких. Для нее смерть деда, гибель отца, слухи об изрубленном в куски старшем брате – не более чем вымысел, досужий вздор.

1-й год Тэнсё прошел быстро. Весной 2-го года О-Ити пригласила художника из Нагахамы и поручила ему написать портрет своего покойного супруга. Она хотела получить готовую работу к первой годовщине его смерти. Художник Нагамасу никогда не видел – ему предстояло руководствоваться указаниями О-Ити, сделать набросок по ее описанию, а затем уже приступить к созданию портрета. Но всякий раз, когда он приносил новый, исправленный вариант, к делу подключалась Тятя и сыпала замечаниями: то рот не похож, то у глаз не такое выражение.

¹⁸ 1583 г.

С беспримерным терпением художник метался между замком и мастерской, тащил заказчикам переделанную работу, твердо веря, что уж на сей-то раз сходство достигнуто, но беднягу день за днем отправляли обратно. За время этих творческих исканий Тятя начала догадываться, почему на портрете образ отца столь далек от того, который сохранился в ее детской душе: потому что у них с матерью остались совершенно разные представления о Нагамасе. Мать требовала запечатлеть привычный облик мужа, его знакомый ласковый взгляд, тогда как сердцу дочери был любезен тот сумрачный вид, который, бывало, напускал на себя отец в минуты дурного расположения духа.

– Ну вот что, Тятя, больше ни слова, – в конце концов не выдержала госпожа О-Ити. – Если художник будет следовать твоим советам, портрет твоего отца превратится в портрет деда.

После этого Тятя прикусила язычок и за дальнейшей работой над эскизом наблюдала в молчании. Мать была права. Единственное выражение отцовского лица, которое она, Тятя, действительно любила, он перенял от Хисамасы – выражение непреклонной воли. А мать Хисамасу ненавидела, поскольку считала его истинным виновником гибели клана.

– Если бы только твой дед не поставил во главу угла долг перед Асакурой!

В этом, по мнению госпожи Одани, и крылась причина трагедии, постигшей их семью. Девочка, конечно, не могла разобраться во всех перепитиях той истории, но чувствовала – хоть и сама не знала почему, – что ей ближе позиция деда.

Наконец портрет был завершен и поднесен вдове в начале лета. Нагамаса был изображен сидя, в высокой шапке-эбоси, указывающей на его высокое положение, и в церемониальных одеждах из черного льна. Широкий разрез глаз, разметающаяся борода затеняет дородные щеки и тонкую верхнюю губу... Это был портрет отважного и благородного воина.

– Правда же, замечательно? – восклицала О-Ити, показывая его дочерям.

Нагамаса и впрямь выглядел как живой, и Тяте впервые за долгое время почудилось, что добрый и нежный отец снова совсем рядом. Однако, вглядевшись повнимательнее, она обнаружила, что в его облике чего-то не хватает. Перед глазами встало лицо дяди Нобунаги. С тех пор как дамы из клана Асаи нашли приют под крышей Киёсу, военачальник лишь однажды нанес им визит. Все они тогда почтительно склонились перед своим властелином, и Тятя слышала, как он обратился к ее матери со скупыми словами утешения.

Несмотря на кратковременность встречи, худое лицо Нобунаги, увиденное в тот день Тятей впервые, оставило в памяти девочки яркое воспоминание. Маленькие глазки с пронзительным взглядом, крупный нос, поджатые губы, заостренный подбородок произвели на нее неизгладимое впечатление. Внутренняя сила проступала в лице военачальника куда отчетливее, чем в лице ее отца и даже деда. Неудивительно, что этот могущественный и властный человек их уничтожил.

Сравнивая портрет отца с обликом Нобунаги, глубоко врезавшимся в память, Тятя отчетливо понимала: в портрете отсутствует что-то очень важное, но никак не могла определить это «что-то». И задыхалась от разочарования, тоски и смутно закипавшего гнева. Она еще не знала, что ей самой предстоит вступить в противостояние с безжалостным военачальником, заклятым врагом и испытать при этом сложные чувства, отличные от тех, что мучили ее мать. Не знала девочка и того, что в семье она больше, чем кто-либо другой, была похожа на своего дядю.

Осенью 2-го года Тэнсё, вскоре после поминального обряда, сопровождавшего первую годовщину смерти Нагамасы и справленного тайком в покоях замка Киёсу, Тятя познакомилась с Тасуко и ее младшими братьями – Такацугу и Такатомо Кёгоку.

О-Ити, опасавшаяся, что поминальную службу по ее супругу Нобунага воспримет как вызов, действовала с особой осторожностью. Неизвестно, о чем шла речь на переговорах, однако в итоге Нобунага лично прислал ритуальные дары в память о покойном, примеру сво-

его господина последовал и Нобуканэ, хозяин Киёсу. При этом обряд был проведен в строжайшей тайне, в присутствии узкого круга посвященных. Настоятель Бодайдзи, фамильного храма Нагамасы, по всей видимости, тоже убоялся гнева Нобунаги, поскольку отрядил на церемонию только двух молодых монахов, да и те тотчас удалились, едва закончив читать сутры. Странная это была церемония. Ни один из ее участников по молчаливому соглашению ни разу не упомянул имени покойного, в честь которого и совершался ритуал.

Через несколько дней после поминовения пришла весть о прибытии двух братьев и сестры из дома Кёгоку. Прослышав о том, О-Ити, сидевшая на энгаве, подняла голову, и на ее лице отразились смешанные чувства. Трое детей, родившихся от брака старшей сестры Нагамасы и воина из клана Кёгоку, приходились ей племянниками. Но отношения между домами Асаи и Кёгоку были куда сложнее тех, что устанавливаются у обычных семей, соединенных брачными узами. Род Кёгоку имел долгую и славную историю. Уроженцы провинции Оми, его представители издревле владели этими землями и в эпоху Муромати¹⁹ были первыми в четверке знатных домов, родственных сёгунам и занимавших самое высокое положение в воинской иерархии. Помимо Кёгоку, в четверку входили Ямана, Иссики и Акамацу. Случилось так, что Нагамаса в свое время убил Такаёси, отца этих детей, и захватил его владения. Таким образом, прошлое превращало Асаи и Кёгоку в заклятых врагов.

О-Ити знала, что ее племянники, наследники рода Кёгоку, ведут нищенскую жизнь в резиденции, выстроенной неподалеку от Одани, но со времен падения замка вестей от них не получала. И вдруг сегодня, год спустя после смерти Нагамасы Асаи, они хотят нанести ей визит здесь, в месте ее заточения...

– Приведите их, – бросила О-Ити человеку, известившему ее о прибытии Кёгоку, и поделилась новостью с тремя дочерьми, которые играли в саду.

Тяте нередко доводилось слышать о клане Кёгоку. О том, что он имеет определенное отношение к Асаи, девочка не догадывалась, но знала, что речь идет о семействе даймё провинции Оми, некогда знаменитом и влиятельном, а ныне пришедшем в упадок. Это имя – Кёгоку – звучало для нее как-то особенно, обладало таинственной властью, которой не было ни у одной другой благородной самурайской фамилии, оно пробуждало в ее душе уважение, смешанное со страхом и приправленное печалью, странной печалью, как будто тянешь руки к манящей вершине, понимая, что она никогда не будет достигнута.

Первым в покои, где гостей ожидала О-Ити с дочерьми – Тятей, сидевшей по правую руку от нее, и младшими девочками по левую, вошел Такацугу, юный глава семьи Кёгоку. Слегка поклонившись в знак почтения, он направился к дзабутону²⁰ в самой глубине покоев, расправил складки парадных хакама²¹ и сел, выпрямив спину, лицом к раздвинутым сёдзи,²² открывавшим вид на сад. Это был худенький красивый юноша с очень бледной кожей. Из-за высокого роста и повадки зрелого мужчины он казался старше своих двенадцати лет. Следом за ним появилась тринадцатилетняя Тасуко, ведя за собой так, словно хотела защитить, маленького Такатомо, которому было пять лет.

Тятя внимательно смотрела, как девушка проходит по циновкам и садится. У Тасуко была такая же хрупкая стройная фигурка, как у Такацугу. Усевшись, трое детей поприветствовали двоюродных сестер и тетушку, с удивительной слаженностью и единодушием, будто по команде, опустив ладони на татами и поклонившись. Такацугу спокойно и уверенно назвал свое имя, представил сестру и брата. Тятя между тем не отрывала взгляда от Тасуко. Подобную невежливость она демонстрировала не впервые – уже давно взяла себе за правило выбирать

¹⁹ Муромати – период правления сёгунов из дома Асикага (1335–1573 гг.).

²⁰ Дзабутон – плоская подушка, которую кладут на татами.

²¹ Хакама – широкие штаны с крупными складками, элемент парадного мужского костюма.

²² Сёдзи – внешние раздвижные перегородки в традиционном японском доме, отделяющие внутреннее пространство от галереи-энгавы и представляющие собой деревянные рамы, обтянутые плотной вошеной бумагой.

на многолюдных церемониях среди присутствующих какую-нибудь особу, раздражившую ее любопытство, и не сводить с нее глаз. Тасуко в светло-зеленом кимоно с широким алым поясом сидела неподвижно, слегка склонившись вперед. Белокожие руки, полусжатые в кулачки, покоились на татами. Пряди по обеим сторонам лица были подстрижены так, что открывали щеки, сзади волосы черным блестящим потоком ниспадали до талии. Вдруг она выпрямилась, но даже не покосилась в сторону Тяти и на протяжении всей аудиенции либо опускала очи долу, либо безмятежно смотрела в сад.

Тятя же с дерзостью, совершенно непозволительной для восьмилетнего ребенка, продолжала тарашиться на кузину, преодолевая почтительный трепет, который испытывала в глубине души. Ни по происхождению, ни по воспитанию она не могла сравниться с княжной из прославленного клана Кёгоку и видела в двоюродной сестре существо высшего порядка.

Звонкий смех, какого Тятя ни разу не слышала со дня прибытия в Киёсу, внезапно фейерверком взорвался в покоях. Она наконец оторвала взгляд от кузины и уставилась на юношу, который сидел выпрямив спину и расправив плечи, как взрослый; ладони, упертые в татами, скрывались под широкими складками хакама. Взгляды детей встретились.

– Сколько же лет сейчас моей двоюродной сестрице? – сорвался с красных, как у девочки, губ Такацугу вопрос.

Вместо Тяти ответила О-Ити. Тятя пришла к выводу, что кузен у нее слишком уж любезен и ужасно хочет понравиться, не годится так себя вести наследнику благородного дома Кёгоку. Что до младшенького, Такатомо, он тихонько сидел между братом и сестрой, поглядывая вокруг с некоторым удивлением, словно впервые оказался в подобной обстановке, и тем не менее был единственным из Кёгоку, кто проявлял своего рода врожденную бесстрастность, подобающую отпрыску именитого семейства, переживающего не лучшие времена.

В тот же день все трое Кёгоку покинули замок Киёсу, коротко переговорив с тетушкой наедине. После их отъезда О-Ити сказала дочерям, что их двоюродные братья и сестра, наверное, какое-то время поживут с ними, в том же крыле замка, и что Такацугу в ближайшем будущем предстоит поступить на службу к Нобунаге Оде. По всей видимости, Такацугу именно об этом совещался с тетушкой – просил оказать ему такую милость, замолвить словечко перед военачальником. Месяц спустя юные представители дома Кёгоку переселились в Киёсу.

Летом 3-го года Тэнсё Такацугу отправился в Гифу, чтобы вступить в должность оруженосца при Нобунаге. Старые самураи, некогда верой и правдой служившие клану Кёгоку, явились выразить ему свое почтение и попрощаться. Тасуко и Такатомо присоединились к свите старшего брата. Тятя, ее матушка и благородные дамы из их окружения проводили путешественников до главных ворот замка Киёсу.

После отъезда Такацугу Тятя застала мать в слезах и спросила, что случилось.

– Дом держится на мужчине. Ах, если бы Мандзюмару был жив... – Вымолвив эти слова, госпожа Одани закрыла лицо рукавом и разразилась рыданиями. Давно она столь безутешно не плакала при дочери.

Горе О-Ити, считавшей, что надежда на возрождение ее собственной семьи потеряна безвозвратно, вырвалось наружу при виде того, как Такацугу отправляется в путь, совершая тем самым первый шаг к восстановлению дома Кёгоку, разрушение которого было в свое время делом рук Нагамасы.

– Во всем виноват злой владетель Гифу, – дерзко заявила Тятя. Слезы матери придали ей смелости.

Но О-Ити посмотрела дочери в глаза и покачала головой:

– Нельзя так говорить, дитя мое, даже во сне. Если бы господин Нобунага питал ненависть к клану Асаи, неужто дал бы приют вам, дочерям князя Нагамасы? Коли твои дед и отец мертвы, знать, судьба так распорядилась, отмерила их жизни до последнего дня. Такова наша

карма. Да и отец твой некогда разорил дом Кёгоку не из ненависти, а тоже по воле судьбы. Будь оно иначе, стали бы дети господина Такаёси нынче играть с тобой и твоими сестрами?

– Так это мой батюшка разорил дом Кёгоку?!

Новость потрясла Тятю до глубины души. Она вспомнила, как смотрели двоюродные братья и сестра на них с матушкой. Такацугу и Тасуко должны были их ненавидеть...

В это время отряд всадников галопом приблизился к стенам замка Киёсу. Самураи пустили взмыленных коней по кругу, чтобы те могли восстановить дыхание, и спешили к воротам. Похоже, происходило что-то важное. О-Ити и Тятя поспешили к главным покоям. Тем вечером они узнали, что всадники прибыли из Гифу с посланием от Нобунаги. Он собирал войско в поход на княжество Нагасино. Всю ночь на тракте горели огни факелов – к Киёсу подтягивались конные отряды с запада.

Тятя наблюдала за происходящим с угловой башни-ягуры.²³ К замку приближались воины Хидэёси Хасибы, человека, который занял место ее отца во главе княжества Оми. Хидэёси Хасибой теперь звался Токитиро Киносита, сменивший имя после захвата крепости Одани.²⁴ Той летней ночью, до самого рассвета, в равнодушном свете звезд – драгоценных камней, сверкавших в черных глубинах небес, – девочка, испытывая странное душевное волнение, смотрела, как марширует войско, уничтожившее замок ее отца.

Все лето 3-го года Тэнсё²⁵ армия Нобунаги в союзе с силами Иэясу сражалась на землях Нагасино против самураев Кацуёри Такэды и в конце концов одержала оглушительную победу. Все старые вассалы отца Кацуёри, Сингэна Такэды, опасного врага Нобунаги, погибли на поле брани. Дом Такэда так и не смог оправиться от этого удара, а слава и могущество Нобунаги с того дня лишь преумножились. Отныне на его пути не осталось ни одного сильного противника, ибо он один за другим подчинил своей воле все влиятельные кланы, изначально отказывавшиеся признавать его превосходство, – Асакура, Асаи, а теперь вот Такэда.

Настал заключительный этап осуществления задачи, которую Нобунага давно перед собой поставил, – сосредоточить в своих руках верховную власть над всей страной. Именно ради этого он замыслил покинуть цитадель Гифу и обосноваться на горе Адзуги в провинции Оми, поближе к столичному городу Киото. О начале строительства новой цитадели было официально объявлено на праздновании Нового года.²⁶ Склоны Адзуги, высившейся на берегу озера, издавна славилась неприступностью, из тамошней крепости можно было держать под присмотром не только горные и приморские земли севера и востока, но и сам Киото, и весь Кинки,²⁷ и западные провинции Тюгоку,²⁸ и княжества на острове Сикоку. И Нобунага решил заложить там новый замок, окруженный городскими посадами.

Нагахидэ Нива был назначен главным распорядителем работ и с восходом первой луны взялся за подготовку к строительству с таким рвением, что уже в четвертом месяце мастера приступили к возведению крепости. Рабочий люд согнали из всех пяти провинций Кинки, а еще из Микавы, Овари, Мино, Исэ, Этидзэн, Вакасы; плотников набирали в Киото, Наре, Сакаи и прочих городах и краях. Камни, потребные для фундамента, доставляли с соседних гор, в дело шгодился и остов прежнего замка. Десять тысяч ратников и три дня трудов понадобилось

²³ Ягура – сторожевая башня японского замка.

²⁴ Государственные мужи Японии по традиции меняли имена, когда происходили важные события в их жизни и карьере. Токитиро Киносита не раз принимал другое имя. Впоследствии он стал известен как Хидэёси Тоётама.

²⁵ 1575 г.

²⁶ 1576-го.

²⁷ Кинки – район Японии между современной Осакой и Киото, включавший в себя по старому делению провинции Сэтцу, Ямасиро, Ямато, Кавати, Идзумо.

²⁸ Тюгоку – западная часть острова Хонсю, современные префектуры Окаяма, Хиросима, Ямагути, Симанэ, Тоттори.

для того, чтобы втащить на макушку холма, где суждено было высится новой цитадели, единственную неподъемную глыбу.

Созидание города и замка не мешало Нобунаге вести кровопролитные битвы. В четвертом месяце он пошел на храм-крепость Исияма Хонгандзи, стоявший на месте будущей Осаки. Пока рос и ширился Адзути, возведение которого закончилось в восьмом месяце 7-го года Тэнсё,²⁹ деятельность Нобунаги и полководцев под его началом кипела вовсю – как на строительстве цитадели, так и на многочисленных военных фронтах.

Замок Адзути, порождение непомерной гордыни Нобунаги, был огромен. Семь дзё³⁰ каменного остова тэнсю венчались семью ярусами, второй из них – покои самого военачальника – составлял девять дзё с запада на восток и более десяти дзё с севера на юг. В 6-м году Тэнсё, когда сооружение цитадели подходило к концу, воеводы были официально приглашены на празднование Нового года в новую резиденцию главнокомандующего. Два дня в недостроенном замке шли пиры и чайные церемонии. Гостей потчевали дзони³¹ и китайскими сладостями.

Госпожа О-Ити, Тятя, Охацу и Когоо между тем продолжали вести уединенную жизнь в Киёсу. Вести о бесчисленных успехах Нобунаги, однако, не обходили их стороной. Даже в дальнем крыле дворца, где они обитали, непременно обнаруживалась какая-нибудь осведомленная особа, чтобы сообщить им о победе полководца над кланом Такэда в Нагасино, о подавлении мятежа в Этидзэн, о несчетных карательных экспедициях в Кию, об усмирении Хисахидэ Мацунаги, о походе на Хариму... Из всех этих кровавых свершений Тятя удивительным образом запоминались лишь те, в которых участвовал Хидэёси Хасиба. Он получил во владение земли Нагамасы в провинции Оми, но презрел крепость Одани и выстроил себе резиденцию в трех ри³² к юго-востоку, в Имахаме, переименовав местечко в Нагахаму. Новое название отзывалось в душе Тяти и ее сестер болезненными воспоминаниями. Все поступки Хидэёси были для Тяти не более чем варварством, совершенным безжалостным победителем. Она питала к этому человеку жгучую ненависть – он лично штурмовал замок ее отца, а теперь стал хозяином его княжества. Это он схватил и изрубил в куски Мандзюмару по приказу Нобунаги!

Была у Тяти и еще одна причина проявлять интерес к Хидэёси: молва шептала, что он влюблен в ее мать, О-Ити. И словно бы в подтверждение этим слухам, осенью 5-го года Тэнсё³³ в замок Киёсу прибыл посланник от грозного полководца. Тятя тогда было одиннадцать лет.

«Прознав о том, что Тикубудзима издавна служит местом упокоения ваших предков, я озаботился защитить сей священный уголок провинции Оми от недостойных посягательств, и ныне на землях, окружающих храм, царят мир и покой. Также по моему приказу восстановлено все, что было разрушено. Приглашаю вас, госпожа О-Ити, совершить паломничество по дорогим вашему сердцу местам в сопровождении дочерей», – говорилось в послании Хидэёси Хасибы.

Чело О-Ити, выслушавшей эти слова, омрачилось, тем не менее ответила она гонцу как ни в чем не бывало:

– Я благодарна князю Хидэёси за столь любезное приглашение, однако же здоровье мое оставляет желать лучшего, посему никак не могу его принять.

Гонец удалился с отказом. А Фудзикакэ Микава-но-ками, оставшийся на службе у княжон и их матери после падения замка Одани, покачал головой:

²⁹ 1579 г.

³⁰ Дзё – японская мера длины, равная 3,03 м.

³¹ Дзони – суп с кусочками рисовой лепешки и овощами, традиционное новогоднее угощение.

³² Ри – японская мера длины, 3927 м.

³³ 1577 г.

– Негодяй не знает меры! Вор бессовестный! Теперь ему не терпится добавить к награбленному и ваше сердце, госпожа О-Ити.

Княгиня не вполне уразумела смысл сказанного, но дамы из ближайшего окружения вскоре сообщили ей нечто совершенно неожиданное: ходят слухи, что господин Хидэёси питает к ней нежные чувства.

Впрочем, Хидэёси, поселивший свою семью в крепости Нагаханама, мог сколько угодно вздыхать по О-Ити – она была сестрой его господина, Нобунаги Оды, и такое положение вещей не оставляло ему ни малейшей надежды. Возможно, именно поэтому платоническая любовь полководца и стала темой столь оживленных пересудов в округе. А Тятя начала находить в своем заклятом враге и смешные стороны, ведь грозный воин, принудивший к самоубийству ее отца и деда, захвативший их родовые владения, оказался вовсе не демоном, а простым смертным, не лишенным вполне человеческих слабостей.

В дальнейшем Хидэёси Хасиба еще не раз повторял попытки заманить О-Ити с дочерьми на Тикубудзиму, Бамбуковый остров. Этот самурай, совершивший головокружительное восхождение по служебной лестнице, один из лучших военачальников Оды Нобунаги, одержавший несметное число побед, был человеком небольшого роста, ни стати, ни величия в его внешности не наблюдалось... Но чем больше Тятя узнавала о нем, тем больше ее захватывала личность ненавистного врага.

В отличие от матери, она охотно наведалась бы на Тикубудзиму. Маленький островок на озере Бива, приютивший храм босацу Каннон и Бэндзайтэн,³⁴ которых почитали ее предки, дразнил воображение девочки. Она вот уже четыре года не покидала замок Киёсу и умирала от желания снова увидеть провинцию Оми, полюбоваться знакомыми с детства пейзажами.

Тятин мечта исполнилась весной 6-го года Тэнсё³⁵ самым неожиданным образом – благодаря непредвиденному визиту Такацугу Кёгоку. Юный наследник славного рода, стараниями своей тетушки поступивший на службу к Нобунаге Оде, покинул Гифу, чтобы последовать за своим господином в новую цитадель – Адзути. В Киёсу он явился по приказу Нобунаги – привез приглашение О-Ити и княжнам посетить замок, строительство которого уже подходило к концу.

Теперь Такацугу был шестнадцатилетним воином дивной красоты. Он сильно изменился за четыре года. Фамильные черты Кёгоку, унаследованные от благородных предков вкупе с природной грацией и бледностью худого лица, несли на себе отпечаток некоторой холодности. При виде кузена у Тяти на мгновение перехватило дыхание от изумления – до того он был не похож на самураев, которых ей доводилось встречать.

О-Ити и на сей раз сослалась на недомогание, чтобы отклонить приглашение брата.

– Тогда, быть может, княжны согласятся? – промолвил Такацугу.

– О, матушка, мне так хочется поехать! – не сдержалась Тятя.

– Правда? В таком случае возьми с собой Охацу. Окажите его превосходительству Нобунаге почтение вместо меня.

Через два дня Тятя и Охацу в сопровождении трех благородных дам и верного Фудзикакэ Микава-но-ками отправились в путь под охраной своего двоюродного брата и дюжины самураев. Пять паланкинов неспешно продвигались к западу, подгоняемые теплым весенним ветерком, носильщики время от времени устраивали передышки; на деревьях вдоль дороги лопались почки. Такацугу гарцевал вокруг паланкинов, и Тятя то и дело украдкой приподни-

³⁴ Босацу (бодхисаттва) Каннон – японский, женский, вариант бодхисаттвы Авалокитешвары, которому посвящена 25-я глава «Лотосовой сутры». Среди будд, бодхисаттв и синтоистских божеств японского пантеона Каннон занимает одно из самых почетных мест, ей поклоняются как богине милосердия. Бэндзайтэн – японское имя индийской богини Сарасвати, покровительницы воды, музыки и поэзии; в Японии она вошла в число семи богов счастья.

³⁵ 1578 г.

мала полог, чтобы полюбоваться стройной фигурой всадника, который то пускал коня вскачь, опережая процессию, то возвращался обратно.

В Оми им навстречу стали попадаться верховые отряды воинов. Путешественницы вскоре узнали, что Нобунага выступил в поход на Исияма Хонгандзи.

Великолепие цитадели Адзути поразило Тятю и Охацу, привыкших к сумрачной сдержанности и строгости Киёсу. Город, раскинувшийся на равнине и в предгорье, у подножия замка, процветал. В нем царило обычное оживление – обитатели будто бы и не заметили, что их господин отбыл на войну. Мужчины и женщины, разодетые по столичной моде, прогуливались по улицам и проспектам, вдоль которых выстроились тысячи новеньких домов. Замок лихо оседлал гору Адзути, крепостные стены опоясали ее с вершины до середины склонов, семь ярусов главной башни один над другим возносились к чистому, прозрачному небу, которое отражалось в озере Бива. Позолоченная черепица ослепительно сверкала в лучах весеннего заходящего солнца; на шпиле, венчавшем последний, седьмой ярус, полыхал золотым огнем сказочный дельфин. Молва о том, что замок Адзути не знает себе равных, не солгала, но он оказался еще огромней и величественней, чем можно было вообразить.

В пределы крепостных стен Тятя и Охацу допущены не были – им отвели покои в храме возле лotosового пруда на западном склоне горы. Княжны проделали долгий путь нарочно для того, чтобы осмотреть замок, но в отсутствие Нобунаги его приближенные предпочли держать их подальше от святой святых. Разумеется, девочки были родными племянницами хозяина, но кое-кто видел в них дочерей и наследниц его врага.

Два дня сестры провели у подножия замка, а на третий, в сопровождении той же свиты, решили навеститься в храм на Тикубудзиме, Бамбуковом острове. Путь туда лежал через Нагахаму, и мысль о том, что придется пересечь земли Хидэёси, была отвратительна Тяте. Однако, прослышав, что князь Оми тоже пошел воевать Хонгандзи, девочка немного успокоилась. В конце концов, некогда этими угольями владел ее отец, и каждое деревце, каждая былинка будут пробуждать в ее душе сладостные воспоминания...

К вечеру второго дня путешествия процессия прибыла в деревеньку, что стояла в двух рю от замка Нагахамы. Дальше нужно было плыть на лодке. Тятя и Охацу, опасавшиеся морской болезни, тотчас опустили на ложе, приготовленное на дне посуды, и проспали до рассвета, а пробудившись, увидели прибрежные рифы Бамбукового острова. Швартовы крепко держали лодку, и вскоре обе княжны уже поднимались, время от времени останавливаясь передохнуть, по каменной лестнице к храму на вершине скалистого острова. Там они заночевали, а на следующий день снова был поднят парус, и лодка заскользила к деревушке, из которой они отплыли две ночи назад. Погода стояла ясная, и на этот раз около полудня княжнам удалось рассмотреть вдаль, на другом берегу озера Бива, замок Нагахамы.

Пока Тятя пристально вглядывалась в ту сторону, Фудзикакэ задумчиво проговорил:

– Все как прежде. Гора Ибуки, облака над вершиной...

– И только этот замок портит вид, – буркнула Тятя.

Фудзикакэ поспешно сделал ей знак замолчать и пожурил:

– Что за неразумные речи, барышня!

Сидевший рядом Такацугу притворился, будто ничего не слышал.

О чем он думал в тот момент? – гадала Тятя. Ведь кузен наверняка должен ненавидеть род Асаи точно так же, как она ненавидит Хидэёси, и в прежние времена он с такой же неприязнью должен был смотреть на замок Одани, с какой сейчас она, Тятя, смотрит на Нагахаму. Вдруг девочка почувствовала на себе взгляд, украдкой брошенный Такацугу, и у нее невольно вырвалось:

– Когда-то эти земли принадлежали Асаи, а еще раньше – Кёгоку, да?

Она хотела польстить двоюродному брату, но, едва эти слова слетели с губ, разозлилась на себя за то, что стремится завоевать расположение наследника могущественного рода, пусть и пришедшего ныне в упадок.

Однако Такацугу, который сидел, в соответствии с правилами приличия прижав ладони к коленям, равнодушно произнес:

– Эти земли не принадлежат никому. Кланам Асаи и Кёгоку они были дарованы лишь во временное владение.

Точно так же ими сейчас владеет господин Хасиба.

Тятя взглядела в бесстрастное лицо кузена и любопытствовала:

– Кем же они были дарованы?

– Господом, – просто ответил Такацугу.

Для Тяти было новостью узнать, что в этой стране чем-то распоряжается какой-то «господь». Она не поняла смысла ответа.

– Значит, вы не питаете ненависти к тем, кто уничтожил ваш клан? – осторожно спросила девочка.

– Княжна! – охнул Фудзикакэ и быстро огляделся – нет ли поблизости чужих ушей.

– Меня учили не питать ненависти к людям, – сказал Такацугу тоном хорошо образованного и воспитанного молодого человека.

– Кто же вас учил? – не унималась Тятя.

– Господь наш Иисус.

Имя этого иноземного бога Тятя уже слышала, но не знала, что он учит таким вещам. Внезапно все ее естество взбунтовалось против кузена, она начала пронзительно смеяться и смеялась до тех пор, пока Охацу не воскликнула:

– Сестрица, вы ведете себя странно!

Тятя с трудом напустила на себя серьезный вид, но одного взгляда на невозмутимый профиль Такацугу ей было достаточно, чтобы снова прыснуть от смеха.

По возвращении в Киёсу Охацу рассказала старшей сестре, что их двоюродный брат перенял христианскую веру у португальских миссионеров.

– А я вот ни за что не стану католичкой, – добавила она с глубочайшим презрением.

– Братец обратился в эту веру, потому что его клан уничтожили. Иначе ему пришлось бы ненавидеть слишком много людей, – встала на защиту кузена Тятя. – Когда начинаешь кого-нибудь ненавидеть, дело заканчивается тем, что уже весь мир вызывает у тебя ненависть!

В седьмом месяце следующего года Тятя и Охацу снова отправились в замок Адзути, строительство которого было наконец завершено. Верная себе О-Ити в очередной раз отклонила приглашение Нобунаги и выслала вместо себя дочерей.

Знатные самураи съезжались со всех концов страны полюбоваться новой цитаделью.

Удзисато Гамоо, воеводе двадцати трех лет на службе у Нобунаги Оды, было поручено провести племянниц хозяина по крепости. Княжны посетили центральный дворец, резиденцию дяди, и бесчисленные пристройки, но главной достопримечательностью была семярусная укрепленная башня-тэнсю. На втором ярусе располагались зал приемов, покои, в которых Нобунага уединялся для решения задач государственной важности, и множество гостиных. Стенные панели и створчатые ширмы там были украшены чудесными росписями на позолоченном фоне, рамы фусума³⁶ покрыты черным лаком, а потолки и опорные столбы – узорами, в которых сочетались зеленый, желтый, красный, черный и белый цвета. Живописное убранство покоев третьего яруса состояло из искусных изображений цветов, птиц, отшельников и лошадей. Четвертый ярус был отведен драконам и фениксам. На пятом никаких произведений искусства не имелось. На галерее шестого столбы блистали алым лаком, а во внутренних поме-

³⁶ Фусума – раздвижные перегородки между залами.

щениях опоры, снизу доверху золоченые, несли на себе лики десяти последователей Будды и картины, запечатлевшие этапы пути Учителя к просветлению. Седьмой же, последний, ярус был вызолочен вдоль и поперек, а на опорных столбах, потолке и стальных панелях с величайшим тщанием выписаны драконы, древние правители и правительницы, а также десять учеников Конфуция. Замок, ко всему прочему, имел цельностальные ворота, получившие название Врата Черного Золота, а участки стен около них были двойной каменной кладки.

На подступах к замку с утра до ночи царило оживление. Каждый день мерялись силой борцы сумо, а по вечерам устраивались огненные потехи.

После осмотра крепости Тятя удостоилась аудиенции в церемониальных покоях дворца. Гордился ли Нобунага красотой племянницы и по этой ли причине хотел представить ее своим приближенным – кто знает. Так или иначе, аудиенция проходила в присутствии изрядного числа высокопоставленных воинов. Все приветствовали Тятю с почтением, на которое вправе рассчитывать племянница верховного правителя, и только Удзисато Гамоо, тот самый, кому было поручено показать княжнам замок, держался совсем по-другому. Этот молодой круглолицый самурай, высокий ростом, статный и дородный, взглянул на девушку как на давнюю знакомую и непринужденно осведомился, не слишком ли утомила ее прогулка по крепости. В его поведении не чувствовалось ни высокомерия, ни дерзости, и в то же время в нем недоставало той придворной учтивости, какую неизменно проявляли по отношению к княжне Асаи все прочие воины. Тяте с детства было знакомо имя Гамоо – его носил влиятельный клан из провинции Оми. И теперь представитель этого клана стал единственным человеком, перед кем Тятя невольно опускала глаза. Она и сама не знала, почему робеет в присутствии Удзисато – возможно, оттого, что он принадлежал к прославленному роду, который прошел через все междоусобицы Эпохи воюющих провинций и ни разу не пустил захватчиков на свои земли. Когда Удзисато удалился, мастер чайной церемонии, сидевший рядом с Тятей, шепнул ей, что среди молодых воинов из окружения Нобунаги этот подает самые большие надежды.

– Господин Гамоо блестяще управляет городом и замком Хино. Говорят, что людям в его владениях сейчас живется куда лучше, чем раньше. Человек с такими способностями далеко пойдет – ему обеспечены самые высокие посты.

Через три дня после Тяятиного прибытия настало время праздника Бон.³⁷ Нобунага, любивший жить на широкую ногу, велел украсить по этому случаю замок, город и гору Адзути фонариками, сделанными по образу поминальных даров, которые были поднесены некогда духу его предка Удзи Оды и хранились в просторных покоях семейного храма. Зрелище вышло дивной красоты, и насладиться им смогла не только знать, но и все горожане, включая купцов и ремесленников.

Когда стало смеркаться, жители города выстроились в ряды на улицах у подножия замка и с наступлением часа Пса³⁸ дружно зажгли факелы, которые все как один держали в руках. Факелы были начинены порохом, затрещали фейерверки, и вскоре тем, кто глядел на город с вершины горы, из замка, стало казаться, будто улицы обратились в пламенеющие реки. На каждом перекрестке петарды вторили сполохам потешных огней в небесной выси, молодые самураи в парадном облачении гарцевали в искрящемся вихре.

Тятя любовалась празднеством, стоя у ворот особняка одного знатного воина на вершине невеликого холма, нависающего над городом, – туда препроводил ее Удзисато. Мимо них проносились галопом отряды высокородных всадников, спешивших присоединиться к народному гулянию. Силуэты юных воинов то выныривали из моря огня, то уходили в него с головой – Тятя глаз не могла отвести от столь дивной картины. Один из отрядов возглавлял Такацугу

³⁷ Бон (Урабон, от санскр. улламбана) – день поминовения усопших, буддийский праздник, который отмечается по лунному календарю с 13-го по 15-й день седьмого месяца.

³⁸ Час Пса – время с 20.00 до 22.00.

Кёгоку. Она не узнала его – это Удзисато указал ей на присутствие кузена. Даже когда отряд повернул назад и снова промчался мимо во весь опор, Тяте не удалось разглядеть Такацугу во мраке ночи.

К часу Свиньи³⁹ праздник огня в городе закончился, и толпа хлынула к подножию горы. Конная стража дозволила пустить в опоясывающий Адзути ров, заполненный озерной водой, лодки с фонариками. Тысячи людей пришли посмотреть на алые капли пламени, рассеянные по водной глади. А высоко над головами в небе парили семь ярусов главной башни, и внешние галереи каждого из них были увешаны фонариками, в которых волновались на ветру огненные язычки. Радостный гомон и восторженные восклицания не смолкали на подступах к замку до рассвета.

Той ночью Тятя и Охацу удостоились чести побывать на пиру, устроенном в зале приемов на втором ярусе тэнсю. Поскольку это была не официальная церемония, гости, не стесненные законами этикета, расселись на внешней галерее, кто где хотел, и услаждали взор разворачивавшимся у основания горы действием.

Тятя чувствовала себя неловко в присутствии Такацугу – тот сидел в одиночестве в нескольких кэнах⁴⁰ от нее. Девочка не знала, дозволяется ли правилами приличия первой обратиться к нему, и потому помалкивала, смущаясь и робея своего блестящего окружения. Удзисато, расположившийся подле нее, сказал – ласково и совсем по-дружески:

– Когда вернетесь в Киёсу, не забудьте описать этот чудесный вечер своей матушке.

Судя по всему, он и правда находил удовольствие в том, что происходило вокруг. Свет фонариков, развешанных под стропилами, падал на его лицо, несущее отпечаток беспечного спокойствия. В тот момент, глядя на Удзисато, трудно было поверить, что этот молодой воевода уже успел отличиться не в одном сражении. Лицо же Такацугу, маячившее чуть вдалеке, было, напротив, отмечено странной суровостью, как показалось Тяте. Ощущение жестокой силы, исходившее от него, совсем не вязалось со сдержанной христианской верой.

На следующий день Тятя снова наведлась в замок, но и в этот раз у нее не было возможности обменяться с двоюродным братом хоть одним словечком.

³⁹ Час Свиньи – время с 22.00 до полуночи.

⁴⁰ Кэн – японская мера длины, 1,81 м.

II

Еще три года, проведенные Тятей в замке Киёсу в компании матушки и сестер, прошли тихо и мирно, не ознаменовались событиями.

Первый день 10-го года Тэнсё⁴¹ принес с собой бурю, гулявшую с самого рассвета по землям Овари и Микавы. О-Ити и три ее дочери отпраздновали Новый год традиционным дзони, опасливо прислушиваясь к реву ветра, сотрясавшего крепостные стены. О-Ити было тридцать шесть лет, Тяте шестнадцать, Охацу четырнадцать, а Когоо двенадцать.

О-Ити пребывала во власти смутного беспокойства. Одна дама из ее свиты сообщила, что видела целый табун боевых коней, согнанных к главным воротам замка. «Не иначе, новая война затевается», – покачала головой О-Ити, и все зашумели, наперебой выдвигая предположения и теряясь в догадках. С кем на этот раз предстоит биться? С кланом Такэда из провинции Каи? Или же Нобунага Ода поведет союзные войска в Хариму?

На ущербе первой луны даже четыре узницы женской половины, живущие замкнуто в своих покоях, стали замечать, что брожение в военной среде усилилось. Прошел месяц, и они узнали, что Нобутада, сын и наследник Нобунаги, был назначен главнокомандующим отцовским войском и выступил в поход на княжество Синано в провинции Каи.

С середины второй луны воинские барабаны уже не смолкали в Киёсу, без устали возвещая об отбытии все новых и новых подразделений. Сборы каждый раз занимали не менее пяти дней, и на это время в замке воцарялись превеликое волнение и суматоха, но стоило воинам ступить за ворота, как вновь восстанавливалось спокойствие, будто угасал огонь в очаге.

Вскоре до замка долетели слухи о том, что клан Такэда разбит на голову, а Кацуёри Такэда и его сын казнены. Следом подоспела весть о победе Хидэёси Хасибы – он взял крепость Камуруяма в провинции Кибидзэ.

Новости о триумфальном шествии армии Нобунаги Оды по мятежным землям множились, а О-Ити все мрачнела, особенно это было заметно на фоне всеобщего ликования. Вспоминала ли она былые сражения, печалилась ли о падении замка Одани – кто знает, а Тятя с Охацу и внимания-то не обратили, в каком настроении пребывает мать. Они по-прежнему радовались жизни и столь беззаботно резвились, что однажды О-Ити не выдержала:

– Тятя, что за крики? А ты, Охацу, почему позволяешь себе так неприлично хихикать?

Смех у Тяти и правда был звонкий, оглушительный. Даже если она пыталась сдержаться, веселье все равно прорывалось наружу, извергалось шумным водопадом, а Охацу вторила ей, заливаясь серебряным колокольчиком. Самой тихой из трех сестер была, несомненно, Когоо, которая не смеялась никогда. Эта угрюмая, молчаливая девочка, с извечным удивлением взиравшая на забавы сестриц, единственная среди детей Асаи унаследовала заурядные черты отца, отмеченные хмурым недовольством. Ослепительная красота Тяти и Охацу конечно же затмевала неброскую внешность Когоо.

Однажды летним днем, на рассвете, О-Ити в ночном платье, словно обезумевшая, ворвалась в спальню дочерей и разбудила всех троих. Присев подле их футонов, она шепотом проговорила:

– Не удивляйтесь тому, что я сейчас скажу. Наш господин мертв!

Смысл этих слов дошел до Тяти не сразу.

– Он попал в засаду, устроенную Мицухидэ Акэти, и был принужден совершить самоубийство вчера вечером в Киото.

Теперь Тятя уже не сомневалась: ее дяди, Нобунаги Оды, больше нет. И все же она не понимала, почему мать так потрясена смертью старшего брата, который в общем-то никогда

⁴¹ 1582 г.

не вызывал у нее теплых чувств. Разумеется, Тятя и сама ощутила некоторое беспокойство – ведь неизвестно, что будет с ними со всеми теперь, когда их покровителя не стало, – однако девочка ни на миг не забывала о том, что этот человек был заклятым врагом Асаи, ведь он убил ее отца, уничтожил ее клан!

– Значит, господин Нобунага мертв? – Тятя не решилась добавить, что это воистину кара небесная, но демонстрировать скорбь она тоже не собиралась и не испытывала ни малейшего душевного трепета. Просто настал момент, которого она долго ждала. Ей подумалось, что Нобунагу, убийцу Асаи, только что постигла та самая участь, своего рода месть судьбы, не пощадившая в свое время и ее родного отца, который разорил клан Кёгоку.

Охацу и Когоо, во все глаза глядевшие на мать, тоже, судя по всему, были потрясены неожиданной вестью.

– Бедный господин! – воскликнула О-Ити и, бросившись на фuton, разрыдалась.

Тятя пребывала в недоумении: десять лет назад матушка столь же горько оплакивала смерть своего мужа, как может она теперь так убиваться по его палачу? Неужели причиной всему родственные чувства?

– Придет день, и Мицухидэ Акэти, убийцу господина Нобунаги, тоже настигнет предательский удар. История опять повторится.

– Тятя! Какая стойкость перед лицом судьбы! – О-Ити подняла на дочь заплаканные глаза. В них читался страх.

– Но ведь именно так и бывает, матушка! Господин Нобунага – убийца моего отца!

– Смерть от меча – удел всех воинов, ничего тут не поделаешь. Я всегда буду помнить о том, кто повинен в гибели твоего отца, но и ты не забывай, что лишь благодаря милости господина Нобунаги мне и вам сохранена жизнь и что до сего дня мы пребывали в безопасности на его земле.

Прошедшие годы, судя по всему, смягчили сердце О-Ити, но и Тятя изменилась. Не сдержавшись, она выпалила матери в лицо:

– Так вы, стало быть, из чувства благодарности хлопотали перед своим старшим братом за Такацугу Кёгоку? Или устроили моего кузена на службу из чувства вины?

Девушка и сама не понимала, что заставило ее произнести эти слова. С одной стороны, она сторала от ненависти к родному дяде, с другой – от лица двоюродного брата бросала обвинение собственному клану Асаи, причинившему столько зла Кёгоку.

На заре в замке Киёсу поднялась суматоха – долетели слухи, что не сегодня завтра войско Акэти пойдет на приступ. Тятя в тот день два раза поднималась на сторожевую башню, вглядывалась в даль – там, на тракте, мчались к неведомой цели всадники, шли куда-то пешие отряды, в каждом – от силы по два десятка ратников. Серое низкое небо над равниной набухало дождем.

Не заставила себя ждать еще одна новость: о смуте вокруг замка Адзути. Молва шумела на все лады, но поручиться за достоверность сведений никто не мог. Говорили, будто войско Мицухидэ Акэти захватило цитадель Нобунаги, жестокие сражения идут в Сэтабаси, столица Киото полыхает огнем и тонет в крови...

Но больше всего Тятю поразил слух о том, что Такацугу присоединился к мятежникам, возглавляемым Мицухидэ Акэти, собрал всех старых вассалов клана Кёгоку и осадил замок Нагахана, резиденцию Хидэёси. И это была единственная новость, в достоверности которой не приходилось сомневаться, поскольку принес ее Фудзикакэ Микава-но-ками. Значит, Такацугу с Нагаскэ Абэ и другими верными соратниками действительно взял штурмом Нагахану, где не было никого, кроме жены и детей Хидэёси да малочисленного гарнизона...

Выслушав Фудзикакэ, Тятя заметно побледнела – это она-то, и глазом не моргнувшая, когда ее известили о смерти дяди! «Такацугу сам себя погубил, – с ужасом подумала девушка, – он сделал роковую ошибку, которая лишит его будущего». В ту пору смуты и сумятицы никто

еще не знал, сумеет ли Хидэёси взять власть в свои руки или же его оттеснят в сторону наследники Нобунаги, но Тятя уже тогда могла поклясться, что Такацугу ступил на неверный путь.

В основе ее уверенности лежало внезапное открытие: оказывается, Такацугу совсем не таков, каким она себе его представляла. Это был уже не тот Такацугу, который принял христианскую веру и, сидя в лодке, возвращавшейся с Тикубудзимы, говорил о том, что нельзя питать ненависти к людям. Нет, теперь перед Тятей предстал коварный хищник, воспользовавшийся беспорядками, которые последовали за смертью Нобунаги, чтобы отвоевать потерянные семейные владения.

Вера Такацугу изначально служила одной-единственной цели: спасти его от мыслей о мести. Это было очевидно. Он обратился к иноземной религии для того, чтобы выжить и при этом не нанести урона собственной гордости – гордости потомка благородных Кёгоку. А в суматохе, вызванной гибелью верховного властелина, горячая кровь воина вскипела, и уже ничто не могло ее остудить – Такацугу соблазнился блестящей возможностью возродить свой клан, вернуть ему былое могущество. Будь Тятя мужчиной, ее обуял бы тот же порыв. Понимая все это, она тем не менее считала, что двоюродный брат поторопился. Горячность молодого воина бросала тень на его поступки, такое поведение, говорила себе Тятя, не подобает наследнику славного дома Кёгоку.

Размышляя об этом, девушка гуляла по саду на задворках замка в полном одиночестве – туда редко кто забредал. Ей вспомнилась мужественная красота всадников, гарцевавших у подножия Адзути на празднике огня, и непроницаемое лицо Такацугу на пиру той же ночью. Пытаясь разобраться в себе самой, Тятя одно за другим восстанавливала в памяти все разнообразие чувств, которые вызывал у нее двоюродный брат. Припомнила негодование, охватившее ее, когда он говорил о своей вере на лодке, плывущей от Тикубудзимы, Бамбукового острова... Да, сомневаться не приходилось: она не желала видеть его таким – смирившимся и всепрощающим, и приступ истерического презрительного смеха случился с ней потому, что в тот момент ей показалось, будто брат предал ее надежды и ожидания. Нынешний Такацугу – гордый, жестокий, исполненный решимости – нравился Тяте куда больше. И все же она находила его поступок преждевременным.

В тот день Тятя наконец-то осознала, что с детских лет в ее сердце жила одна мечта: вступить в союз с Такацугу и вместе отвоевать свои наследные земли Оми. На этих землях, издревле принадлежавших Кёгоку и Асаи, они построят замок и будут жить в нем долго и счастливо. И в том нет ничего невозможного, все, что нужно, – дождаться благоприятного момента... Сегодня ее мечта обратилась в прах.

Спустя какое-то время ушей Тяти достигли слухи о другом небезызвестном ей самурае – Удзисато Гамоо, молодом воеводе, который служил проводником двум юным княжнам, впервые посетившим замок Адзути несколько лет назад. На период своего отсутствия Нобунага поручил охрану цитадели отцу этого самурая, Катахидэ Гамоо, и тот, едва лишь распространились вести о заговоре, стоившем жизни его господину, незамедлительно укрылся в собственном замке в Хино, взяв с собой супругу и детей Нобунаги. При этом отец и сын Гамоо отказались заключить военный союз с Хидэёси. Чуть позже Тятя услышала, что войско Акэти уже держит путь к Хино, чтобы уничтожить клан Гамоо. Так-то вот: реакция Удзисато и его отца оказалась прямо противоположной тому, как повел себя Такацугу. Гамоо, похоже, выбрали для себя правое дело. И снова Тятя, как нередко в былые времена, сравнила в уме двух молодых воинов, ныне оказавшихся по разные стороны поля брани.

«Поведение господина Катахидэ и сына его Удзисато заслуживает всяческих похвал. Что и говорить – истинные воины, достойные того, чтобы доверить им охрану замку!» – заявил однажды Фудзикакэ, неустанно превозносивший добродетели представителей клана Гамоо. И Тятя была с ним совершенно согласна. Но с тех пор вести о хозяевах Хино перестали поступать. Не приходилось сомневаться, что Удзисато попал в положение куда более опасное по

сравнению с Такацугу, и судьба его вызывала беспокойство. Едва ли маленькая крепость Хино устоит под натиском войска Акэти, если тому придет в голову бросить на нее все силы.

В течение десяти дней на замок Киёсу градом сыпались новости, сколь неясные, столь же и тревожные, о положении дел в Киото. О-Ити с дочерьми спешно предприняли приготовления к тому, чтобы в любой момент можно было покинуть замок. Но вскоре в Киёсу один за другим начали прибывать гонцы, во весь опор пронесившиеся через главные ворота, с утешительными сообщениями: сражение при Ямадзаки, оглушительная победа Хидэёси над Мицухидэ Акэти и, наконец, смерть главного врага.

В стенах Киёсу мало-помалу восстанавливалось спокойствие.

Через несколько дней после битвы при Ямадзаки Тятя услышала о том, что Хидэёси отвоевал свой замок Нагаханама, однако убит ли Такацугу в сражении или же сумел спастись бегством, было неизвестно. Еще какое-то время спустя Тятя узнала, что цитадель Адзути, захваченная кланом Акэти, сожжена дотла. Воображение тотчас нарисовало мрачную картину: величественная башня о семи ярусах и могучие крепостные стены обращаются в угли... Это видение, символ тщеты всех свершений Нобунаги, слилось в сознании девушки с призрачным праздником огня.

На женской половине замка Киёсу О-Ити и три ее дочери, забытые миром, отданные отныне во власть тревог и страхов, продолжали вести уединенное существование. Пока не сложил голову Мицухидэ Акэти, сообщения извне поступали к ним бесперебойно, теперь же они пребывали в полном неведении о новом правительстве, созданном Хидэёси.

В ночь на одиннадцатое число шестого месяца, то бишь через девять дней после событий в Хоннодзи, стойвших жизни Нобунаге, Вступивший на Путь⁴² Гэнъи Маэда, верный вассал Нобутады Оды, доставил из Гифу внука Нобунаги, маленького Самбосимару, в ту пору двух лет от роду. Здесь, в Киёсу, мальчик был в безопасности. Нобутада, старший сын и прямой наследник Нобунаги, тоже нашел смерть в ночь бунта Мицухидэ Акэти, и Самбосимару, несмотря на нежный возраст, суждено было принять титул главы клана Ода. Замок Киёсу и правда мог послужить ему более надежным убежищем, чем крепость Гифу, которая после уничтожения Адзути стала стратегическим центром клана Ода. О-Ити и ее дочерям, впрочем, так и не удалось повидать высокопоставленного малыша, они и узнали-то о его прибытии лишь благодаря дамам из своего окружения – официально известить их об этом никто не озаботился.

Пару дней спустя после того, как привезли юного Самбосимару, в замок Киёсу в сопровождении нескольких воинов торжественно вступил Кацуиэ Сибата, слывший одним из самых влиятельных и верных вассалов клана Ода. Когда распространились слухи о событиях в Хоннодзи, этот военачальник на службе у Нобунаги сражался в западных землях против Кагэкацу Уэсуги. Он не мешкая перепоручил командование своим приближенным и помчался обратно в Киото, но, получив в пути донесение о битве при Ямадзаки, спешно повернул к Киёсу. С появлением Кацуиэ Сибаты замок заходил ходуном. И Тятя, и ее матушка, которые, покидая свои покои, неизменно бросали взгляд на главное крыло замка, находившееся по ту сторону сада, видели, что его обитатели пребывают в постоянном движении, туда-сюда в великой спешке снуют незнакомые самураи и воеводы. Но никто из этих людей не показывался на женской половине. В ту смутную пору ни у кого не было времени беспокоиться о судьбе сестры покойного Нобунаги Оды и его племянниц. Даже Фудзикакэ Микава-но-ками, до того прилежно державший их в курсе событий за стенами Киёсу, положил конец своим визитам, сочтя затруднительным навещать в женские покои теперь, когда по замку толпами расхаживали вооруженные воины. О-Ити и три княжны, таким образом, оказались отрезанными от внешнего мира. О том, что творится за воротами, им оставалось только гадать.

⁴² Вступивший на Путь – человек, принявший буддийские обеты, но продолжающий исполнять светские обязанности.

В конце шестого месяца в Киёсу явился сам Хидэёси Хасиба. Одержав победу при Ямадзаки, он первым делом наведлся в Адзуги – оценить обстановку после сожжения цитадели, затем поскакал в Гифу, собрал заложников в семьях своих вассалов⁴³ и отвез их в Нагахаму, доверив охрану крепости Гифу Хидэмасе Хори. Принявши все эти меры особой важности, что давало ему возможность в дальнейшем держать ситуацию под контролем, Хидэёси отправился в Киёсу повидать Самбосимару. Со времен событий в Хоннодзи полководец совершил ряд деяний, заслуживающих восхищения, и притом из каждой передраги выкручивался своими силами, без посторонней помощи, раз за разом выходя победителем.

В том, что Хидэёси Хасиба, как верный вассал, решил нанести визит в Киёсу, дабы засвидетельствовать свое почтение новому главе дома Ода, не было ничего необычного, однако приготовления к его приезду прошли в замке с не подобающим случаем размахом. Не успев запыхавшийся гонец известить обитателей Киёсу о намерениях полководца, все, вплоть до последних челядинцев, изменились в лице и засуетились по углам, садовники бросились приводить в порядок внутренние сады, стражники вытянулись во фронт у всех въездных ворот – короче, рвения было проявлено ровно столько же, как если бы хозяину Киёсу предстояло принимать у себя самого покойного господина Нобунагу.

От одной дамы из своего окружения Тятя узнала, что в замке ждут Хидэёси Хасибу, но матери о том ни словом не обмолвилась.

Хидэёси прибыл в полдень, в час невыносимого зноя, а с наступлением сумерек без предупреждения вошел во внутренний садик покоев О-Ити, которая в то время находилась в гостиной. Ее дочери сидели на энгаве, наслаждаясь вечерней прохладой.

Тятя первой заметила незнакомого воина – тот наклонился, проходя в сад под ветками фруктовых деревьев. Она сразу поняла, что этот невысокий сухопарый мужчина, сопровождаемый несколькими вассалами, не кто иной, как Хидэёси Хасиба. Все еще слегка сутулясь, полководец приблизился к девушкам и обратился к ним со словами:

– А вы здорово подросли, княжны!

Особой учтивости в тоне не было, но и высокомерие отсутствовало. Тятя в тишине встала на энгаве и взгляделась в смуглое худое лицо воина, чей возраст уже перевалил за сорок пять. Лишь глаза на этом лице сохранили сияние юности.

– Где же ваша матушка? – снова прозвучал бас Хидэёси.

– Матушке нездоровится, она не покидает своих покоев, – ответила Тятя дрожащим голосом.

– Неужели? Весьма прискорбно. Если ей что-то понадобится, непременно сообщите мне об этом. И прошу, передайте госпоже О-Ити, что Хидэёси Хасиба, прибывший сегодня днем, хотел засвидетельствовать ей свое почтение. – Он наконец отвел глаза от Тяти и пробежался взглядом по саду. – Здесь, на западной стороне, вас, должно быть, изводит жара. Деревьям же это, судя по всему, не мешает – вон как разрослись.

Хидэёси был прав: в запущенном саду раскидистые ветки цеплялись друг за друга самым неопрятным образом.

– Завтра же велите их подстричь.

– Но сейчас время неподходящее для работ в саду, – возразила Тятя. – Надо дождаться четвертой луны.

Воин удивленно воззрился на девушку и, помолчав, произнес без тени улыбки:

– А вы, я вижу, неплохо осведомлены в этом деле, княжна.

Тятя действительно знала, когда следует и когда не следует срезать ветки, потому что любила болтать со старым садовником, но на комплимент Хидэёси Хасибы ничего не ответила.

⁴³ По древнему воинскому обычаю, глава клана держал у себя в замке семьи своих вассалов как залог преданности последних.

А он, еще раз попросив передать госпоже О-Ити наилучшие пожелания, удалился той же дорогой, что и пришел, отмахиваясь по пути от веток.

Тятя долго еще стояла и смотрела ему вслед, прежде чем заметила, что осталась на энгаве одна – сестры давно ускользнули в гостиную. Она чувствовала легкую усталость и с удовольствием присела бы отдохнуть, но что-то не позволяло ей расслабиться – как будто воин с молодым взглядом и стареющим лицом, похожим на маску, которая скрывает истинный мальчишеский облик, все еще стоял перед ней.

Тятя представляла себе Хидэёси Хасибу совсем не таким. Его первое замечание – «вы здорово подросли» – свидетельствовало о том, что он уже видел княжон Асаи раньше, но девушка не припоминала, чтобы они встречались. Во время ее первой поездки в Адзуту, вместе с Такацугу, Хидэёси штурмовал храм в Исияме, на земле Осаки, а во второй раз, когда на пиру у Нобунаги и на празднике Бон присутствовали многие именитые вассалы клана Ода, Хидэёси в их числе опять же быть не могло – он шел войной на Тюгоку. Значит, они точно не встречались.

В этом человеке не было ничего от того жестокого врага, который уничтожил ее клан и велел изрубить ее брата в куски. Не походил он и на взявшегося за меч простака крестьянина, каким рисовали его недоброжелатели из высшего сословия. Да и желания смеяться над ним, как в тот момент, когда она впервые услышала о его нежных чувствах к О-Ити, у Тяти больше не возникало. «Уродец», «обезьяна», «бесстрашный полководец», «несравненный тактик» – все эти эпитеты, бытовавшие в народе, тоже с ним не вязались. И Тятя, словно в забытьи, стояла на энгаве, перебирая в памяти свежие воспоминания о спокойной повадке Хидэёси и ощущении своего рода ласковой грусти, исходившей от него. Этот мужчина не был похож на воина – разве что колючий взгляд выдавал в нем человека, не раз ступавшего на поле брани. И если Тятя по-прежнему не испытывала к нему симпатии, то ненавидеть его уже не могла. Теперь ей предстояло переделать в своем сознании портрет Хидэёси Хасибы, который она нарисовала себе еще в раннем детстве.

Известие о визите Хидэёси повергло О-Ити в ужас. Охацу и Когоо расписали ей эту сцену в черных красках: перед ними, видите ли, явился злой дух. Когоо запомнила только его толстые пальцы, отвратительно выдающийся вперед кадык и огромные уши. Охацу заявила, что он по очереди рассматривал их, прожигая взглядом, с жестокой ухмылкой на губах.

– Наверное, он именно так смотрел на замок Одани, объятый пламенем, и на смерть бедного Мандзюмару, – добавила Охацу своим звонким голоском и содрогнулась всем телом.

Тятя помалкивала, удивленная тем, что у нее самой осталось совсем другое впечатление от Хидэёси. Ведь у него и впрямь толстые пальцы, слишком сильно выпирающий кадык и чересчур большие уши... И очень может быть, что на губах его играла жестокая ухмылка... Девушка попробовала представить себе Хидэёси таким, каким описали его сестры, но, странное дело, ничего отталкивающего в облике воина не нашла.

Она не одобряла поведения О-Ити. Мать определенно не разделяла мнения младших дочерей, но при этом и не сделала им ни единого осуждающего замечания – просто сидела и молча слушала. Образ Хидэёси сложился в сознании девочек под влиянием матери – это она хотела, чтобы дочери увидели в нем злого духа. Но так было раньше. А сейчас О-Ити предпочла воздержаться от комментариев по одной важной причине: она еще не знала, насколько высокое положение займет Хидэёси после смерти Нобунаги и в какой степени благополучие женщин из клана Асаи теперь будет зависеть от его милости.

Тятя признавала за матерью право ненавидеть Хидэёси, заклятого врага ее рода. Не вызывало у девушки нареканий и то, что О-Ити презирает наглеца, который, не смыв с себя крови мужчин Асаи, осмелился претендовать на ее руку и сердце. Не нравилось Тяте другое: мать повела себя как трусиха, испугалась новоприобретенного могущества Хидэёси. Раньше она, наверное, с тем же затаенным страхом смотрела на своего старшего брата Нобунагу.

– Но ведь господин Хасиба – единственный человек, навестивший нас в заточении. Никто из воинов и не подумал зайти поприветствовать нас! – воскликнула Тятя.

Встав на защиту военачальника, она тем самым выразила свой протест против всеобщего отрицательного настроения. Разумеется, Хидэёси привело к ним вульгарное желание увидеть О-Ити, девушка это прекрасно понимала, но ей очень уж хотелось сказать что-нибудь наперекор матери.

Тятя не отдавала себе отчета в истинных чувствах, побудивших ее взбунтоваться против родственников. Она просто-напросто находила поведение О-Ити и сестер неподобающим. Впрочем, Охацу и Когоо были слишком малы, чтобы обижаться на них. К тому же после всех превратностей судьбы, которые им довелось испытать, они и не могли отреагировать на появление Хидэёси Хасибы иначе.

Несколько дней спустя настала очередь Кадзумасу Такикавы, владевшего землями в Канто,⁴⁴ нанести визит в замок Киёсу. Весть о смерти Нобунаги застигла его в восточных провинциях, где он сражался с кланом Ходзё, а потому не смог в срок прибыть в столицу. Битву с Ходзё Такикава проиграл и в итоге до замка Киёсу добрался лишь в седьмом месяце. Одновременно с ним явились Нагаёси Мори из провинции Синано и Хидэёри Мори, хозяин замка Иида.

Благодаря прибытию этих полководцев из дальних краев стало наконец известно, что творится в остальных частях страны. Войска Токугавы и Ходзё, восставших против единовластия клана Ода, атаковали, одно с юга, другое с севера, провинции Каи и Синано. Остро стоял вопрос о военных действиях в этих землях, но полководцам и самураям, собравшимся в Киёсу, надлежало в первую очередь решить задачу более важную: кого назначить главнокомандующим союзными войсками сейчас, когда Нобунага мертв, а его наследнику Самбосимару и трех лет не исполнилось. Ратники стояли лагерем у крепостных стен Киёсу, а во внутренних покоях замка полководцы днями напролет держали совет.

Слухи о том, что происходит вокруг, стали просачиваться и на женскую половину. По обрывкам сведений можно было судить, что назревают раздоры в кругу старых союзников. Между полками Кацуиэ Сибаты и Хидэёси Хасибы уже завязывались стычки, в воинской среде наблюдалось брожение.

О-Ити и три княжны по-прежнему вели тихую, незаметную жизнь в своих покоях на отшибе. Мать запретила дочерям выходить в сад, и отныне сестры проводили дни в сумрачной гостиной, смотревшей на закат. Жара в тот год стояла неслыханная, и, даже сидя без движения, девочки мгновенно покрывались потом.

О-Ити, зная, что в двух шагах от нее держат совет все видные вассалы клана Ода, места себе не находила от беспокойства. Что за вопросы там решаются, она даже представить себе не могла, зато прекрасно понимала: к какому бы решению воины ни пришли, оно непременно отразится на ее собственной судьбе и судьбе ее девочек. О-Ити понятия не имела, что уготовано им в будущем: останутся ли они в замке Киёсу, перевезут ли их в другое место? И тревоги матери передались княжнам. Теперь уже имена Сибата, Хасиба, Нобукацу и Нобухико Ода не сходили у них с языка.

В замке поговаривали, что пропасть, разделившая Кацуиэ Сибату, одного их самых влиятельных вассалов клана Ода, и Хидэёси Хасибу, который, можно сказать, в одиночку уладил все неприятности, последовавшие за самоубийством Нобунаги, и разгромил мятежное войско, собранное главным предателем Мицухидэ Акэти, растет неуклонно. На совете они каждый день вступали в противостояние. Рознь между Нобукацу и Нобухико, двумя сыновьями Нобунаги от разных женщин, тоже получила шумную огласку. Нобухико при этом поддержи-

⁴⁴ Канто – восточный район острова Хонсю, включавший в себя по старому делению провинции Сагами, Мусаси, Ава, Кадзуса, Симоса, Хитати, Кодзукэ и Симоцукэ.

вал Кацуиэ, тогда как Нобукацу сблизился с Хидэёси, и теперь две партии оспаривали друг у друга право на верховное главнокомандование войсками клана Ода, а также стремились взять на себя опеку над малолетним Самбосимару, наследником Нобунаги. Весь совет раскололся на фракции: одни стояли за Нобукацу, другие – за Нобухико, третьи пока что не определились.

О-Ити отдавала предпочтение Нобухико и ненавидела Нобукацу. Обоим ее племянникам было по двадцать пять лет. Нобукацу родила официальная супруга Нобунаги, он был единокровным братом покойного Нобутады, старшего сына и прямого наследника клана Ода, совершившего сэппуку вслед за отцом в Хоннодзи. Нобукацу увидел свет в один год с Нобухико, но был старше сводного брата на несколько месяцев, и по рождению право опекунства над маленьким Самбосимару принадлежало именно ему – законному сыну Нобунаги. Мать же Нобухико была всего лишь наложницей, тем не менее О-Ити ратовала за то, чтобы споры разрешились в его пользу. Во внешности Нобукацу не было ничего примечательного – те же правильные, отмеченные высокомерной холодностью черты, что у Нобунаги и его сестры О-Ити, к которой племянник проявлял леденящее равнодушие. Нобухико, выношенный низкоуродной матерью, отличался буйным нравом – что и неудивительно, ведь ему с детства приходилось сражаться за свое место в этом изменчивом мире, – зато тетушку О-Ити и ее дочерей он неизменно дарил вниманием и лаской.

Тятя и ее сестренки, впрочем, редко виделись с сыновьями Нобунаги, своими двоюродными братьями, но их симпатии тоже были на стороне Нобухико. Они и помнить-то не помнили, чтобы Нобукацу хоть раз перемолвился с ними словечком, а вот Нобухико при каждой встрече тепло приветствовал своих кузин.

Кацуиэ Сибата, союзник Нобухико, в равной степени внушал всем четверем дамам доверие, поскольку считался самым верным вассалом клана Ода. Тятя даже не знала, как он выглядит, но с детства это имя вызывало у нее ассоциации с отважным старым воином, преисполненным достоинства. Так что из двух кандидатов на пост главнокомандующего войсками клана Ода О-Ити сразу выбрала Кацуиэ Сибату. Хидэёси она считала злодеем и виновником гибели Одани, а Кацуиэ, тоже участвовавший в штурме, в ее глазах почему-то не был отмечен клеймом убийцы. К тому же Кацуиэ поддерживал Нобухико, то есть имел еще одно важное преимущество.

Три княжны всецело разделяли мнение матери. Тятя, хоть и не питала к Хидэёси неприязни, в отличие от своих родственниц, все же предпочитала видеть бразды правления в руках Кацуиэ Сибаты и Нобухико.

В первый день седьмой луны в Киёсу должно было состояться последнее, решающее заседание верховного военного совета по вопросу о наследовании власти, на котором надлежало присутствовать всем без исключения вассалам клана Ода. Несколькими днями раньше в замок прибыли Нобухико, Нобукацу, Кацуири Икэда, Дзюнкэй Цуцуи, Удзисато Гамоо, Ёри-така Хатия, Фудзихико Хосокава и прочие важные особы.

О-Ити и ее дочери не имели ни малейшего понятия о том, как протекает совет. Они знали только, что в этот день в том самом крыле, где они живут, идет важное обсуждение, исход которого предугадать невозможно. Летнее солнце нещадно жарило своими ослепительными лучами чисто выметенный двор. На территории замка царила напряженная тишина, нарушаемая лишь назойливым стрекотом цикад, подобным эху дождя. Даже боевые кони притихли, не подавали голоса. Вокруг не было ни единой живой души – вероятно, стражи получили приказ наглухо закрыть ворота внутреннего кольца укреплений.

Поздно вечером О-Ити сообщили, что ее хочет видеть Нобухико. Чело княгини омрачилось, но она не успела обдумать, чего следует ждать от визита племянника, – тот, весело улыбаясь, уже ворвался в женские покои, наступая на пятки гонцу, известившему о его приходе. Молодой воин непринужденно опустился на дзабутон, указанный тетушкой, вежливо поприветствовал родственниц и попросил княжон оставить его наедине с госпожой О-Ити. Тятя тот-

час увела сестренку в сад, рассудив, что лучше уж подышать вечерней прохладой, чем томиться взаперти в унылых внутренних помещениях. Их, однако, очень скоро позвали обратно в гостиную. Нобухико уже ушел. Мать сидела там одна, на ее лице застыло мрачное выражение.

– Присаживайтесь, девочки мои, – спокойно произнесла она. – Итак... Только что Нобухико просил меня стать второй женой господина Сибаты, и завтра мне надлежит дать ему ответ. Но прежде я бы хотела посоветоваться с вами.

Тятя онемела от изумления. Брачное предложение было совершенно неожиданным. Ее матушка должна стать женой Кацуиэ Сибаты?! До сих пор мысль о том, что О-Ити может выйти замуж во второй раз, не приходила ей в голову. Что до любовных чаяний Хидэёси, задумываться об их воплощении в жизнь было просто смешно. Конечно, девушка не видела ничего удивительного в том, что ее мать, красивая тридцатилетняя вдова, привлекает взоры воинов. Но заключить союз после смерти Нагамасы с другим мужчиной... Эту возможность Тятя даже не рассматривала.

– Теперь, когда господин Нобунага мертв, спокойному существованию, которое мы вели в этом замке, тоже настал конец. И дело не только в нас – сегодня Нобухико, Нобукацу и главные военачальники собрались здесь на совет по поводу наследования.

– Стало быть, проект вашего замужества был предложен на совете? – спросила Тятя.

– Едва ли. Но нам тоже следует сделать выбор и примкнуть к одному из двух лагерей, потому-то Нобухико и приходил просить моей руки для господина Сибаты.

– А вы сами, матушка, что об этом думаете?

– Я? – О-Ити на мгновение закрыла глаза, погружившись в свои мысли. – Я скажу вам об этом завтра. И вы, дети мои, тоже хорошенько все обдумайте. Единственное, что я знаю наверняка, – это что мы в любом случае не сможем остаться в Киёсу, поскольку отныне замок станет резиденцией Нобукацу.

– Нам придется уехать потому, что он будет здесь жить?

– Нет. Никто нас отсюда не выгонит, но мы не сможем вечно пребывать на его попечении. Если вы против моего брака, мы останемся здесь, но тогда будьте готовы к тому, что в нашей жизни произойдут значительные перемены.

Охацу и Когоо не способны были вымолвить ни слова и только растерянно переводили взгляд со старшей сестры на мать и обратно.

Решение, принятое на военном совете в тот день, и брачное предложение, переданное через Нобухико О-Ити, стали компромиссом, примирившим до поры до времени Кацуиэ Сибату и Хидэёси Хасибу. Маленький Самбо-симару был признан главой клана Ода, и ему предстояло вскорости переехать в Гифу. Охрана этой крепости на период восстановления Адзуты вменялась в обязанность Гэнъи Маэде и Нагатаникаве Тамба-но-ками. Нобукацу и Нобухико оба стали опекунами малолетнего наследника. Кацуиэ, Хидэёси, Нагахидэ Ниве и Кацуири Икэде надлежало вернуться в свои владения – каждый из них пришлет своих официальных представителей в Киото и таким образом будет участвовать в управлении государством.

Это постановление было одобрено всеми членами совета и увековечено в письменном виде. Нобукацу сделался наместником провинции Синано, Нобухико досталась Овари, Хидэёси – Тамба; Кацуиэ был выделен доход в шестьдесят тысяч коку⁴⁵ с уезда Нагаханама в провинции Оми, Кацуири Икэде – сто двадцать тысяч коку с Осаки, Амагасаки и Хёго; Нагахидэ Ниве отошли два уезда – Такадзима и Сига в провинциях Вакаса и Оми; Кадзумасу Такикава получил прибавку в пятьдесят тысяч коку и северные угодья Исэ.

⁴⁵ Коку – мера риса; во времена Токугава один коку равнялся примерно 180 кг. Жалованье самураев и зажиточность даймё исчислялись в коку.

Тяте было невдомек, что значат все эти решения для полководцев и будущего страны, зато она понимала, что теперь Кацуиэ Сибата отправится на север, в свое княжество.⁴⁶ И если мать примет его брачное предложение, им снова придется скитаться, бежать на новое место, в далекие северные земли.

Девушка встала и в одиночестве вышла в сад, где совсем недавно вместе с сестрами ждала, когда закончится приватная беседа О-Ити и Нобухико. Еще вчера она горячо надеялась, что все военное могущество и вся власть клана Ода сосредоточатся в руках Кацуиэ Сибаты, теперь же никак не могла унять в душе тревогу при мысли о том, что надо доверить этому воину жизнь матери, сестер и свою собственную. Конечно, если мать откажется заключить с ним союз, их положение станет еще более шатким, а будущее – туманным, и все же Тяте мерещилась смутная опасность в том, чтобы связать свою судьбу с судьбой Кацуиэ Сибаты. Девушка и сама не сумела бы сказать, чего именно боится, просто на нее накатило дурное предчувствие – в точности как в тот миг, когда она узнала, что Такацугу воспользовался смутой, воспоследовавшей за самоубийством Нобунаги, и бросился отвоевывать свои владения.

Нет, определенно, связываться с Кацуиэ Сибатой – ошибка, неверный путь. У Тяти не было ни одной более или менее весомой причины так думать, ни единой крупницы сведений, на основании которых можно было бы усомниться в воинской доблести этого мужчины. Просто на подсознательном уровне будущее в компании Кацуиэ Сибаты казалось ей сумрачным и холодным. Точно так же несколькими днями раньше, стоя перед Хидээси Хасибой, она уловила исходившее от него ощущение надежности и света, а Кацуиэ был, как ей почудилось, окружен странным ореолом трагедии. Возможно, увидев внутренним зрением благоприятную ауру Хидээси, она невольно сгущает краски вокруг его противника? Как бы то ни было, ясно одно: что-то заставляет ее противиться союзу матери с Сибатой. Но ни матери, ни сестрам она не сможет внятно объяснить, что у нее на сердце...

В свое время Тятя невольно сравнила для себя поведение своего двоюродного брата Такацугу и Удзисато Гамоо после смерти Нобунаги Оды. И в первом и во втором случае предчувствия ее не обманули. Поступок Такацугу действительно оказался преждевременным и безрассудным, а Удзисато в выборе пути не ошибся.

Тятя остановилась под старым вязом в самой глубине сада, куда до сих пор не отваживалась забредать в одиночестве ночной порой. В дали пульсировали пятна света – это фонарики горели в гостиной, но силуэты матери и сестер она различить не могла, только слабые огоньки, отважно вступившие в поединок с мраком.

От матери Тятя узнала, что Удзисато Гамоо присутствовал на дневном совете. И сейчас ей в голову пришла мысль встретиться с ним, чтобы попросить о помощи. Молодой воин, заменивший на совещании вассалов дома Ода своего отца, казался ей в тот момент самым могущественным и заслуживающим доверия человеком. Ну конечно же! Кто еще распишет ей все за и против союза матери с господином Сибатой?

Она вернулась в гостиную. Сестры все еще сидели там – заметно взвинченные. Как ни гнала их О-Ити спать, они наотрез отказались ее покинуть, сославшись на то, что просто не в состоянии сомкнуть глаз.

Назавтра Тятя еще до полудня озаботилась отправить посланника к Удзисато. Если у господина Гамоо найдется свободное время, она бы очень хотела повидаться с ним; он может зайти на женскую половину, она, Тятя, сама готова нанести ему визит – остается только известить ее о том, где господину Гамоо будет удобнее встретиться.

Посланник вскоре вернулся с ответом: военный совет закончился еще накануне, у Удзисато нет никаких обязательств, и он сию же минуту заглянет к ней.

⁴⁶ Кацуиэ Сибата был князем Этидзэн (современная японская префектура Фукуи).

Тятя спешно велела прибраться в павильоне, которым они с матерью раньше не пользовались, и уселась там ждать Удзисато.

Молодой воин явился в походном платье и при оружии. Пришел один, без сопровождающих. Тятя встретила его у входа в павильон. Глядя на старого знакомого, она заметила, что в его манере держаться и разговаривать появилось больше солидности и достоинства. Теперь, в свои двадцать семь или двадцать восемь лет, Удзисато уже не был похож на молодого воина – он выглядел опытным полководцем.

– Рад вас видеть в добром здравии. Мне надлежало самому подумать о том, чтобы нанести вам визит, но цель моего пребывания в замке была столь важна, что я уж было собрался в обратный путь, дабы передать отцу постановление совета, когда неожиданно подоспело ваше приглашение, – сказал Удзисато, усевшись на выходящей в сад энгаве в официальной позе – спина прямая, ладони на коленях.

Извинившись за то, что позволила себе дерзость побеспокоить его, Тятя поведала о брачном предложении и спросила, что он об этом думает.

– Мне остается лишь поздравить вас со столь отрадным событием, – проговорил Удзисато.

Тятя ждала продолжения, но он молчал. Тогда девушка осмелилась уточнить:

– Так вы находите этот союз благоприятным?

– Это отрадное событие. Покойный властелин непременно возрадовался бы союзу своей сестры с воином столь отважным, как господин Сибата, который к тому же возьмет на себя заботу о вас и ваших сестрах.

Тяте в этом ответе почудилась некоторая натянутость. Как будто Удзисато о чем-то умалчивал.

– Ходят прискорбные слухи о разногласиях между господином Сибатой и другими вассалами моего покойного дяди, его превосходительства Нобунаги...

– Эти слухи совершенно беспочвенны. Как раз вчера мы поклялись объединить силы и плечом к плечу встать на защиту нашего юного господина Самбосимару.

– Но что нас ждет в будущем?

Если в будущем вспыхнут распри между вассалами, ничего более прискорбного для клана Ода, действительно, и придумать нельзя. Я, впрочем, убежден, что этого не случится.

– Господин Гамоо, вы одобряете союз моей матери с господином Сибатой? – Тятя сделала еще одну попытку выяснить истинное мнение воина.

– Для дома Ода это большое счастье.

Девушка и не думала сдаваться. Вперив взгляд в Удзисато, не шевелясь и не моргая, она принялась осыпать его вопросами, и с каждым словом лицо самурая становилось все суровее. Тятя не ожидала таких формальных, ничего не значащих ответов от человека его склада. Да и опытный полководец едва ли позволил бы себе быть столь оптимистичным. Послушать Удзисато, так дому Ода отныне ничто не угрожает! Но ведь никто на свете, и уж тем более он, не может верить в подобную чушь!

И снова сердце Тяти обожгло странное чувство враждебности по отношению к молодому полководцу, с таким просчитанным спокойствием и благоразумием отвечающему на ее вопросы. Быть может, это необходимость участвовать в военном совете заставила его превратиться в существо, лишенное простых человеческих эмоций; в таком случае подобное поведение – не что иное, как свидетельство незаурядного ума. Однако Тятя, поначалу растерявшаяся и заробевшая в присутствии этого мужчины, который даже не дрогнул под огнем ее вопросов, теперь уже не могла сдерживать раздражения. Отринув всякую надежду вызвать Удзисато на откровенность, она сменила тему беседы, заговорив о своем двоюродном брате:

– Я слышала о некоторых досадных обстоятельствах, в возникновении коих повинен господин Кёгоку...

Неужели почудилось или Удзисато действительно вздохнул с облегчением?

– Господин Кёгоку – человек смелый, – кивнул он.

– Будь у него хоть капля вашего благоразумия, он никогда бы не осмелился совершить поступок, оказавшийся большой ошибкой, – не без иронии заметила Тятя. – Любопытно, что с ним теперь? Если, конечно...

Она не успела высказать страшную догадку, которая вот уже много дней терзала ее воображение, – Удзисато так громко расхохотался, что девушка вздрогнула.

– Вы имеете в виду: если, конечно, он не совершил сэппуку?

– Да...

– Полно вам! Дражайший Такацугу не из таких. Он будет жить – ради того чтобы вернуть былое могущество клану Кёгоку, и скорее уж отдаст руку или ногу, нежели откажется от своей цели. Им руководит странного свойства смелость, почти одержимость, которая растворена в крови всех Кёгоку из провинции Оми.

Эти слова Удзисато озадачили девушку. Быть может, вот он, ключ к характеру Такацугу? А она-то думала, что, потерпев поражение, кузен направил свой меч против самого себя – что еще мог сделать отважный двадцатилетний воин, порывистый и преисполненный мрачной решимости, тот, кого она знала? Но, примерив к образу пылкого юноши стремление любой ценой возвеличить свой клан – то, о чем только что говорил Удзисато, – Тятя все поняла. Только одержимость идеей вернуть дому Кёгоку былую славу могла стать причиной его безрассудного решения, принятого сразу после событий в Хоннодзи, – присоединиться к мятежному Мицухидэ Акэти, чтобы пойти войной на замок Нагахана, принадлежащий Хидэёси, ближайшему соратнику Нобунаги!

Значит, есть надежда, что Такацугу жив... При мысли об этом в юном сердце всколыхнулось то странное чувство, которое, как Тяте казалось совсем недавно, исчезло навсегда.

– Вы полагаете, он жив? – спросила она, невольно затаив дыхание.

– Не сегодня завтра его возьмут под стражу. Он дерзнул напасть на замок Нагахана, и господин Хидэёси ему этого не простит. По всем провинциям разослан приказ перевернуть землю и небо в его поисках, гонцы отправлены в Оми и даже в самые дальние северные уезды, – ответил Удзисато ледяным тоном, пристально глядя Тяте в глаза. Девушка недоумевала, откуда в его взгляде столько жестокости.

– Но если господина Такацугу до сих пор не схватили, быть может, ему и теперь удастся уйти от преследователей?

– Только в том случае, если он найдет себе надежное убежище.

– А это невозможно?

– Отныне все центральные провинции пребывают под властью и неусыпным оком клана Ода. Если господин Кёгоку найдет верное укрытие, он, конечно, сумеет выжить – с его-то целеустремленностью и железной волей. Но в настоящий момент нет такого места, где он мог бы затаиться.

«Такое место есть! – мысленно возликовала Тятя. – Если моя матушка выйдет за Кацуиэ Сибату, Такацугу сможет спрятаться в его замке!»

Воинская доблесть и самурайские добродетели Удзисато давно покорили Тятю, но сейчас, размышляя о своем гонимом кузене, на которого была объявлена охота только потому, что он возмечтал вернуть собственному клану могущество, утраченное в эпоху междоусобных войн, девушка пришла к выводу, что Такацугу дороже ее сердцу.

– Прекрасно. Я посоветую матушке принять предложение господина Сибаты, – сказала она и, помедлив, добавила: – Это значит, что мы уедем в дальние земли и теперь уже не скоро свидимся с вами, господин Гамоо.

На чело воина набежала легкая тень. Ничего не изменилось – просто едва заметно дрогнули лицевые мышцы. Тятя невозмутимо смотрела на него.

– Еще раз низжайше прошу прощения за то, что вынудила вас прийти сюда.

Удзисато встал и церемонно распрощался, повторив, что сегодня же отбывает в Хино во главе своего отряда.

В тот вечер Хидэёси Хасиба покинул замок Киёсу и отправился в Нагахаму. Полководца сопровождали самураи Нагахидэ Нивы и Удзисато Гамоо, сплотившиеся вокруг него словно для того, чтобы защитить от внезапного нападения.

В ближайшие несколько дней все вассалы клана Ода, принимавшие участие в совете, вернулись в свои владения. Последним Киёсу покинул Кацуиэ Сибата. Накануне отъезда Тятя и ее сестры были представлены пятидесятитрехлетнему полководцу, которого отныне им предстояло называть «отцом».

– Зимы в северных краях суровые, а потому княжнам лучше отправиться в путь, не дожидаясь осени, – сказал он девушкам хрипловатым басом.

Тятя и ее сестрицы нашли, что жених матери выглядит старше своих лет. Высокий рост и безупречная выправка остались при нем, но усталость человека, растратившего жизнь в бесконечных битвах, не могла не сказаться на облике воина, некогда носившего прозвище Сибата-демон.

С первого взгляда Тятя прониклась к нему симпатией. Ей понравились немногословность этого мужчины и открытый взгляд, в котором, в отличие от взглядов других воинов, сквозила нежность, когда он смотрел на девушек. К тому же старик сохранил статью, гордую поступь и даже в приватной обстановке выглядел как полководец, держащий речь перед своими ратниками. Тятя пришла к выводу, что предчувствие беды, нахлынувшее, стоило ей услышать о союзе матери с Кацуиэ Сибатой, следует считать всего лишь игрой воображения.

Было решено, что свадебная церемония пройдет в крепости Гифу – резиденции Самбосимару и Нобухико, а после бракосочетания О-Ити с дочерьми в сопровождении Кацуиэ отправится в северные земли. Как только эта договоренность была достигнута, Кацуиэ поднял свое войско и пошел на клан Уэсуги.

Лето в тот год выдалось знойное, осень тоже обещала порадовать теплом. О свадьбе О-Ити было объявлено в половине восьмой луны, и в Киёсу со всех сторон стали прибывать поздравительные дары от знатных самураев.

Спустя месяц О-Ити с дочерьми выехала в Гифу. Ровно десять лет минуло с того дня, когда они поселились в Киёсу после падения замка Одани. За эти десять лет Тятя и Охацу два раза вырывались из крепостных стен, чтобы посетить Адзути; О-Ити и Когоо впервые покидали место своего изгнания.

Процессия из семи паланкинов, в которых несли О-Ити, княжон и дам из их свиты, двинулась в путь под охраной нескольких дюжин конных самураев в спешке, которая никак не соотносилась с брачным путешествием. Церемония состоялась в вечер их прибытия в Гифу, куда Кацуиэ приехал двумя днями раньше.

Тятя навоображала себе роскошный пир, но свадьбу сыграли на удивление скромно, в дальних покоях замка, словно это была некая тайная церемония. Кроме Нобухико, на ней присутствовали несколько незнакомых Тяте полководцев; их молчаливая сосредоточенность придавала торжеству атмосферу скорее военного совета, нежели бракосочетания. О-Ити в белом церемониальном кимоно с гербами была прекрасна, и Тяте оставалось только порадоваться этому чудесному преображению, но вскоре любящий взгляд старшей дочери снова различил извечную тень скорби, раз и навсегда объявшаую грациозный силуэт женщины, обреченной на изгнание.

Когда настала пора жениху и невесте обменяться чарками сакэ, Тятя невольно посмотрела на Кацуиэ – тот, слегка горбясь из-за высокого роста, протянул чарку О-Ити, и та приняла ее хрупкой, полупрозрачной, почти бесплотной рукой. Что-то в этой сцене – женщина в белом кимоно, легким жестом связавшая свою жизнь навечно, до последнего дня с высоким

стареющим воином, – взволновало Тятю. Смутное предчувствие, ощущение того, что выбран неправильный путь, снова обожгло сердце холодом, как в тот раз, когда она впервые услышала о возможности этого союза.

Когда обмен чарками состоялся, О-Ити обратила ясный взор к дочерям. Едва заметная улыбка, осветившая ее черты, словно бы говорила им: к радости ли, к печали, не ведаю, но жребий брошен. Охацу и Когоо тотчас заулыбались матери в ответ, и только Тятя все с той же серьезностью смотрела на нее не моргая.

После церемонии был устроен пир – в официальной обстановке и все в той же спешке. Не успев начаться, он закончился, и княжон препроводили в другие покои.

По изначальной договоренности О-Ити и ее дочери должны были отправиться после бракосочетания в северные земли вместе с Кацуиэ, но на следующий день тот уехал без них, в походном платье, во главе своего войска. Спешка и секретность, в которых прошла свадебная церемония, срочное отбытие Кацуиэ – все свидетельствовало о том, что надвигается угроза новой войны.

Спустя несколько дней дамские паланкины под охраной пяти десятков самураев, в свою очередь, покинули Гифу и взяли путь на север. Было начало десятого месяца. На третий день процессия приблизилась к деревушке Одани. Убаюканная покачиванием паланкина, Тятя проснулась, отодвинула полог и окинула взглядом родной край, где прошли первые семь лет ее жизни. От замка, гордо возвышавшегося на вершине горы, и следа не осталось – лишь пара каменных глыб, некогда лежавших в его основании. Три башни и крепостные стены сгорели в пламени битвы, в которой сложили головы мужчины клана Асаи. Хидэёси потом велел разобрать уцелевшую кладку – ему нужны были камни для постройки замка в Нагахаме. И только холм Торагодзэяма, зеленевший молодыми соснами и бамбуком, остался прежним. Местные крестьяне, чьи домишки теснились в былые времена на подступах к крепостным стенам, а ныне пришли в упадок, тоже переселились в Нагахаму, и лишь ветхие остовы хижин мрачно маячили здесь и там, напоминая о безвозвратно потерянном прошлом.

Все изменилось за десять лет. Клана Асаи больше не существовало, клан Такэда тоже был уничтожен. Нобунага, одержавший над ними верх, покончил с собой, и никто не ведал, какое будущее уготовано победоносному клану Ода. Когда процессия двигалась мимо того места, где раньше стояли внушительные въездные ворота замка Одани, Тятя попросила остановить ненадолго паланкины. Самурай, к которому она обратилась с этой просьбой, умчался вперед, к возглавлявшему процессию начальнику охраны, и вскоре вернулся с ответом:

– У нас мало времени, а путь впереди долгий, мы не можем задерживаться.

Тятя задумалась о причине отказа. Что это – нежелание матушки ступить на землю Асаи или же деликатность воинов, догадавшихся о ее чувствах?

Она представила мать внутри паланкина, который покачивался на дороге впереди. Конечно же с этим местом у госпожи О-Ити связано куда больше болезненных воспоминаний, чем у дочерей, и она боится разбередить свою память. Здесь, на этом холме, полегли все представители клана Асаи, начиная с ее мужа и свекра и заканчивая верными вассалами.

– Я бы хотела немножко пройтись. Велите остановить только мой паланкин. Мне и минутки хватит.

Тот же самурай, к которому снова обратилась Тятя, сделал знак носильщикам отделиться от процессии и опустить паланкин на обочине дороги. Тятя впервые после десяти лет, прожитых вдали, ступила на землю родной провинции. Под ногами поблескивал не растаявший за день иней – заросли бамбука надежно укрывали этот участок почвы от солнечных лучей. Княжна постояла немножко на выстуженной обочине, затем порыв ледяного ветра толкнул ее обратно, внутрь паланкина, счастливую оттого, что пусть всего на несколько мгновений, но она все же прикоснулась к земле, которая когда-то носила ее отца.

Заночевали путники в Киномото. Там их ждал высланный навстречу отряд, и на следующий день – до сумерек предстояло проделать еще шестнадцать ри – на дороге царило шумное оживление. По обеим сторонам крестьяне гнули спины на рисовых полях; кроме них, вокруг не было ни единой живой души. Зато чем дальше процессия продвигалась на север, тем чаще к ним стали присоединяться самураи, отряженные Сибатой. Свита жены и дочерей полководца неуклонно росла.

В день прибытия в Китаносё молочно-голубые просветы в небе то и дело затягивались, тучи одна за другой высыпались на землю тяжелыми крупными градинами, каких на восточном побережье отродясь никто не видал. Даже окрестные горы и доли, казалось, приняли ни с чем не сравнимые суровые очертания, вылепленные студеным северным ветром. Всякий раз, когда Тятя выглядывала наружу, у нее тоскливо щемило сердце при виде мрачных стылых пейзажей.

– Княжна, замок уже видно! – внезапно прозвучал мужской голос, и чья-то рука с вопиющей бесцеремонностью откинула полог ее паланкина.

Тятя смерила ледяным взглядом молодого самурая, гарцевавшего возле нее в самой гуще процессии. Раньше она его не встречала, но, судя по всему, он был отнюдь не выше рангом остальных всадников, которые до сих пор составляли ее эскорт. Решив, что с выяснением личности дерзкого воина можно подождать, девушка посмотрела туда, куда он указывал. Замок действительно был как на ладони, и гораздо ближе, чем она думала. Огромная, девятиярусная тэнсю подпирала небо, и от всей этой мощной цитадели, лишенной каких бы то ни было украшений, веяло суровой аскезой. Голая равнина, посреди которой высился замок, и сизые тучи над изогнутыми крышами лишь усиливали мрачное впечатление. Поля, простирившиеся вокруг, щетинились скирдами рисовой соломы, а над горизонтом, далеко на севере, вихрились мириады пылинок птичьих стай.

Тятя, не удостоив молодого самурая и словечком, одними глазами сделала ему знак опустить полог. Он тотчас повиновался, с неожиданной покорностью. Тятя еще не знала, что этот юноша с пронзительным взглядом – племянник Кацуиэ Сибаты Моримаса Сакума, воин, снискавший громкую славу в битвах.

Вечером того же дня, когда они прибыли в замок Китаносё, Кацуиэ, О-Ити и трем княжнам удалось наконец побыть наедине, насладиться семейной близостью в тихих покоях центральной башни. Отчим тогда показался Тяте совсем другим человеком, в нем не было ничего от того величественного полководца, с которым она познакомилась в Киёсу. Перед ней сидел добродушный старик, улыбался и благосклонно покачивал головой в ответ на каждое слово О-Ити и ее дочерей.

Тятя смотрела на его упертые ладонями в колени руки – кожу покрывают старческие пятна, кисти чересчур большие, широкие, пальцы толстые – и думала: неужели у всех мужчин, которые провели жизнь в сражениях, командуя войсками, такие огромные кулаки?

Первый вечер был омрачен одним происшествием. Явился гонец с посланием для Кацуиэ, и тот развернул свиток в присутствии супруги и падчериц. По мере того как он читал, его черты искажались гневом.

– Проклятая обезьяна! – Оскорбление сорвалось с губ полководца, словно стон. – Хидэёси самочинно решил провести похороны нашего покойного господина в одиннадцатый день нынешнего месяца!

И снова в нем произошла перемена: добродушный старик исчез как не бывало, кровь бросилась ему в лицо, щеки запылали багровой яростью.

– Речь идет о похоронах моего старшего брата? – тихо спросила О-Ити.

– Да. Погребальная церемония назначена на одиннадцатое в храме Дайтоку и продлится несколько дней. Хидэёси сам все устроил. Меня только что известили, что в столице это вызвало суматоху.

В тот миг живое воображение Тяти принялось рисовать виды Киото, столицы, в которой она никогда не бывала, но знала, что это город несравненной красоты и роскоши. Отсюда, из провинциального прибрежного замка, стынувшего под серым северным небом, Киото казался волшебным миражом. Сколько гор и рек надобно преодолеть, чтобы попасть туда! Киото недосяжим. И именно там через несколько дней должны состояться похороны ее дяди!

– Гнусная макака намеренно избавилась от всех вассалов господина Нобунаги, вынудив их вернуться в свои владения! Эта чертова обезьяна с самого начала собиралась единолично присутствовать на погребальном обряде! – прорычал Кацуиэ и, кликнув слуг, велел препроводить О-Ити с дочерьми в другую гостиную.

Отныне они вчетвером снова стали вести уединенную жизнь на женской половине замка. День за днем шли дожди. Здесь, в северных землях, в отличие от Киёсу, уже ничто не согревало их сердца, в садах росли одни сосны, горные сосны зеленели вокруг на скалистых склонах, и ветер, каждый вечер прилетающий с моря, уныло звенел изумрудными иголочками.

Болтушка-хохотушка Охацу, самая веселая из трех сестер, сделалась молчаливой, а Когоо, с рождения отличавшаяся сумрачным беспокойным нравом, так и не научилась смеяться. Девушки уже не могли, как в былые времена в Киёсу, проводить дни напролет подле матери. Ее место заняла Тятя, и теперь она заботилась о своих младшеньких.

Зато, если в Киёсу они были отрезаны от внешнего мира, здесь, в Китаносё, новости поступали к ним бесперебойно. Самураи, время от времени наносившие им визиты, и свитские дамы рассказывали о событиях в стране. Таким образом княгиня и ее дочери во всех подробностях узнали о похоронах Нобунаги в Дайтокудзи. Начиная с одиннадцатого дня десятой луны сотни буддийских монахов без устали читали сутры, путь погребальной процессии, выступившей пятнадцатого числа из Дайтокудзи в Рэндайно, к месту упокоения полководца, был украшен ветками бамбука, по обеим сторонам дороги сооружены бамбуковые изгороди, у которых толпились десятки тысяч людей.

Ни единый человек из тех, кто рассказывал об этом княжнам и их матери, не скрывал своей ненависти к Хидэёси. Все были уверены, что Кацуиэ с помощью своих союзников Тосииэ Маэды, Кадзумасу Такикавы, Наримасы Сассы, Канэмори Нагатики и при поддержке Нобухико из Гифу в ближайшем будущем соберет армию и пойдет войной на Хидэёси. Как только слухи о назревающей битве распространились среди обитателей Китаносё, подросли и доказательства: в замок стали прибывать воины и полководцы из всех провинций северного побережья. В конце десятого месяца состоялся трехдневный военный совет. Сразу после его окончания Тосииэ Маэда, Наримаса Сасса и Канэмори Нагатика отбыли на запад, на переговоры с Хидэёси. Трое даймё были уполномочены устранить возникшее между Кацуиэ и Хидэёси непонимание и найти мирный выход из ситуации, дабы два лагеря могли снова объединиться и направить свои усилия на защиту и воспитание малолетнего наследника Нобунаги. На десятый день одиннадцатой луны Маэда со товарищи вернулся в Китаносё.

В замке вздохнули с облегчением – вроде бы все уладилось подобру-поздорову, однако и месяца не прошло, как стало известно, что Хидэёси затеял осаду Нагахамы в стремлении отвоювать свою крепость, доверенную военным советом в Киёсу попечительству Кацуиэ Сибаты. Кацумори, усыновленный наследник Кацуиэ, отчаянно защищал Нагахаму, но вынужден был сдать ее Хидэёси. После этого суэта в Китаносё лишь усилилась. Каждый день до Тяти доходили слухи об отправке посланников то к Иэясу Токугаве, то к Кагэкацу Уэсуги, давним врагам Кацуиэ, для мирных переговоров.

Однако главным событием того года, 10-го под девизом правления Тэнсё,⁴⁷ стало победоносное шествие Хидэёси во главе тридцатитысячного войска по провинции Мино. Он захватил на этих землях множество замков и обустроил свою резиденцию в Гифу. Самбосимару по его

⁴⁷ 1583 г.

приказу забрали у Нобухико и перевезли в Адзуту под опеку Нобукацу. Когда эта весть долетела до Этидзэн, замок Китаносё тонул в снегу, сугробы в округе достигали трех с половиной сяку⁴⁸ и не было никакой возможности собрать армию и вести ее на юг. Кацуиэ в ту пору сделался мрачным и замкнутым, приобрел привычку в полном одиночестве подниматься на сторожевые башни или на верхний ярус тэнсю и подолгу оставаться там, обозревая окрестности.

Однажды Тятя столкнулась с ним на галерее крепостной стены – отчим направлялся к угловой северо-западной башне.

– Ну как оно там, княжна? Не скучаете в этом замке, заваленном снегом?

Пока девушка обдумывала ответ, Кацуиэ предложил ей вместе подняться на смотровую площадку, и Тятя последовала за ним, в полумраке нащупывая ногами ступеньки.

Вокруг, насколько хватал глаз, простиралась снежная равнина, у подножия небольшого холма к северо-западу от замка текла речушка, бравшая начало из горячих подземных источников, – голубая ниточка, единственное пятнышко, осквернившее безупречно белый фон. На севере дремало Японское море, на юге, западе и востоке громоздились горы, скрывая своими заснеженными вершинами горизонт. Кацуиэ принялся указывать на пики, называя Тяте их имена, но та запомнила лишь Хакусан – до того их было много.

– Осталось потерпеть еще совсем чуть-чуть. С середины второго месяца погода начнет меняться, под третьей луной снегопадов уже не будет, – сказал Кацуиэ, не отрывая взгляда от зимних просторов. Помолчал немного и добавил: – Надобно дожидаться второго месяца. Середины второго месяца.

Тятя запрокинула голову, посмотрела на отчима. Эти слова предназначались не ей – он говорил сам с собой.

– С восходом второй луны вы станете собираться в поход, батюшка?

Кацуиэ с удивлением покосился на нее.

– Возможно, – кивнул он с серьезным видом и вдруг заглянул ей в глаза: – Вы ненавидите войны?

– Нет, – покачала головой Тятя. – Я ненавижу поражения.

Впервые за последнее время Кацуиэ расхохотался:

– Кто ж их любит? Вы, должно быть, замерзли. Пойдемте вниз, – и первым зашагал по ступенькам.

Тятя смотрела ему в спину, почти физически ощущая исходившее от всей этой высокой фигуры некое возвышенное одиночество, и вспомнила вдруг своего деда Хисамасу, виновного в гибели горной твердыни Одани.

На второй день Нового года в заснеженном замке устроили пир. Приглашены были хозяйка крепостей, рассеянных по побережью Японского моря, и многолюдное шумное празднество несколько часов продолжалось в церемониальном зале на последнем ярусе тэнсю под громогласные выкрики самураев, дружный хохот и бесконечные здравицы. Несмотря на царившую в зале атмосферу грубоватого солдатского веселья, Тятя, ее матушка и сестры получили удовольствие от этого вечера – ведь в их скучной уединенной жизни было так мало развлечений.

Праздничный гул смолкал лишь в те минуты, когда актеры театра Но являли гостям свое искусство. Подвыпившие провинциальные вояки, рассажанные согласно чинам и рангам, на это время замирали, боясь пошевелиться, и тарасились на танцоров, разинув рты. Были в этих людях какая-то странная робость и благочестие, столь характерные для самураев из северного прибрежного захолустья.

На протяжении всего пира Тятя пристально следила за Моримасой Сакумой. Поначалу статный молодой воин занимал место подле своего дяди Кацуиэ, затем, в разгар торжества,

⁴⁸ Сяку – японская мера длины, равная 30,3 см.

присоединился к самураям низшего ранга и предался возлияниям, позабыв обо всем на свете. Наконец, уже нетвердо держась на ногах, он направился к Тяте, уселся напротив нее и бесцеремонно протянул пустую чарку в ожидании, что девушка наполнит ее сакэ.

Тятя и не думала потакать его капризам. Одарив юношу ледяным взглядом, она презрительно отвернулась.

– В середине второго месяца мы отправляемся в поход. Дни мои сочтены. Неужто откажетесь наполнить чарку? Пусть это будет последнее приятное воспоминание, которое я унесу с собой из нашего изменчивого мира. Моримаса идет на смерть! Слышите? Не истечет и пары месяцев, как Моримаса сложит голову!

Тятя молчала. Поведение молодого воина, который бахвалится собственной смертью, очень ей не понравилось. Помолчав еще немного, она сердито осведомилась:

– И почему это вы непременно должны сложить голову?

– Потому что я хочу, княжна, чтобы вы и дальше мирно жили в этом замке.

– А умирать-то вам зачем?

Моримаса ответил, и взгляд его при этом был таким ясным, будто он и не пил сакэ:

– Хидэеси победит, только если я погибну. Знаете, какое мое самое заветное желание?

Чтобы на свете было два Моримасы!

Так и не дождавшись от Тяти добавки, он забрал свою пустую чарку и вернулся к товарищам по оружию.

Тятя полюбовалась еще одним выступлением актеров театра Но и покинула праздничный пир. У входа в женские покои она увидела Охацу. Младшая сестренка бросилась к ней со всех ног:

– Господин Такацугу!..

– Господин Такацугу? Здесь? – невольно воскликнула Тятя, впиваясь взглядом в лицо сестры.

– Да, он беседует с матушкой.

– Почему же ты стоишь тут, на галерее? Идем.

– Я... – Охацу так и осталась стоять у фусума.

Тятя одна вошла в гостиную. Такацугу сидел напротив ее матери, в официальной позе, ладони на коленях. Одета молодой человек был совсем просто и казался очень усталым, изможденным, но взор, который он устремил на Тятю, был все тем же – гордым взором наследника славного рода Кёгоку. В этом взоре пламенело ожесточение мятежника, а не загнанного зверя, не беглеца.

Тятя села перед ним, слегка опустив голову, чувствуя, как сердце ускоряет биение.

Такацугу тем временем продолжал разговор, обращаясь к своей тетушке:

– В последний раз я приходил к вам в Киёсу испросить совета о том, какой путь мне следует избрать. Сегодня меня привела к вам та же нужда.

О-Ити, прикрыв лицо рукавом кимоно, промолвила:

– Цель вашего прихода сюда понятна, нет смысла разъяснять ее. Я передам вашу просьбу моему супругу.

На некоторое время воцарилась тишина. Наконец Такацугу взглянул на Тятю:

– Вы, должно быть, считали меня погибшим?

– Нет, я ни на миг не усомнилась в том, что вы живы. А господин Гамоо заверил меня, что вы не покинете этот мир, пока былое могущество дома Кёгоку не будет восстановлено.

– Удзисато Гамоо?! – выдохнул Такацугу. – Когда вы с ним виделись?

– Вскоре после событий в Хоннодзи.

– Если я и жив до сих пор, то вовсе не по той причине, каковую открыл вам Удзисато Гамоо.

«А по какой же?» – Тятя вскинула на него глаза, в которых застыл этот немой вопрос. Она встретила взгляд Такацугу, наполненный странным светом ожесточения и одновременно печали.

– Я отказался от смерти вовсе не ради того, чтобы сражаться за честь своего клана.

– Ради чего же тогда?

Такацугу ничего не ответил. «Неужели он хотел сказать, что живет ради меня?» – подумала Тятя и чуть не задохнулась от разочарования. Такацугу тотчас показался ей скучным и никчемным человеком. «Какая прискорбная ошибка! Вы огорчаете меня, братец!» – эти обидные слова горели у нее на языке, и девушка с трудом поборолла желание выплюнуть их в лицо Такацугу, а потом вскочить и выбежать вон.

С того дня Такацугу поселился в дальних покоях замка Китаносё на правах гостя. Охацу и Когоо, обрадовавшиеся случаю развеять скуку, частенько наносили ему визиты, сам Такацугу нередко заглядывал на женскую половину, но Тятя не обменялась с ним и словом. Ореол героической славы и чести, в который она так долго облакала своего двоюродного брата, рассеялся без следа.

С восходом первой луны Хидэёси, в последнее время живший в Химэдзи, наведаясь в Киото, затем в Адзуту и вдруг девятого числа отдал приказ об общем сборе всех союзных войск. Армия нужна была ему для атаки на Кадзумасу Такикаву, и на седьмой день второй луны десятки тысяч ратников под его предводительством выступили в поход. Весть эта достигла Китаносё с десятидневным опозданием.

Во втором месяце снегопады поутихли, но северный замок в Этидзэн все еще был отрезан сугробами от внешнего мира. В покоях тэнсю военачальники день и ночь держали совет, выбирая благоприятный день для начала войны против Хидэёси. Вечерами в пределах крепостной стены загорались костры простых ратников, которые, не снимая доспехов, готовились ко сну под открытым небом; во всех гостевых покоях квартировали знатные самураи. И вот наконец, на рассвете двадцать восьмого дня второй луны, бой барабанов и трубный глас раковин торжественно возвестили сбор. Хидэёси уже захватил Нагахаму, заручился поддержкой Нобухико и теперь атаковал Такикаву, союзника Кацуиэ. Дольше оставаться в стороне Кацуиэ не мог. Со смотровой площадки тэнсю взору открывалась равнина, на которой тысячи людей расчищали снег – им предстояло открыть дорогу на Янагасэ, где должна была состояться битва, освободить от сугробов десятки ри заснеженного пространства.

На второй день третьей луны, едва занялась заря, первые отряды тронулись в путь во главе с Моримасой Сакумой. Если верить его пьяному бахвальству на новогоднем пиру, в тот день он выступил навстречу смерти. Тятя с сестрами поднялись на сторожевую башню. Колонна ратников растянулась на белой равнине тонкой длинной цепью. Силуэт молодого полководца навсегда запечатлелся в Тятиной памяти.

Через два дня настала очередь Кацуиэ покинуть Китаносё. Он повел за собой двадцать тысяч воинов – своих и Тосииэ Маэды. На сей раз Тятя с матушкой и сестрами вышла проводить отчима к воротам, у которых царил величайшая суета. Пятидесятичетырехлетний полководец держался в седле с горделивым достоинством, выпрямив спину, и ни разу не обернулся к О-Ити и ее дочерям. Всей армии понадобилось два часа, чтобы выйти за ворота. Когда последние ряды ратников исчезли из виду, О-Ити, Охацу и Когоо удалились в свои покои, а Тятя немного побродила в полном одиночестве по опустевшему центральному двору замка, припорошенному только что выпавшим снегом. Ступив на галерею, ведущую из внутреннего сада в гостиную, она увидела Такацугу, идущего ей навстречу и, слегка поклонившись, собралась было пройти мимо, но он ее окликнул:

– Княжна!

Девушка остановилась.

– Это сражение будет судьбоносным для вашей семьи.

Гадая, к чему он клонит, Тятя молча смотрела ему в глаза. Поколебавшись немного, Такацугу продолжил:

– Военным кланам не привыкать к победам и поражениям. Такова их участь. Вот и вам настала пора задуматься о том, что вы будете делать, когда битва закончится.

– Вы хотите сказать – когда мой батюшка потерпит поражение? – прямо спросила Тятя и потупилась. – Я уже знаю, что буду делать.

– Могу я полюбопытствовать, что именно?

– Я намерена разделить судьбу этого замка.

– И почему же, с таким-то образом мыслей, вы в свое время не разделили судьбу замка Одани?

– Тогда я была слишком маленькой. – Тятя подняла голову и теперь снова смотрела в лицо Такацугу. Нет сомнений – брачный союз ее матери с Кацуиэ Сибатой увлек их всех на неверный путь. Она знала, что так будет, с самого начала знала и все же подтолкнула мать к этому губительному решению. Она сделала это ради него, ради Такацугу, ради юноши с красивым печальным лицом, ради воина, который предпочел жизнь вечного изгнанника бесчестью смерти, отказался уйти, не исполнив своего предназначения, не подняв из пепла дом Кёгоку. Да, когда-то для нее не было в мире ничего прекраснее этого лица и она охотно согласилась бы снести любые удары судьбы, подвести под них не только себя, но и мать, и сестер, лишь бы это помогло Такацугу в осуществлении цели всей его жизни. Но теперь, глядя на него, Тятя чувствовала, как былая любовь обращается в ненависть. Она чувствовала, что ее предали.

– Ваша матушка вышла замуж всего-то полгода назад. Никто не требует от вас столь беззаветной преданности клану Сибата.

– И что же вы предлагаете? Бежать? Да знаете ли вы, что воины этого замка идут на смерть только ради того, чтобы мы могли спокойно жить?

– На смерть, говорите? Но если вам нужна моя жизнь, я готов отдать ее прямо сейчас!

В глазах Такацугу зажегся прежний огонь, и Тяте показалось, что свет от него окутал ее с головы до ног. Чтобы избавиться от этого наваждения, девушка устремилась в свои покои.

Вбежав в гостиную, она бросила Охацу:

– Приготовьтесь к визиту господина Такацугу, – и со злорадным удовольствием отметила, что при одном упоминании имени кузена личико сестрицы запыхало румянцем.

Моримаса Сакума, военачальник первой группы войск, ступил со своими ратниками на землю Оми в пятый день третьей луны и встал лагерем вблизи Янагасэ. Кацуиэ, взявший под командование основные силы, не заставил себя ждать – девятого числа его знамена взметнулись на горе Утинакао. С южной стороны он приказал возвести оборонительные укрепления и принялся ждать Хидэёси. Тот, самолично возглавив многотысячную армию, уже семнадцатого подошел к Янагасэ, но обмена ударами не последовало: его армия заняла позицию в виду объединенных сил Сибаты и Маэды и тоже возвела оборонительные укрепления.

Вести из Оми поступали в Китаносё ежедневно, но в депешах говорилось лишь о нехватке продовольствия, амуниции и прочего, о военных же действиях – ни слова. Мало-помалу нервное напряжение, царившее в замке, спало, весенние деньки продолжили свой безмятежный бег. Снегопады теперь налетали на Этидзэн совсем редко, первые солнечные лучи, еще чуть теплые, но уже возвещающие своим появлением воцарение весны, начали робко согревать стылую землю, а в середине третьего месяца во внутренних садах замка зазвучали птичьи трели. Тятя расспрашивала каждого встречного и поперечного, пытаясь выведать названия птиц, но никто не мог ей ответить.

На двадцатый день третьей луны после полудня в великой спешке примчался гонец на взмыленном коне с первыми боевыми сводками. Воспользовавшись тем, что Хидэёси бросил часть сил на штурм крепости Гифу, в которой заперся Нобухико, войска Маэды и Сибаты

пошли в наступление. Гонец покинул место событий накануне вечером, когда на горе Утинакао заканчивались последние приготовления к битве.

На следующий день два вестовых, загнав лошадей, привезли донесения о громких победах Моримасы Сакумы, но к полуночи прибыл третий с неожиданной новостью: войско Сакумы разгромлено, самураи Кацуиэ Сибаты отступают, гарнизону Китаносё приказано готовиться к осаде.

В замке поднялась суматоха, стены заходили ходуном, и лишь в покоях О-Ити и ее дочерей царило спокойствие. У Тяти было такое чувство, будто нечто долгожданное и неотвратимое наконец-то произошло.

Через несколько часов после прибытия третьего гонца, доложившего о поражении союзных войск, в весеннем предзвездном сумраке начали вырисовываться вдаль, на северном тракте, расплывчатые силуэты самураев, конных и пеших, бежавших с поля боя. Неверным шагом, едва держась на ногах от усталости, они входили в город у подножия замка группками по трое-четверо. Были среди них и люди Моримасы Сакумы, и воины Кацуиэ Сибаты. Они собирались на площади у главных ворот крепостной стены, где для них уже выставили котлы с едой. Грязные, оборванные самураи бродили вокруг котлов, точно бездомные собаки, а наевшись, растягивались на голой земле и тотчас засыпали от изнеможения.

Кто-то из беглецов рассказал, что враг преследовал их до самого Футю и все смешалось на дорогах – уже невозможно было различить, где свои, где чужие. Еще говорили, что волна скоро докатится и до Китаносё. О судьбе остальных полков армии Сибаты они не знали, не могли сказать и каким образом удалось Хидэёси нанести им столь сокрушительное поражение.

У самураев из охраны замка нашлось лишь одно объяснение: Хидэёси провел молниеносную атаку и тотчас бросил авангард своей армии на север. Значит, он очень скоро будет у стен Китаносё. Никто не ведал, жив ли Кацуиэ Сибата, главнокомандующий союзными войсками, и не сложил ли голову в бою Моримаса Сакума.

О-Ити и княжны начали спешно собираться в дорогу – в любой момент мог прибыть Кацуиэ и дать им распоряжение покинуть замок. Пока они хлопотали, на женскую половину явился самурай и сообщил, что господин Сибата уже вошел в город. О-Ити с дочерьми тотчас направилась по галерее к саду, и дальше, через главный двор к распахнутым въездным воротам первой линии укреплений – единственному освещенному бивачными кострами месту. Повсюду в замке, в покоях и под открытым небом, царилась тьма. Вскоре они увидели, как на освещенное пространство ступили восемь боевых коней с всадниками, за ними – десятка четыре пеших воинов, и все остановились у костров. Верховые спешили. При них не было уже ни заплечных флажков, ни полковых штандартов. Но странное дело: ничто в облике и поведении самураев не напоминало о том, что это жалкие остатки разгромленной армии, – напротив, они были собраны и сосредоточены, будто прибыли на тайный военный совет.

Тятя не сводила глаз со своего отчима, приближавшегося к ней в неверных отблесках пламени, со сломанным копьём в руке. Печальное это было возвращение. Совсем не так он покидал замок пятьдесят дней назад, во главе двадцатитысячного войска, на боевом скакуне, из-под копыт которого разлетались хлопья снега. «Что случилось с отважными воинами, совсем недавно смыкавшими ряды вокруг него?» – думала девушка.

– Обезьяна расставила нам ловушку, – сказал Кацуиэ, ни к кому конкретно не обращаясь – ни к супруге, ни к падчерицам. Лицо стареющего военачальника побежденной армии было бесстрастно.

Четыре женщины молчали. Да и где бы они нашли слова утешения?

Кацуиэ в сопровождении нескольких самураев направился к тэнсю. О-Ити последовала за мужем, Тятя увела сестер на женскую половину.

Вскоре от придворных дам из свиты О-Ити княжны узнали, что замок уже взят в кольцо осады и бежать поздно.

В тот вечер Тятя и Охацу долго не могли заснуть, лежа друг подле друга на футонах,⁴⁹ расстеленных, как всегда, в их общей спальне.

А Когоо тотчас погрузилась в сон. Тятя завидовала младшей сестренке, которой достался такой невозмутимый характер, завидовала ее хладнокровию, не сказать – бесчувственности, которая и помогла ей заснуть, несмотря ни на что.

В темноте Тятя не видела лица Охацу, но знала, что она тоже не смыкает глаз. Вдруг девочка села на футоне, затем снова улеглась. Через какое-то время опять зашевелилась, собираясь встать.

– Не спится? – прошептала Тятя.

Охацу что-то пробормотала себе под нос, откинулась на подголовник и вдруг спросила:

– Что станется с господином Такацугу?

И тогда Тятя поняла, что сестре не дают заснуть мысли о двоюродном брате.

– Напрасно ты о нем беспокоишься, – ледяным тоном сказала она. – Я уверена, что именно сейчас он думает о том, как бы отсюда улизнуть.

Тятя и сама переживала за Такацугу, который нашел убежище в замке, обреченном на уничтожение, но не смогла удержаться от презрительного ответа, когда Охацу об этом заговорила. С другой стороны, ее слова были правдивы от начала и до конца: она действительно не сомневалась, что Такацугу готовится бежать из осажденной крепости. Ведь он предвидел такой оборот событий еще в тот день, когда Кацуиэ повел войска в Янагасэ, и даже советовал ей последовать его примеру и позаботиться о собственном спасении. Такацугу, впрочем, был не единственным, кто помышлял о бегстве. В ту самую ночь пусть на мгновение, но об этом задумались все обитатели замка.

После короткого обмена репликами сестры снова погрузились каждая в свои невеселые мысли. Сколько времени они пролежали так в ночном мраке, неизвестно, но внезапно Охацу подняла голову. Тятя тоже услышала тихий звук, как будто кто-то осторожно постучал костяшками пальцев по раме сёдзи со стороны сада. Стук повторился.

Охацу вскочила:

– Кто это может быть?

Тятя уже знала ответ: не кто иной, как Такацугу. Она тоже встала. Сестры легли спать одетыми и теперь не мешкая подбежали к сёдзи.

– Кто там? – громким шепотом спросила Тятя.

– Такацугу. Прошу прощения за то, что явился к вам среди ночи, но время не ждет, – прозвучал приглушенный голос из сада.

Охацу чуть-чуть отодвинула раму, оставив небольшую щелочку. Обычно им и в голову не приходило принимать меры предосторожности в Китаносё, но сегодня в замке царил необычная атмосфера. Перекличка часовых, звон оружия, конское ржание, тяжелые шаги в ночном мраке то ближе, то дальше – кто это, враг или друг?..

Такацугу стоял совсем рядом, на расстоянии кэна от девушек.

– Я пришел попрощаться. Сегодня ночью я убегу из замка, – без тени стыда сообщил юноша. – Вам же, княжны, бояться нечего – даже если Китаносё не выдержит осады, ничего дурного с вами не случится. Едва ли господин Сибата пожелает, чтобы вы последовали за ним прочь из этого мира, а уж Хидээси... – Он не закончил мысль и, помолчав, снова заговорил: – В общем, хочу вас предостеречь от... неблагоприятных поступков. Замок обречен – не завтра, так послезавтра он будет в руках врагов, вам же нужно только тихо пересидеть штурм в своих покоях. Вот что я хотел вам сказать. Потому и осмелился побеспокоить вас среди ночи.

– Благодарим за ваше доброе отношение. Надеюсь, вы тоже воздержитесь от... неблагоприятных поступков. Куда вы собираетесь бежать? – Тятя не могла себе представить ни еди-

⁴⁹ Футон – стеганный тюфяк, служащий японцам также одеялом; в широком смысле – постель.

ного места в стране, где Такацугу мог бы чувствовать себя в безопасности. Да Хидэёси все острова вверх дном перевернет и не успокоится, пока не найдет его!

– Что ж, выбор у меня невелик. Какое-то время придется скрываться в Вакасе. – (Тасуко, старшая сестра Такацугу, вышла замуж за Гэммэя Такэду, даймё этой провинции.) – Надеюсь, мы еще свидимся. В один прекрасный день, когда вы и ждате-то меня перестанете, я вырасту перед вами, словно из-под земли, и попрошу убежища.

– Я была бы счастлива предоставить вам кров, но боюсь, что к тому времени меня уже...

– Что? – резко перебил Тятю Такацугу. – Не вздумайте сказать мне, что вы намерены покончить с собой! – И усмехнулся: – В наше смутное время человеку и тысячи жизней не хватит, коли он начнет расплачиваться ими за каждое поражение. Моя тетушка вышла за хозяйку этого замка каких-то полгода назад. У нее нет обязательств перед кланом мужа. С ней, так же как и с вами, я поговорю откровенно, чтобы вы все немедленно выбросили глупые мысли из головы. Я, Такацугу, буду жить! Слышите? Пусть на земле не останется ни деревца, ни былинки, за которыми можно схорониться, даже тогда я, Такацугу, не отрекнусь от своей воли к жизни! – И поскольку этим все было сказано, он с гордо поднятой головой исчез в ночном мраке, не забыв слегка поклониться кузинам и бросить на прощание: – До встречи. Когда-нибудь она непременно произойдет!

Тятя и Охацу какое-то время оторопело смотрели на то место, где он только что стоял. Младшая сестра первая пришла в себя и тоскливо спросила:

– Что же с нами будет?

– Я знаю одно: мы разделим судьбу этого замка, – заявила Тятя.

– Нет, я не хочу! – всхлипнула Охацу и в отчаянии замотала головой.

– Хочешь ты или не хочешь – у тебя нет выбора. Мы – часть семьи Сибата. Долг каждого члена семьи – следовать за своим господином и в жизни, и в смерти. Разве это не справедливо?

– Нет! Не хочу, не хочу!

– Если ты так боишься умереть, чего же стоишь тут? Догоняй Такацугу, удирай вместе с ним! – отрезала Тятя и, оставив сестру у раздвинутых сёдзи, вернулась на свой футон.

Когоо все так же безмятежно посапывала во сне, не ведая о том, что творится вокруг. «Должно быть, она – единственный человек, спокойно спящий этой ночью в замке», – подумала Тятя. Она слышала, как Охацу давится рыданиями, укладываясь рядом с Когоо. О чем бедняжка так горько плачет? О разлуке с Такацугу? О своей жестокой участи? Тятя не знала. Да и сама Охацу не смогла бы ответить на этот вопрос. Все беды навалились так неожиданно, что юное сердечко пятнадцатилетней девочки просто не сумело их вынести.

Тятя твердо решила последовать примеру О-Ити. Если мать отринет смерть, она, ее дочь, тоже будет жить; если мать покончит с собой, она, Тятя, не раздумывая вонзит в горло кинжал. Внезапно осознав, что в ее размышлениях не осталось места для отчима, девушка еще пуще опечалилась. Она вспомнила высокий силуэт Кацуиэ Сибаты в проеме главных ворот замка. Это было несколько часов назад. Он спешил в отблесках пламени... Сломанное копье в руке... Тогда при виде старого полководца у нее защемило сердце – она и сама не знала почему.

Задремавшую было девушку разбудил какой-то шум – оказалось, в спальню явились придворные дамы. Еще не рассвело. Женщины были в походных одеждах и при кинжалах, но все как одна умирали от страха.

– Враг занял холм Асиба! – загомонили они. – А в замке – небольшой гарнизон да горстка раненых самураев! Некому нас защитить! Что же с нами будет? Замок и дня не продержится...

Тятя вышла в сад и направилась к крепостной стене, чтобы подняться на сторожевую башню. По пути ей встретились несколько увечных, обессиленных воинов, накануне чудом добравшихся до замка. Боевые кони бродили по двору без привязи. Уже на подходе к башне девушке пришлось лавировать между вооруженными ратниками из гарнизона, в спешке сно-

вавшими туда-сюда, а уже возле самых ступенек ее повелительным окриком попытался остановить какой-то самурай и, обогнав, заступил дорогу:

– Княжна, здесь опасно, вернитесь в свои покои!

– Я только посмотрю одним глазком сверху и тотчас спущусь. Мне хочется в последний раз полюбоваться горами.

Воин молча посторонился, словно растерявшись от этих слов.

Заглянув в бойницу, Тятя и правда увидела в рассветной дымке на холме Асиба, что возвышался неподалеку от восточной стены замка, боевые стяги. Они полоскались на ветру так близко – казалось, протяни руку – и коснешься полотнищ. Значит, Хидэёси где-то там, на склоне. Тятя отчетливо вспомнила низенького полководца с хитрым худым лицом. Она видела его всего лишь раз, в прошлом году. Ей никак не удавалось себе представить, что именно это странный человечек нанес сокрушительное поражение ее отчиму, одержал победу в битве, гнал самураев Сибаты, Маэды и Сакумы до самой Этидзэн, встал лагерем вон там, совсем рядом, и готовится к нападению.

Тятя мысленно вернулась в тот день, когда она сказала Кацуиэ, что ненавидит не войны, а поражения. «Кто же их любит?» – рассмеялся он тогда, а теперь на его плечи легла неподъемная ноша проигранной битвы. Тяте всегда нравился этот стареющий воин, но сейчас он вдруг показался ей совершенно никчемным человеком. Высокий рост, стать, безупречная выправка, большие крепкие руки, лицо, так легко багровеющее от гнева... Как глупо!

Двадцать второй день четвертой луны прошел без столкновений. Вражеские лучники не выпустили ни единой стрелы, ни один ружейный выстрел не грянул с холма Асиба. Но осажденные знали, что главные воинские силы Хидэёси еще не подтянулись из Футю, что он собирает людей для решительного штурма и что ночью его армия безжалостной волной-цунами накроет замок.

До самого вечера раненые самураи, которым чудом удалось уйти от погони, прибывали из Янагасэ группами по тридцать, пятьдесят, сто человек. На закате в крепостных стенах томились уже около трех тысяч подданных даймё Этидзэн, включая детей, женщин и стариков. Самые преданные и влиятельные вассалы Кацуиэ, чьи имена Тяте уже не раз доводилось слышать, тоже находились в Китаносё, загнанные в ловушку, – здесь были Бункасай Накамура, Яэмон Сибата, Рокудзаэмон Уэмура, Кангоэй Мацудайра, Кюэй Мацуура, Дзюдзо Сакума, Осима Вакаса-но-ками...

Из покоев в покои перелетали самые разные слухи о других достойных воинах: такому-то удалось бежать, такой-то был схвачен в последний момент врагами и казнен. За достоверность этих известий никто не мог поручиться, но все как один старались поддерживать боевой дух защитников Китаносё.

Рассказывали, что Сингоро, наследный сын Осимы Вакаса-но-ками, не сумевший принять участие в сражении по причине тяжелого недуга, велел отнести себя в паланкине к крепостной стене и размашистыми мазками кисти начертал на главных въездных воротах такие слова: «Мне, Сингоро Осиме Вакаса-но-ками, болезнь помешала ступить на поле битвы при Янагасэ, но ничто не умалит моей решимости защищать этот замок!» А шестидесятилетний Рокудзаэмон Уэмура, которому предстояло оборонять южные ворота, облачился перед боем вместо доспехов в саван.

Той ночью три сестры снова спали в одной опочивальне. Тятя внезапно была разбужена конским ржанием и одиночными ружейными выстрелами. Охацу, измотанную долгим ночным бдением накануне, не потревожил этот шум, зато на сей раз проснулась Когоо, вскочила и какое-то время прислушивалась к переключке часовых и топоту копыт – эху войны, которое налетами приносил к женским покоям ветер.

– Опять дерутся, вот скукотища, – пробормотала она наконец и, сладко зевнув, улеглась на футон.

– Неужели тебя это ни капельки не беспокоит? – спросила Тятя.

– А чего беспокоиться? Этим горю не поможешь. Я все равно ничего не смогу изменить.

У Тяти хладнокровие Когоо вызвало приступ раздражения, а та, нимало не заботясь о чувствах старшей сестры, уже погрузилась в безмятежный сон.

Рядом на футоне заворочалась Охацу, открыла глаза и бросилась на шею Тяте, всхлипывая и жалуясь, что ей грустно. Уткнувшись носом в плечо старшей сестры, она долго рыдала, оплакивая жестокую судьбу, уготованную отчиму, давясь слезами, бормотала, что нет на свете никого несчастней ее, сестричек и бедной матушки, спрашивала, где Такацугу, и горевала о том, что он подвергается ужасным опасностям.

Тятя во многом разделяла тревоги сестры, но ее снова одолело раздражение. Что за плакса! Захотелось ударить хнычущую Охацу по спине и призвать ее взять себя в руки, проявить хоть немного достоинства.

После возвращения Кацуиэ в крепость О-Ити находилась при нем неотлучно. Непонятно было, кто кого от себя не отпускает, но, так или иначе, княжны не видели мать с тех пор, как они вместе ходили встречать отчима к главным воротам.

В ночь на двадцать второе число она неожиданно заглянула к дочерям. Долго смотрела на личики младших девочек, посапывавших во сне, и ласково сказала Тяте:

– Почему ты не спишь? Не бойся, все будет хорошо.

– Матушка, что вы станете делать, когда замок падет? Жестокие слова. Увы, Тятя не смогла сдержаться – ей нужно было задать вопрос прямо, воспользоваться ситуацией, чтобы узнать решение матери. О-Ити открыла было рот, собираясь ответить, но ни звука не сорвалось с ее губ – на них лишь расцвела улыбка, легкая, едва заметная в сиянии свечей. О-Ити тотчас покинула спальню, так ничего и не ответив, но Тятя уже поняла – по внутреннему свету, озарившему лицо матери, по безмятежной радости ее улыбки, – что она выбрала смерть. Иначе как объяснить эту улыбку, эту безмятежную радость? Матушка отреклась от жизни, заключила Тятя. А стало быть, и дочерям ничего не остается, кроме как умереть. Сделав этот вывод, она сразу почувствовала облегчение, куда-то ушли тревоги, одолевавшие ее в ту пору, когда она еще не знала, что делать – жить или умереть. Ближе к рассвету девушка задремала, но эти мысли преследовали ее даже во сне.

На следующий день ситуация вокруг Китаносё кардинально изменилась. Несметное войско Хидэёси, совершившее бросок из Футю, гигантским муравейником кишело у крепостных стен, перекрыв все пути к отступлению. По утрам О-Ити снова пришла к дочерям, и всем четверым дамам строго настрого было запрещено покидать свои покои.

Враги открыли огонь в час Дракона. Дождей не было с самого начала четвертого месяца, солнце волнами изливало горячие лучи на внутренние сады замка. В сухом воздухе непрерывно звучали боевые кличи. Перепуганные княжны поначалу забились в уголок, но мало-помалу привыкли к крикам, свисту стрел и жужжанию пуль. Тятя, раздвинув сёдзи, в щелочку любовалась игрой солнечных зайчиков в листве деревьев. Эхо войны теперь казалось девушке далеким и оставляло ее почти равнодушной, ведь она уже выбрала смерть.

На исходе часа Дракона раздался громовой хор голосов, тотчас за ним – глухой удар. Затишье – и все повторилось. Вскоре княжны узнали, что это вражеские воины били тараном в ворота и внешний круг укреплений уже находится во власти противника. Самураи, заглянувшие на женскую половину проверить, все ли спокойно, рассказали, что войска Хидэёси лавиной хлынули в пролом и теперь заняли позиции в каких-то восьми дзё от внутренней крепостной стены, окружающей тэнсю.

С приближением часа Коня⁵⁰ шум сражения стих, уже не слышно было барабанного боя, дающего сигнал к атакам. Во вражеском стане на расчищенное пространство вывели двух плен-

⁵⁰ То есть к полудню. Час Коня – время с 12 до 14 часов дня.

ников – так, чтобы их видно было осажденным из замка. Дозорные узнали шестнадцатилетнего приемного сына Кацуиэ Сибаты и Моримасу Сакуму.

Проведав о том, что Моримаса сдался в руки врага живым, Тятя немало удивилась. В Китаносё на него возлагали вину за поражение при Янагасэ. Опыяненный своими первыми победами, он бросился преследовать врага, не вняв увещаниям Кацуиэ Сибаты и Тосииэ Маэды, в результате чего оставил неприкрытым тыл, и главной армии пришлось сдать свои позиции.

По рассказам самураев, наблюдавших со сторожевой башни за пленниками, высокий молодой воин со связанными за спиной руками остановился и обратил залитое кровью лицо к замку. Когда стражники хотели увлечь его за собой, он раскидал их ударами ноги и остался стоять на том же месте, широко открытыми глазами глядя на башню. «Да, именно так должен был повести себя Моримаса!» – подумала Тятя. Ей казалось, будто она видит эту сцену воочию.

После полудня продолжилось затишье. Время от времени до женских покоев долетали крики и звон оружия, свидетельствовавшие о единичных схватках, но вскоре все потонуло в реве бури, которая внезапно обрушилась на поле битвы, ломая ветви деревьев, срывая листья, разгоняя воинов.

В час Обезьяны⁵¹ О-Ити и ее дочерей препроводили в покои центральной башни. Спешные меры были приняты перед решающим штурмом, который должен был состояться, как ожидалось, на рассвете. Супругу хозяина замка, трех княжон и придворных дам укрыли в потайном помещении, устроенном под полом четвертого яруса. Тятя приникла к дощатой стене, но в прямоугольной бреши, образованной досками, увидела лишь колыхающееся море вражеских знамен.

Когда свечерело, на воинов, то и дело вступающих в схватку с противником, пролился дождь, и настала ночь, принесла с собой зловещий покой. В замке начался прощальный пир. На всех ярусах тэнсю под изогнутыми крышами, в сторожевых башнях, повсюду зазвучали оживленные голоса, провозглашавшие здравицы.

В приемном зале Кацуиэ, О-Ити и три княжны обменивались чарками сакэ в обществе Накамуры, Мацудайры и других знатных самураев высшего ранга.

Тятя, сидевшая напротив матери, смотрела, как Кацуиэ протягивает ей чарку сакэ. О-Ити поднесла чарку к губам, сделала два глотка и вернула ее супругу. Тот, в свою очередь, отпил несколько раз и передал Накамуре. Тятя уже видела этот ритуал на свадьбе матери и отчима, но сегодня, не в пример той сумрачной брачной церемонии, он, казалось, был преисполнен радости. Сторонний наблюдатель и не заподозрил бы, что это защитники и обитатели замка, обреченного на уничтожение, в последний раз пьют веселящее душу сакэ.

Тятя глаз не сводила с матери, но та, словно забыв о существовании трех дочерей, не удостоила их и взглядом с самого начала пира. Охацу, вдоволь нарыдавшаяся, как будто смирилась со своей участью и теперь все больше молчала, а ее просветленное личико хранило бесстрастное выражение. Верная себе Когоо была по-прежнему угрюма и равнодушна. Она, оказывается, верила, что с минуты на минуту придет посланник из вражеского лагеря и, как тогда, во время осады замка Одани, увезет с собой матушку, ее и сестриц, чтобы укрыть в безопасном месте. Когда Когоо наклонилась к Тяте и шепнула ей на ухо: «Посланник, должно быть, уже в пути, он едет за нами!» – та не смогла ответить и притворилась, будто ничего не услышала в шуме застольных бесед.

Вскоре воины, пирующие в сторожевых башнях, совсем разбуянились, гомон и крики набрали устрашающую силу. Накамура, отлучившийся ненадолго из зала, вернулся, пошептался с Кацуиэ, затем сказал что-то на ухо О-Ити. Та ответила едва заметным кивком.

Накамура подошел к княжнам, сел перед ними в официальной позе и проговорил:

⁵¹ Час Обезьяны – время с 4 до 6 часов вечера.

- Час настал. Вы должны попрощаться с бабушкой и матушкой.
- Прощаться? – оstonбeнeлa Кoгoo.

Взяв сестер за руки, Тятя заставила их подняться. «Пришло время умереть», – сказала она себе. Охацу и Когоо в молчании покорно последовали за старшей сестрой и, как она, молча уселись перед отчимом и матерью. В зале установилась тишина. Тятя чувствовала, что взгляды всех присутствующих устремлены на них. И впервые в этот вечер ей стало тепло от того, что матушка наконец-то тоже посмотрела на нее и на сестриц.

Три девушки почтительно поклонились О-Ити и Кацуиэ – Тятя первая, за ней Охацу и Когоо. Они хотели было вернуться на свои места, когда незаметно подкравшиеся самураи схватили всех троих за руки.

– Что вы делаете?! – закричала Тятя, а ее сестер уже тащили к лестнице, ведущей наружу; Когоо визжала и отбивалась, Охацу звала мать, захлебываясь слезами.

Когда до Тяти дошло, что их силой уведут в безопасное место, только их, а мать остается здесь, она начала сопротивляться с яростью отчаяния. Но два могучих воина легко, как пушинку, подхватили ее на руки, лишив всякой возможности освободиться, и вынесли из зала вслед за сестрами.

Самураи пересекли покои нижнего яруса, в которых продолжался пир, прошли по галерее, доставили девушек во внутренний сад и втолкнули всех троих в один паланкин, который тотчас обступили со всех сторон носильщики и дюжина свитских дам. Отныне любые попытки сбежать теряли смысл.

Паланкин тотчас подняли в воздух несколько пар сильных рук, и к тому моменту, как княжнам удалось с грехом пополам усесться в шаткой тесноте, он уже миновал ворота внутренней крепостной стены замка. Остановились носильщики только один раз – перед тем как свитские дамы и самураи Сибаты вернулись в пределы внутреннего кольца укреплений и закрыли ворота за собой.

Вот уже и внешний рубеж обороны остался позади, а паланкин продолжал продвигаться вперед, не встречая препятствий. Княжны, содрогаясь в рыданиях, отодвинули полог, и перед их глазами, залитыми слезами отчаяния, предстало удивительное зрелище: в колеблющемся свете факелов вражеские воины молча расступались, освобождая дорогу.

Паланкин наконец остановился в виду лагеря Хидэёси у подножия Асибы, но девушки, обессиленные горем расставания с матерью, уже не смотрели наружу и не знали, где находятся. После часовой передышки носильщики продолжили бег. Княжны, до сих пор не проронившие ни слова, задремали, успокоенные покачиванием паланкина, который теперь уже не останавливался.

Торопливый летний рассвет настиг их в бамбуковых зарослях у подножия холма, и в тот же миг ветер принес эхо боевых кличей. Девушки подскочили на подушках, настороженно вслушиваясь, но крики смолкли так же внезапно, как зазвучали. Обогнув Асибу, паланкин опустился на землю в кругу крепостных стен буддийского монастыря на дальнем склоне.

Княжон впервые выпустили из паланкина. Уже совсем рассвело, утренний холод покалывал щеки. Девушек проводили в уединенные монастырские покои.

В тот день состоялся последний, решающий штурм Китаносё. Боевые кличи, которые три сестры слышали в дороге, был сигналом к атаке авангарда, устремившегося на приступ в час Тигра.⁵² В течение утра у всех ворот внутренней крепостной стены кипели жестокие бои, и к полудню нападавшие прорвались наконец на центральный двор замка.

Кацуиэ Сибата и три сотни самураев, укрепившиеся в главной башне, оказали яростное сопротивление, и воинам Хидэёси пришлось не раз штурмовать павильоны тэнсю, прежде чем они заняли нижние ярусы и добрались до самого верха.

⁵² Час Тигра – время с 4 до 6 утра.

Когда Кацуиэ начал приготовления к сэппуку, в живых оставалось не более трех десятков защитников замка – мужчин и женщин. О-Ити первой сложила прощальные строки:

Влечет нас дорогой забвенья
Роковой летней ночью Песнь соловья.

Затем кисть взял Кацуиэ и начертал ответ:

О горный соловей,
Пусть песня твоя в поднебесье
Вознесет имя той,
Что за мною пойдет
В эту ночь дорогой забвенья.⁵³

В час Обезьяны он дал приказ поджечь тэнсю. Пламя рьяно взялось за работу, и, когда клубы дыма достигли галереи верхнего яруса, Кацуиэ вспорол себе живот. О-Ити совершила самоубийство вослед. Кацуиэ было пятьдесят четыре года, О-Ити – тридцать семь. Помощь в исполнении обряда сэппуку оказывали Бункасай Накамура и Токуами, верные вассалы клана Сибата, которые остались со своим господином до конца.

В тот самый час Тятя и младшие сестры снова сели в паланкин, чтобы покинуть монастырь. Услышав возгласы и перешептывания среди сопровождавших их людей, Тятя отодвинула полог и увидела багровые сполохи, заполонившие полнеба. Вдали замок Китаносё умирал в тисках пламени. Девятирусная тэнсю уже обратилась в прах, и теперь огонь трудился над другими строениями.

Паланкин внезапно остановился. Княжнам велено было выйти и встать в окружении свитских дам на тропе, петлявшей меж рисовых полей, в стороне от главной дороги. Вскоре конный отряд из сотни верховых воинов промчался во весь опор на север, оставляя за собой клубы пыли. За ними прошла тысяча пеших ратников, разделенных на несколько полков. Тятя задержала взгляд на военачальнике, величаво выступавшем верхом на боевом коне в окружении пехотинцев. Она тотчас поняла, что это Хидзёси. Сжимая в руке вожжи, выпрямившись в седле, он проехал мимо, даже не взглянув на девушек. Совсем не таким Тятя его запомнила в тот день, когда он приходил с визитом на женскую половину замка Киёсу. Теперь этот прославленный полководец, хмурый и сосредоточенный, только что взявший штурмом крепость Китаносё, не тратя времени попусту, шел воевать замок Моримасы Сакумы.

Длинная колонна воинов исчезла вдали, и княжны снова сели в паланкин. Носильщики не останавливаясь миновали призамковые посадки Китаносё, на развалинах которого еще плясали языки пламени, и направились к Футю, время от времени делая передышки в попадавшихся на пути деревеньках. Ночью они нашли приют в большом крестьянском доме. Княжны до утра не смыкали глаз, лежа в полной тишине друг подле друга как мертвые, не обменявшись ни словечком.

Утром на энгаву ступил незнакомый воин. Он принес весть о самоубийстве их матери и отчима. Три сестры разрыдались. Охацу и Когоо плакали долго и безутешно, но Тятя очень быстро успокоилась.

– Утрите слезы, – сказала она. – Отныне мы одни на этом свете. Но коли матушка помогла нам уйти из замка, стало быть, она хотела, чтобы мы жили. Жили счастливо. Мы не вправе нарушить ее последнюю волю. Матушка не могла избежать горькой участи – долг велел ей

⁵³ Перевод В. Полякова.

следовать за супругом в жизни и в смерти, но она пожелала, чтобы мы, ее дочери, остались среди живых и извели счастье.

Когоо вскинула на сестру заплаканные глаза:

– Счастье? Что это такое?

Тятя не сразу нашлась с ответом, но Когоо и не настаивала, как будто уже сама все поняла.

Она лишь с робкой надеждой спросила:

– Матушка будет рада видеть нас счастливыми, да?

До сих пор хранившая молчание Охацу вдруг упрямо выпятила вперед мокрый от слез подбородок:

– Не знаю, дано ли мне обрести когда-нибудь счастье, но я выбираю жизнь. Я буду жить, что бы ни случилось!

Тятя вспомнила: то же самое недавно сказал Такацугу. Она же была настроена совершенно по-другому. Для нее слово «счастье» имело только одно значение – «победа». Ей и семнадцати лет не исполнилось, а поражения уже унесли жизни всех ее близких – отца Нагамасы, деда Хисамасы, дяди Нобунаги, а вот теперь отчима Кацуиэ и матери. Перед мысленным взором девушки встали два замка, сжигаемые пламенем. Один сгинул в огне вчера, другой – десять лет назад. Гибель одного окрасила багровыми отблесками небо среди бела дня, падение другого оплакал кроваво-алыми слезами ночной небосвод. При воспоминании о смертоносных пожарах, обративших в прах ее родных людей, крохотный огонек, в котором смешались гнев и скорбь, разгорелся в девичьем сердце.

III

В крестьянском доме, затерянном между Китаносё и Футю, Охацу, Когоо и Тятя провели два дня и продолжили путь. Величавое солнце, равнодушное к их горестям, согревало землю, ветерок нежно трепал молодую листву на деревьях у обочин дороги. Вскоре процессия из трех паланкинов в сопровождении конных стражей вступила в город, окруживший крепостные стены невеликого замка, и перед путниками открылись главные ворота резиденции Тосииэ Маэды.

Хозяином Футю был тот самый Маэда, который вместе с Кацуиэ командовал объединенной армией в битве при Янагасэ. Он, однако же, издавна водил дружбу с Хидэёси Хасибой, и, если в силу географического положения своих владений ему пришлось вступить в сговор с Кацуиэ, поднять оружие против Хидэёси и бросить собственные войска в упомянутую битву, это вовсе не означало, что он намерен был и в дальнейшем враждовать с полководцем, чьи могущество и власть без устали прирастали победами на поле брани. Напротив, после поражения при Янагасэ Маэда спешно разорвал союз с Кацуиэ, а Хидэёси великодушно закрыл глаза на его временное «сотрудничество» с врагом. Тосииэ Маэда, таким образом, показал себя лукавым приспособленцем, не допускающим тактических просчетов.

Тятю и ее сестер встретили с должным почтением и тотчас препроводили в отдельные покои на женской половине. На следующий же день их принял хозяин замка. Тятя уже случалось видеть в Китаносё этого пятидесятилетнего светлогожего воина с приятным лицом, сохранившего в свои годы физическую силу и бодрость духа. В зал, где он ожидал их, девушка вошла, испытывая смешанные чувства. Маэда сражался с Хидэёси на стороне ее отчима, но в его глазах не было и тени стыда за поражение даже теперь, после того как Кацуиэ с супругой смыли позор собственной кровью...

Княжны медленно, одна за другой, приблизились, бесшумно, бесстрастно. С момента прибытия в замок они не перемолвились ни словом даже друг с другом, и равнодушные, написанное на их застывших, словно маски Но, лицах, не было наигранным.

– Милые княжны, я разделяю вашу скорбь, – хрипло проговорил Маэда.

Тятя, которой полагалось опустить очи долу, уставилась ему в лицо, не скрывая своего возмущения. При встречах в Китаносё этот самурай всегда занимал по отношению к ним место, отводящееся человеку более низкого общественного положения, ныне же все наоборот – почетное место принадлежит ему. Стало быть, их с сестрами лишили звания наследниц высокородного семейства!

– Моя дочь Омаа тоже была в осажденном Китаносё.

Я уж думал, что потерял ее, когда замок пал, но, хвала богам и бодхисаттвам, она вернулась этим утром живой и невредимой! Так что вы какое-то время проведете здесь под одной крышей.

Тятя и не знала, что дочь Тосииэ гостила в Китаносё.

– Безмерно счастлива слышать, что княжна Маэда благополучно возвратилась домой, – вежливо сказала она.

– Полагаю, вскорости вы переедете в Адзути, – продолжил Тосииэ более сухим, официальным тоном. – А пока вам придется пожить под моей опекой. Забудьте былые невзгоды – на все воля судьбы.

На этом аудиенция закончилась, княжны удалились. От одной из свитских дам Тятя узнала, что Омаа, третья дочь Тосииэ Маэды, была отправлена в Китаносё в начале года в качестве заложницы и просватана там за Дзюдзо Сакуму, вассала Кацуиэ. Жених погиб, защищая замок, а невесте удалось бежать вместе со служанкой как раз перед началом последнего штурма.

Тем же вечером Тятя случайно встретила Омаа во внутреннем саду. Обе девушки вздрогнули от неожиданности, слегка поклонились друг другу и пошли дальше, каждая своей дорогой, не вымолвив ни слова. Четырнадцатилетняя Омаа была довольно высокой для своего возраста и такой же светлокожей, как отец.

Тятя сказала себе, что, даже пребывая под одной крышей, они вряд ли сделаются подругами. В Китаносё Омаа, будучи заложницей, вела, без сомнения, очень скромную жизнь, теперь же они поменялись ролями. Отныне она, Тятя, и ее сестры – изгои, представительницы поверженного клана, пленницы, чья участь зависит от доброй или злой воли хозяина замка.

Через несколько дней после прибытия трех княжон в Футю Хидэёси, который, не успев разрушить Китаносё, бросился умирять Кагу и Ното, остановился на обратном пути у Маэды.

Случилось это в первый день пятой луны.

Услышав о прибытии злейшего врага, Охацу и Когоо побледнели и забились в угол, прижимаясь друг к дружке. Тятя не вполне понимала, что за чувства движут ее сестрами. Вероятно, некая смесь ненависти и страха, полагала она. Ее же отношение к Хидэёси было куда сложнее. Питать приязнь к истребителю семей Асаи и Сибата она, разумеется, не могла, но и возненавидеть этого человека ей тоже никак не удавалось.

Если подумать, именно Хидэёси вел осаду и штурм замка Одани десять лет назад, это его войско уничтожило клан Асаи, это он повинен в смерти ее отца и деда. Опять же, не кто иной, как Хидэёси, казнил ее старшего брата, «изрубил в куски» десятилетнего Мандзюмару, а потом принудил к самоубийству ее отчима Кацуиэ и милую матушку... При мысли об этом в сердце княжны Асаи должна была разгораться ненависть. Но ничего подобного не происходило... Тятя сама себе удивлялась.

Лето того года три сестры провели в покоях маленького замка на полпути к северному побережью. Они и между собой-то нечасто переговаривались, а уж из внешнего мира новости получали и вовсе редко, потому о гибели Нобухико Оды узнали, лишь когда воинские страсти уже улеглись и даже пересуды вокруг самого события поутихли. А вышло так, что Нобухико, ставка которого находилась в Гифу, подвергся нападению со стороны своего единокровного брата Нобукацу, хозяина Киёсу, и на второй день пятой луны, вскоре после смерти Кацуиэ и О-Ити, был тоже вынужден совершить самоубийство.

На девушек, и без того раздавленных горем, это известие, впрочем, не произвело особого впечатления.

Охацу в последнее время то и дело ударялась в слезы – вероятно, в те минуты, когда вспоминала о матери. Тятя и Когоо наблюдали за ее приступами скорби в равнодушном молчании, каждая при этом думала о своем. Когоо демонстрировала ко всему полнейшую безучастность, которую сестры принимали за дурное настроение. Когда кто-нибудь с ней заговаривал, она отводила взгляд, на губах расцветала загадочная улыбка, вызванная как будто не словами собеседника, а ее собственными мыслями. Странное поведение для тринадцатилетнего ребенка.

Тяте были близки переживания Охацу и совсем не удивляли ее рыдания, но угадать, что творится в сердечке самой младшей сестры, оказалось куда сложнее. В глубине души Тятя завидовала Когоо, ее умению не жаловаться на судьбу, тому, что девочка выстроила неодолимую стену между собой и своим горем и теперь воспринимала его, будто глядя со стороны.

В конце лета бродячий торговец, остановившийся в Футю, рассказал о последних днях Моримасы Сакумы, чья казнь наделала много шума в Киото. Пленника привезли из Китаносё в столицу. Там Хидэёси принял его, позвал к себе на службу и получил грубый отказ. Тогда он велел весь день возить упряма по городу на потеху толпе, а после обезглавить.

«Господин Сакума явил себя взорам в доспехах, наплечники украшены золотыми листьями, дзимбаори⁵⁴ вьется сполохами алого пламени. Когда же пришло время подняться в

⁵⁴ Дзимбаори – парадная накидка воинов высших рангов.

повозку приговоренного к казни, он выкрикнул: „Свяжите меня, не то я за себя не ручаюсь!“» Бродячий торговец залихватски описал сцену, будто сам при ней присутствовал. Еще он поведал о том, что двенадцать крестьян, схвативших Моримасу в Суруге и выдавших его Хидэёси, напрасно ждали награды – их всех приговорили к распятию, ибо негоже простолюдинам вмешиваться в дела воинского сословия. Вот так-то. А Моримасу молва народная сделала героем битвы при Янагасэ.

Охацу и Когоо поспешили удалиться, едва лишь торговец начал свой рассказ. Но Тятя осталась и дослушала до конца. Она понимала, что слухи приукрасили события, а рассказчик не постеснялся многое добавить от себя, но все, что она услышала, очень подходило к образу Моримасы Сакумы. Перед глазами на миг возникло видение: высокий молодой воин в парадном облачении сидит, связанный по рукам и ногам, в позорной повозке, которая катится по улицам Киото... Мгновение – и картинка исчезла, как не бывало, Тятин взгляд снова утонул в пышной листве сада, пронизанной солнечными лучами. Все вокруг сделалось вдруг по-летнему праздничным и знойным, а сердце ее обожгло неведомым доселе жарким чувством.

Последние минуты жизни воина, однажды сказавшего ей, что он готов умереть ради того, чтобы она, Тятя, и ее семья могли спокойно жить в Китаносё, внезапно показались девушке величественными и достойными восхищения.

Весь день она только и делала, что вспоминала о Моримасе Сакуме, а в вечерних сумерках, сидя на энгаве, пролила наконец по молодому воину, который при жизни не видел от нее ничего, кроме равнодушия и холодности, горькие слезы – те самые, что не выплакались ни по бедной матушке, ни по отчиму.

Охацу, Когоо и все дамы из окружения княжон, сопровождавшие их со дня приезда в Китаносё, считали, что, если бы не Моримаса, войска клана Сибата не были бы разбиты. Они винили молодого полководца во всех бедах, однако Тятя их мнения не разделяла. Пусть Моримасой владело безрассудство юности, пусть он сделал ошибку, но Кацуиэ был приговорен к поражению самой судьбой и потерпел бы его рано или поздно. Этот человек, ее отчим, просто не мог тягаться с Хидэёси, точно так же как ее отец Наримаса никогда бы не сумел выстоять против Нобунаги. Пережившая две осады, видевшая своими глазами гибель двух замков, Тятя, которой никто не преподавал ни тактику, ни стратегию, постигла ратное дело сама и научилась хладнокровно оценивать воинскую доблесть и шансы противников на победу.

Лето в том году выдалось переменчивое. В седьмую луну на Киото, Микаву и Хитати обрушились проливные дожди, реки вышли из берегов и множество крестьянских лачуг унесло половодьем. В следующем месяце настал черед Суруги. Когда разлетелись вести о муссонных ливнях в этом княжестве, северные земли уже остудило дыхание осени. Небо сделалось щемяще синим и прозрачным, воздух обрел живительную прохладу. Для трех сестер это была первая северная осень, ее горьковатый привкус казался им непривычным и нагонял тоску.

Пока осень набирала силу, начали распространяться слухи о том, что грядет новое кровопролитие. На сей раз рассорились Хидэёси и Нобукацу, восстали друг на друга, и к концу года ожидалась беспрецедентная битва, в которой должны были передрачиться их сторонники, все как один вассалы клана Ода.

Словно в подтверждение этих слухов в замке Футю закипела непривычная ажитация, каждый день приезжали и снова куда-то уезжали знатные воины.

С восходом одиннадцатой луны трех самураев из Футю отрядили в Осаку на открытие нового замка, возведенного по приказу Хидэёси. Строительство, принявшее невиданный размах, уже было почти закончено, и полководец собирался в ближайшем будущем перенести свою ставку из Ямадзаки в Осаку.

Три посланника вернулись в Футю к середине того же месяца. Один из них поделился с княжнами неожиданной новостью, касавшейся их кузена Такацугу Кёгоку, о котором они

ничего не знали со времени его бегства из Китаносё. Оказалось, что Хидэёси сменил гнев на милость, прекратил преследование, и Такацугу теперь преспокойно живет в замке Вакаса.

Девушки с самого начала не сомневались, что он будет искать прибежища в этой провинции – его сестра Тасуко вышла замуж за тамошнего князя Гэммэя Такэду, и вполне логично было бы попросить у нее поддержки. Но на деле обстоятельства были куда сложнее. Из уст воина, побывавшего в Осаке, княжны услышали, что Хидэёси велел казнить Гэммэя Такэду за участие в заговоре Мицухидэ Акэти сразу после событий в Хоннодзи. Стало быть, кров и защиту Такацугу нашел у вдовы...

Весть о том, что кузен преспокойно живет в провинции Вакаса, совсем рядом с Футю, была для трех княжон весьма неожиданной. Но куда удивительнее было узнать, что Тасуко вскорости должна переехать в Осацкий замок и стать наложницей Хидэёси, а Такацугу предстоит вступить во владение землями в провинции Оми!

Тот же осведомленный воин добавил, что у Тасуко и ее покойного супруга были двое сыновей и дочь, но судьба их неизвестна и что в народе о наследниках клана Кёгоку ходит множество слухов. Если уж подобные слухи достигли ушей человека, и месяца не пробывшего в Осаке, нетрудно сделать вывод, что Тасуко и Такацугу служат темой для пересудов всему городу, решила Тятя. Легко также себе представить, какие комментарии люди отпускают на их счет. Едва ли эти отзывы можно сравнить с тем, что говорят о казненном Моримасе Сакуме. Тасуко сделалась наложницей заклятого врага, убийцы своего мужа, а Такацугу воспользовался этим, чтобы спасти собственную шкуру, – вот о чем шепчутся горожане.

Три сестры отнеслись к рассказу о кузенах по-разному.

– Какая мерзость, – фыркнула Когоо, открыто продемонстрировав презрение к Такацугу и его сестре. Затем с таким видом, будто она больше не в состоянии выслушивать подобные гнусности, поднялась, молча надела гэта⁵⁵ и вышла в сад, над которым кружились легкие снежные хлопья.

Охацу внезапно расхохоталась, но улыбка на ее лице быстро уступила место холодному суровому выражению.

– Он же говорил, что останется в живых любой ценой. Вот и остался, – заявила средняя сестра и, словно желая защитить кузена от презрения младшей, добавила: – Я рада, что он жив. Ведь и мы тоже только тем и занимаемся, что выживаем, верно?

У Тяти насчет Такацугу были свои соображения. Она не спешила ни одобрять, ни осуждать его поступки, потому что поняла: Такацугу действительно готов на любые жертвы и уступки ради собственной жизни, а жизнь ему нужна для того, чтобы восстановить былое могущество дома Кёгоку. Она предчувствовала, что нынешние перемены в его судьбе позволят ему приблизиться к цели. Все это лишь подтверждало то, что когда-то ей сказал Удзисато Гамоо: Такацугу неведом стыд, он никогда не станет смывать свой позор кровью и воспользуется любыми средствами в служении на благо поверженному клану Кёгоку. Тятя вспомнила тот вечер, когда Такацугу появился в Китаносё. Он намекнул ей, что остался в живых только ради нее. Как же она была разочарована, каким презрением прониклась к нему! А вдруг она его недооценила? Вне всяких сомнений, это было признание в любви, но с какой целью? Ведь Удзисато прав: Такацугу не из тех, кто станет проявлять щепетильность при выборе средств для восстановления утраченной славы своего рода, а стало быть, если для осуществления замыслов ему нужно жениться на старшей дочери Асаи, он так и сделает, и чувства тут ни при чем – позволил же он родной сестре стать наложницей Хидэёси...

«Но уже слишком поздно», – сказала себе Тятя, не слишком-то отчетливо осознавая, для чего именно поздно. Некогда трепетавший в ней огонек, вспыхнувший после первой встречи

⁵⁵ Гэта – японская национальная обувь, толстая деревянная подошва с ремешком для большого пальца, которая имеет внизу либо выемку посередине, либо две поперечные подставки.

с двоюродным братом, угас и никогда не разгорится. Священный страх, смешанный с уважением, от которого она, еще ребенком, вздрагивала при упоминании о великом доме Кёгоку из провинции Оми, остался где-то там, на пути несчастий и скорби, пройденном за десять лет. И вместе со страхом навечно сгинул интерес, который она питала к личности Такацугу.

Сейчас ее куда больше занимала судьба Тасуко. Тятя даже испытывала своего рода жестокую радость при мысли о том, что эта женщина будет услаждать ласками мужчину, повинного в смерти ее супруга и исчезновении ее детей...

В начале двенадцатого месяца Тосиэ Маэда внезапно объявил о своем намерении перенести резиденцию из Футю в замок Канадзава, что в провинции Кара. Кагу ему во владение отдал Хидэёси, добавив к его старым землям в Ното еще два уезда – Исикава и Кавакита. В Футю начались спешные приготовления к переезду. Раз уж все равно затевались такие перемены, решено было воспользоваться случаем и отправить Тятю и ее сестер в Адзути. Замок Адзути, восстановленный на пожарище, стал резиденцией юного Самбосимару. При малолетнем наследнике Нобунаги Оды обязанности советников по-прежнему отправляли Гэнъи Маэда и Нагатаникава Тамба-но-ками. В венах Тяти и ее сестер текла кровь Ода, значит, их место было в Адзути, подле юного главы рода, к которому они принадлежали.

И вот в середине двенадцатого месяца три юные княжны пустились в путь в направлении, противоположном тому, что избрали для себя Тосиэ Маэда, его домочадцы и челядинцы. Свита, сопровождавшая сестер год назад по дороге в Футю, теперь изрядно поредела. Приподнимая полог паланкинов, они узнавали давно забытые пейзажи по обочинам тракта, но на сей раз виды были припорошены пушистыми хлопьями снега, кружившими в воздухе. Когда далеко впереди заплескались темно-синие воды озера Бива, Тятя и Охацу сделались молчаливыми – обе задумались о новой жизни, которая ждала их в Адзути; обеим стало не по себе. И только Когоо, неожиданно обретя чудесное расположение духа, то и дело выпрыгивала из своего паланкина, подбегала к сестринским и поднимала полог, чтобы поболтать то с Тятей, то с Охацу. Казалось, она оставила свою извечную угрюмость в замке Футю и взяла на вооружение детскую беспечность.

Новогодние торжества 12-го года Тэнсё⁵⁶ застали Тятю и ее сестер в замке на берегу озера Бива.

Новая крепость Адзути, невысокая, поражающая простотой внутреннего и внешнего убранства, ни в какое сравнение не шла с прежней цитаделью, стертой с лица земли войском Мицухидэ Акэти сразу после событий в Хоннодзи, которые стоили жизни Нобунаге. Разительные отличия между двумя замками олицетворяли собой убыль могущества дома Ода, растерявшего политический вес после смерти своего великого главы. Тем не менее владетельные князья, направлявшиеся со всех концов страны на празднование Нового года в Киото, все еще почитали своим долгом остановиться в Адзути, дабы вознести почести юному наследнику клана Ода. Но не успели отшуметь новогодние гулянья, скромный замок на озере снова погрузился в тишину и безвестность.

Именно в этом месте теперь проводили дни три сестры, окруженные заботой придворных дам на женской половине, в тихих покоях, граничивших с маленьким садиком. Зимние холода не лютовали здесь, как в Этидзэн, но северный ветер, гулявший над озером Бива, леденил замок своим дыханием – крепостные стены не были ему помехой. Зато снегопады обходили Адзути стороной, быть может гонимые тем же неласковым ветром.

Сменились две луны со дня новоселья, и вдруг Охацу поведала Тяте, не признавшись, откуда у нее эти сведения, что Такацугу пожалована земля в провинции Оми с доходом в две с половиной тысячи коку и что сейчас он гостит в Осацком замке.

⁵⁶ 1584 г.

– Господин Такацугу наверняка слышал о нашей новой резиденции и теперь не преминет нанести нам визит, – с надеждой добавила Охасу.

Тятя и сама не отказалась бы повидать двоюродного брата – в этом замке они вели жизнь уединенную и мучительно скучную, самураи, знакомые и незнакомые, на женскую половину никогда не заглядывали. Однако, в отличие от сестры, она не слишком-то рассчитывала на появление Такацугу в Адзути.

Дни на озере Бива текли мирно и безмятежно, потому столь неправдоподобно звучали долетавшие порой до княжон слухи о новой смуте в стране. Поговаривали, что Нобукацу заключил союз с Иэясу Токугавой и не сегодня завтра должна разгореться война между их объединенными силами и армией Хидэёси. Местные самураи, однако, и виду не подавали, что назревает нечто серьезное, как будто все это ни в малейшей степени их не касалось.

В начале третьего месяца, когда в замковых садах уже отцвела сакура, достоверность слухов начала подтверждаться. Однажды утром Тятю разбудило конское ржание – неведомо откуда прибыл кавалерийский эскадрон, двор замка наводнили облаченные в доспехи самураи верхом на боевых конях. Суматоха в Адзути продолжалась добрую дюжину дней, затем, двадцать первого числа третьего месяца, обитатели цитадели увидели вдали, на южном тракте, десяти тысячное войско, ведомое Хидэёси. Он выступил из Осаки и направлялся на восток. Тятя и ее сестры наблюдали за маршем с высоты сторожевой башни. От рассвета до заката бесконечная колонна ратников взбивала клубы пыли на дороге. Хидэкацу Хасиба, Хидэнага Хасиба, Удзисато Гамоо, Хидэмаса Хори... Княжны жадно ловили имена прославленных полководцев из уст самураев, узнававших их в волнах знамен и сполохах доспехов. Но лишь при виде войска Удзисато Гамоо Тятя почувствовала некоторое душевное волнение. Ей почудилось, будто только вчера она просила у этого человека совета по поводу свадьбы ее матушки и Кацуиэ Сибаты. Самураи под предводительством двадцатидевятилетнего военачальника должны были составить самое мощное крыло армии клана Хасиба, и, когда они маршировали вдали, разделенные на десяток батальонов, в идеальном порядке, это войско показалось Тяте самым прекрасным и слаженным из всех.

Противостояние армии Хидэёси союзным войскам Нобукацу и Иэясу заняло куда больше времени, чем ожидалось. Основные силы, сосредоточенные на линии фронта, в боевые действия не вступали. Минуло лето, близилась к концу осень, а крупных сражений так и не произошло. Хидэёси заключил сепаратный мир сначала с Нобукацу, затем с Иэясу, и вот в одиннадцатом месяце бывшие противники разошлись восвояси. На южном тракте в виду замка Адзути опять за клубилась пыль – несколько дней, уже в обратном направлении, по нему шагали ратники Хидэёси. И лишь самураи Нагаёси Мори, уроженца Оми, погибшего на поле брани, шли понурые, оплакивая своего предводителя.

После возвращения армии Тяте впервые за долгое время выпала okazия повидаться с Удзисато Гамоо. Узнав, что он на обратном пути остановился в Адзути, дабы засвидетельствовать свое почтение Самбосимару, и заодно собирается нанести им визит, княжны в великой спешке велели прибрать в своих покоях и облачились в парадное платье. Это была первая аудиенция, которую им предстояло дать со дня переезда в замок на озере Бива. С особым тщанием они приготовили дзабутон для гостя на самом почетном месте.

Удзисато без церемоний уселся там, где ему было указано. За два года, прошедшие с их последней встречи, он очень возмужал – облик молодого воина окончательно сменился импозантной внешностью зрелого полководца.

– Счастлив видеть вас в добром здравии, княжны. О том, что вы поселились в Адзути, я прослышал еще в конце прошлого года, однако ратные дела до сих пор не позволяли мне нанести вам визит.

Тятя слушала, склонив голову.

– Откладывать нашу встречу и далее я не мог, поскольку в ближайшее время мне надлежит перенести свою резиденцию в Мацугатакэ провинции Исэ, а оказавшись там, я уж и знать-то не буду, когда мы с вами сумеем свидеться.

Из слов Удзисато можно было заключить, что он явился в Адзути не для того, чтобы выполнить свой долг вассала клана Ода перед Самбосимару, а исключительно ради встречи с тремя князьями. Разумеется, он и не думал проявлять непочтительность по отношению к своему сюзерену, и тем не менее его неосознанное поведение ясно указывало на то, какое место отныне занимает малолетний глава дома Ода в воинской иерархии. Но все же от речей молодого полководца, чьей главной целью было навестить их в забытом всеми замке Адзути, у трех сестер потеплело на душе.

– Господин Гамоо, мы ведем здесь жизнь уединенную и мало что знаем о событиях во внешнем мире, однако же слухи о ваших свершениях достигли и наших ушей.

Несколько дней назад княжны действительно слышали о том, что Удзисато пожалованы земли Мацугатакэ в Исэ с доходом в сто двадцать тысяч коку. Судя по всему, Хидэёси высоко оценил достоинства молодого полководца, к которому в недавнем прошлом весьма благоволил и сам Нобунага Ода. При этом Удзисато, в отличие от Такацугу, хватило благоразумия обойти подводные камни, разбросанные в непосредственной близости от Хидэёси, и избежать с ним ссор, в которые ввязались многие бывшие вассалы Нобунаги. И он, Удзисато, продолжил путь наверх, постоянно укрепляя свои позиции и выходя на новые рубежи.

От похвалы, прозвучавшей из уст Тяти, у молодого полководца заблестели глаза.

– Лишь избранным дано прозреть грядущий день. Человеческая жизнь полна неожиданностей. Все мы – игрушки в руках времени и заложники кармы, с которой рождаемся на этот свет.

– Стало быть, вы предлагаете нам и дальше прозябать в праздности и одиночестве, пока время и карма не свершат свое дело? – Тятю вдруг охватило странное возбуждение – она и сама не знала, что заставило ее бросить эти слова в лицо воину.

Удзисато долго молчал, прежде чем произнести:

– Мыслимо ли, чтобы вы не дождались своего счастья, княжна? Настанет день, когда оно само придет к вам.

– Почему вы так думаете?

– Если уж вам не суждено изведать счастья, кто еще этого достоин? Я хочу сказать, что... – Удзисато задумался, как будто подыскивая слова, да так и не сказал, чего хотел.

– Что ж, значит, мы втроем будем сидеть здесь и ждать, когда же счастье заглянет к нам в гости, – улынулась Тятя, подводя итог разговору. Но в глубине души она терялась в догадках – о чем умолчал Удзисато? Почему именно она заслуживает быть счастливой, она, а не кто-то другой? Откуда у нее это право – на счастье?

Удзисато Гамоо провел у княжон еще около часа. Поведал им о битве при Комаки и, повторив на прощание, что в ближайшие год или два не сможет с ними увидеться, удалился.

После его ухода Тятя, оставив сестер в гостиной, одна вышла в сад. Она хотела проводить Удзисато, который в тот момент седлал коня, готовясь к отъезду из Адзути со своими самураями, но, прогуливаясь между деревьями, внезапно изменила намерения и направилась к беседке, обращенной к озеру. Хираяма, величественно возносящая к небу свою вершину, обрядилась в белые одежды – должно быть, это ветра, бушевавшие всю ночь, запорошили ее снегом, принесенным с севера. Стылую водную гладь рябили мелкие волны.

Тятя думала о двоюродном брате, который еще ни разу не проведал их в Адзути, и удивлялась капризам собственного сердца – она тосковала по Такацугу, когда беседовала с Удзисато, а Удзисато вспоминала в присутствии Такацугу.

Настал 13-й год Тэнсё.⁵⁷ Тяте сравнялось девятнадцать, Охацу – семнадцать, Когоо – пятнадцать. Это был их второй Новый год в замке на берегу озера Бива. На сей раз праздники в Адзути прошли куда скромнее. В прошлом году старые вассалы клана Ода еще останавливались в резиденции Самбосимару по пути в Киото, теперь же никто не явился. Тятя уповала на то, что Удзисато, живущий ныне в своих новых владениях Мацугатакэ, заглянет к ним с поздравлениями, но, обнаружив, что и сестры питают те же надежды, рассердилась.

– Неужто вы забыли, что господин Гамоо ясно дал понять: в ближайшие год или два он не сможет с нами увидеться? Да что ему делать здесь, в нашем незначительном замке?

У Охацу от этих слов совсем испортилось настроение, и она проворчала:

– Что это вы, сестрица, гневаетесь без причины? Я и заговорила-то о господине Гамоо только потому, что думала, будто вы ждете его визита.

– Почему это я должна ждать его визита? – вскинулась Тятя. – Нет, правда, с чего бы мне его ждать?

– А я откуда знаю? Просто подумала так, вот и все, – пошла на попятную Охацу. – Верно же, Когоо? – обратилась она за поддержкой к младшей сестре, но та лишь скорчила гримаску, свидетельствующую о том, что у нее нет ни малейшего желания участвовать в чужой ссоре, и холодно ответила:

– По мне, так уж лучше пусть никто не приезжает. Что гость увидит здесь, кроме того, что наше существование становится все более жалким?

При этих словах обе спорщицы прикусили язычки. А ведь действительно – зачем выставлять напоказ перед сторонними людьми свое бедственное положение?

Новости, которые княжны узнавали от придворных дам и самураев из замкового гарнизона, по-прежнему касались ратных дел. Поутихшая было борьба за власть между Хидэёси и Иэясу вспыхнула с новой силой, и очередное кровопролитие назревало в провинции Кию. Слухи подтверждала спешная и масштабная переброска войск в эти земли, не ускользнувшая даже от внимания трех сестер, томившихся вдаль от мира, за крепостными стенами замка Адзути.

В начале третьей луны девушек неожиданно навестил Такацугу Кёгоку. В один прекрасный день, без предупреждения и сопровождения, он появился во внутреннем саду на женской половине. Первой его заметила Когоо и бросилась к сестрам, которых служанки как раз причесывали в спальнях покоях. Выслушав Когоо, обе княжны остолбенели, у обеих перехватило дыхание. Тятя, однако, тотчас пришла в себя и велела одной из служанок проводить молодого человека в гостиную, а затем обернулась к Охацу:

– Быстренько приведи себя в порядок и ступай поприветствуй его.

– А вы, сестрица?

– Я присоединюсь к вам позже.

Охацу спешно закончила утренний туалет и ушла. Тятя же позволила служанкам еще поколдовать над своей прической, потом неторопливо переделалась в церемониальное кимоно. Она тоже была потрясена прибытием нежданного гостя, но ее душевная буря длилась всего несколько мгновений. Сердце словно по ошибке рванулось из груди и тотчас покорно вернулось на свое место. Его поведение даже слегка озадачило девушку.

Когда она наконец вошла в гостиную, Такацугу и Охацу сидели подле энгавы и беседовали, улыбаясь друг другу. Даже Когоо, хоть и держалась чуть поодаль, вид имела радостный. Когоо, которая, узнав, что натворили Тасуко и ее братец, скривилась от отвращения и покинула покои, где шел разговор о них, теперь вела себя так, словно навсегда об этом позабыла!

Заметив Тятю, Такацугу посерьезнел и обменялся с ней поклонами. Оба приветствия были слишком церемонными – обстоятельства того не требовали.

⁵⁷ 1585 г.

– После нашего с вами расставания в Китаносё я уж и не надеялась снова увидеть вас в столь добром здравии, – промолвила Тятя, глядя кузену в глаза.

Такацугу в ту пору было уже двадцать три года. Он заметно исхудал, но бледное лицо с правильными чертами, благородный лоб и пронзительный взгляд остались прежними.

– Ваша правда, есть чему удивляться – я все еще жив, – сказал Такацугу с горькой усмешкой, в которой отразились те же чувства, что прозвучали в его коротком ответе.

– Должно быть, немало невзгод выпало на вашу долю за эти годы.

– Вам довелось пройти через более тяжкие испытания, княжна. Мои невзгоды рядом с вашими... – Махнув рукой, он помолчал и снова заговорил: – Тем не менее я избежал смерти, имя Кёгоку продолжает жить!

Действительно, в губительной игре с судьбой ему удалось не только сохранить свою жизнь, но и спасти от небытия родовое имя. Однако в последнем восклицании кузена Тяте послышалась самоуверенная похвальба, поэтому она не сдержалась:

– До нас дошли вести о Тасуко... – И тотчас пожалела об этих словах, но было поздно – они уже сорвались с губ.

Такацугу болезненно скривился – лишь на мгновение, а в следующую секунду в глазах его полыхнула злость.

– Что такое жизнь сестры в сравнении со славой клана Кёгоку? Безделица! – И все же под конец голос молодого воина чуть заметно дрогнул.

– Неужели? – Тятя даже подняла склоненную голову, чтобы взглянуть на него.

– Младшая сестра Удзисато Гамоо тоже получила приглашение в замок Хидэёси Хасибы. Женщине из поверженного клана Кёгоку было бы куда сложнее избежать подобной участи, вы не находите?

– Сестра господина Гамоо?! – опешила Тятя. – Вы серьезно? – Она ушам своим не верила – настолько нелепой казалась мысль о том, что родная сестра Удзисато может стать наложницей Хидэёси.

– Вы разве не слышали о даме Сандзё, поселившейся в Киото?

Конечно, Тятя слышала, и не раз, об этой знаменитой женщине, но она и представить себе не могла, что речь идет о сестре Удзисато.

Княжна устремила взгляд на деревья в саду, оголенные зимними ветрами. От невыразимой грусти зануло сердце. Удзисато казался ей единственным мужчиной, способным устоять против Хидэёси, прямо отказать ему в чем бы то ни было, и вдруг, в один миг, ее представления о нем перевернулись с ног на голову. Слава молодого полководца, совершившего головокружительный взлет к вершинам воинской иерархии, ставшего надеждой и опорой армии Хидэёси, померкла.

Пару часов поболтав с кузинами о том о сем и пообещав почаще заглядывать в гости, Такацугу отбыл в Танакаго, на земли, вверенные его опеке. Не успел он скрыться из виду, как сестры принялись обсуждать все, что услышали, каждая на свой лад. Охацу, все больше помалкивавшая в присутствии Такацугу, оживилась, взбодрилась и даже развеселилась с его уходом. Тяте неприятно было видеть сестру в таком расположении духа, и ее злость выплеснулась в обидных словах, брошенных в адрес Тасуко:

– Дом Кёгоку пал во второй раз! Стать наложницей врага, который убил твоего мужа, принять такое унижение ради всеми на свете забытого клана – как это гнусно и нелепо!

– Говорят, дама Кёгоку – так теперь называют Тасуко – очень несчастна, – сказала Охацу.

– Это потому, что она сделалась наложницей. Но право же, заплатить счастьем сестры за собственную безопасность – стыд-то какой!

На сей раз жертвой Тятиной злости стал Такацугу. У него никогда и в мыслях не было отдать Хидэёси сестру в обмен на высочайшее благорасположение – он поступил так, потому что не видел другого пути к восстановлению прежней славы Кёгоку. Другого пути и не было.

Тятя прекрасно все понимала, мало того – именно этого она и ожидала от Такацугу. Но даже ожидания остались в прошлом, и девушка все отчетливее ощущала, насколько сложными стали ее чувства к кузену.

Почему чистый огонь, зажженный Такацугу в ее детской душе, не может разгореться вновь? Почему все не может остаться таким простым и ясным, как раньше? Да, ей кажется, что юноша с цельным характером и благородными помыслами уже не существует. Но дело не только в нем. Возможно, главная беда в том, что громкое и грозное имя Кёгоку обратилось в пустой звук, растворилось в многоголосье смутных времен? Так или иначе, обет вернуть былое величие дому Кёгоку теперь представлялся Тяте эгоистическим и совершенно бессмысленным, а в поведении Такацугу, готового подвергнуться любым унижениям, лишь бы достичь своей цели, ей виделась бесчестность. И несмотря на то что в присутствии Такацугу девушка изо всех сил старалась держаться учтиво, ее немного пугало собственное желание затеять с ним ссору, возникавшее как только он появлялся.

В тот день Тятя долго размышляла. Ей не давал покоя и Удзисато Гамоо. Если причины, побудившие Такацугу отдать свою родную сестру Хидэёси, были ей вполне ясны, в случае с Удзисато разобраться куда труднее. Покорился ли он воле господина или же по собственному желанию расплатился сестрой за свое продвижение вверх по общественной лестнице?

Хидэёси, могущественный полководец, разменявший шестой десяток, тоже занимал немало места в мыслях княжны. Ходили слухи, что он объявил себя «верховным правителем». Так это или не так, в любом случае Хидэёси был в ту пору самым могущественным человеком в Японии и ему оставалось покорить не слишком уж много земель, чтобы завладеть титулом верховного правителя по праву. И этот почти что признанный властелин взял в наложницы старшую сестру Такацугу и младшую сестру Удзисато... Тяте никак не удавалось понять, что он за человек. Ей довелось поговорить с ним один-единственный раз, когда она была почти ребенком и он явился с визитом в крепость Киёсу. Тогда перед ней предстал обычный воин, лет сорока с небольшим, добродушный, но не без хитринки. Спустя несколько лет Тятя видела его издалека – он вел свое войско на север, а за его спиной догорали руины замка Китаносё. Больше она ничего не знала о Хидэёси, кроме того, что по его вине оборвались жизни почти всех членов ее семьи.

В девятом месяце того же года состоялась третья встреча княжны с этим человеком. Произошло это через два месяца после того, как с восходом седьмой луны он по воле императора был назначен на пост кампаку.⁵⁸ Тятя и ее сестры не очень-то хорошо представляли себе, что означает сам титул, несомненно было одно: отныне Хидэёси – полноправный хозяин страны и по чину, и по сути. В честь знаменательного события в Адзуте устроили пир, бочонки сакэ рядами выстроились вдоль улочек города у подножия замка на радость простому люду, повсюду раздавали бесплатное угощение. Когоо в сопровождении служанки отправилась тогда взглянуть на народное гулянье, но Тятя и Охацу остались в своих покоях.

На следующий день после празднества Тятя со смотровой площадки сторожевой башни увидела огромную армию на марше с востока. Это воины Хидэёси шли усмирять северные провинции. Но даже самураи Адзуте не могли сказать, возглавляет ли его высокопревосходительство кампаку поход самолично.

Север покорился власти Хидэёси в мгновение ока, и уже в девятом месяце обитателям Адзуте довелось понаблюдать за победоносным возвращением армии. Один отряд отделился от основного корпуса и завернул в замок. Какая же тут поднялась суматоха! Слуги и самураи весь день носились туда-сюда как угорелые. Три княжны, перепуганные этой беготней, решили, будто надвигается беда, и до самого вечера носу не казали из своих покоев, а когда стемнело, им сообщили о том, что его превосходительство желает с ними повидаться. При этом известии

⁵⁸ Кампаку – великий канцлер, высшее правительственное звание при императорском дворе в Японии IX–XIX вв.

все трое изменились в лице. Когоо и Охацу бросились к старшей сестрице, словно искали спасения, – обе были уверены, что Хидэёси собирается их казнить. Тятя же, хоть и побледнела, хладнокровия не потеряла. Пожурив сестер за малодушие, она строго добавила:

– И не вздумайте опускать голову перед кампаку. Смотрите ему прямо в глаза. Ясно? Не смейте разыгрывать из себя побежденных и смирившихся!

– Ой, что же тогда с нами будет? – прошептала Охацу, которая и впрямь дрожала от страха, что ей перережут горло.

Когоо к тому времени уже взяла себя в руки и проявила наконец свойственное ее натуре спокойствие:

– А я вот не откажусь заглянуть в лицо кампаку. Если он на меня посмотрит, я, стало быть, не должна отводить глаза, да, сестрица?

Явились дамы из главного дворца и помогли княжнам одеться. Было еще рано; девушки, принаряженные и причесанные, уселись ждать на энгаве, когда за ними пришлют. Время тянулось томительно и тревожно. Когоо и Охацу между делом дружно сказали Тятю, что она – вылитая покойная матушка О-Ити.

Посланники из главного дворца пришли к часу Пса. В сопровождении двух самураев и трех дам из своего окружения княжны покинули женскую половину и пересекли сад, в котором давали осенний концерт неутомимые цикады. Холодный ветер, предвестник бури, стонал и завывал без передышки, стараясь перекрыть пение насекомых; луна еще сияла в черном небе, но тучи уже неумолимо подступали к ней со всех сторон.

Процессия вышла на центральный двор и свернула к павильону у подножия тэнсю. Девушки воображали себе ярко освещенные палаты, а вместо этого оказались в темном зале – с вечерними сумерками, которые завоевали все пространство, там боролись лишь фонарики у открытых сёдзи, ведущих на энгаву. В круге света сидели несколько мужчин и женщин.

Когда Тятя и ее сестры приблизились, собравшиеся поприветствовали их поклонами и указали на почетное место. Как только княжны опустились на татами, все снова глубоко поклонились им. Все, кроме одной женщины, сидевшей как раз напротив. Тятя подняла глаза, чтобы взглянуть на нее, и чуть не вскрикнула от изумления – это была Омаа, третья дочь Тосииэ Маэды, которую она однажды видела в саду замка Футю.

Омаа была на год младше Охацу, значит, ей всего шестнадцать... Но выглядела она гораздо старше своих лет, и не только из-за высокого роста – должно быть, испытания, выпавшие на ее долю, послужили причиной столь раннего созревания, ведь на своем коротком веку она успела стать заложницей в Китаносё и потерять жениха, оборонявшего замок от захватчиков.

Слегка поклонившись Омаа, Тятя представила ее своим сестрам:

– Эта юная княжна – дочь господина Маэды, которому мы безмерно обязаны за гостеприимство.

Охацу и Когоо в свою очередь поклонились Омаа, и та ответила каждой едва заметным кивком, не проронив при этом ни слова. Тятя почувствовала всю ту же неприязнь, которая охватила ее и при первой встрече с высокомерной девицей в замке Футю. Лицо Омаа являло собой неподвижную маску, надежно скрывавшую ее мысли.

Тут прибыла целая толпа подвыпивших гостей. Все, кто уже был в павильоне, включая Омаа, низко поклонились человеку, возглавлявшему шумную братию. Он, непринужденно посмеиваясь, широким шагом прошелся по энгаве, ступил на освещенное пространство и уселся подле Омаа. Тятя и ее сестры кланялись, не поднимая глаз.

Они и без того догадались, что их поклон адресован самому Хидэёси.

– Ну что, княжны, небось уже наболтались власть?

– Нет, – отрезала Омаа.

Тятя впервые услышала ее голос – он прозвенел хрустальным колокольчиком.

– Нет? А что так? Давайте-ка наверстывать упущенное. Как поживают наши дамы в Адзути?

– Хорошо. – Тятя наконец взглянула в лицо любопытствующему мужчине. Он сидел в каком-то кэне от нее. Да, это был Хидэёси. Улыбался, весело щурился, обратив багровое лицо в ее сторону. В неярком свете фонариков невозможно было понять, то ли знойное солнце опалило его, то ли возлияния сделали свое дело.

– Это, стало быть, Тятя. Как же величать вторую княжну?

– Охацу, – ответила Тятя вместо сестры.

– А третью?

– Когоо.

– Все три – писанные красавицы. Загляденье. Кстати, извольте подружиться с княжной Кагой, сделайте милость. – Хидэёси повернулся к Омаа: – Коли заскучаешь в Осаке, можешь в любое время навеститься к ним.

– Вот еще.

Все вздрогнули, услышав столь дерзкий ответ.

– Что – вот еще?

– Мне с ними неинтересно.

– Какая неприятность! – Хидэёси оглушительно захохотал, словно общался с маленькими детьми и те позабавили его своими проказами.

Тятя стало неуютно от того, как вела себя Омаа, но присутствие мужчины, который самолично присвоил титул верховного правителя, разволновало ее еще пуще. Выходец из более чем скромного семейства, он достиг вершин власти, уничтожил клан Асаи, разделался с домом Сибата, принудив к самоубийству Тятиных отчима и матушку, а совсем недавно был назначен императорским двором на должность кампаку. Княжна глаз не могла отвести от лица этого человека.

Она дала себе слово выдержать его взгляд, но возможности испытать свою решимость ей не представилось, потому что Хидэёси вообще ни на кого не смотрел. Ни разу не взглянул никому в лицо. С видом взрослого, ненароком затесавшегося в стайку ребятишек, поглощенных игрой, он задал несколько вопросов Омаа, Тятя и ее сестрам – какие яства они предпочитают, занимаются ли разведением птиц, катаются ли по озеру на лодке – и велел всем отправляться спать.

Прежде чем удалиться вместе с дамами из своего окружения, Тятя поклонилась в знак прощания Хидэёси. Все последовали ее примеру. Все, кроме Омаа, которая осталась сидеть рядом с властелином, высокомерно поглядывая на остальных. Ее поведение показалось Тятя очень странным. И только вернувшись в свои покои, сестры узнали из уст одной придворной дамы, что Омаа тоже сделалась наложницей Хидэёси и тот как раз вез ее в Осацкий замок, но по пути остановился в Адзути. Поначалу Тятя не поверила своим ушам, а потом поняла, что иначе и нельзя объяснить дерзость шестнадцатилетней девчонки. И в тот же миг ее обуял страх. Все барышни ее возраста и положения одна за другой становятся наложницами Хидэёси – Тасуко, Омаа, младшая сестра Удзисато... Уж не уготована ли и ей та же доля? И впервые она почувствовала тоску и леденящую тревогу от того, что будущее Когоо, Охацу и ее собственное отныне всецело зависит от милости кампаку.

Настал 14-й год правления под девизом Тэнсё,⁵⁹ пришла шестнадцатая весна Когоо, и Гэнъи Маэда явился с известием о том, что младшая княжна Асаи просватана за Ёкуро Садзи. Известие это повергло в изумление не только новоиспеченную невесту, но и ее двух старших сестриц.

⁵⁹ 1586 г.

Жених, которому сравнялось восемнадцать, владел землями Ооно в провинции Овари с доходом в шестьдесят тысяч коку. Его мать была младшей сестрой Нобунаги Оды, а значит, Тяте, Охацу и Когоо он приходился двоюродным братом. Однако до той поры княжны и слыхом не слыхивали ни о нем самом, ни о замке Ооно.

Впоследствии от дам из своего окружения Тятя узнала, что брак затеял не кто иной, как Нобукацу, сын Нобунаги, в свою очередь являвшийся кузеном Ёкуро Садзи. Нобукацу уже давно подыскивал юноше невесту, и в конце концов в жертву политике была принесена самая младшая из трех княжон Асаи. По другой версии, Нобукацу и в мыслях не держал ничего подобного, а идея связать Садзи и Асаи узами брака принадлежала самому Хидэёси. Ёкуро Садзи состоял на службе у Нобукацу, который давно сговорился о политическом и военном альянсе с Иэясу Токугавой на случай столкновения с Хидэёси. Ёкуро, стало быть, тоже предстояло перейти в лагерь Иэясу, если вдруг начнется война, и брак с Когоо ставил его при этом в неловкое положение перед лицом кампаку. Даже по прошествии многих лет Тятя так и не выяснила истину, но склонялась к тому, что план брачного союза выдвинул именно Хидэёси.

Впрочем, в ту пору, когда поступило предложение, Тятю заботила не столько его подоплека, сколько благополучие младшей сестры. Найдет ли Когоо счастье в этом браке? Для того чтобы ответить на столь важный вопрос, княжнам не хватало сведений. Известно было только одно: жених достоин Когоо с точки зрения общественного положения, ибо в его жилах тоже течет благородная кровь Ода, а по отцовской линии он принадлежит к знатному самурайскому семейству из провинции Овари.

Через несколько дней после беседы с Гэнъи Маэдой, выступившим в роли посредника, Тятя обо всем рассказала Когоо. Шестнадцатилетняя девушка ответила ей с равнодушной беспечностью, свидетельствовавшей о том, до какой степени ей прискучила жизнь затворницы в Адзути:

– Ооно ведь находится в провинции Овари, да? Как вы полагаете, сестрица, Овари – подходящее место для жизни? Коли так, я охотно переберусь туда.

Но Тятя не могла позволить ей принять необдуманное решение. Да и Охацу, разволновавшись при мысли о том, что придется отпустить маленькую сестренку в какое-то Ооно, о котором они и не слышали никогда, заявила:

– Сначала надобно хорошенько разузнать о вотчине жениха. Быть может, Ооно – совсем крошечная крепость.

Когоо только плечами пожала:

– Какая разница – высокие стены еще никого не спасли. Сама-то я плохо помню Одани, но люди говорят, это был огромный замок, и между тем дядюшка Ода сровнял его с землей. А Китаносё? Твердыня! И где она сейчас? Обратилась в прах и пепел. Что уж напоминать вам о прежней крепости Адзути – величайшая цитадель во всей Поднебесной, и тоже сожжена дотла.

Она была права. Все замки, в которых когда-либо жили или бывали княжны Асаи, один за другим сгинули в огне пожаров.

Тятя места себе не находила от тревоги за будущее младшей сестры, а та, похоже, ничуть не волновалась. «Раз уж меня просватали за какого-то Ёкуро Садзи, я выйду за него замуж и переберусь в его крепость», – говорила Когоо своим беспечным поведением.

Окончательное решение по поводу этого союза заинтересованные стороны приняли в начале лета того же года. Свадебная церемония должна была состояться на исходе десятой луны. По первоначальному замыслу роль официального посредника отводилась Нобукацу, но время шло, и его имя по неизвестным причинам перестало упоминаться в связи с подготовкой свадьбы.

Лето для всех трех сестер прошло в заботах и хлопотах. Посланники из дома Ёкуро Садзи то и дело навевались в замок, чтобы лично проследить за приготовлениями. С приходом

осени начали поступать поздравления и свадебные дары от вассалов дома Ода, которые уже много лет не подавали о себе вестей.

И наконец настал тот день, когда Когоо должна была покинуть замок в церемониальном паланкине и отправиться в свое новое жилище. Погода стояла холодная, природа поеживалась от страха в предчувствии зимы. Снег, правда, еще не выпал, но над равниной, раскинувшейся вокруг озера Бива, уже нависли тяжелые бурые тучи. Дата свадебной церемонии совпала с прибытием в Осаку Иэясу Токугавы, которому предстояло вести переговоры с Хидэёси, и на фоне вызванной этой новостью суматохи в Адзуте отъезд Когоо в княжество жениха прошел почти незамеченным, будто все о ней позабыли.

– Ну что ж, сестрицы, мне пора, – безмятежно и даже игриво бросила Когоо тем утром в момент прощания, но Тяте и Охацу фигурка младшей сестры в белом свадебном кимоно показалась такой торжественной и печальной, словно она отправлялась на смерть.

Охацу была удручена сверх всякой меры. Послужила ли тому причиной печаль от расставания с сестренкой или же мысль о том, что их бедной матушке не увидеть свою младшую дочь в свадебном наряде, так или иначе Охацу загрустила и сказала Тяте голосом, хриплым от подступивших к горлу рыданий, что они, наверное, уже никогда не встретятся с Когоо.

Да и Тятя ощущала, как в душе с приближением часа отъезда нарастает тревога. Молодой воин, которого ни она, ни сама Когоо ни разу в жизни не видели, и маленький замок Ооно, которым он владел, принимали в ее воображении все более одинокий и отчаянно печальный облик. Предчувствие того, что этому браку не быть счастливым, волной ледяной дрожи прокатывалось по телу, мешая девушке спокойно сидеть на месте.

– Когоо! – выкрикнула она в порыве сестринской любви. – Если когда-нибудь твой замок сгорит в огне войны, обещай, что ты вернешься живой!

– Не волнуйтесь, все обойдется, – с улыбкой сказала Когоо и встала, чтобы последовать за посланником Ёкуро Садзи, велевшим ей поторапливаться.

Тятя и Охацу проводили ее до замковых ворот, украшенных фонариками по случаю торжества. Тут Когоо впервые низко поклонилась сестрам и исчезла за пологом паланкина. Процессия, которая ничуть не походила на свадебную – пять паланкинов, окруженные тремя десятками вооруженных воинов в походном платье, – устремилась в путь к землям Овари по берегу озера Бива. Тятя не вполне понимала политический смысл этого брака, но, глядя вслед процессии, которая медленно растворялась в рассветных сумерках, не могла отделаться от ощущения, что теряет сестру навсегда.

Вскоре после этого, на новогодних праздниках 15-го года правления под девизом Тэнсё, Гэнъи Маэда явился к Тяте с очередным брачным предложением, на сей раз касавшимся Охацу.

– Я прибыл побеседовать с вами на тему, которая надолго займет ваши мысли, так что даже времени не останется расспросить меня о том, не ждет ли часом ваша дражайшая сестрица Когоо наследника дома Садзи, – лукаво усмехнулся старый самурай.

Оказалось, Охацу сватают за воина в расцвете лет, принадлежащего по рождению к одному из пяти самых знатных домов Японии. Сам Хидэёси дарит его своим особым доверием и милостью.

– Кто же это? – осведомилась Тятя.

– Человек, которого вы знаете, княжна.

– И все-таки, кто он?

– Господин Кёгоку.

Неужели почудилось или обычно ласковый взгляд Гэнъи Маэды действительно полыхнул странным огнем, сделался испытующим? Тятя не знала, что и думать.

– Высокородство его неоспоримо, равно как и личные добродетели... – начал было Маэда расхваливать жениха, но Тятя его остановила:

– Если речь идет о многоуважаемом Такацугу Кёгоку, у меня заведомо нет никаких возражений и, более того, я не могу себе представить лучшей партии для моей младшей сестры. – Она чувствовала легкую грусть, как будто Охацу забрала у нее нечто важное, очень ценное, и в то же время испытывала облегчение оттого, что предложение адресовано не ей. – Надеюсь, сам господин Кёгоку не против этого брака?

– Я еще не успел с ним побеседовать, но думаю, он не станет возражать.

Напрямую Гэнъи Маэда этого не сказал, однако нетрудно было понять, что идея брачного союза Охацу и Такацугу исходит от Хидэёси и что вассал не вправе противиться воле своего господина.

В тот вечер, вернувшись к себе, Тятя велела позвать младшую сестру и передала ей брачное предложение.

– Сватают тебя, а не меня, – подчеркнула она.

– Меня? За господина Такацугу?

– Ты что, не согласна?

Охацу зарделась.

– Но... дело не во мне... – с трудом скрывая радость, залепетала она. – Господин Такацугу может не...

– Не может, – отрезала Тятя. – Это приказ самого кампаку.

Ликующая Охацу не обратила внимания на злость, прозвучавшую в словах сестры, и вдруг расхохоталась. Безумный, торжествующий смех не смолкал до тех пор, пока Тятя не вознегодовала.

Вскоре после того, как Гэнъи Маэда передал княжнам волю Хидэёси, в Адзути явился сам Такацугу. Первая луна была на ущербе, без устали шел снег, кружил в воздухе хороводы и таял, касаясь земли. В день визита Такацугу легкие белые хлопья тоже с рассвета танцевали на ветру, который относил их на погибель к озеру. Порой снегопад утихал, в вышине сквозь тучи пробивалась небесная синева, но тотчас снова налетали мириады снежинок, застили глаза своей кутерьмой.

Как и тогда, в Китаносё, Такацугу появился внезапно, без извещения, пришел со стороны внутреннего сада. Тятя как раз раздвинула сёдзи, чтобы проветрить гостиную, – и увидела заснеженный силуэт. К ней приближался молодой воин. Она с первого взгляда узнала кузена. Даже ледяная белая пелена, прорезанная черными ветвями деревьев, не могла скрыть гордого разворота плеч потомка прославленного рода.

Почти два года минуло со времени их последней встречи. Он обещал, что обязательно вернется, и только теперь нашел возможность свидеться.

Охацу в тот день отлучилась из женских покоев – пошла с прислужницей на чайную церемонию в храм, стоявший в призамковом посаде. По натуре Охацу была скорее домоседкой и со дня переезда в Адзути почти не покидала крепостных стен – разве что по случаю официальных церемоний, – но как только она узнала о своей предстоящей свадьбе с Такацугу, ее будто подменили – начала выходить в свет при любой возможности, словно на месте не могла удержаться от волнения. Однажды, глядя, как сестра идет по энгаве, Тятя вдруг поняла, что все в ней стало другим, включая походку: робкая поступь сменилась уверенными стремительными шагами, под которыми постанывали половицы.

– Негоже барышне так громко топтать! – упрекнула ее Тятя.

– Но я же выросла, стала тяжелее, оттого половицы и скрипят, – ответила Охацу и, точно в подтверждение этих слов, расправила плечи, чтобы продемонстрировать сестре свои округлости.

И то правда – расцвела девица, вытянулась за год да пополнела, так что даже Тятя завидовала ее пышным формам. До чего же грустно было при виде этой налитой женской красоты

вспоминать хрупкий силуэт Когоо, шестнадцатилетней девочки, покинувшей замок в свадебном паланкине всего год назад...

Лишь подойдя совсем близко к женским покоям, Такацугу заметил Тятю, сидевшую на энгаве, и остановился как вкопанный. Постоял и снова пошел вперед, не сводя с нее глаз. На извечно бледных скулах заиграл румянец – надо думать, раскраснелся юноша на морозе.

Тятя впустила гостя, задвинула сёдзи и села напротив него.

– Что же вы, сударь, обещали навестить нас и пропали так надолго, – начала она беседу.

– Я приходил минувшим летом, все так же, по саду. Услышал ваш голос за сёдзи и, не осмелившись потревожить, ушел.

– Отчего не постучали?

– Не знаю. В конце прошлого года я опять был здесь, только ночью. Побродил у ваших покоев и вскоре удалился.

Как только молодой человек заговорил, Тятя почувствовала себя неуютно в его обществе. Она склонила голову, чтобы не смотреть на него, боясь поднять глаза и наткнуться на тот же пылающий одержимостью взгляд, которым он так смутил ее в тот вечер, в замке Китаносё, когда, изъясняясь намеками, признавался ей в любви. Тятя догадывалась, что и сегодня Такацугу намерен толковать о том же. В гостиной, где, кроме них двоих, никого не было, почти физически ощущалось напряжение. А как же свадьба с Охацу? Что он об этом думает?

– Вас уже уведомили насчет моей младшей сестрицы? – спросила она.

– Нет. Не понимаю, о чем вы...

Слова хлестнули по нервам, точно кнут. Стало быть, он еще ничего не знает!

– О, ни о чем существенном.

И вдруг слегка дрожащим от волнения голосом Такацугу сказал:

– Княжна, в ваших жилах течет кровь Асаи. Не сочтете ли вы возможным союз со мной, недостойным Такацугу, в чьих жилах течет кровь Кёгоку?

– Много лет назад я мечтала об этом союзе... – промолвила Тятя. Впервые она была с ним откровенна. Теперь, зная, что женитьба Такацугу на ее младшей сестре Охацу неизбежна, ибо такова воля Хидэёси, она могла наконец смело встретить взгляд этого человека, обреченного на поражение. Именно поэтому отпала необходимость кривить душой, умалчивать о сокровенном, как в былые времена общения с ним. Она смотрела на него снисходительно – так умудренный опытом воин смотрит на юного вассала, который пытается учить его уму-разуму. – Однако ныне и думать об этом забыла.

– Забыли?

– Имена Асаи и Кёгоку принадлежат далекому прошлому. Настали другие времена. Некогда я и сама мечтала о возрождении наших кланов. Мой род был в ответе за уничтожение вашего, и я думала, что союз между вами и мною положит конец вашей ненависти к Асаи, что вместе мы вернем былую славу домам Асаи и Кёгоку. Но это было давно. Сейчас я думаю иначе.

– Почему?

– Все изменилось. Мы опоздали. В течение последних десяти лет могущественные кланы один за другим исчезали с лица земли. Такэда, Акэти, Сибата – где они теперь? Даже клан Ода и тот постепенно уходит в небытие. А кто нынче вспоминает о доме Асаи?

– Конечно, вы правы. Однако разве в этом дело? Позволю себе облечь мое предложение в иную форму. Давайте оставим в стороне великие кланы Асаи и Кёгоку. Это я, Такацугу, владетель малого клочка земли в Омидзо с доходом в десять тысяч коку, прошу вас выйти за меня замуж. Теперь вы согласитесь внять моим словам?

– Омидзо?! – воскликнула Тятя. Она не знала, что Такацугу получил эту вотчину.

– Меня самого только вчера уведомили о великой милости. Официально новость будет оглашена в конце лета.

– Поздравляю. И кто же вас уведомил?

Такацугу, сидевший неподвижно, положив, как того требовали правила этикета, ладони на колени, не ответил.

– Его высокопревосходительство кампаку, полагаю? – не отступалась Тятя. Эти слова жгли ей язык, и она бросила их в лицо новоиспеченному даймё Омидзо. Они прозвучали иронично.

Такацугу по-прежнему хранил молчание, но его плечи скорбно поникли. Впрочем, возможно, он таким образом пытался сдержать свой бурный темперамент.

Тятя поднялась и раздвинула фусума, чтобы позвать прислужницу. Снежинки без устали плясали в саду.

– Тятя... – Такацугу подполз к княжне на коленях. – Вы презираете меня за то, что я принял от него землю?

– Полно вам! Что вы такое говорите!

– Я знаю, вы меня презираете. Моя старшая сестра стала наложницей, и...

– Полно! – Тятя отшатнулась и стоя с гневом смотрела на Такацугу, застывшего у ее ног. Но она тотчас пришла в себя и продолжила совсем другим тоном: – Разве не вы все это затеяли? Я думала, вы с самого начала отдавали себе отчет в своих действиях. Омидзо – это только начало, очень скоро вы получите более обширные владения, станете хозяином огромного замка. Нет ничего худого в том, что брат и сестра объединяют свои усилия на пути к цели. Я ничуть вас не презираю, напротив – нахожу ваше поведение блистательным.

– В таком случае...

Но Тятя не дала ему договорить:

– Нет!

Она отвернулась под его взглядом, в котором полыхала страсть, и вдруг почувствовала, что ее дергают за подол. Такацугу сгреб правой рукой полу ее кимоно и тянул изо всех сил на себя. Никто и никогда не осмеливался вести себя по отношению к ней столь грубо и непочтительно. Однако то, что Такацугу потерял голову и не сумел справиться со своими чувствами, не могло не польстить ей.

Тятя хлопнула в ладоши, призывая служанку, высвободила подол и опустилась на татами. Такацугу тотчас отполз назад, восстановив между собой и княжной подобающую дистанцию.

– Я выслушала ваше предложение. Дайте мне время его обдумать, – сказала Тятя. Если сами слова и внушали некоторую надежду, то ледяной тон, которым они были произнесены, уже содержал в себе отказ.

– Раз вам не нравится то, что я вступил во владение замком Омидзо, я подам в отставку. Будущее дома Кёгоку отныне ничего для меня не значит. Сегодня я пришел сюда для того, чтобы признаться в своих чувствах, сказать все без утайки.

В этот момент явилась прислужница. Тятя собиралась было приказать принести чаю, но с ее губ сорвалось совсем другое распоряжение:

– Проводите господина Кёгоку.

От заключенной в этих словах жестокости у Тяти защемило сердечко.

Такацугу же, казалось, наконец смирился. Он поклонился, тихо проговорив:

– Я прошу вас еще раз обдумать мое предложение, – и, спокойно поднявшись с колен, удалился.

Официальное уведомление о свадьбе Такацугу и Охацу было оглашено по весне. Началась подготовка к брачным торжествам. В отличие от проводов Когоо, церемония прощания с Охацу обещала быть помпезной, организацию брачной процессии взял на себя сам Гэнъи Маэда, и в распоряжение средней княжны Асаи тотчас поступило множество новых прислужниц. Каждый день девичьи покои заполняли толпы суетившихся и хлопотавших над приготовлениями людей. Отбытие свадебного паланкина Охацу во владения будущего супруга назначили на излет восьмой луны.

В седьмом месяце Такацугу был провозглашен князем Омидзо. Не солгал, стало быть, сказала себе Тятя. Но он жестоко ошибся в своих расчетах. Едва узнав о намерении Хидэёси поручить его заботам земли Омидзо, размечтался о том, что теперь сможет жениться на ней, на Тяте. Однако Хидэёси, по-видимому, с самого начала собирался дать ему невесту одновременно с замком. Возможно, тут не обошлось без тайного участия старшей сестры Такацугу, наложницы кампаку, – она выхлопотала брату не только вотчину, но и супругу.

Тятя часто вспоминала горящий одержимостью взгляд Такацугу в тот миг, когда он вцепился в полу ее кимоно. При виде сияющего от счастья личика младшей сестры, которая была безумно рада выйти замуж за кузена, она невольно перебирала в памяти короткие мгновения встреч с ним, оставшиеся в тайне от невесты, и испытывала при этом странное чувство.

В начале лета Такацугу снова нанес визит в Адзути. На сей раз это было официальное свидание с суженой. Тятя отдала необходимые распоряжения для того, чтобы встреча состоялась, однако сама к гостю не вышла, пожелав избавить его от лишних душевных переживаний. Впрочем, не только поэтому – она не была уверена, что сможет сохранить хладнокровие в его присутствии.

В день отъезда Охацу летний зной утих и равнину у подножия замка впервые в том году омыла осенняя прохлада. Утром дамы из окружения княжон увидели над озером первые стаи перелетных птиц и разнесли по всему Адзути радостную весть о благом предзнаменовании. Стоя на энгаве, Тятя тоже провожала взглядом пернатые караваны, любовалась крошечными белыми брызгами на ясном небе, позолоченными лучами осеннего солнца.

Свадебный поезд Охацу изрядно превзошел по блеску и роскоши скромную процессию Когоо. В молодой невесте, в этой дивной красавице, никто бы не узнал девочку, всего пять лет назад избежавшую смерти в охваченном пламенем замке Китаносё. Садясь в сказочно прекрасный паланкин, покрытый красным лаком, Охацу, как и Когоо годом раньше, поклонилась своей старшей сестре, прежде чем опустить полог. Но Когоо покидала Адзути с улыбкой на устах, а Охацу, удрученная горем разлуки, закрыла личико рукавом богатого свадебного наряда.

Тятя подошла к ней с упреком:

– Ну же, Охацу! Не плачь. Ты ведь уезжаешь не так далеко, как наша Когоо. Замок, в котором ты будешь жить, стоит на том берегу озера, до него отсюда рукой подать.

А слезы все равно безудержно катились по набеленным щечкам девятнадцатилетней невесты. Тятя лишь подивилась такому поистине женскому поведению младшей сестры – бедняжка Охацу до сего момента с нетерпением ждала дня отъезда, а теперь не в силах вынести муки расставания.

Свадебный кортеж двинулся в путь. Первыми Адзути покинули двенадцать паланкинов со свитскими дамами, за ними – еще три десятка паланкинов, боги знают с кем, в сопровождении семерых всадников. Замыкали шествие челядинцы. Они несли приданое невесты – кухонную утварь, чаши, инкрустированные перламутром, лари с кимоно, домашние божницы, тигаиданы,⁶⁰ сверкающие черным лаком, ширмы и прочее, и прочее. Им предстояло добраться до Оцу, а оттуда на ладьях переправиться на другой берег озера Бива, в Омидзо.

Тятя проводила сестру до ворот замка, а затем поднялась на сторожевую башню и все смотрела и смотрела ей вслед. Длинная процессия с томительной неспешностью продвигалась вперед по тонкой ленточке дороги, бежавшей вдоль кромки воды. В небе над равниной снова показались перелетные птицы, но вместо того чтобы, как свитские дамы поутру, порадоваться очередному благому предзнаменованию, Тятя загрустила при мысли о вечных странствиях бесприютного птичьего племени. На сей раз, впрочем, у нее не было мрачных предчувствий, она не ощущала невозполнимой утраты, как в тот день, когда Адзути покидала Когоо.

⁶⁰ Чигаидана – полка с отделениями разного уровня, предназначенная для украшения ниши-токономы.

Спустившись с башни и возвратившись на женскую половину, Тятя впервые в жизни почувствовала себя одинокой. Она села, встала, побродила из угла в угол, не находя себе места. Эти покои, в которых она провела столько дней и ночей, уже не были прежними, казались чужими. И отнюдь не череда расставаний – сначала с матерью, затем с Когоо, теперь вот с Охацу, – наполнявшая тоской ее существо, заставляла девушку чувствовать себя всеми покинутой в изменчивом мире, а странная тревога, пришедшая неведомо откуда, поселившаяся в сердце и не дававшая покоя. Теперь она была одинокой и предчувствовала приближение еще более печальных событий.

Однако же ее одинокая жизнь продолжалась, и ничего страшного не происходило. Прислужницы еще долго судачили о пышной свадьбе Охацу, но вскоре слухи о Дзюракудаи, роскошном дворце, выстроенном по приказу Хидэёси в Киото, совершенно затмили эти приятные воспоминания. Молва шумела, что в столице на обширнейшей территории, окруженной глубокими рвами, разбиты сады с насыпными холмами и искусственными водоемами, возведено множество павильонов, столь богато украшенных, что очевидцы и не знают, как их назвать – особняками или же дворцами.

На тринадцатый день девятой луны в Дзюракудаи перебрался Хидэёси со всеми домоладцами. Большинство обитателей Адзути отправились в Киото на новоселье, справленное его высокопревосходительством с небывалым размахом.

Суэта и пересуды, вызванные великим переселением, через месяц улеглись, и замок Адзути сызнова погрузился в привычное оцепенение. Тятя мало-помалу привыкала к одиночеству. В начале десятой луны в ее покои неожиданно явился с визитом Гэнъи Маэда и предложил съездить вместе с ним в Киото, поглядеть на Дзюракудаи, дабы развеять скуку. Тятя покорно согласилась, сказав себе, что предложение это исходит, по всей вероятности, не столько от господина Маэды, сколько от самого Хидэёси, а стало быть, ей ничего не остается, как повиноваться воле кампаку.

По дороге к столице, окруженная тремя десятками конных воинов и пятью паланкинами со свитскими дамами, княжна вдруг почувствовала леденящую душу тревогу – она испугалась, что, оказавшись в Дзюракудаи, уже никогда не сможет оттуда вырваться, – и, охваченная паникой, велела носильщикам остановиться прямо на дороге, в горах Ямасина. Попросив одного из самураев позвать Гэнъи Маэду, Тятя вышла из паланкина с твердым намерением вывести у советника Хидэёси, является ли целью этой поездки осмотр дворца, и только. Тут подоспел и господин Маэда.

– Когда я смогу вернуться в Адзути? – осведомилась Тятя, пристально глядя ему в глаза.

Спешившись, Маэда, пятидесятилетний воин, в прошлом монах, а ныне один из самых хитроумных политиков Японии, расхохотался:

– Неужто вы так нежно любите замок Адзути, княжна? Не успели его покинуть, а уже поспешаете обратно! Вы можете вернуться туда, когда вам будет угодно. Однако на завтра у нас назначен визит в Дзюракудаи, стало быть, придется потерпеть хотя бы один день.

Этот ответ, в котором не просматривалось никакого тайного смысла, немного успокоил Тятю.

Процессия снова пустилась в путь и вскоре вступила в Киото. Тятя в столицу попала впервые. Ледяной ветер не давал ей откинуть полог паланкина, но в щелочку видны были прямые улицы и толпы разгуливавших по ним горожан. Куда-то спешили воины, купцы, монахи; все дамы были разодеты в пух и прах, по их нарядам невозможно было судить об общественном положении модниц.

Заночевала Тятя в самурайском особняке, одной из многочисленных вассальных резиденций, выстроенных на подступах к Дзюракудаи. Она даже не знала, кто предоставил ей кров.

На следующее утро Гэнъи Маэда повел ее во дворец. Когда ворота закрылись и гости, миновав посыпанный белым песком двор, ступили в первый павильон, Тятя тотчас оказалась

в окружении многочисленных придворных дам. Маэда, возглавивший процессию, вел их из одних просторных покоев в другие. Тяте редко доводилось любоваться подобной красотой, однако ничто ее не заворожило, не захватило внимания. Поначалу она рассматривала цветистые росписи на фусума, затем ей это прескучило и она просто скользила по ним взглядом. Анфилада роскошных покоев вывела их во внутренний сад, за которым стояли другие хоромы, и все повторилось – замелькали расписные ширмы, фусума, драгоценные вещицы. Все сады Дзюракудаи были разбиты рукой мастера и посвящены самым разным темам, но, осмотрев несколько подряд, Тятя пришла к выводу, что все они похожи друг на друга.

– Пожалуйте сюда, – поклонилась пожилая дама с бесстрастным лицом, напоминающим маску Но, и Тятя, войдя в указанные покои, внезапно обнаружила, что ее оставили одну с этой женщиной – Гэнъи Маэда куда-то исчез вместе со свитскими. Тятя находилась в невеликой гостиной. На почетном месте в нише-токономе висел свиток с изображением павлина, на полочках тигаиданы стояло множество лакированных шкатулочек; посреди комнаты высился черный стол чужеземного вида. Тятя опустила на татами, и в то же мгновение за фусума зазвучали мелкие женские шажки, хихиканье, шорох одежд, на этом фоне отчетливо грохотали размашистые мужские шаги и... Она узнала тот самый непринужденный смех, который уже слышала однажды вечером в Адзути.

Когда Хидэёси вошел в покои, Тятя была потрясена, увидев, как ужасно он постарел. Во время последнего визита полководца в Адзути вместе с Омаа она в полумраке плохо разглядела его лицо, а теперь в ярком сиянии свечей перед ней стоял низенький человечек с ничем не примечательным лицом, изрезанным морщинами. На следующий день после падения замка Китаносё он проскакал мимо во главе своих войск, направляясь на север, но сейчас Тяте трудно было поверить, что горделивый всадник и старик, только что вошедший в покои, – один и тот же человек.

– Как же ты выросла, Тятя! – воскликнул Хидэёси, не успев усесться.

В Киёсу, вскоре после событий в Хоннодзи, и в Адзути, во время их последней встречи, он обращался к ней «княжна», а теперь, стало быть, – что за фамильярность! – «Тятя».

Девушка молча склонила голову перед самым могущественным человеком в Японии. Хидэёси единственный из всех остался сидеть прямо, сопровождавшие его люди застыли в глубоких поклонах, приветствуя Тятю.

– Поужинаешь с нами сегодня? – спросил Хидэёси.

– Мне нездоровится, – сказала Тятя, которой хотелось отклонить это приглашение.

– Ну-ка подними личико, дай взглянуть на тебя!

Девушка повиновалась.

– Вид у тебя цветущий, лекарям тут делать нечего. Но коли ты устала, конечно, надобно отдохнуть. Что ты хочешь взять с собой в Адзути? Я желаю, чтобы вся твоя свита сгибалась под тяжестью подарков!

– А сама я не смогу их увезти?

– Ты? Зачем же тебе самой их тащить? – Хидэёси сделал шаг к выходу. – Собираешься тащить их сама? – пробормотал он себе под нос, вдруг громко расхохотался и, все еще посмеиваясь, зашагал по энгаве.

Свита в спешке устремила за ним, оставив Тятю наедине с пожилой прислужницей.

Еще один странный визит – Хидэёси появился, бросил несколько ничего не значащих фраз и удалился, создав за своей спиной сутолоку и суматоху.

Тятя в сопровождении прислужниц, взявшихся неведомо откуда, снова пересекла обширные сады, и внезапно взору ее открылись величественная тэнсю и внутренний садик, в котором отцветали несколько десятков кустов леспедецы.⁶¹ Зачарованной бледно-пурпурным морем

⁶¹ Леспедеца – многолетний кустарник семейства бобовых с тройчатыми листьями и пурпурными, розовыми или белыми

цветов Тяте впервые открылась красота Дзюракудаи, и девушка замерла от восхищения. Все свободное пространство садика занимал белый песок, кроме леспедецы, там не было никаких растений.

Прислужница сообщила, что садик примыкает к резиденции наложницы Каги.

– Наложница Кага?! – ошарашенная Тятя. – Дочь господина Тосииэ Маэды?

– Совершенно верно. Она любит леспедецу, и этот садик устроен здесь по ее просьбе. Кусты высадили только в прошлом году, поэтому нынче они дали мало цветов. К тому же сейчас для них уже настала пора увядания.

Узнав о том, что садик принадлежит Омаа, Тятя мгновенно потеряла к волшебным цветам всякий интерес. Коли по прихоти этой девицы в Дзюракудаи вырастают целые сады, ее влияние должно быть весьма велико. Откуда же у столь юной особы с извечной неприветливой гримаской такая власть над Хидэёси? Омаа хороша, тут уж ничего не скажешь, но красота ее отмечена какой-то холодностью, отстраненностью, что ли...

Тятя провела в Киото три дня, посетила храмы в черте города и на подступах к нему под присмотром верного Гэнъи Маэды и возвратилась в Адзути. На сей раз дорога действительно ее утомила.

Вернувшись к нехитрой уединенной жизни на берегу озера Бива, княжна долго еще размышляла о том, что ей довелось повидать и услышать за время своего короткого путешествия. Она вспоминала восхитительные пейзажи Дайго и равнины Сага, величественные и сказочно прекрасные дворцы Дзюракудаи, обнесенные неприступной крепостной стеной, садик с пурпурными леспедецами и непринужденный смех Хидэёси.

Весточки от Когоо приходили редко, зато Охацу писала ей не меньше одного раза в десять дней. Сейчас, когда судьба развела трех сестер по разным землям, Тятя осознала, что по Охацу она скучает куда больше, чем по Когоо. В каждом своем письме средняя сестра приглашала старшую погостить в Омидзу, и в конце концов Тяте отчаянно захотелось там побывать. Поначалу ее удерживала мысль о том, что в Омидзу ей придется столкнуться лицом к лицу с Такацугу. Но ведь он, в конце концов, женился на ее сестре, и теперь они могут спокойно общаться, разве нет?

Когда она поделилась своим намерением с Гэнъи Маэдой, тот пришел в недоумение.

– Не пристало княжне вести себя столь легкомысленно. Позволю себе усомниться, что ваша просьба о поездке в Омидзо будет удовлетворена.

– Просьба?! Я должна испросить разрешения на эту поездку? У кого?

Гэнъи Маэда не ответил, сказал только, что, если особа ее положения будет вот так запросто разъезжать по сопредельным княжествам, это может породить ненужные пересуды.

После разговора со своим попечителем Тятя покинула приемный зал тэнсю и, вернувшись на женскую половину, по-новому взглянула на свое пристанище. Теперь эти скромные покои на задворках замка стали для нее тюрьмой, и девушка впервые с ужасом осознала, что она не гостя, а пленница, заточенная в крепостных стенах Адзути.

IV

Новогодние торжества в 16-м году Тэнсё⁶² прошли незаметно. Тятя не покидала своих покоев. Сестер рядом с ней теперь не было, а с двумя прислужницами о чем толковать? Отдала распоряжение – вот и весь разговор. Ее мучило предчувствие перемен в своей судьбе. Омаа – дочь Тосиэ Маэды, Тасуко – старшая сестра Такацугу, госпожа Сандзё – младшая сестра Удзисато Гамоо, – все они стали наложницами Хидэёси. Почему она одна должна избежать этой участи?

До сих пор Хидэёси не внушал Тятю ни страха, ни ненависти, отношение покойной матушки и сестриц к этому человеку было ей непонятно. От четырех встреч с ним у Тяти сохранились воспоминания разные, но скорее приятные. За исключением того случая, когда Хидэёси в боевых доспехах величаво проскакал мимо верхом на боевом коне, он всегда казался ей всего лишь добродушным старичком. Этот старичок своими руками уничтожил кланы Асаи и Сибата, был повинен в смерти дорогих ей людей, и все же ненависти, которой заслуживает заклятый враг, она к нему по-прежнему не питала. И вот теперь, обнаружив себя пленницей, отданной на милость его высокопревосходительства кампаку и томящейся в замке Адзути, она начала испытывать страх. Теперь при мысли о Хидэёси ее пробирала леденящая дрожь.

С восходом третьей луны, когда набухшие почки вишневых деревьев только-только стали распускаться в замковых садах, Тятини смутные предчувствия внезапно оправдались. Число прислужниц, хлопотавших вокруг нее, неуклонно росло, на женской половине то и дело появлялись новые люди, жизнь закипела и забурилась, возникло какое-то суетливое движение во внутренних покоях, вроде того, что предшествовало свадьбе Охацу. Княжне один за другим доставляли роскошные наряды, опочивальня и гостиная, словно по волшебству, заполнялись предметами мебели и всяческой утварью невиданной красоты. Все это сумасшествие длилось десяток дней, затем Тятю нанес визит Гэнъи Маэда с известием о том, что в скором времени ей надлежит покинуть Адзути и перебраться со всем добром в Дзюракудаи. Держался он при этом с большим почтением, нежели обычно. Тятя, и не подумав бунтовать против оглашенного ей решения, спросила лишь, когда именно состоится переезд.

– Дней через десять, когда сакура будет в цвету.

Своим поведением княжна не выдала ни одобрения, ни протеста. Она хранила молчание, размышляя об этих десяти днях, которые были даны ей на то, чтобы сделать свой последний выбор. Если она решит покончить с собой, ее рука не дрогнет. Отец, мать, дед и отчим с этим справились, приняли смерть от собственных мечей. Вот и она сумеет сделать то, на что хватило сил у ее хрупкой нежной матушки...

На следующий день после беседы с Гэнъи Маэдой Тятя отправила гонца в замок Омидзо с посланием, в котором просила Охацу уговорить Такацугу навеститься в Адзути, ибо ей срочно надобно с ним посоветоваться по делу чрезвычайной важности. И с того самого мгновения, когда гонец скрылся из вида, Тятя с нетерпением ждала приезда кузена. Она знала, что Такацугу, даймё небольшого, но все-таки княжества с доходом в десять тысяч коку, теперь уже не вправе распоряжаться собой так же свободно, как раньше, но все же надеялась, что он выкроит время и откликнется на зов, потому что не кто-нибудь, а она, Тятя, его об этом попросила.

Такацугу явился через пять дней, когда над озером Бива сгустились сумерки. Получив извещение о его визите, Тятя велела всем прислужницам удалиться, собственноручно пристроила дзабутон для кузена на самом почетном месте в гостиной и раздвинула сёдзи, несмотря на вечернюю прохладу. А затем села и стала ждать.

⁶² 1587 г.

На сей раз Такацугу пришел не из сада, а со всем достоинством, приличествующим даймё, прошествовал по внутренней галерее и, опустившись на колени у входа в гостиную, вежливо извинился за то, что так долго не подавал о себе вестей. Гордость и отчаянная решимость, пламеневшие в его глазах в прежние времена, угасли, сменились холодной сосредоточенностью. Этот новый, жестокий Такацугу совсем не понравился Тяте. В нем уже невозможно было узнать того обезумевшего от любви юношу, который цеплялся за подол ее кимоно...

Тятя предложила ему подойти ближе, указала на почетное место, но Такацугу упрямо остался у входа. Больше не пытаясь заставить его пересесть, княжна напрямую спросила, в курсе ли он последних решений, принятых в Дзюракудаи.

Такацугу, сидевший неподвижно, положив, согласно этикету, руки на колени, кивнул:

– Да.

– Вам не холодно? – Тятя встала, задвинула сёдзи и опустилась на прежнее место.

– Лучше оставьте их открытыми.

– Почему?

Такацугу не считал нужным ответить на вопрос и повторил посуровевшим тоном:

– Оставьте сёдзи открытыми.

Тятя снова поднялась, толкнула тяжелую раму ладонью, и комнату затопили свежие весенние сумерки.

– И каково же ваше мнение? – вернулась она к прежней теме.

– Это благоприятное событие.

– Вы действительно так думаете?

– Да, действительно.

– Но кампаку уничтожил мою семью!

– Не вы ли сказали мне во время последней нашей встречи, что времена нынче изменились?

– Да, я так сказала. Времена изменились. Но в этом простом утверждении нет исчерпывающего ответа на вопрос, который меня сейчас мучает.

– В таком случае настоятельно прошу вас не делать из меня советчика. Вам не кажется, что в своих играх со мной вы зашли слишком далеко, заставив приехать сюда только для того, чтобы я помог вам найти ответ на *такой* вопрос? – Произнося эти слова, Такацугу слегка побледнел.

Конечно же он прав, со своей точки зрения. Польшающий страстью взгляд кузена был еще свеж и ярк в Тятиной памяти, а в ушах по-прежнему отчетливо звучали его речи о том, что он мечтает лишь об одном – жить с ней, забыв о славе, чинах и земельных угодьях. Да, она поступила бессердечно, сначала отвергнув его, а потом призвав для того, чтобы спросить совета: стать ей или не стать наложницей Хидэеси. Кроме того, даже если Такацугу скажет «нет», что это изменит? Воля человека, обладающего абсолютной властью, оглашена. Ослушаться приказа кампаку – значит вынести самому себе смертный приговор.

Несколько мгновений они смотрели друг другу в лицо в полной тишине, затем Такацугу проговорил, глядя в сад:

– Совсем стемнело. Я зайду к вам завтра утром, – и поднялся. Только что он не хотел оставаться с ней наедине в покоях за закрытыми сёдзи, теперь боялся продолжить разговор с глазу на глаз в полумраке.

Тятя знала, что сейчас он уйдет, но не сделала ничего, чтобы его удержать. Она сидела склонив голову и молчала, медленно тонула в темноте до тех пор, пока прислужница не принесла светильник.

И почему все-таки она попросила Такацугу приехать из Омидзо? Почему позвала его на помощь, твердо зная, что уже никто не сможет ничего изменить в ее судьбе?

Тятя велела одной из свитских дам справиться о том, где Такацугу проведет ночь. Дама ушла и вскоре вернулась:

– Господину Кёгоку отвели Соколиный павильон.

Тем вечером Тятя отпустила прислужниц рано, в час Пса, и, раздвинув сёдзи, вышла на энгаву. Луна цедила тусклый свет. Спустившись в сад, девушка поежилась от ночной прохлады. Но приближение весны уже чувствовалось, на голых ветвях деревьев проклевывались листочки.

Тятя осторожно пошла вперед, мимо галереи, и вдруг остановилась, напуганная странным шумом, похожим на отдаленный рокот волн, – то ли сердца перестук, то ли отголоски веселого пира... В слабом сиянии лунного света, застоявшегося в саду, она двинулась дальше, держась в тени замкового крыла, хоронясь от непрошенных взглядов, дальше и дальше, к строению, которое примыкало к северо-западной стене внутреннего кольца укреплений. Приблизилась к энгаве, опоясавшей Соколиный павильон, и остановилась, пытаясь рассмотреть какие-нибудь тени внутри, за закрытыми сёдзи. Ни звука, ни шороха. Такацугу, должно быть, уже лег или вовсе отсутствует...

Девушка тихо постучала. Ничего не произошло. Постучала чуть сильнее и услышала легкие шаги – человек шел по комнате к энгаве. Тятя порывисто отбежала к кустам, спряталась за ветвями.

Сёдзи раздвинулись, показался мужской силуэт. Это был Такацугу – она узнала его по одежде, той самой, в которой он приходил к ней, и вышла из своего укрытия. Кузен ошеломленно взирал на нее несколько мгновений, затем, босой, спустился в сад, как будто хотел помешать нежданной гостье приблизиться к его покоям. Однако, оказавшись совсем рядом с ней, он, вероятно, вдруг испугался, что кто-нибудь невзначай увидит их вместе, и поспешно увлек девушку за собой к энгаве, поднялся сам и помог ей.

– Что за безрассудство? Вы ставите меня в неловкое положение! – прошептал Такацугу.

Тятя открыла было рот, чтобы ответить, но кузен помешал ей, добавив строго:

– Извольте удалиться немедленно!

– Я последую вашему совету и перееду в Дзюракудаи. Мое решение принято, – громко сказала Тятя, и Такацугу, опасливо оглядевшись, потянул ее за собой в павильон.

Своим приходом она, по-видимому, отвлекла его от сочинения какого-то послания – на низком столике были разложены письменные принадлежности, там же стояла свеча. После сумрака, царившего в саду, помещение казалось ярко освещенным.

Они сели возле столика лицом к лицу, и Тятя повторила:

– Я решила переехать в Дзюракудаи. Потому и пришла. Я хочу провести эту ночь здесь, у вас.

Пока она говорила, кузен смотрел на нее не моргая.

– Вы в своем уме, княжна? – Голос прозвучал приглушенно, словно Такацугу боялся быть услышанным кем-то, кроме Тяти.

– Я что, похожа на сумасшедшую? – Девушка подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза. Ее удивил вопрос кузена, потому что за все двадцать лет своей жизни она ни разу еще не чувствовала в себе столько хладнокровия и здравомыслия. Перед внутренним взором, как никогда ясным и пронзительным, минувшие годы выстроились один за другим в этой пронзительной ясности, вытянулись пройденной долгой дорогой.

Ночь последнего штурма Одани, оставшаяся в памяти как причудливый образ из какого-нибудь сновидения... О-Ити, нежная матушка... Младшие сестренки... Отец, Нагамаса, в черных доспехах... Еще одна тревожная ночь, когда они узнали о смерти Нобунаги в Хоннодзи... Праздник мириада фонариков в Адзути... Белые кони, сказочные создания, выходящие из моря огня... Свадьба матери... Серебристые снежинки, без усталости кружащие в темном север-

ном небе... Отчим Кацуиэ выступает в поход... Бегство из Китаносё, тряска в паланкине, рас-секающем густую ночную мглу...

Картинки прожитого сменяли друг друга. Тятя отчетливо помнила каждый день своей жизни, могла перечислить все события, даже самые незначительные, в мельчайших подробностях.

– До недавнего времени я думала о самоубийстве. Но теперь все изменилось. Я хочу жить. Мой отец, мой дед, моя матушка, мой отчим – все они сражались и оставались среди живых до последнего, все покинули этот мир, лишь когда пламя объяло их замки. Я тоже буду жить до тех пор, пока меня не лишат выбора, пока не смогу поступить иначе, как только схватить кинжал и вонзить его себе в горло.

Такацугу слушал ее молча, как будто слова и само поведение кузины не позволяли ему ни возразить, ни выразить свое согласие. И тогда Тятя с тем же выражением произнесла:

– Я хочу провести эту ночь с вами, в ваших покоях.

Когда-то Такацугу предложил ей руку и сердце. Теперь она хотела отдать ему свое тело. На этот шаг ее толкнула вовсе не любовь – в тот миг она не думала о любви и любви не ждала. Но огонь страсти, который некогда полыхал в глазах этого мужчины, не мог ее обмануть, и она приняла решение добровольно отдать ему свое тело, которое рано или поздно вопреки ее желанию достанется Хидэёси.

– Вы в своем уме? – повторил Такацугу.

– Я не безумна!

– Тогда откуда взялись эти безумные мысли? Перестаньте говорить о невозможном и извольте сей же час удалиться!

– О невозможном?!

– О совершенно несбыточном!

– Но почему?..

Их взгляды скрестились, сошлись в поединке, исход которого зависел от того, кто первым отведет глаза, как будто это было важно – не проиграть.

– Я заклинаю вас уйти! Если вы откажетесь, мне самому придется покинуть эти покои!

Тятя молчала. Такацугу начал подниматься, и в тот же момент, не отдавая себе отчета в том, что творит, она вцепилась в полу его кимоно – точь-в-точь как он поступил годом ранее. В этом жесте было столько же решимости, но одержимость страстью, горевшая тогда в глазах Такацугу, сейчас отсутствовала во взгляде Тяти.

Такацугу высвободил подол кимоно и выскочил из павильона. Тятя долго еще сидела в одиночестве, потом, уверившись окончательно, что он уже не вернется, тоже встала.

Она вышла на энгаву, ведущую в сад, и, на этот раз очень медленно, преодолела расстояние, отделявшее Соколиный павильон от ее собственной резиденции. В такт неторопливым шагам она говорила себе, что отныне ей уже не быть простой юной девушкой, княжной без княжества; отныне она станет женщиной, чья жизнь будет неразрывно связана с судьбой самого могущественного мужчины в Японии. И не что иное, как почтение, смешанное со страхом, страхом перед будущей наложницей Хидэёси, побудило Такацугу отказаться принять в дар ее тело...

Через день после отъезда Такацугу из Адзуты к Тяте с неожиданным визитом явился Удзисато Гамоо. В последний раз они виделись вскоре после битвы при Комаки, в 12-м году Тэнсё,⁶³ больше четырех лет назад.

Тятя встретила гостя со всем подобающим почтением – ведь к ней пожаловал не кто-нибудь, а даймё Мацудзаки с доходом в триста двадцать тысяч коку. Теперь, в свои тридцать два, Удзисато был зрелым мужчиной, в его лице не осталось и намека на юношескую свежесть

⁶³ 1584 г.

и бесшабашность. Держался он приветливо, знакомый низкий голос приобрел глубину, сообщавшую владельцу еще больше спокойного достоинства.

– Княжна, – он называл ее по-прежнему «княжна», – позвольте вас поздравить. Я, увы, не смог лично пожелать счастья и благоденствия вашим сестрицам по случаю заключения брачных союзов, однако на сей раз явился со всей возможной поспешностью.

Вот так, без лишних церемоний, он сразу поздравил ее с тем, что вскоре ей предстоит стать наложницей Хидэёси, и не выразил при том ни смущения, ни видимого сомнения в благоприятности грядущего события.

– Вы, стало быть, полагаете, что все складывается к лучшему? – спросила Тятя, стараясь выведать, что у него на сердце.

Взгляд Удзисато задержался на ее лице чуть дольше, чем того требовали приличия.

– А как же иначе? Едва услышав весть о вашем переезде в Дзюракудаи, я счел ее благой во всех отношениях. Ежели вы дадите жизнь наследнику, княжна, этот ребенок, в чьих жилах будет течь кровь Асаи, в один прекрасный день станет... – Удзисато не договорил, но Тятя мысленно закончила за него: «Правителем Японии».

– У меня будет ребенок?! – воскликнула она и вдруг почувствовала, как по щекам безудержно покатались слезы. Она никогда не думала, что это может произойти с ней. Ребенок. Ребенок Хидэёси. Сын человека, который уничтожил ее клан, отобрал у нее все самое дорогое! Забыв о присутствии Удзисато, Тятя дала слезам волю. Она плакала не от горя и не от страха – это были слезы освобождения от невыразимых словами эмоций, которые вырвались таким образом наружу в тот миг, когда она осознала свою женскую долю и тяжелое бремя этой странной судьбы.

Гость сидел тихонько, не мешая ей плакать. Но вот наконец Тятя вытерла слезы и извинилась за столь бурное проявление чувств.

– Вы уже бывали в Дзюракудаи? – ласково спросил Удзисато.

– Всего один раз.

– Восхитительное место, не правда ли?

– Мне так не показалось.

– Неужели? Вот незадача... – Удзисато задумался на мгновение и вдруг предложил: – Ну, коли Дзюракудаи вам не приглянулся, вы можете построить для себя замок по своему вкусу. Достаточно отдать распоряжение, и...

– Но кто же меня послушает?

– Вас – да не послушают, княжна?

– А... а где я построю замок?

Удзисато улыбнулся:

– Сейчас сообразим. Стало быть, замок, в котором вы могли бы жить со всем удобством и приятностью... Что скажете насчет окрестностей Ёдо? Там вообще-то уже есть крепость, но ничто не мешает возвести еще одну. До Киото и Осаки оттуда рукой подать, мимо течет Ёдогава. С верхнего яруса тэнсю будете любоваться волшебными видами: река и равнина, сливающаяся с небом на горизонте... – Удзисато говорил так, будто замок уже стоял у него перед глазами.

А у Тяти из глаз снова хлынули слезы. Представив себя на башне воображаемого замка, она вдруг подумала, что, в сущности, так до конца дней и останется пленницей.

Справившись с собой, девушка спокойно поклонилась:

– Я последую вашим советам, господин Гамоо. Рожу наследника и буду жить в новом замке.

– Ну вот видите? Разве это не чудесно?

– Разумеется, чудесно. Вы правы.

Тятя понимала: только что слова Удзисато легли печатью на свиток, в котором таилось ее будущее, точно так же они несколько лет назад скрепили приговор госпоже О-Ити. Для матери все закончилось самоубийством. Что за участь уготована дочери?

В тот день Удзисато провел в беседе с княжной около часа, а почти сразу после его ухода ей нанес визит Гэнъи Маэда, прибывший из Киото.

– Завтра вам надлежит выехать в Дзюракудаи. Завтра, княжна, на переломе часа Зайца.⁶⁴

Извещение застало Тятю врасплох, хотя она знала, что на следующий день вишни Дзюракудаи должны войти в лучшую пору цветения. Нетрудно было себе представить, сколь торжественны и волнительно прекрасны дворцы Дзюракудаи в белопенных волнах лепестков, однако же сердце девушки не наполнялось радостью при мысли об отъезде. За свои двадцать лет она успела пожить в четырех замках – Одани, Киёсу, Китаносё, Адзути, – и теперь перед ее мысленным взором, затмевая собой остальные, высился пятый – воображаемый замок на берегах Ёдогавы, тот самый, о котором толковал Удзисато.

Следующим утром, садясь в паланкин, чтобы в окружении свиты покинуть Адзути, Тятя не без волнения обернулась и окинула взглядом сады, дворы и башни, обнесенные высокими стенами. Здесь прошли шесть затворнических лет ее жизни, здесь она и ее младшие сестры, забытые миром, выросли, медленно и незаметно превращались из девочек в молодых женщин. Когоо и Охацу уже встали на крыло, совершили полет к неведомому, которое ждало их за этой крепостной стеной, а теперь она, Тятя, в свою очередь готовилась к тому, чтобы ступить за ворота замка, сделать первый шаг к своей новой судьбе.

Весна в том году припозднилась – заканчивался третий месяц, а солнечные лучи еще не согрели равнину, подступавшую к озеру. В Дзюракудаи сакура уже цвела буйным цветом, но вишневые деревца у ворот Адзути только-только вступали в пору цветения. Процессия, перешедшая в тот день по мосту крепостной ров, вид имела необычный – свадебным поездом назвать ее было трудно, однако и на ватагу простых путешественников она никак не походила. Бесчисленные дары Хидэёси, присланные в Адзути, – предметы мебели, утварь, украшения, – должны были отправиться за своей владелицей в Дзюракудаи позже, участников процессии они не обременяли, но и без того на дороге покачивались тридцать паланкинов, сопровождавшие тот, в котором несли Тятю, а впереди и позади них поспешали тридцать конных самураев в походном платье.

Большинство свитских дам, нашедших приют за пологими паланкинов, Тяте были не знакомы. Княжна терялась в догадках, когда они появились и откуда взялись, но утром все как одна уже ждали ее у ворот Адзути, готовые пуститься в путь. У них были странные, безучастные, застывшие лица, неспособные, казалось бы, ни просить от радости, ни исказиться от гнева, ни омрачиться печалью. Держались дамы с безупречной почтительностью, при этом от каждого их движения веяло леденящей холодностью.

Всадники, составлявшие эскорт, были куда как предупредительны и расторопны, словно им в строжайшей тайне доверили охранять некое сокровище. Процессия продвигалась вперед со всей поспешностью. Тятя время от времени приподнимала полог, дабы обозреть окрестности. То и дело ей на глаза попадались небольшие группы людей, среди которых были в основном женщины и дети, стоявшие или сидевшие на обочине, – все они пришли поглазеть на кортеж наложницы его высокопревосходительства кампаку.

Первая остановка была сделана в деревеньке Оцу. Женщины покинули паланкины, чтобы размяться, – все, кроме Тяти, которая, сославшись на недомогание, предпочла остаться за пологом. На самом деле, сейчас, на решающем повороте судьбы, ей не хотелось погружаться в суету толпы. В щелочку она видела бескрайнюю темно-синюю водную гладь озера Бива, а на

⁶⁴ В семь утра. Час Зайца – время с 6.00 до 8.00.

ней – ни единой лодчонки. В Оцу, как и в Адзути, сакура еще не явила себя во всем своем весеннем великолепии. Лишь начиная с земель Ямасины Тятя начала замечать по обочинам дороги деревца в полном цвету. Но, глядя на них, она не замирала от восхищения – маленькие белые лепестки, подернутые розоватой, будто бы вылинявшей дымкой, казались ей грустными и немножко грязными.

В Киото царило уже знакомое Тяте по первому, осеннему, визиту в столицу оживление. Деловитые горожане все так же спешили куда-то по улицам, но при виде процессии застыли на обочинах и таращились на путешественников во все глаза. Тогда, осенью, Тятя провела ночь в самурайском особняке на подступах к дворцу, но на сей раз процессия направилась прямо к распахнутым воротам Дзюракудаи, за которыми раскинулся широкий двор, посыпанный белым песком.

Осенью Тятю препроводили на земли Дзюракудаи через главные ворота, сейчас же она сразу оказалась возле отведенной ей резиденции. В квадратном садике колыхалось бело-розовое море – повсюду, куда ни глянь, сакура в цвету. Девушка даже охнула от удивления: по оттенку, форме и размеру цветки на этих вишневых деревьях отличались от всех тех, что ей доводилось видеть раньше. Ветерок стих, и сакура замерла – на пике цветения, ни один лепесточек еще не сорвался на землю. Стоя рядом с паланкином, Тятя, затаив дыхание, смотрела на кружево усеянных цветами ветвей, сплетавшихся у нее над головой. Внезапно она заметила, что ее успели обступить придворные дамы, и в следующую секунду все они, словно по безмолвному приказу, склонились перед ней в почтительном приветствии. Тятя окинула их недобрый взглядом, и не подумав ответить на поклоны. На галерее и дальше, в покоях за раздвинутыми сёдзи, она увидела множество других женщин – они тоже низко кланялись ей сидя на коленях, опустив головы, упираясь ладонями в каменные плиты пола. И внезапно Тятей овладело странное чувство – будто она одна здесь живая и настоящая на фоне рукотворного пейзажа, среди всех этих окаменевших созданий, которым неподвижность придает какой-то искусственный вид, так же как бело-розово-черным ветвям сакуры.

Как только она направилась ко входу в жилище, все светские дамы выпрямились одновременно и гуськом последовали за ней, мелкими шажками, согласно протоколу.

Тятя вошла в первый зал, и пожилая женщина, встретившая ее низким поклоном, – не та, что прислуживала ей во время осеннего визита в Дзюракудаи, – проводила хозяйку во внутренние покои, к которым примыкал еще один садик, тоже вишневый. Глядя с энгавы на море цветов, Тятя вспомнила леспеды у резиденции Омаа, и, хотя она не слишком-то любила сакуру, ей подумалось, что уж лучше любоваться этим бело-розовым буйством, чем тонуть в пурпурной тоске леспедец.

Приватные покои Тяти, находившиеся в самой глубине строения, состояли из гостиной и примыкавшей к ней опочивальни. Дальше вдоль энгавы тянулись вереницей другие комнаты, по всей видимости отведенные прислужницам и светским дамам, поскольку туда удалились и те женщины, что сопровождали Тятю из Адзути.

Когда девушка расположилась в гостиной отдохнуть от превратностей путешествия, явился Гэнъи Маэда.

– Вам здесь понравилось, княжна? В садах этой резиденции цветут самые красивые вишни Дзюракудаи. С нынешнего дня все это принадлежит вам. Поначалу вы, наверное, будете чувствовать себя одинокой, однако к вашим услугам все, чтобы сделать вашу жизнь приятной. Во дворце в течение ближайших двух недель все будет занято приготовлениями к визиту его величества императора.

Из этих слов Тятя поняла, что раньше чем через две недели Хидэёси она не увидит – тот повременит до окончания церемоний, связанных с приемом Небесного государя. Новость принесла ей облегчение.

В первый же вечер Тятиного пребывания в Дзюракудаи ее навестила Тасуко, сестра Такацугу Кёгоку. Наряду с дамой Кагой, то есть Омаа, дамой Сандзё, сестрой Удзисато Гамоо, и дамой Сайсё, она была одной из четырех знаменитых наложниц, которых Хидэёси дарил своей благосклонностью.

В последний раз кузины виделись четырнадцать лет назад. Тятя хорошо помнила тот осенний день 2-го года Тэнсё, когда ее двоюродные братья и сестра нанесли визит своей тетушке в замке Киёсу. Облик высокой стройной девушки лет тринадцати, какой тогда была Тасуко, не стерся из памяти; Тятя с удивительной ясностью видела мысленным взором тонкие, белые, словно восковые руки, ровно подстриженные, открывающие щеки пряди волос и светло-зеленое атласное кимоно с алым поясом. Детское впечатление сохранилось в своей первозданной свежести – образ княжны, чьи утонченные манеры говорили о благороднейшем происхождении, а спокойная манера держаться, исполненная смирения, казалось, подготавливала ее к тяжким испытаниям, уготованным судьбой. В ней не было ни самодовольства, ни надменности, лишь хрупкая красота дочери прославленного рода, рожденной на закате, в доме, клонящемся к упадку.

Дама Кёгоку прибыла в сопровождении многочисленной свиты, но в покои кузины вошла одна.

– Милая Тятя, как много воды утекло со дня нашей последней встречи... Помните ли вы, как мы с братьями нарушили покой вашей матушки в замке Киёсу?

На набеленном овальном личике, так хорошо запомнившемся Тяте, расцвела улыбка. Звонкий голосок прозвучал на удивление весело, а черты дамы Кёгоку, как это ни странно, совсем не омрачала тень печали, которая, по мнению Тяти, непременно должна была сопутствовать положению наложницы Хидэёси.

– Как давно мы не виделись! Сколько прискорбных событий произошло с нами за эти весны и осени...

Глядя на прекрасную женщину, произносившую эти слова, с трудом верилось, что у нее за спиной годы бед и несчастий. Тятю не пощадила судьба, но и ее кузине пришлось ох как не сладко: она потеряла мужа, князя Вакасы, и детей, чья участь осталась неизвестной – то ли погибли от рук убийц, то ли просто исчезли в суматохе смутных времен... И вдруг в прекрасном лице дамы Кёгоку, не хранившем следов обиды на судьбу, Тятя обнаружила сходство с лицом своей матери, О-Ити, – оно несло отпечаток того же безмятежного равнодушия, которое приобретает человек, прошедший через страшные испытания.

Эта встреча не заставила сердца двух кузин затрепетать от радости, но обе почувствовали некую мистическую близость, странную душевную связь, чьим источником может служить лишь кровное родство. Они направились в сад полюбоваться сакурой в ночной прохладе. Не обнаружив на энгаве свои гэта, дама Кёгоку хлопнула в ладоши, и тотчас явилась прислужница с двумя парами в руках.

По молчаливому приглашению Тятя первой спустилась в сад, а когда они прогуливались под сплетенными ветвями вишен, неожиданно начала замечать, что кузина все время держится чуть позади нее, как придворная дама, сопровождающая свою госпожу. Девушка попыталась незаметно пропустить даму Кёгоку вперед, однако та, намеренно или случайно, ни разу не обогнала ее.

Тятя не знала, чего ждать от будущего, но смутно ощущала, что присутствие дамы Кёгоку придает ей сил.

Цветы сакуры быстро увяли, уступив место молодым листочкам, и как только народилась четвертая луна, суэта, связанная с приготовлениями к визиту императора Гоёдзэя, набрала обороты. О визите этом было объявлено высочайшим указом еще в начале года, но во дворце Хидэёси все по-прежнему сбивались с ног ввиду предстоящего события, хлопотали денно и ночью под началом Гэнъи Маэды. Мероприятий такого масштаба не проводилось со времен

Муромати, стало быть, надлежало свериться с древними записями благородных домов, дабы все прошло согласно этикету.

Тятя эта суматоха однако же ничуть не коснулась – в лабиринтах необъятного дворцового комплекса Дзюракудаи, похожего на гигантский улей, даже эхо суетливой беготни не долетало до уединенных покоев, в которых она проводила дни; лишь свитские дамы порой приносили ей новости. Десятого числа они сообщили, что в столицу начали прибывать один за другим даймё со всех концов Японии, чтобы поприсутствовать на торжественной церемонии. Среди званых гостей были Тосиэ Маэда, Удзисато Гамоо, Такацугу Кёгоку... Из вассалов Хидэёси один Иэясу Токугава явился заранее – уже как месяц пребывал в Киото.

До тринадцатого дня четвертой луны не переставая шли дожди, но на четырнадцатый день, выбранный для церемонии, небо неожиданно прояснилось. Утром Хидэёси отправился в императорский дворец навстречу Небесному государю и самолично препроводил его в Дзюракудаи под охраной отряда конной стражи Тосиэ Маэды. Свита была столь многочисленной, что процессия растянулась на все пятнадцать ри, что пролегали между воротами императорского дворца и резиденцией Хидэёси; возглавлявшие шествие вельможи уже ступили на землю Дзюракудаи, в то время как замыкавшие еще не покинули августейший чертог, а народ, собравшийся из всех провинций поглазеть на проезд императора, заполнил улицы. Говорили, что одних только воинов, несших караул на перекрестках, было больше шести тысяч.

Во главе процессии выступали вельможи и самураи в высоких шапках-эбоси, за ними покачивались паланкины ее императорского величества, августейших наложниц и трех десятков придворных дам. Далее следовала сотня жрецов с синтоистскими реликвиями в сопровождении четырнадцати лакированных священных паланкинов-микоси, за ними несли еще пять паланкинов и ехали сплоченными группами самураи Левой императорской гвардии, самураи Правой императорской гвардии, высшее придворное жречество, полководцы, дворцовые музыканты, игравшие на своих инструментах, и, наконец, овеваемая теплым ветерком, возвещавшим о приближении лета, катилась императорская колесница. Позади нее в надлежащем порядке выстроились садайдзин⁶⁵ Нобускэ Коконоэ, удайдзин⁶⁶ Нобукацу Ода и прославленные полководцы Хидэёси, среди коих были Иэясу Токугава, Хидэё Укита, Хидэцугу Тоётоми и прочие знатные воители. За ними поспешали носильщики с паланкином самого Хидэёси и его свита.

Впереди Хидэёси ехали верхом более семидесяти его ближайших вассалов, таких как Мицунари Исида; позади тремя колоннами выступала еще сотня вассалов помельче, а далее – двадцать семь влиятельных даймё, в числе которых был и Тосиэ Маэда; замыкало шествие бесчисленное воинство самураев, состоявших у них на службе.

Простолюдинам, еще накануне занявшим места на обочинах, все участники процессии в невообразимо роскошных нарядах казались богами, сошедшими с небес; сполохи доспехов и парчовое великолепие церемониальных одежд слепили глаза.

Наконец все гости и сопровождающие разместились в Дзюракудаи. Торжественные церемонии начались в полдень с шумного пира, продолжились вечером выступлением искусных музыкантов, усладивших слух собрания игрой на струнных и духовых инструментах. Тятя в соответствии с распоряжением зрителей Дзюракудаи явилась к главным воротам поклониться императору, а затем вернулась в свою резиденцию и провела день, как всегда, в одиночестве и смутном беспокойстве. Во дворцах и павильонах Дзюракудаи на сей раз присутствовало вдвое, а то и втрое больше народу, чем обычно, однако в пределах крепостных стен царил гнетущая тишина. Вечером Тятя вышла в сад, залитый голубоватым прозрачным светом луны. Все вокруг дышало покоем, странным в такую ночь, когда в недрах главного дворца

⁶⁵ Садайдзин – «левый министр», второй по рангу министр при императорском дворе в старой Японии.

⁶⁶ Удайдзин – «правый министр», третий по рангу министр в киотоском правительстве.

разворачивалось невиданное по своей торжественности действо. «Если бы дядюшка Нобунага не нашел смерть в Хоннодзи, сегодня первым распорядителем церемонии был бы он, а не Хидэёси», – думала девушка и гадала, чему обязан своим успехом человек, который, одержав верх над кланами Асаи, Ода и Сибата, достиг невероятных высот могущества и удостоился чести принимать у себя самого Небесного государя, – собственному уму, милости судьбы или же случайной удаче?

Шагая в лунном свете по вишневному саду, Тятя впервые за долгое время снова размышляла об отце, о матери, о своем дяде Нобунаге и отчине Кацуиэ. И удивлялась, вспоминая о том, что на их лицах она всегда видела тень грядущих несчастий.

Второй день предполагалось посвятить поэтическому состязанию, однако в протокол были внесены изменения: пребывание императора в Дзюракудаи продлили, состязание перенесли на третий день, так что с полудня до глубокой ночи во дворце по-прежнему гремели барабаны и свистели флейты. Отзвуки шумного пира на сей раз долетали и до уединенных покоев Тяти. В тот день Хидэёси преподнес императору в дар земли в Киото стоимостью в пять тысяч пятьсот тридцать серебряных монет. Отец Небесного государя, бывший император, удалившийся на покой, и его семья получили от кампаку рисовые поля на восемьсот коку, а наследный принц, придворные вельможи высших рангов и верховные жрецы – угождая в Такадзиме провинции Оми на восемь тысяч коку. Перед лицом присутствовавших на пиру самураев из войск Иэясу Токугавы и Тосииэ Маэды Хидэёси поклялся, что его клан никогда не восстанет против августейшей воли и что слово это держать будут и дети его, и внуки, а все вассальные даймё дали такой же обет верности императору письменно, скрепив его своими печатями.

На третий день небо с утра затянулось облаками, заморосил дождик, но столь меланхолическая погода как нельзя лучше подходила для поэтического состязания.

Император сложил такие строки, озаглавив их «Песнь во славу сосны»:

О день свершений!
Отныне клятва в верности
Станет подобна
Кроне сосны могучей
В холод и зной неизменной...

Хидэёси ответил стихотворением под названием «Новая песнь во славу сосны, сочиненная весенним днем в Дзюракудаи»:

Широко сосна
Ветви свои простерла
Над хижинной горной —
Властитель Небесный
Почтил нас своим визитом...⁶⁷

Иэясу под тем же названием начертал:
Подобно нефритовой хвое
Клятва в верности государю
Да пребудет тысячу лет.⁶⁸

⁶⁷ Перевод З. Лорткипанидзе.

⁶⁸ Перевод В. Полякова.

Все девяносто семь участников состязания прочли свои стихотворения, однако, за несколькими исключениями, собравшимся там воинам похвастаться было нечем – поэтическими талантами они не блистали, а сочинителями большинства песен, судя по всему, были вовсе не те особы, что их декламировали.

За состязанием последовал пир, который продолжался до глубокой ночи.

На следующий день в честь императора выступали танцоры, исполнившие Пляску десяти тысяч лет, Пляску вечного счастья, Пляску великого мира и прочие ритуальные танцы, вызывавшие к милости богов. Устроенные после этого пиры не были омрачены дурными происшествиями, и наконец в восемнадцатый день четвертой луны императорская колесница снова миновала врата Дзюракудаи. На сей раз во главе процессии несли два десятка лакированных ларцов, инкрустированных серебром и золотом, с позолоченными замочками, с хризантемовыми гербами,⁶⁹ – в ларцах лежали дары, преподнесенные Хидэёси Небесному государю.

На протяжении всего пребывания императора в Дзюракудаи погода стояла отменная, однако на следующий же день после его отъезда еще до полудня разразилась гроза, будто только того и ждала.

На закате Тятя сидела в гостиной и смотрела, как тяжелые капли колотят по земле, по лужам, по ветвям. Она пребывала во власти смутной тревоги, поскольку теперь, когда визит императора закончился, в любой момент к ней мог пожаловать Хидэёси. Она давно приняла решение покориться участи, которая уже постигла Омаа и Тасуко, но теперь, на пороге ответственного события, мысль о том, что ей придется разделить ложе с мужчиной, по чьей вине погибла вся ее семья, была невыносима. Глядя на дождь, девушка вспомнила совет Удзисато: родить ребенка и построить замок. Лишь это помогло ей немножко успокоиться.

Дождь поливал всю ночь, не утих и наутро. Внутренний садик напротив Тятиной опочивальни превратился в пруд, во внешнем саду у ее парадных покоев вода кипела и бурлила, словно на речных порогах. Разгулявшийся ветер наломал вишневых веток, разбросал их повсюду...

После полудня ветер слегка угомонился, дождь поумерил свое неистовство, а с наступлением сумерек и вовсе прекратился. Тятя, сидя в гостиной у раздвинутых сёдзи, смотрела на разоренный сад. Подняв голову к небу, девушка увидела облака, стремительно летевшие вереницей на закат, и в тот же миг услышала суетливые шаги прислужниц во внутренних покоях. Она даже не успела задаться вопросом, кто бы это мог явиться к ней с визитом в столь поздний час, – одна из свитских дам уже отодвинула фусума, заглянула в гостиную и объявила о приходе его высокопревосходительства кампаку.

Тятя знала, что это неизбежно, и все же столь внезапное появление Хидэёси стало для нее полной неожиданностью. Она не успела к нему подготовиться. Ей ничего не оставалось, как выйти на энгаву и следить за приближением смутно проступавшего в сумерках маленького силуэта – Хидэёси направлялся к ее гостиной. Тятя опустила на колени и низко поклонилась, почти коснувшись лбом дощатого настила. Она видела ноги Хидэёси, замедлившего шаг и остановившегося напротив нее.

– Ну, как вы тут поживаете? – осведомился он. – Надеюсь, буря не напугала вас? – И стремительно вошел в гостиную.

Две дамы из окружения Тяти поспешно положили для него дзабутон на самое почетное место и так же поспешно удалились.

Тятя еще какое-то время оставалась на энгаве, неподвижная, застывшая в поклоне, и подняться решила, лишь когда Хидэёси окликнул ее по имени. Девушка вернулась в гостиную, села слева от кампаку и еще раз поклонилась ему со словами:

⁶⁹ Шестнадцатилепестковая хризантема – герб японского императорского дома.

– Примите мои поздравления по случаю чести, каковую оказал вам его величество император, удостоив Дзюракудаи своим визитом. Я была счастлива узнать, что все надлежащие церемонии прошли согласно этикету.

– Ты видела процессию? – спросил Хидэёси привычным Тяте тоном – так, будто обращался к ребенку.

– Я выходила к воротам, дабы встретить высочайших гостей.

– И как тебе все это понравилось?

– Это было восхитительно.

– А лицо разглядела?

Тятя вздрогнула и от удивления даже вскинула на Хидэёси глаза, с ужасом подумав, о чем «лице» он ведет речь. Кампаку между тем продолжал:

– Меня до того вымотали все эти приготовления к торжественной встрече, что я бы, честно говоря, предпочел, чтобы ты меня в тот день не рассматривала! – И он непринужденно расхохотался.

Стало быть, он о своем лице спрашивал, а не о богоподобном лике Небесного государя!

– Ну а пляски тебя порадовали?

– Мне не довелось их увидеть.

– Это еще почему?

– Я не получила приказа явиться на празднество.

– Приказа не получила?.. Ай-ай... – Хидэёси озадаченно нахмурился. – Гмм... Ну да ладно, там и смотреть-то не на что было, тебе бы все равно не понравилось, – утешил он девушку и погрузился в задумчивое молчание.

Это была их пятая встреча, но всего лишь первый разговор наедине. В свои пятьдесят два Хидэёси выглядел моложаво, совсем даже по-мальчишески, вопреки сети мелких морщинок, изрезавших обожженное солнцем лицо. Возможно, на его облике сказывались уцелевшие каким-то образом в нем ребяческая удаль и самодовольство, которые и заставили стареющего мужчину спросить без малейшего стеснения у юной девушки, разглядела ли она его – его, а не кого-нибудь! – во время торжественного въезда в Дзюракудаи самого императора.

Сидя в полной тишине напротив самого могущественного человека в Японии, Тятя чувствовала себя неуютно и, не выдержав наконец, уже подняла было голову, чтобы задать ему какой-нибудь вопрос – все равно какой, лишь бы нарушить молчание, – но растерялась, обнаружив, что выражение лица кампаку совершенно изменилось, от былой беспечности не осталось и следа: устремив невидящий взор в одну точку, расположенную где-то в глубине сада, Хидэёси, казалось, был всецело поглощен размышлениями о делах государственного значения.

Наконец он прервал медитацию и крикнул:

– Эй, кто-нибудь!

Тятя тотчас хлопнула в ладоши, призывая служанку. Та не заставила себя ждать, и Хидэёси велел ей сбегать за вассалом, который, сопроводив его к Тятиной резиденции, оставался в саду.

Самурай лет сорока незамедлительно поднялся на энгаву.

– Я распорядился адресовать сопроводительное письмо к посвященному его величеству стихотворению господам Кикутэю и Кансюдзи, служащим при дворе, – сказал ему Хидэёси, – однако извольте добавить еще имя господина Накаямы.

Уточнение, судя по всему, было важным, и кампаку два раза повторил приказ, прежде чем отослать самурая. Затем он вновь обрел беспечный вид.

– «В тот день долгожданный небо само просияло от счастья, императорский лик созерцающий... э-э... как там дальше? А, ну да: «Теперь же, несчастное, слезы роняет в дождливом саду». Что скажешь? Недурно, правда? Ты разбираешься в поэзии, Тятя?

– «В дождливом саду» – как-то странно звучит, – осмелилась заметить девушка.

– Ну, тогда «в саду, затопленном дождем».

– Или «в саду опустевшем».

– Гмм... Пожалуй... Да, ты права: «Теперь же, несчастное, слезы роняет в саду опустевшем». – Хидэёси посмотрел на Тяю с удивлением. – Именно так! Но ведь красивое стихотворение, а? Еще накануне визита императора шли дожди, в день его прибытия небо прояснилось, а не успел он уехать, снова грянула гроза!

– Вы только что сложили эти строки?

– Только что? Вообще-то нет.

– Значит, вчера?

– Вчера? Гмм... А пожалуй, что и вчера... – пробормотал Хидэёси и опять весело расхохотался. – Точно, надо было сочинить это именно вчера! – В следующее мгновение он внезапно посерьезнел. – Вели позвать кого-нибудь.

На сей раз явился другой самурай.

– Прикажи каллиграфу изменить дату под стихотворением, которое я хочу послать ко двору: вместо девятнадцатого дня четвертой луны пусть поставит двадцатый. Все ясно?

Как только самурай удалился, Хидэёси опять растерял всю свою серьезность и непридуманно осведомился:

– Ну, Тятя, где тебе больше нравится, в Адзути или здесь? – Судя по тону и выражению лица, посторонние мысли уже не отвлекали его от беседы с девушкой.

– Я предпочитаю Адзути, – честно ответила Тятя.

– Адзути?! Какая неприятность! Да ты просто еще не знаешь, до чего хорош Дзюракудаи. Тут есть все, чтобы обеспечить тебе благодное времяпрепровождение: роскошно украшенные покои, толпа прислужниц, бросающихся исполнять любое твое желание, всякие игрища и забавы... – Хидэёси усмехнулся. – Короче, предпочитай себе Адзути сколько влезет, я все равно тебя туда не отпущу!

Последние слова прозвучали как приказ. Неожиданно выражение лица Хидэёси снова изменилось, он посуровел и поднялся на ноги.

– Я пришел сюда в надежде приятно провести с тобой время, однако некое дело первейшей важности не дает мне покоя. Распоряжения, конечно, будут выполнены, но надо бы мне самому этим заняться...

«Должно быть, – подумала Тятя, – тревожится о письме, насчет которого говорил с васалами, и о поправках в стихотворении».

После его ухода девушка почувствовала опустошение и вместе с тем облегчение оттого, что скорбное событие удалось отодвинуть ненадолго во времени. Но в тот же вечер, в час Птицы,⁷⁰ за ней явилась пожилая придворная дама.

Госпожу просят принять приглашение, каковое поможет ей развеять скуку. – На бесстрастном, похожем на маску Но лице старухи живыми казались только губы.

– Идемте, – сказала Тятя, бледная, но готовая к встрече с самым могущественным человеком Японии, который совсем недавно сидел рядом с ней в гостиной и никак не мог отрешиться от государственных забот. Она твердо вознамерилась родить от него ребенка и добиться дозволения на строительство замка.

Старуха взяла ее за руку своей иссохшей узловатой лапкой, к ним безмолвно присоединились две прислужницы, и они все вместе покинули резиденцию. Прозрачный лунный свет ласкал измученный грозою сад, в небе продолжали свой стремительный бег на запад облака; прикосновение легкого ветра к коже было неприятно теплым и влажным...

Тятя вышла из покоев Хидэёси на рассвете и пустилась в обратный путь к своей резиденции мимо многочисленных жилых павильонов, которые занимали незнакомые ей вельможи

⁷⁰ Час Птицы – время с 18.00 до 20.00.

и воины. Старуха семенила впереди, указывая дорогу, позади мелкими шажками ступали две прислужницы.

Старуха часто останавливалась и, повелительно оглядываясь назад, безмолвно требовала того же и от Тяти, словно хотела таким образом избавить ее от лишнего напряжения и усталости после бурной ночи. Тятя уже возненавидела старую каргу, такую предупредительную, такую услужливую, и, замедляя шаг, всякий раз испытывала от этого чудовищное унижение, на смену которому тотчас приходила необоримая ярость.

– Госпоже не холодно? – спросила старуха.

– Нет, – сердито буркнула Тятя.

Занималась заря, в воздухе пока еще веяло прохладой, но весна уже сдавала позиции, готовилась удариться в бегство перед рано заявившим о себе в том году летом.

Солнце встало над горизонтом, а Дзюракудаи еще спал, в его крепостных стенах царило сонное молчание, в садах и дворах не было ни единой живой души.

Три женщины покинули Тятю у входа в ее покои – их заменили другие прислужницы, которые и препроводили свою госпожу в опочивальню, где уже была приготовлена постель. Княжну снова накрыла волна унижения. Она велела прислужницам раздвинуть сёдзи, затем отослала обеих и в одиночестве долго сидела на футоне, глядя в сад на маленькие кустики желтых роз у самой энгавы. Яркие цветы слепили осоловевшие глаза, Тятя была изнурена до предела, но боялась, что если она ляжет, то опять испытает приступ унижения.

И все же сон ее сморил, она проспала до полудня, а проснувшись, обнаружила у изголовья два лакированных подноса со сладостями, присланными Хидэёси.

В течение пяти дней Тятю доставили от него еще много подарков, но никаких других вестей не поступало. И вот, когда чувство стыда стало потихоньку отпускать ее, она снова получила приглашение навестить кампаку. На сей раз ее отвели в роскошные покои у подножия тэнсю, и там, сидя рядом с его высокопревосходительством на чудном заморском кресле, инкрустированном перламутром, в окружении многочисленных придворных дам, ей довелось поприисутствовать на удивительном представлении: варвары из западных земель, люди с необычным цветом глаз и волос, совсем не похожие на сынов Ямато, развлекали их плясками и прочими диковинными умениями. Тятя смотрела на ловкачей, танцевавших, удерживая на голове и в руках сосуды с водой, из которых не упало ни одной капли, видела жонглеров, акробатов и фокусников. Иноземные затейники один за другим выходили показать свое мастерство, и, как только Хидэёси замечал, что Тятя проявляет к кому-то из них интерес, он отдавал приказ продолжать представление как можно дольше, а когда девушка отводила глаза, тотчас прогонял актера.

В тот вечер Тятя впервые попробовала виноградное вино – рубиновую жидкость, которую подали ей в хрустальном бокале. Она пригубила напиток – ее рот наполнился терпкой горьковатой сладостью; выпила два бокала – и захмелела в мгновение ока. Успев заметить, что Хидэёси уже нет в зале, девушка с некоторым облегчением позволила двум прислужницам проводить ее, слегка пошатывавшуюся, в опочивальню, но когда она вошла туда, хмель тотчас испарился – Хидэёси поджидал ее на футоне.

Потом Тятя долго не смыкала глаз, прислушиваясь к шороху дождя, который деликатно постукивал по навесу. Дождь начался в полночь. Княжна говорила себе: ничто не мешает ей убить Хидэёси прямо сейчас, это ведь так легко сделать. Самый могущественный человек в Японии мирно спит рядом с ней, обратив стареющее лицо к потолку... Она подумала о тайничке, в котором спрятала свой кинжал, и эта мысль удивительным образом принесла успокоение.

Ее отец, ее дед, ее старший брат... сколько еще родственников, дальних и близких, погибли по вине этого мужчины, увидев перед смертью свой замок в огне? А матушка? А отчим? А Моримаса Сакума, гордый молодой воин? Все они сложили головы из-за него.

Нахлынули детские воспоминания – о безутешном горе, охватившем матушку, когда ей принесли весть о том, что Хидэёси поймал ее сына, маленького Мандзюмару, и велел «изрубить его в куски»...

Да, Хидэёси в ответе за смерть всех тех, кто был дорог ее сердцу, и если она захочет отомстить, теперь это не составит труда. Как странно думать о том, что человек, которого с детства надо было бояться и ненавидеть, теперь находится в ее власти, отдан ей на милость!

Наконец Тятя задремала и проснулась с рассветом. Уверенность в том, что у нее есть неотъемлемое право распоряжаться жизнью и смертью Хидэёси, заглушила чувство стыда, позволила забыть об унижении, которому подверглось ее тело, и помогла спокойно заснуть в одной постели со старым властелином.

Спустя некоторое время, на тринадцатый день пятой луны, в придворном святилище Хидэёси были устроены ритуальные пляски-кагура.⁷¹ Месяцем раньше, по случаю своего визита в Дзюракудаи, Небесный государь пожаловал высший придворный ранг Госпоже из Северных покоев,⁷² официальной супруге Хидэёси, и празднество было дано в его, императора, честь.

Пересуды об этом восхитительном зрелище не утихали в Дзюракудаи несколько дней, именно тогда Тятя впервые услышала о жене Хидэёси. Госпожа из Северных покоев жила в Осакском замке, поэтому встретиться им пока не довелось, больше того – Тятя даже не знала до сих пор о ее существовании. Странно было слышать все эти разговоры в кулуарах дворца о плясках-кагура, которые какая-то Госпожа из Северных покоев устроила, чтобы отблагодарить императора за проявленную благосклонность, но еще удивительнее было то, что ее, Тятю, держали в неведении о присутствии в окружении Хидэёси женщины, обладающей столь огромной властью и столь высоким рангом.

На следующий день после церемонии в святилище княжна собралась нанести визит даме Кёгоку, в чьей резиденции она еще не бывала, к тому же ответного визита требовали правила приличия – ведь Тасуко уже навещала свою кухню сразу после ее переезда в Дзюракудаи. Тятя недолго думая отправила прислужницу с посланием к даме Кёгоку и получила неожиданный ответ: Тасуко намекала, что, поскольку Госпожа из Северных покоев еще несколько дней пробудет в Дзюракудаи, их встречу лучше отложить. Тяте это показалось странным. Что ж это за важная птица, если в ее присутствии одна кухня даже не может нанести визит вежливости другой?

В тот же день Тятя получила приглашение от Госпожи из Северных покоев. Не зная, как надлежит себя вести в такой чрезвычайной ситуации, она спешно отправила Тасуко еще одно послание, в котором испросила совета.

В конце концов она сменила кимоно, принарядившись так, как велела Тасуко, и в сопровождении свиты отправилась к приватному павильону Хидэёси, где ее ждала Госпожа из Северных покоев. Тятя заняла место в глубине зала, в ряду придворных дам, затем, по знаку супруги его высокопревосходительства кампаку, приблизилась. Почтительно поклонившись, она подняла голову и увидела перед собой женщину лет сорока с суровым лицом и ледяным взглядом.

– А ты хороша собой, Тятя. Сколько тебе лет?

– Двадцать два года, моя госпожа. – Тятя и не подумала потупить взор – она уже чувствовала нарастающую в душе неприязнь к этой женщине. Никто и никогда не обращался с ней, княжной Асаи, столь пренебрежительно и высокомерно. Даже когда она была совсем

⁷¹ Кагура – обряд, призванный умиловить богов, исполняется храмовыми девами-мико на площадках перед синтоистскими святилищами под аккомпанемент флейт-фуэ и барабанов.

⁷² Госпожа из Северных покоев (Кита-но-мандокоро) – почтительное обозначение главной официальной супруги императора или вельможи, занимающего высшую государственную должность, в том числе кампаку. Кита-но-мандокоро и ее свите по традиции отводилось все северное крыло дворца высокопоставленного супруга – отсюда и титул.

маленькой, дамы из окружения О-Ити, ее матушки, постоянно выражали ей свое глубочайшее почтение. Да, с тех пор прошло много лет, после падения замка Одани она жила как пленница, но ни перед кем еще не склоняла голову первой!

– Сейчас ты, должно быть, чувствуешь себя не слишком уютно, но потерпи чуть-чуть – все наладится, – сказала Госпожа из Северных покоев и кивнула одной из придворных дам, которая тотчас поднесла Тяте дары: богатый церемониальный наряд из нескольких кимоно и дивной красоты черепаховый гребень.

Тятя поблагодарила Госпожу из Северных покоев с надлежащей учтивостью, но голову склонила ровно под тем углом, какого требовал этикет, – не ниже. Она знала, что жена Хидэёси сделала лишь то, что предписывали правила приличия, – никакого проявления симпатии в этом не было. Кроме того, горделиво выпрямиться и расправить плечи дочь Нагамасы Асаи и племянницу Нобунаги Оды заставило сознание своего высокородства. И наконец, она не видела в положении официальной супруги Хидэёси ни малейшего превосходства по отношению к собственному положению наложницы и не испытывала никакой ревности к этой женщине. Если бы она любила Хидэёси – тогда да, наверняка признала бы в Госпоже из Северных покоев соперницу. Но в ту пору Тятя еще не питала к своему господину и повелителю теплых чувств. Она думала только о том, что ее хотят унижить. Какая разница, кто перед ней – хоть законная, хоть незаконная жена единовластного правителя островов, – ей-то, Тяте, что за дело? Не будет она гнуть спину! Да кто такая эта женщина по своей сути, если не простолюдинка, худородная выскочка из какой-то глухой провинции? От едва сдерживаемой ярости у Тяти задрожали руки. Не опуская головы, она испросила у Госпожи из Северных покоев дозволения удалиться. Просьба прозвучала почтительно, однако, уходя, Тятя даже не поклонилась.

Со своими чувствами к Хидэёси она худо-бедно разобралась, убедив себя в том, что может убить его, когда ей заблагорассудится, но ненависть к его жене еще не нашла выхода, и от этого визита у Тяти остался горький привкус.

V

Весна и лето того года, 16-го под девизом правления Тэнсё,⁷³ пролетели молниеносно. С приходом осени Тятя начала замечать в себе странные перемены – с телом творилось что-то неладное. Из окружающих первой обратила на это внимание прислужница, женщина средних лет, состоявшая при княжне еще со времен ее жизни в Адзути. Она немедленно привела к своей хозяйке лекаря, и тот подтвердил беременность. Было это в середине десятого месяца, в пору любования момидзи – алыми осенними листьями, – когда в Дзюракудаи со всех концов страны стекались именитые гости, дабы насладиться волшебным зрелищем.

Слухи о беременности молодой наложницы с невероятной скоростью распространились по дворцу. Хидэёси не просто обрадовался – возликовал. Услышав благою весть, он испустил торжествующий вопль и долго не мог прийти в себя от счастья, чем поверг Тятю в неопишное изумление. После этого кампаку стал так часто навещать ее, будто не доверял ни лекарям, ни повитухам и покой находил, лишь когда видел воочию, что все идет хорошо и любимая наложница пребывает в добром здравии.

В Тятиной резиденции воцарилось праздничное оживление. Все суетились вокруг будущей матери, число свитских дам и служанок при ней ощутимо возросло, а старые повитухи, искусные в своем ремесле, глаз с нее не спускали сутками напролет.

В ликовании Хидэёси, к слову сказать, не было ничего удивительного. Поговаривали, что кампаку бесплоден, да его высокопревосходительство и сам в этом никогда не сомневался, и вот ведь чудо, на пятьдесят четвертом году жизни он станет отцом – женщина впервые от него понесла! Так что Хидэёси пребывал на седьмом небе от нежданно свалившегося на него подарка судьбы, Тятя же тем временем терзалась сомнениями, не зная, как отнестись к тому факту, что она вынашивает в своем чреве дитя злейшего врага ее клана. В итоге княжна убоялась столь опасных мыслей и решила, что надобно воспринимать растущий у нее под сердцем комочек плоти как новую жизнь, ничем не связанную с Хидэёси.

Она не забыла ту беседу с Удзисато Гамоо в Адзути. Две важные цели – родить ребенка и построить замок, – подсказанные молодым полководцем, заставили ее отказаться от самоубийства и смириться с участью наложницы Хидэёси. Но теперь, будучи беременной, она никак не могла подавить в себе отвращение к этому сгустку странной «новой жизни», в котором смешалась кровь Асаи с кровью убийцы, Асаи уничтожившего.

Тятю начали одолевать приступы дурного настроения, которое она теперь не скрывала даже в присутствии Хидэёси. Но тот и не думал обижаться. Тятя ворчала, огрызалась, отворачивалась от него, а он и бровью не вел, продолжая ласково ворковать, сочинять для нее всякие нежные прозвища, называть «мамочкой», хотя ребенок еще не родился. Однажды, заглянув к беременной наложнице, он нашел ее задумчиво сидевшей у энгавы и спросил, о чем это она так замечталась. Тятя вздрогнула.

– Ни о чем.

– Если тебе что-нибудь нужно, я подарю тебе все, что захочешь, только попроси, – не отставал Хидэёси.

– Ничего мне не нужно, – буркнула Тятя. – Разве что замок...

– Замок?! – удивился он. – Зачем тебе замок?

– Я хочу жить в собственном замке. Это мое самое заветное желание.

– Знаешь, Тятя, порой ты меня приводишь в замешательство. Но ради тебя я, так уж и быть, велю построить замок... Однако каков каприз!

⁷³ 1588 г.

Сказано это было то ли в шутку, то ли всерьез, но Тятя уже и думать ни о чем не могла, кроме переезда в новый замок, – ей казалось, что таким образом удастся избежать частого общения с Хидэёси.

Пуще его высокопревосходительства Тятиной беременности радовалась только дама Кёгоку. Она лично явилась поздравить кузину и теперь держалась с ней еще почтительнее, чем прежде, – точь-в-точь прислужница перед лицом госпожи. Тасуко, судя по всему, питала к официальной супруге Хидэёси ту же неприязнь, что и Тятя, и по тем же причинам. Из них троих Тасуко принадлежала к семейству самого высшего ранга. Ни Тятя, связанная узами крови со знаменитыми кланами Ода и Асаи, ни уж тем более Госпожа из Северных покоев, особа весьма скромного происхождения, поднявшаяся из низов вместе со своим мужем Хидэёси, не могли сравниться с дамой Кёгоку, рожденной в прославленном самурайском доме провинции Оми, который со времен Муромати занимал место в ряду четырех наизнатнейших и наивлиятельнейших домов Поднебесной.

Однако в обществе Тяти дама Кёгоку, которая на людях не скрывала своей гордости от того, что принадлежит к столь высокородному семейству, вела себя весьма скромно, всячески подчеркивая превосходство кузины. Возможно, в таком поведении проявлялись глубокая признательность, каковую Тасуко сызмальства питала к госпоже О-Ити за поддержку и заботу об отпрысках разоренного дома Кёгоку, а также сознание того, что Тятя, несмотря на свою принадлежность к менее знатному роду, всегда жила как особа более высокого положения. Сама дама Кёгоку увидела свет в ту пору, когда ее семья уже потеряла и власть, и богатство, так что детство Тасуко прошло в нищете и вечных странствиях, от которых громкое родовое имя бессильно было ее избавить.

Вот по этим причинам дама Кёгоку и старалась держаться подальше от Госпожи из Северных покоев, да и заводить дружбу с другими наложницами Хидэёси не спешила. С Омаа и дамой Сандзё она ладила, но частыми визитами их не баловала. Ну а в Тяте она нашла верную союзницу, прекрасно осведомленную о ее высокородстве и питавшую к ней должное почтение. Тятя же, в свою очередь, прониклась к этой женщине, пятью годами старше ее самой, глубочайшим доверием и сестринской любовью, в основе которых лежали не только родственные узы, но и душевная близость. К тому же черты лица Тасуко живо напоминали ей о Такацугу.

Лишь одно удивляло и беспокоило Тятю: искренняя нежная привязанность дамы Кёгоку к Хидэёси. Тасуко его, без сомнения, любила и дорожила своим чувством к человеку, которого ей приходилось делить с многочисленными наложницами и с законной супругой. Занимая при нем скромное положение, она никогда не претендовала на чужое место, не пыталась оттеснить других и довольствовалась тем малым, что имела. Этого Тятя понять не могла.

«О, как я счастлива, что в скором времени вы произведете на свет сына!» – говорила ей дама Кёгоку с такой гордостью, будто это она сама готовилась стать матерью. Каждый день дама Кёгоку молилась богам и буддам об успешном разрешении от бремени, о том, чтобы родился мальчик, и неустанно обсуждала благое событие с женщинами из Тятиного окружения.

На новогодних празднествах 17-го года Тэнсё⁷⁴ Хидэёси объявил о решении возвести для Тяти замок на земле Ёдо. Главным распорядителем работ он назначил своего младшего брата, Хидэнагу Тоётоми, и мастеровым под его началом предстояло трудиться денно и ночью, посменно, без остановки до самого окончания строительства. По замыслу Хидэёси, Тятя должна была поселиться в новом замке перед родами.

Как только воля его высокопревосходительства была оглашена, Тадаока Хосокава спешно позаботился о доставке потребных для строительства материалов и утвердил чертежи будущего замка, а главам всех кланов из окрестностей столицы было вменено в обязанность предоставить надлежащее число исполнителей – каменотесов, плотников и прочих умельцев. Хид-

⁷⁴ 1589 г.

эёси собственной персоной не раз наведывался в Ёдо, дабы лично проследить за продвижением работ.

Замок Ёдо был закончен весной, с восходом третьей луны, – невеликая крепость, вполне подходившая по размеру для своей молодой хозяйки. Крепостные стены, конечно, не впечатляли высотой, укрепленную башню-тэнсю решено было не строить, а посему обычная главная башня не могла похвастаться неприступностью, однако же замок, защищенный с трех сторон реками Ёдо, Кацурой и Кипу, а с четвертой – бескрайними болотами, на которые глядели южные бойницы, был способен противостоять любому нашествию.

Едва ремесленники завершили внутреннюю отделку помещений, Тятя, пребывавшая на последних месяцах беременности, покинула Дзюракудаи и разместилась в Ёдо. В отличие от киотоского дворца, с вершины главной башни здесь открывался восхитительный вид. На севере высились горы Эйdzан и Атаго, в ясную погоду можно было разглядеть и вершину Хира; на западе взорам являла себя величественная Тэннодзан, а на юге, на излете заболоченной равнины, шумевшей тростниками, возносила свой пик к небу Нандзан.

Именно там, в замке Ёдо, на двадцать седьмой день пятой луны Тятя дала жизнь сыну. Молитвы дамы Кёгоку были услышаны.

Хидэёси себя не чуял от радости.

На церемонии седьмого дня новорожденный наследник был наречен Цурумацу, императорский двор прислал богатые дары и одежды для младенца, знатные воины и вельможи каждый день прибывали в замок Ёдо, чтобы лично поздравить молодую мать и вручить ей свои подношения по случаю благого события. Многие высокопоставленные жители столицы отправляли с нарочными подарки, среди которых оказалось внушительное число алых церемониальных хакама.⁷⁵

С поздравлениями не замедлил явиться и Удзисато. Тятя, ослабленная родами, еще не вставала с постели, так что встретиться он с ней не смог, но передал свой подарок. Это был меч, который в клане Гамоо почитался семейным сокровищем и передавался из поколения в поколение, ибо, по преданию, был отлит из наконечника стрелы, каковой легендарный основатель рода убил гигантскую сколопендру, обитавшую в горах Оми. Тятя задумалась о значении этого подарка. Без сомнения, Удзисато хотел сказать, что ей надлежит взрастить великого воина, что в будущем Цурумацу должен сравняться в силе и свершениях с самим пращуром Гамоо. Лежа на футоне, она долго разглядывала сказочный меч, поднесенный тем самым человеком, который посоветовал ей родить ребенка от Хидэёси.

Часто навещавший наложницу и сына в замке Ёдо кампаку взял за правило называть младенца Сутэ – «Подкидыш». Тятя терялась в догадках, кто ему внушил, что это странное прозвище отведит от мальчика злых духов и обеспечит долгую и счастливую жизнь, но суеверный Хидэёси никогда не произносил истинного имени наследника, оглашенного на церемонии седьмого дня. Окружение кампаку последовало примеру своего властелина, и в конце концов Цурумацу для всего света превратился в Сутэ.

Спустя некоторое время произошло весьма печальное и совершенно неожиданное событие. На сотый день жизни, тринадцатого числа девятого месяца, Цурумацу оторвали от матери и увезли в Осацкий замок. Тятя оказалась к этому не готова. Тяте и в голову не приходило, что нечто подобное может случиться с ней.

С того самого мгновения, когда ее сыночка, разодетого в пух и прах, усадили в паланкин и понесли в дальние дали по Осацкому тракту, Тятя места себе не находила. Она днями напролет бродила по замку с потерянным видом, с блуждающим взглядом, и даже вести, исправно поступавшие из Осаки, не могли ее утешить. Император Гоёдзэй пожаловал малыша мечом-катана искусной работы, поклониться наследнику Хидэёси каждый день прибывают в Осаку

⁷⁵ Алый цвет считался благоприятным.

десятки самураев – обо всем этом и о многом другом незамедлительно докладывалось Тяте, о материнское сердце не радовалось. В замке Ёдо, лишенная своего сыночка, Тятя впервые познала ревность. При мысли о Госпоже из Северных покоев в ее душе закипал гнев, направленный против законной супруги Хидэёси, которой дарована безграничная власть, против женщины, которая сумела отнять у нее ребенка.

В те времена Тятю начали называть Ёдо-гими – «дамой Ёдо» или «хозяйкой замка Ёдо». Хидэёси в частных беседах продолжал обращаться к ней по имени, но на людях тоже предпочитал упоминать о своей наложнице как о даме Ёдо.

Сколько раз Тятю посещало горячее желание пасть ниц перед Хидэёси и умолять его вернуть ей сына! Однако память о словах Удзисато не позволяла несчастной матери поддаваться этому искушению. Вышло так, что в тот же день, когда паланкин с ее малышом исчез вдали на дороге к Осаке, она, пребывая в полной растерянности, спешно отправила гонца к Удзисато с вопросом, как ей быть и что делать. К кому еще она могла воззвать о помощи, как не к человеку, который и посоветовал ей произвести на свет этого ребенка?

Через три дня конная эстафета доставила ей послание Удзисато. «Ваш сын, – писал полководец, – останется вашим сыном, где бы он ни находился». У его высокопревосходительства кампаку большие планы на своего первенца. Она, Тятя, должна гордиться тем, что происходит с ее мальчиком, и повиноваться решениям властелина.

Княжну его ответ разочаровал: то же самое мог ей сказать кто угодно, это было всеобщее мнение.

Тем не менее и на сей раз она последовала совету Удзисато. Ей не впервые приходилось полагаться на суждения молодого воина – она беседовала с ним перед свадьбой матери и после того, как узнала, что ей предстоит стать наложницей Хидэёси. Вывод о том, правильно ли она поступает, делать пока было рано, но Тяте казалось, что и теперь ей стоит прислушаться к Удзисато. Оставить его совет без внимания она не могла. Следуя тому, что говорил ей этот человек, дама Ёдо странным образом преисполнялась уверенности в своем будущем.

Прошло много времени, прежде чем Тятя оправилась от потрясения, связанного с тем, что у нее отобрали ребенка. С осени до начала зимы она почти не выходила из своих покоев. Хидэёси, занятый государственными делами, разрывался между своим дворцом в Киото и Осацким замком, однако находил время остановиться по дороге в Ёдо. Его визиты всегда были неожиданными. И вдруг, в один прекрасный день, Тятя, к своему превеликому удивлению, поймала себя на том, что с нетерпением ждет его появления. Как только ей объявляли о прибытии его высокопревосходительства кампаку, она вскакивала, даже если недомогание приковывало ее к постели, спешила приодеться, набелить лицо и бежала навстречу старому самодержцу, который уничтожил ее семью и подарил сына только для того, чтобы отобрать его на сотом дне жизни.

– Грустная ты какая-то в последнее время. По-моему, тебе не помешало бы немножко развеяться, скажем, проведать сестриц, – однажды предложил Тяте Хидэёси, пробудив в ней воспоминания о Когоо и Охацу.

Она тосковала по ним обеим, но в первую очередь ей хотелось повидать Когоо, поскольку Охацу, всегда питавшая нежную привязанность к старшей сестре, исправно писала ей со дня отъезда в замок Такацугу и складывалось впечатление, будто они и не расставались. Когоо же после замужества не подавала о себе вестей. По случаю рождения Цурумацу Тятя получила поздравительное послание от Ёкуро Садзи, ее мужа, но сама Когоо не потрудились начертать ни одного столбца. Это было в характере младшей княжны Асаи – вот так хранить молчание без особых причин, – однако Тятя не могла избавиться от смутного беспокойства.

– Дозволительно ли мне будет принять Когоо здесь, в замке Ёдо? – спросила она.

– Я немедленно отправлю к Садзи гонца с приглашением, – милостиво кивнул Хидэёси.

В начале одиннадцатого месяца Когоо явилась в замок Ёдо в сопровождении десятка свитских дам и под охраной тридцати самураев – чересчур пышный эскорт. Три года прошло со дня ее свадьбы с Ёкуро Садзи. Ей было шестнадцать, когда церемониальный паланкин холодным снежным утром, точь-в-точь таким, как сейчас, покинул Адзути. С тех пор Когоо родила двух дочерей; детской свежести – как не бывало, наступила зрелость, тело раздалось вширь.

– Признаться, я чувствую себя прекрасно, но мне так не терпелось с тобой увидеться, что пришлось сослаться на недомогание, – радостно сообщила Тятя сестрице.

– Я почему-то так и подумала! – рассмеялась Когоо.

Она провела в замке Ёдо три дня, а на четвертый засобиравшись в обратный путь, как и было условлено. Тятя предложила сестре задержаться подольше – хотела показать ей Киото, – но Когоо особого интереса к столичным диковинкам не проявила.

– Что мне делать в Киото? По дороге сюда мы прошлись по его улицам, так что с меня довольно.

– Тогда на пути в свое Ооно можешь заглянуть в замок Омидзо – Охацу страшно тебе обрадуется.

Однако возможность пообщаться со средней сестрой Когоо тоже не вдохновила. Она осталась такой же, как прежде: маленькой княжной, никогда и никому не доставлявшей хлопот, погруженной в себя и не испытывающей потребности в близости с кем бы то ни было, даже с родными людьми. Тятя немного завидовала младшей сестре, чей душевный покой не могло нарушить никакое событие во внешнем мире, оставшемся за неприступной стеной, которую Когоо еще в детстве выстроила вокруг себя.

И все же, по злой иронии судьбы, в тот самый момент, когда Тятя об этом размышляла, пришло известие, которому предстояло лишить Когоо и хладнокровия, и сна, и покоя. Придворный советник Гэнъи Маэда нежданно-негаданно прибыл из Киото, чтобы объявить хозяйке замка Ёдо о желании Хидэёси отпустить в Ооно только свиту и охрану супруги князя Садзи, а саму ее оставить в Ёдо заложницей.

– Вы хотите сказать, что его высокопревосходительство намерен забрать мою сестру у человека, за которого сам же ее и сосватал? – уточнила Тятя, похолодев.

– Полагаю, что так, – ответил Гэнъи Маэда с той бесстрастностью и твердостью, которые всегда звучали в его голосе, если ему приходилось передавать кому-то особенно жестокие приказы властелина.

Из объяснений советника Тятя поняла, что Хидэёси не доверяет Ёкуро Садзи. По всей видимости, кампаку все еще злился на даймё Ооно за его поведение во время битвы при Комаки в 12-м году Тэнсё.⁷⁶ Хидэёси тогда исхитрился удачно поставить морскую блокаду и отрезать Иэясу Токугаве путь к отступлению в Микаву, но Ёкуро Садзи предоставил своему покровителю Иэясу челны, тем самым спутав все планы кампаку. Неудивительно, что Хидэёси затаил обиду. Между тем Когоо теперь была матерью двух малолетних княжон, и препятствовать ее возвращению в Ооно казалось Тяте делом бесчеловечным и лишеным смысла. Она пообещала себе вступить перед Хидэёси за сестру при первой же возможности.

Однако сначала надо было каким-то образом сообщить о решении его высокопревосходительства самой Когоо.

Выслушав старшую сестру, княжна Садзи изменилась в лице, в глазах мелькнула растерянность, но уже в следующее мгновение она недрогнувшим голосом произнесла:

– В Ооно я оставила двух дочерей. Они так же дороги мне, как тебе – твой Сутэ. Прошу тебя похлопотать лишь о том, чтобы мне их вернули.

⁷⁶ 1584 г.

Начиная с того дня Когоо уединилась в гостевых покоях замка Ёдо и не выходила оттуда. Тятя, умирая от беспокойства, время от времени навещала ее и каждый раз находила сестру в слезах, забившуюся в уголок опочивальни.

Тятя всем сердцем желала поскорее увидеть Хидэёси, чтобы потолковать с ним об этом деле, но вот уже двенадцатая луна сменила одиннадцатую, а он все не появлялся в Ёдо. От него часто доставляли послания, начертанные в спешке широкими небрежными мазками кисти; в них неизменно говорилось о приготовлениях к военному походу в Канто, которые отнимают у него уйму времени и никак не дают навеститься к ней, Тяте, с визитом. Порой он все же вырывается в Осаку повидаться с сыном, который служит ему нынче единственной отрадой. Тятя, надо думать, тоже скучает по своему чаду, однако он, Хидэёси, просит ее потерпеть еще немного...

Приготовления к очередному военному походу действительно лишили Хидэёси покоя. В начале двенадцатого месяца он разослал по всем провинциям официальное извещение о «весенней карательной экспедиции в Канто», тем самым обозначив время выступления против клана Ходзё, который дерзнул воспротивиться его власти. Хидэёси привел в боевую готовность войска в разных провинциях, чтобы сформировать из них армию для броска на восток, поставил Мацуиэ Нацуку ответственным за снабжение и дал ему под начало десять уполномоченных, распорядился за год собрать в двух гаванях Симидзу и Одзири сто тысяч коку риса, а также скупить все зерно в княжествах, через каковые пролегает дорога на восток, и держать припасы наготове к перевозке в окрестности Одавара, главной цитадели дома Ходзё. Помимо этого он назначил Тэрумото Мори наместником Киото на период своего отсутствия, а Такакагэ Кобаякаву – временно исполняющим обязанности коменданта крепостей, в которых по пути на восток будет останавливаться верховный главнокомандующий.

В десятый день двенадцатой луны Иэясу Токугава, Кагэацу Уэсуги и Тосииэ Маэда были призваны на военный совет. Совет постановил, что в авангарде надлежит выступить Иэясу, и тот незамедлительно отправил гонцов в свои владения в Сумпу с приказом войску встать на изготовку, а через несколько дней и сам прибыл туда, откуда должна была выступить в поход его армия.

Лишь в конце двенадцатого месяца Хидэёси впервые за долгое время нанес наконец визит хозяйке замка Ёдо. Он явился без предупреждения поздно вечером, а на рассвете продолжил путь в Киото. В ту ночь Тятя говорила с ним о своей сестре, умоляла сменить гнев на милость по отношению к супругу Когоо. Хидэёси развеселился, заявил, что уж и помнить не помнит о былых проступках Ёкуро Садзи, к тому же сейчас ему просто недосуг об этом думать. Мало-помалу его смех затих.

– Тебе, стало быть, невдомек, Тятя, почему я разлучил любезную Когоо с ее муженьком? Ёкуро Садзи мой свояк и дядя Сутэ. Надобно сделать так, чтобы после моей смерти вы с Сутэ могли рассчитывать на его помощь. А обеспечить его верность и преданность я могу, лишь удерживая в заложницах твою сестру – иного способа нет.

Последние слова прозвучали решительно и непреклонно. И Хидэёси был, безусловно, прав. В свои пятьдесят четыре года он должен был позаботиться о том, чтобы в окружении Тяти и их сына присутствовали надежные и достаточно влиятельные люди, которые возьмут на себя опеку над малолетним наследником рода Тоётоми и его матерью в случае смерти самого Хидэёси. Теперь, узнав его истинные намерения, Тятя больше не настаивала. «Бедная Когоо, – вздыхала она. – Но коли это необходимо для безопасности Цурумацу, ей придется расстаться с Ёкуро Садзи, владельцем крошечной крепости, удельным князьком, за чьей спиной, однако, стоит влиятельный клан Токугава».

Проводив Хидэёси до ворот замка, Тятя вернулась в свои покои и обнаружила там сестру.

– Ты замолвила за меня словечко? – спросила Когоо, обратив к ней бледное лицо, на котором вот уже целый месяц не гостила улыбка.

– Я поговорила с его высокопревосходительством, но он велел тебе оставаться здесь до конца похода на Одавара. Сейчас бесполезно просить его о чем бы то ни было – он и думать ни о чем не может, кроме предстоящей войны.

Когоо снова подняла голову, опалив сестру взглядом, в котором горела ненависть, и покинула ее покои, бросив через плечо:

– Мне все ясно.

С наступлением нового года до замка Ёдо начали долетать слухи о передвижениях войск. Иэясу Токугава, Нобукацу Ода и Удзисато Гамоо повели своих самураев на восток прибрежными трактами; Кагэкацу Уэсуги и Тосииэ Маэда двинулись к Одаваре горными перевалами. Ожидалось, что на поле брани войска придут к середине второго месяца или к восходу третьей луны.

В народе болтали разное; кое-кто полагал, что Иэясу и Тосииэ вознамерились восстать против Хидэёси и заключить союз с кланом Ходзё. Словно бы для того, чтобы пресечь эти слухи, разнеслась весть о том, что на третий день первой луны двенадцатилетний Нагамару, сын Иэясу, в сопровождении влиятельных вассалов дома Токугава, в числе коих был Тадаё Сакаи, прибыл в Дзюракудаи. Весть быстро подтвердилась. Оказалось, Иэясу, обеспокоенный разговорами о том, что он якобы затевает измену, поспешил обезопасить себя от недоразумений, которые могли возникнуть у него с Хидэёси, и по собственному почину отдал сына в заложники, отправив его во дворец кампаку. Хидэёси устроил для Нагамару церемонию совершеннолетия – нарек его взрослым именем Хидэтада, пожаловал меч с золотой цубой,⁷⁷ велел выбрить лоб полумесяцем,⁷⁸ – после чего любезно преподал юноше, воспитанному в Суруге, несколько уроков столичных обычаев, а затем отослал его обратно в Сумпу, показав тем самым, что всецело доверяет Иэясу и не видит необходимости держать членов семьи своего соратника в заложниках.

С конца первого месяца все слухи, доходившие до Тятиных ушей из столицы, подтверждали неизбежность кровопролитных боев. В Сандзё для переброски войск возвели огромный мост, возле которого вывесили извещения с подписью Хидэёси: «Лиходеев, задумавших творить насилие и бесчинствовать на союзных землях, ждет смертная казнь»; «Тот, кто дерзнет пожар учинить в лагере, будет сурово наказан. Коли сбежит он – наказание понесет вышестоящий»; «Раздача риса, соломы, дров и прочего производится с дозволения командующих».

Второй месяц прошел в атмосфере предвоенного возбуждения. Все ждали, что Хидэёси со дня на день самолично выступит в поход, но он по-прежнему не покидал столицу.

От одного самурая, остановившегося в Ёдо проездом из Сумпу, Тятя узнала о том, что в начале второго месяца Удзисато Гамоо повел свое войско на восток из замка Мацудзака, что в Исэ. Она с легкой ностальгией вспоминала о молодом военачальнике, но теперь ее сердечко не трепетало, как раньше, когда приходили весточки от этого человека. Она все еще бережно хранила образ Удзисато в тайниках своей души, однако со времен ее детства он претерпел необратимые изменения.

С восходом второй луны Хидэёси нанес Тяте первый визит в новом году. Он уже давно не дарил ее своим вниманием, и это не могло не вызывать у молодой женщины некоторого беспокойства. При мысли о многочисленных наложницах, готовых ублажить его в Дзюракудаи, пока она, Тятя, тоскует одна в своем замке на отшибе, ее охватывала жгучая ревность. Но, увидев Хидэёси, она поняла, что переживала понапрасну, потому что даже ее юное обольстительное тело не смогло отвлечь полководца от размышлений о предстоящих битвах и усмирить обуявшую его боевую горячку. На ложе он обнимал ее как будто по привычке, а исполнив долг

⁷⁷ Цуба – гарда, круглая пластинка, отделяющая рукоятку японского меча от лезвия.

⁷⁸ То есть сделать самурайскую прическу сакаяки.

господина и повелителя, тотчас продолжил толковать о ситуации на фронте, словно не в силах был остановиться.

– Авангард уже подошел к берегам Кисэгавы, а арьергард застрял на дорогах Мино и Овари, – не унимался Хидэёси. – В первый день третьей луны мне надлежит явиться в императорский храм, где его величество пожалует мне священный меч, дабы мог я возглавить войско и разгромить мятежников. Лишь после этого я покину столицу. Ты, кстати, будешь присутствовать на церемонии... Гмм, надобно подыскать тебе хорошее местечко на скамьях для гостей – народу там будет тьма. – Он был столь весел и воодушевлен, словно готовился к лихому празднику, а не к кровопролитным сражениям.

Утром первого дня третьей луны дама Ёдо покинула свой замок впервые с тех пор, как ступила под его своды, и отправилась в столицу на торжественную церемонию проводов его высокопревосходительства кампаку, которому предстояло выступить в поход на Одавара. Воины в боевом облачении препроводили молодую госпожу и ее свиту к скамьям, сооруженным по случаю торжеств в квартале Сандзё-гавара. Означенные скамьи стояли вереницей вдоль всей улицы и терялись из виду на ее излете, а самурай, указывавший дорогу Тяте, сообщил, что ряды продолжают и дальше, занимают обочины тракта в Ямасине и заканчиваются лишь на подступах к Оцу и что поглядеть на отбытие его высокопревосходительства кампаку с войском собралась безбрежная толпа – люди пришли даже из Осаки, Фусими и Нары.

До начала церемонии оставался целый час. Дама Ёдо сидела на скамье для гостей, и ей казалось, что она присутствует на каком-то веселом торжестве, а не на отбытии армии к полям сражений. Вот наконец показался авангард. Глядя на вооруженных до зубов самураев в доспехах, невозможно было усомниться – их ждет битва, но выступали они медленно и величаво, словно на параде. Тятя смотрела на полковые стяги и море флажков, подрагивавших за плечами у воинов в лучах весеннего солнца, на полководцев в тяжелых нагрудниках из золотых пластин, полыхавших огнем, на боевых коней в драгоценной сбруе, на плотников, тащивших инструментарий для строительства укреплений, на пеших ратников с мечами наголо. Все они продвигались вперед с безмятежным спокойствием, будто не на кровавую сечу шли, а на праздничный променад. Быть может, оттого, что Оцу, первый перевалочный пункт, где шеститысячная армия тем же вечером встанет на ночлег, находился совсем близко, полки не торопились и выступали парадным шагом. Так или иначе, все это больше походило на мирное шествие, а не на смертоносный бросок к полю брани.

В гуще многоликого, ошетилившегося мечами и пиками, сверкавшего доспехами войска Тятя разглядела удивительную фигуру. На великолепном боевом коне, победоносно выпятив грудь, сжимая в руке ротанговый лук, покрытый алым лаком, сидел воитель в устрашающем китайском шлеме, в доспехах, скрепленных кроваво-красным шнуром. Ей понадобилось немало времени, чтобы узнать в этом демоническом существе, в этом ярмарочном пугале самого Хидэёси. Из-под наводящего ужас шлема выбивались ключья накладной бороды, изменившей его лицо до неузнаваемости, но это точно был он. И даже его боевой конь в попоне, расшитой золотом и украшенной алыми кистями, повергал в трепет.

У Тяти перехватило дыхание. Она никак не ожидала увидеть Хидэёси, отправляющегося на битву в столь нелепом облачении. И не только она воззрилась на него, разинув рот, – вся толпа заворуженно замерла и тотчас разразилась безумными воплями, приветствуя главнокомандующего. Позади Хидэёси выступали верхом знатные воины, столь же величественные.

Тятя оставалась на скамье до тех пор, пока последний полк не исчез вдаль на дороге в Ямасину. Никогда она с такой отчетливостью не понимала всю исключительность Хидэёси, его отличие от простых смертных, как в тот момент. Кому еще могло прийти в голову превратить проводы на войну в народное гулянье? Разумеется, в этом было что-то смешное и нелепое, но в то же время его ребяческая выходка вызывала восхищение. Хидэёси хотел всех удивить, и ему это удалось. Кроме того, за этим парадным шествием угадывался тонкий расчет – намерение

показать всему миру, что ему, Хидэёси, принадлежит абсолютная власть и что он заставит мир с этим считаться.

Вспоминая лицо Хидэёси, полускрытое всклокоченной накладной бородой, Тятя понимала, что теперь ей уже не вырваться из-под власти старого воителя. Отныне ни один мужчина не сумеет покорить ее сердце, потому что оно уже сдалось в плен лучшему из них – Хидэёси.

Она собиралась навеститься в Дзюракудаи, чтобы выразить свое почтение Госпоже из Северных покоев, а затем уже отправиться в Ёдо, но передумала и не стала наносить визит законной супруге его высокопревосходительства кампаку.

Когда замок Ёдо показался вдали, последние лучи заходящего солнца окрасили багрянцем заболоченную равнину. Тятя подумала о том, что Хидэёси, должно быть, уже в Оцу и мысли его в ближайшее время будут заняты только предстоящими сражениями, а не утехами с другими наложницами, поэтому в замок она вступила в самом безмятежном расположении духа.

В тот день в ней произошли решительные перемены, и она отдавала себе в этом отчет. В эволюции чувств, которые с самого детства связывали ее с Хидэёси, случился прорыв, и отныне день проводов войска останется важной датой в этой истории.

Отныне Тятя мысленно следовала, этап за этапом, от стоянки к стоянке, за наступающей армией по дороге на восток, представляя себе силуэт старого воителя на изменчивом фоне гор и вод. Советник Хидэнага, назначенный начальником стражи Киото на время отсутствия Хидэёси, каждый день посылал к даме Ёдо гонца с новостями о передвижениях войска. 10-го числа Хидэёси вошел в Ёсиду, 18-го – в Сумпу, 23-го был в Киёмидэре, 26-го – в Ёсиваре, а 27-го уже добрался до замка Нумадзу. Вскоре подоспело сообщение о взятии замка Яманака в Хаконэ, принадлежавшего клану из лагеря Ходзэ, и несколько дней спустя началась осада Одавара.

Тятя каждое утро заглядывала к Когоо, не теряя надежды выманить ее на прогулку в замковые сады, чтобы немного развеять тоску, но Когоо упорно отказывалась.

Даме Ёдо ничего не оставалось, как признаться себе, что настроение сестры не улучшится, как ни старайся. Она понимала, сколь тяжело сейчас Когоо, разлученной с мужем и дочерьми, знала, что такую печаль не утолить, и все же, натываясь на ее горящий ненавистью взгляд, чувствовала себя весьма неуютно.

– Ты сильно изменилась, Тятя, – сказала ей однажды Когоо. – Право, Охацу тоже немало удивилась бы, найдя тебя такой веселой. Кто бы мог подумать, что тебе довелось пережить столько несчастий в прошлом.

Насмешка, прозвучавшая в этих словах, жестоко ранила Тятю, но она сделала вид, что ничего не заметила. Память о былых бедах действительно стерлась в ее сознании. Когда Тятя думала о замках Киёсу, Адзути или о Китаносэ, замерзающем в северных снегах, ей казалось странным, что некогда она жила в подобных местах. Теперь ее удручали лишь два обстоятельства: отсутствие Хидэёси и разлука с сыном. Со вторым было легче смириться, она чувствовала в себе силы вынести эту разлуку – материнская любовь подсказывала ей, что так надо ради будущего Цурумацу, ибо наследника его высокопревосходительства кампаку не может воспитывать простая наложница.

В конце четвертого месяца Тятя получила неожиданное послание из Дзюракудаи: Госпожа из Северных покоев изволила осведомиться, не согласится ли дама Ёдо отправиться в Одавара, дабы скрасить одиночество его высокопревосходительства Хидэёси в полевой ставке – осада твердыни Ходзэ, судя по всему, затянется надолго. Дама Ёдо поспешила ответить утвердительно. Подобное распоряжение, исходящее не от самого Хидэёси, а от его законной супруги, не могло ее не обидеть, однако Тятя усмирила гордыню, сказав себе, что Хидэёси

наверняка лично выразил желание ее увидеть и Госпожа из Северных покоев тут послужила всего лишь посредницей.

Через пару дней опять примчался гонец из Дзюраку-даи. Госпожа из Северных покоев благодарила даму Ёдо за согласие и просила ее подготовиться к отъезду, о дате которого ей сообщат позднее. И на этот раз не допускающий возражений тон послания не понравился Тяте, но она покорно выполнила указание Госпожи из Северных покоев, счастливая оттого, что скоро будет рядом с Хидэёси.

Посланник из Одавара приехал за ней в середине пятого месяца, и она с восемью прислужницами покинула замок Ёдо под охраной нескольких десятков самураев.

Когда процессия проезжала через Киото, посланник собрался было препроводить Тятю в Дзюракудаи, но та решительно воспротивилась:

– Я получила приказ незамедлительно явиться в Одавара, а посему не могу позволить себе задержаться в Киото.

В итоге вереница паланкинов в сопровождении всадников пересекла столицу без остановки и взяла курс на Ямасину. Хидэёси разослал своих эмиссаров во все крепости на восточном тракте, и повсюду, где Тятя и ее свита вставали на ночлег, они находили гонцов, готовых сорваться в путь, конных и пеших ратников в боевом облачении, так что вскоре процессия наложницы являла собой уже внушительное воинство. Везде даму Ёдо принимали с величайшим почтением, давали кров, а с рассветом носильщики ее паланкина уже снова взбивали пыль на дороге.

В предгорье Хаконэ на тракте сразу стало как-то многолюдно и оживленно, Тяте и ее свите не раз пришлось уступать дорогу крупным вооруженным подразделениям на марше.

Обогнув гору Хаконэ, кортеж наложницы к вечеру прибыл наконец в лагерь Хидэёси в Юмото под проливным дождем. Лагерь был разбит на расстоянии всего одного ри от Одавара, но военной атмосферы там не ощущалось. Деревушку Юмото заповили самураи, при этом среди них деловито сновали туда-сюда купцы, женщины, дети. Здесь и там выселись новенькие казармы, мимо которых спешили куда-то пехотинцы и всадники; несколько отрядов, вымокших до нитки, пересекли деревушку, отправляясь на боевое задание, – вот и все, больше никаких указаний на то, что совсем рядом пролегает линия фронта. Стайки ребятишек бойко вели торговлю на улочках, осажая самураев, которые беззлобно отшучивались; принаряженные набеленные девицы предлагали сакэ, весело окликавая проходивших строем ратников.

На подступах к Соундзи, где располагалась ставка самого Хидэёси, на некотором удалении от эпицентра этой сутолоки и суматохи царило, напротив, удивительное спокойствие. Здесь тоже повсюду были разбросаны новые постройки – надо думать, временные резиденции полководцев. Тятя и ее свита пересекли несколько рвов, вступили в ворота каменной крепостной стены и остановились у сторожевой башни. Соундзи вопреки ожиданиям оказался не простым храмом, а огромным монастырем,⁷⁹ который Хидэёси превратил в настоящую цитадель. Обширное пространство было обнесено высокой неприступной оградой, с одной стороны ее подпирала гора Хаконэ, с другой надежно защищала бурная Хаякава.

От главных крепостных ворот до ставки Хидэёси оставался еще изрядный отрезок пути. Извилистая тропа уходила вверх по склону в густом подлеске рощи криптомерии; в зарослях несли караул дозорные, а впереди возносились к небу укрепленная башня – резиденция Хидэёси – и сторожевая вышка, окруженные глинобитными строениями с боевыми стягами. Вымокшие под дождем самураи стояли на страже в саду у ставки главнокомандующего. Тятя вслед за провожатыми обогнула внушительное здание храма и была препровождена в просторные покои, выстеленные татами и выходившие энгавой на внутренний сад. Здесь ей и предстояло поселиться. Прислужниц разместили в примыкающих комнатках.

⁷⁹ Иероглифом «дзи» обозначается буддийский храм.

На другой стороне сада сквозь мокрую листву виднелся огромный зал церемоний, который Хидэеси сделал своей приватной гостиной. Вскоре Тятя, расположившаяся отдохнуть, заметила, что в гостиную напротив принесли светильники и там сей же час воцарилось бурное оживление – воины входили и выходили безостановочно.

Тятя велела нагреть воду для фуру,⁸⁰ смыла десятидневную усталость путешествия и, посвежевшая, отправилась засвидетельствовать свое почтение Хидэеси. Он сидел в окружении незнакомых ей полководцев и был занят беседой, но, заметив девушку, тотчас отвлекся.

– Благодарю за то, что приехала в такую даль. Я велел разместить тебя со всем удобством. Здесь куда веселее, чем в столице, вот увидишь! – сказал он и продолжил прерванный разговор с подчиненными: – Итак, Ивацуки в наших руках, однако что за нелепица – понадобилось двадцать тысяч ратников, чтобы взять крошечную крепость! И потом, кому вообще нужна эта груда камней? Немедленно отзовите оттуда Асано и Кимуру! Они пошли на приступ, не посоветовавшись с вышестоящими!

Голос Хидэеси дрожал от гнева. В двадцать пятый день четвертой луны он отрядил Нагамасу Асано и Сигэкорэ Кимуру воевать рассеянные по всему Канто крепости дома Ходзэ с целью отрезать их главную цитадель, Одавату, от союзников. С тех пор минул целый месяц, а два полководца никак не могли справиться с десятком невеликих замков в провинциях Симоса и Кадзуса. Когда гонец привез рапорт о взятии Ивацуки, преподав это как беспримерный ратный подвиг, терпение Хидэеси лопнуло. Во-первых, подчиненные даже не удосужились известить его о начале осады – подобное небрежение к власти главнокомандующего было вопиющим оскорблением; во-вторых, Асано и Кимура слишком долго провозились с захудалой крепостишкой – этого он тоже не мог им простить, поскольку требовал от полководцев молниеносных штурмов и побед, которыми сам прославился в свое время.

Тятя поспешила удалиться. Прием, оказанный Хидэеси своей наложнице после долгой разлуки, был слишком холоден и формален, однако она не могла не возрадоваться, увидев его помолодевшим, настроенным на победу, сурово раздающим указания подчиненным. В ту ночь Хидэеси разделил с ней ложе, и Тятя с удвоенным пылом и небывалой нежностью обнимала старого воителя, который словно бы сбросил десяток лет, очутившись на поле брани. Он сказал ей, что осада Одаваты затянется надолго, но Тятя готова была жить в военном лагере и год, и два, лишь бы возлюбленный был рядом с ней, а Госпожа из Северных покоев и его многочисленные наложницы – за тридевять земель отсюда.

На следующий день Тятя отправилась осматривать театр военных действий. Дождь закончился. Она вышла из паланкина на дороге, бежавшей вдоль берега реки – ей говорили, что Хаякава славится своей красотой, особенно в сезон дождей, когда обмелевшее русло набухает волнами и пенится водоворотами.

Дорога была запружена самураями и предприимчивыми купцами, которые развернули на обочинах торговлю всяческой снедью и сакэ, а кое-кто даже догадался соорудить навесы, устроив импровизированные трактиры. Войной тут и не пахло, наоборот – создавалось ощущение, будто прогуливаешься в праздной толпе в разгар какого-то торжества.

Зато ближе к устью Хаякавы обстановка изменилась – там расположился авангард армии Хидэеси. Отборные полки Нивы, Хори, Нагатаникавы, Икэды и других военачальников стояли на этом берегу реки, а на противоположном разбило лагерь вражеское войско под предводительством Удзитэро Ходзэ и Кэнъидэ Мацуды. Полоскались на ветру стяги и заплечные флажки, совсем крошечные и безобидные на таком расстоянии, радовали глаз своей яркой пестротой.

У самого устья Хаякавы находилась ставка Нагахидэ Нивы, а за ней начиналось море, туда и направила Тятя свои стопы. На побережье снова закипела и забурлила деятельность. В

⁸⁰ Фуру – японская ванна.

бухте теснилась сотня кораблей, нагруженных рисом; купцы, собравшиеся со всех концов Японии, строили торговые лавки; неподалеку успели вырасти «веселые кварталы», гейши зазывали посетителей из-под навесов домиков, которые стояли так близко друг к другу, что почти соприкасались кровлями. И не только здесь, к западу от осажденной цитадели Одавара, царила праздничная шумная атмосфера – все вокруг пришло в оживление. Войско Хидэёси хорошо подготовилось к долгой осаде, взяло Одавара в тройное оцепление, и на каждой линии осады самураям некогда было скучать.

А тем временем Нагамаса Асано и Сигэкорэ Кимура в южных землях Канто одну за другой атаковали крепости князей, принадлежавших к лагерю Ходзё. Кроме того, тридцатитысячная армия, возглавляемая Кагэкацу Уэсуги, Тосииэ Маэдой и другими опытными полководцами, уже взяла замок Мацуда, вошла в провинцию Мусаси, успешно провела там осаду нескольких крепостей и теперь штурмовала Хатигату.

Вот такая ситуация сложилась к приезду дамы Ёдо. Хидэёси, обложив войсками Одавара, терпеливо ждал, когда все укрепленные пункты союзников Ходзё будут уничтожены и последняя твердыня врага лишится последней надежды на помощь.

Дни Тяти были полны событиями. От зари и до зари, за исключением тех часов, когда Хидэёси присутствовал на военных советах, она была подле него, присутствовала на всех чайных церемониях в ставке, будь то официальные или частные мероприятия, и на пирах, которые главнокомандующий устраивал в честь знатных воинов, привозивших фронтовые сводки из соседних провинций. Столь привилегированное положение позволило Тяте познать новые грани характера Хидэёси.

На двадцать пятый день пятой луны, вскоре после приезда дамы Ёдо, от неведомого недуга внезапно скончался Хидэмаса Хори, командующий подразделением осадного войска, которое заняло позиции к югу от устья Хаякавы. Тридцативосьмилетний военачальник был одним из доверенных соратников Хидэёси, и тот долго не мог прийти в себя от горя.

Весть о смерти друга Хидэёси получил на пиру, переменялся в лице и, вскочив, стремительно покинул зал. Тятя последовала за ним на энгаву. Он стоял у перил лицом к саду, его плечи сотрясались от рыданий. Тятя, невольная свидетельница печали самого могущественного человека в Японии, замерла у него за спиной, не решаясь вымолвить ни слова.

Через некоторое время Хидэёси вернулся к товарищам по оружию и сурово заявил:

– Хидэмаса был воином, каких мало. Он не знал поражений. Сегодня я потерял не просто верного вассала – бесценное сокровище, завещанное мне его превосходительством Нобунагой.

Искренность этих слов, которые при подобных обстоятельствах могли бы показаться пустой формальностью, растрогала сердца всех, кто их слышал, а Тяте в тот миг открылась одна из многих тайн души Хидэёси.

На седьмой день шестой луны Тяте неожиданно доложили о визите Тосииэ Маэды. Он участвовал в осаде замка Хатигата, но покинул место событий и явился в Одавара по приглашению Хидэёси. Поговаривали, что князь Тосииэ вполне заслуживает участи Масамунэ Датэ, который недавно был взят под арест в гостевых покоях Соундзи сразу после прибытия в ставку главнокомандующего. За Датэ и Маэдой укрепились слава лукавых приспособленцев, способных в любой момент вступить в сговор с врагом.

Тятя приняла князя Тосииэ в своих покоях.

– Госпожа Ёдо! Как я счастлив снова вас видеть!

Тосииэ, совершенно поседевший со дня их последней встречи, почтительно поприветствовал свою бывшую подопечную, опустившись на татами у входа и низко поклонившись. Тятя тоже сказала любезные слова старому воину, в чьей крепости Футю она провела несколько месяцев восемь лет назад. Но в глубине души княжна не питала ни малейшей симпатии к этому человеку, облеченному, несмотря ни на что, доверием самого Хидэёси.

Вне всяких сомнений, Тятянина неприязнь была вызвана политической нечистоплотностью Тосииэ, его лицемерием и ежесекундной готовностью встать на сторону сильнейшего, готовностью, которую он не раз уже продемонстрировал в смутные времена, когда непрерывно складывались и распадались военные союзы, и которая позволила ему ступень за ступенью неуклонно идти вверх по лестнице власти. И все-таки главная причина этой неприязни крылась в другом: Тосииэ Маэда был отцом дамы Каги. Глядя на его лицо, Тятя видела те же до отвращения правильные черты, что и у своей соперницы Омаа. Все в нем – манера выражаться, жесты, интонации – напоминало о дочери.

На сей раз благодаря Тосииэ Тятя сделала пренеприятное открытие.

– Должно быть, не сладко вам с дамой Кёгоку приходится здесь, в военном лагере, любезная госпожа Ёдо, да и путь был не близкий...

До конца аудиенции Тятя пребывала под впечатлением этих слов и, как только Тосииэ удалился, бросилась расспрашивать своих четырех прислужниц. Лишь одна из них краем уха слышала что-то о даме Кёгоку. Тятя приказала им разузнать все поточнее да поживее, и прислужницы не замедлили ей сообщить, что дама Кёгоку действительно прибыла сюда, в окрестности Одавара, несколько дней назад и расположилась в гостевых покоях ставки главнокомандующего.

Тятя души не чаяла в Тасуко и злиться на нее не могла, однако совершенно не понимала, почему Хидэеси скрыл от нее присутствие второй наложницы. Желая выяснить все наверняка, она тем же вечером, притворившись, что пребывает в неведении относительно приезда дамы Кёгоку, бросила пробный камушек: попросила Хидэеси вызвать в Соундзи ее двоюродную сестру, чтобы ей, Тяте, не было так одиноко среди воинов.

– Да ведь она уже три дня как здесь, – не моргнув глазом ответил Хидэеси. – Или два.

– Неужели? Это вы велели ей приехать?

– Нет, она сама так решила.

– Дама Кёгоку проделала столь долгий путь по своей воле?!

– Вот уж чего не знаю, того не знаю – мы с ней еще не повидались. Но я-то уж точно не давал ей никаких распоряжений на сей счет. Возможно, это Госпожа из Северных покоев проявила заботу...

Тятю такой ответ отнюдь не удовлетворил, но развивать тему она не стала. Не исключено, что Госпожа из Северных покоев действительно «проявила заботу».

Через несколько дней после того разговора дама Кёгоку нанесла визит своей кухне, держалась при том, как всегда, с величайшей почтительностью и, казалось, была искренне рада встрече. Однако Тятю по-прежнему одолевали сомнения – она не верила, что пообщаться с Тасуко ей довелось стараниями одной лишь Госпожи из Северных покоев. Куда более вероятным выглядело печальное предположение о том, что Хидэеси поделился с Госпожой из Северных покоев своим желанием видеть даму Кёгоку в Одаваре и верная супруга поспешила воплотить это желание в жизнь.

В одном, по крайней мере, Хидэеси ей определенно солгал: он сказал, что еще не успел пообщаться с дамой Кёгоку, а та обмолвилась Тяте, что имела честь поклониться его высокопревосходительству в день своего приезда. Тятя конечно же не осмелилась спросить, разделила ли она с ним ложе. Впрочем, достаточно было и того, что они встретились, а значит, Хидэеси ее, Тятю, обманул.

Дама Ёдо не замедлила указать ему на это при первой же возможности.

– Серьезно? – поднял бровь Хидэеси. – Она тебе сказала, что мы с ней виделись в день ее прибытия? Гмм... ну да, точно, я ее встретил. Но ты ведь, коли память меня не подводит, тоже там была?.. Ах, подводит?

Тятя проглотила очередной уклончивый ответ и прекратила допрос. Если бы речь шла о какой-то другой наложнице, она не смогла бы удержаться от парочки язвительных замечаний, но странное дело – при мысли о кухне ей удавалось подавлять свою ревность.

Время от времени, чтобы развеять скуку затянувшейся осады, Хидэёси устраивал для своих приближенных чайные церемонии, к которым всегда питал живейшее пристрастие. Для этой цели он даже велел возвести на территории монастыря чайный павильончик и снабдить его всей потребной утварью. Именно там, на одном из чаепитий, Тятя свела знакомство со многими прославленными мужами, в числе коих были небезызвестный Сэнно Соэки Рикю, мастер чайной церемонии, и Иэясу Токугава. В число приглашенных также нередко попадали Тадаоки Хосокава, Удзисато Гамоо, Нобукацу Ода, Кагэкацу Уэсуги, Хасиба Симоса-но-ками и другие видные вассалы Хидэёси.

Удзисато в ту пору было уже тридцать шесть лет. Тятя прекрасно понимала, что от душевной близости, царившей некогда в их отношениях, не останется и следа – негоже наложнице кампаку откровенничать с его подчиненными, – но не слишком-то горевала по этому поводу, ведь ее чувства к Удзисато изменились давным-давно.

Наряду с чайными церемониями в ставке главнокомандующего нередко устраивались представления театра Но на помосте, установленном прямо в саду. Однажды во время спектакля мимо помоста прогарцевал всадник на боевом коне, даже не подумав спешиться и поклониться полководцам, среди которых был сам его высокопревосходительство кампаку. Страж окликнул наглеца и упрекнул в непочтительности. В ответ прозвенел дерзкий молодой голос:

– Перед кем это я должен спину гнуть? Перед военачальниками, которые позволяют себе веселиться в разгар сражений? – И самурай, прищпорив жеребца, величаво продолжил путь.

Хидэёси все слышал, а Тятя, сидевшая подле него, даже вздрогнула от неожиданности – та же гордыня, то же отчаянное бесстрашие звучали когда-то в голосе юного Такацугу Кёгоку.

Разгневанный кампаку тотчас велел разузнать имя бесстыжего самурая. Ему доложили, что это был Мотоюки Ханафуса, вассал Хидэёси Укиты. В тот же день Хидэёси призвал к себе Укиту и приказал ему обезглавить провинившегося. Но когда Укита уже собирался удалиться, дабы выполнить приказ, кампаку внезапно передумал:

– Постой. Мальчишка все ж таки не лишен силы духа. Пусть вспорет себе живот. Ступай. – А поразмыслив, опять переменял решение: – Однако храбрости ему не занимать – даже меня не испугался. Жалко терять такого бравого воина. Лучше повысь его в чине!

Тятя вздохнула с облегчением. Смерть юноши, который так живо напомнил ей о Такацугу, изрядно бы ее огорчила.

На четырнадцатый день шестой луны Хатигата, ключевая крепость равнины Канто, сдавалась объединенному войску под командованием Кимуры, Асано, Маэды, Уэсуги и Санады. Весть об этой победе Хидэёси получил через четыре дня, и с того момента участились мелкие вылазки против Одавара, а также наладился открытый диалог с осажденными. До недавних пор Хидэёси, еще при жизни и поддержке Хидэмасы Хори, так и не узнавшего из-за временной кончины о взятии Хатигаты, тайком склонял засевших в замке военачальников к капитуляции, теперь же мирные переговоры стали вестись официально. Двадцать четвертого числа Кадзутоси Такигава и Ёситака Курода по приказу Хидэёси отправились в Одавара к Оте Удзифусе, коменданту крепости, с предложением сдаться. В то же самое время Хидэёси Укита, которому предстояло выступить посредником и обсудить условия капитуляции, отправил в ставку Удзифусы дары – снесь и сакэ – от имени главнокомандующего.

Тут подоспела весть о взятии замков Хатиодзи и Цукуи – таким образом, последним оплотом Ходзё на равнине Мусаси осталась крепость Оси. Можно себе представить, в какое отчаяние впали защитники Одавара. Началось брожение умов. Время от времени с территории осажденного замка долетали ружейные залпы и крики, но слов было не разобрать.

Двадцать шестого числа пала еще одна цитадель, Исигаки, – событие, которого давно и с нетерпением ждал Хидэёси, замысливший перенести туда свою ставку. Переезд состоялся – дамы Ёдо и Кёгоку последовали за своим господином из Юмото в Исигаки, – и тем же вечером, в час Свиньи, осаждающие войска начали ружейный обстрел Одавара.

На третий день седьмой луны пал замок Нираяма, продержавшийся в осаде так же долго, как Одавара. Не пал – рухнул, и под его обломками нашли смерть все защитники, надежда и опора клана Ходзё.

Пятого числа из Одавара вышел Удзинао Ходзё и сдался в плен. Хидэёси даровал ему жизнь – Удзинао приходился зятем Иэясу Токугаве, и милость была оказана исключительно по этой причине, – но безоговорочно потребовал от Удзитэру и Удзимасы Ходзё, Кэнъидэ Мацуды и Масасигэ Дайдодзи совершить самоубийство.

Седьмого числа армия Ходзё покинула Одавара. Восьмого и девятого за полководцами и воинами последовала челядь. Десятого победители вступили во владение замком и окрестностями. Одиннадцатого Удзитэру и Удзимаса исполнили обряд сэппуку, положив конец роду Ходзё, который издавна правил на землях Канто.

Тятя, ставшая свидетельницей падения дома Ходзё, подумала тогда, что еще одно громкое имя кануло в небытие, исчезло безвозвратно и бесславно. Асаи и Сибата, по крайней мере, спасли фамильную честь, сгорев вместе со своими замками.

– Когда вы отбываете, мой господин? – спросила Тятя у Хидэёси в день смерти Удзитэру и Удзимасы Ходзё.

– Отбываю? – удивился Хидэёси. – Куда это?

– Не могу знать куда, но вы ведь уже готовы отправиться в путь.

– С чего ты взяла?

– Насколько я заметила, покорив один замок, вы сей же час отправляетесь штурмовать другой. – Говоря это, она вспомнила, как стояла на обочине дороги наутро после падения Китаносё и смотрела вслед Хидэёси, который вел свои войска на север.

– Я выступаю в поход завтра, – без тени улыбки сказал он.

На следующий день Тятя отправилась к главным воротам Одавара на проводы Хидэёси, который в этот раз шел войной на северные кланы. В гордо восседающем на боевом коне полководце уже не было ничего общего с тем балаганным пугалом, нацепившим на себя фальшивую бороду и помпезно покинувшим столицу весной. После побед в Канто ему покорился весь восток, теперь он выступал в поход на север. Если Хидэёси по-прежнему будет сопутствовать удача, в скором времени его самодержавная власть распространится над всей Японией.

Тятя глаз не могла отвести от старого воина, удалявшегося в сторону площади, где собралась его огромная рать, готовая сражаться до победы. Хидэёси ни разу не обернулся к своей наложнице, будто, едва поднявшись в седло, сделался другим человеком и позабыл о ее существовании. В глазах дамы Ёдо он и правда изменился – перестал быть заклятым врагом, виновным в гибели ее семьи. Благодаря Хидэёси ее сердце и тело расцвели, наполнились странным ощущением полноты бытия, которое никто и никогда не смог бы ей дать.

Когда силуэт главнокомандующего исчез вдаль, первые лучи утреннего летнего солнца позолотили землю, словно предупреждая о том, что день будет жарким. Накатила волной песня цикад, спросонья приветствовавших мир, и у Тяти закружилась голова в упоительном опьянении жизнью.

Через две недели после отбытия Хидэёси Тятя и Тасуко тоже покинули Одавара, но их путь лежал в ином направлении – через десять дней они рассчитывали остановиться в Оцу. Возглавили процессию паланкины Тяти и ее свиты, за ними тронулся кортеж дамы Кёгоку. Время от времени носильщики устраивали передышки, и тогда Тасуко выходила из палан-

кина, чтобы осведомиться у кузины, не слишком ли утомило ее путешествие. Однажды Тятя не выдержала и спросила у согнувшейся в почтительном поклоне, точно какая-нибудь прислужница, наследницы знатного рода:

– Сколько раз его высокопревосходительство наносил вам визит в Одаваре?

Дама Кёгоку сделалась пунцовой от смущения, на глазах выступили слезы. Тятя подумала, не эта ли девичья стыдливость привлекает Хидэёси в Тасуко, и при мысли о том ее сердце обожгло ревностью, с которой она так успешно боролась со дня приезда кузины в ставку главнокомандующего в Соундзи. Дама Ёдо, впрочем, тотчас овладела собой и весело рассмеялась, а затем доверительно шепнула:

– Я хочу, чтобы его высокопревосходительство Хидэёси принадлежал только вам и мне. Вы согласны?

Дама Кёгоку потеряла дар речи от ужаса перед дерзкими словами, которые, как ей показалось, вырвались у кузины невольно. Но дама Ёдо знала, что говорила. Она открыла своей подруге и сопернице тайные мысли, с самого начала весны не дававшие ей покоя. Она ненавидела всех наложниц Хидэёси, а главным врагом считала его законную супругу, Госпожу из Северных покоев. Лишь с безобидной Тасуко, тихой и робкой женщиной, несмотря на ее высокородство, Тятя готова была делить свою горячую любовь к верховному правителю Японии.

VI

Утром двадцать седьмого дня седьмой луны дамы Едо и Кёгоку прибыли в столицу. Тридцать четыре лошади, навьюченные добром, и шестьсот самураев служили им эскортом. Одаварау они покинули утром пятнадцатого числа и путь до Киото, таким образом, проделали за двенадцать дней – в соответствии с распоряжениями Хидэёси, повелевшего многочисленным стражникам, которые сопровождали наложниц всю дорогу, доставить бесценные сокровища в срок.

Сразу по прибытии в Киото Тятя испросила аудиенции у Госпожи из Северных покоев. Покидая столицу, она намеренно пренебрегла визитом к законной супруге Хидэёси под предлогом спешки, однако теперь избежать неприятной встречи не представлялось возможным. Кроме того, Тятя узнала от Хидэёси, что их сын теперь находится в Дзюракудаи, и она воспользовалась случаем с ним повидаться.

Оказавшись во дворце, Тятя отдохнула после длительного путешествия в гостиной своей кухни, затем отправила посланника в Северные покои справиться, когда хозяйка сочтет возможным ее принять. В ответ ей было велено явиться незамедлительно, и Тятя поспешила к резиденции супруги Хидэёси. Однако там ее заставили долго дожидаться аудиенции. Она пришла туда без свиты и целый час провела в полном одиночестве.

Наконец Госпожа из Северных покоев соизволила показаться в приемном зале. В сопровождении внушительного числа придворных дам она появилась со стороны галереи и проследовала к внутренним помещениям мимо Тяти, даже не посмотрев в ее сторону. Тятя осталась сидеть на татами, дрожа от гнева. День был прохладным, но ее спина неожиданно взмокла от пота.

Вскоре к ней вышла прислужница и проводила к Госпоже из Северных покоев.

Тятя склонила голову:

– Я только что прибыла из Одаварау.

– Благодарю за труды. Столь длительное путешествие, должно быть, вас утомило, – произнесла Госпожа из Северных покоев. Она говорила спокойно, но снисходительный тон отчетливо напоминал гостью о несоизмеримой разнице в положении наложницы и законной супруги.

Удобно устроившись напротив соперницы, Тятя ничем не выдала бушевавшей внутри злости, ее лицо осталось бесстрастным, словно маска. Но, таким же непроницаемым, как у Госпожи из Северных покоев.

При каждой встрече с законной супругой Хидэёси мысль о собственном благородном происхождении преисполняла Тятю гордостью, вот и сейчас она высоко подняла голову. Негоже ей, дочери князя Нагамасы Асаи и племяннице его превосходительства Нобунаги Оды, который единовластно правил всей Японией, сгибаться в поклоне перед какой-то низкородной выскочкой!

– Молодой господин растет не по дням, а по часам. Желаете повидаться с ним? – Госпожа из Северных покоев обращалась к Тяте так, будто это была придворная дама или всего лишь кормилица Цурумацу.

– Да, – сказала Тятя. Задумалась на мгновение и добавила: – Я намерена забрать молодого господина с собой в Ёдо.

Слова сорвались с ее губ сами собой. До того момента у Тяти и в мыслях не было ничего подобного, но внезапное желание наглядно показать этой женщине, кто настоящая мать наследника кампаку, было неодолимым.

Легкая судорога взволновала поверхность бесстрастной бледной маски, скрывавшей мысли и чувства Госпожи из Северных покоев, но, когда она заговорила, голос ее звучал все так же безучастно:

- Прекрасно. Надеюсь, его высокопревосходительство осведомлен о ваших намерениях?
- Он сам изволил дать мне это распоряжение.
- В таком случае, я посоветуюсь с господином Будзэном Исикавой, и мы предпримем надлежащие приготовления.

Знатный воин Будзэн Исикава отвечал за воспитание юного Цурумацу.

Тятя не замедлила удалиться и всю вторую половину дня, расположившись в резиденции дамы Кёгоку, ждала от Госпожи из Северных покоев извещения о том, что она может забрать сына. Посланник явился, лишь когда стемнело. Он сообщил, что отбытие молодого господина Цурумацу в Ёдо назначено на следующий день и состоится с наступлением часа Коня. Госпожа из Северных покоев сочла своим долгом также поставить даму Ёдо в известность о том, что в последнее время здоровье наследника оставляет желать лучшего, и попросила заботиться о нем с превеликим тщанием. Что любопытно, во время аудиенции законная супруга Хидэёси и словом о болезни Цурумацу не обмолвилась, и теперь Тятя почувствовала легкое волнение: знай она, что сыну нездоровится, ни за что не заговорила бы о том, что хочет увезти его с собой.

На следующий день паланкин с юным наследником покинул Дзюракудаи в сопровождении внушительной свиты. Паланкины Тяти и ее придворных дам отправились в путь следом. Впервые с тех пор, как стала наложницей Хидэёси, Тятя была на вершине блаженства и в течение короткого путешествия из Киото в Ёдо с наслаждением дремала на подушках, убаюканная покачиванием паланкина. Сын снова с ней! Со слезами радости на глазах она мечтала о том мгновении, когда сможет прижать его к своей груди, приласкать, как кошечка своего котенка. Поднимая полог, она впускала свежий ветерок со стороны реки, подставляла ему разгоряченное лицо и молилась о том, чтобы отец ее ребенка вернулся живым и невредимым из военного похода на север.

По прибытии в Ёдо Тятя наконец-то увидела своего мальчика – впервые за долгое время. Ему было теперь два годика. Он показался матери страшно исхудавшим. Она хотела посадить его к себе на колени, но Цурумацу, которому хрупкое телосложение сообщило капризный нрав, расплакался и упрямо не шел на ручки ни к кому, кроме кормилицы. Однако Тятя была рада уже и тому, что он рядом. В тот же день она отрядила посланников в Нару, дабы за здоровье ребенка отслужили молебны в буддийском храме Кофуку и синтоистском святилище Касуга.

Хидэёси, который повел свои войска в Тохоку⁸¹ сразу после взятия Одавара, прибыл в Камакуру, затем в Эдо,⁸² простоял в Эдоском замке до двадцать четвертого дня седьмой луны, двадцать шестого дня остановился в Уцуномии, а в начале восьмой луны уже был в Айдзу. Там он принял необходимые меры, имевшие целью завершить объединение Японии, отдал многочисленные приказы, дабы удостовериться в лояльности северных даймё, и, наконец, на двенадцатый день восьмой луны покинул Айдзу, победоносно ступив на Северный тракт, пустился в обратный путь.

В первый день девятой луны Хидэёси вошел в Киото через полгода отсутствия. Знатные самураи и придворные вельможи организовали ему торжественную встречу. Хидэёси дождался возвращения своих вассалов и полководцев, чтобы вместе с ними явиться ко двору, поэтому аудиенция у Небесного государя состоялась лишь четвертого числа.

Тяте очень хотелось поглядеть на триумфальный въезд Хидэёси в Киото, но ей пришлось отказать себе в этом удовольствии из-за болезни маленького Цурумацу, которому все никак не становилось лучше. Из Дзюракудаи примчался гонец с посланием от его высокопревосходительства. Хидэёси извинялся за то, что долго не писал и, должно быть, тем самым причинил любезной даме Ёдо немало беспокойства. Сыночек, надо думать, изрядно подрос с тех пор, как он видел его в последний раз. Еще Хидэёси советовал Тяте опасаться пожаров и хорошенько

⁸¹ Тохоку – северо-восточные земли острова Хонсю.

⁸² Эдо – современный Токио.

присматривать за слугами, дабы не отбились от рук. Обещал также навеститься к ней двадцатого числа и заверял, что будет безмерно рад вновь обнять сына и разделить ложе с любимой наложницей. Глядя на знакомые размашистые иероглифы, Тятя замирала от счастья. В конце письма Хидээси, никогда не устававший говорить о сыне, просил ее неусыпно следить за здоровьем мальчика и сделать все, чтобы не навредить ему.

Эти последние слова неприятно поразили Тятю. Неужели он намекает на то, что Цурумацу занедужил по ее недосмотру? Уж не Госпожа ли из Северных покоев внушила ему столь нелепую мысль?

Хидээси явился в Ёдо даже раньше, чем обещал. Тятя твердо вознамерилась сразу же развенчать его заблуждения относительно болезни Цурумацу, но от ее решимости не осталось и следа, как только она увидела, с каким пылом Хидээси бросился приветствовать сына, которого не видел целых полгода. К тому же Цурумацу определенно пошел на поправку – жар спал, мальчик ожил и теперь играл и резвился как ни в чем не бывало.

После падения Одавара Хидээси щедро вознаградил вассалов за отвагу, проявленную во время осады. Больше всех тогда отличился Иэясу Токугава, и о милости, проявленной к нему, не смолкали пересуды. Отныне под властью Иэясу находились шесть бывших вотчин дома Ходзэ: Мусаси, Сагами, Идзу, Симоса, Кадзуса и Кодзукэ, к которым еще прибавились Ава и Симоцукэ. Наряду с этим он получил охотничьи угодья в Суруге, Исэ и Томи на сто тысяч коку ежегодного дохода. Таким образом Иэясу теперь распоряжался большей частью земель из восьми восточных провинций, которые некогда принадлежали Ходзэ, а Хидээси в процессе этого обмена отошли прежние владения Иэясу на западе – Суруга, Томи, Сага, Каи и Синано, в результате чего на посты комендантов всех стратегически важных крепостей в тех краях он смог посадить своих доверенных вассалов.

Означенные меры позволили Хидээси удалить от столицы Иэясу, который, хоть и проявил себя в битве за Одавара бесценным союзником, ранее слишком уж часто выступал как честолюбивый и очень опасный соперник. Такого человека надобно держать на расстоянии, и Иэясу был отправлен от греха подальше в восточные земли, отделенные горами Хаконэ. Впрочем, в процессе обмена он потерял меньше, чем приобрел, – кампаку показал себя весьма щедрым господином и к нему, и к другим вассалам. А вот кому действительно не повезло, так это Нобукацу Оде: Хидээси сослал его на восток, в один из уездов Симоцукэ со смехотворным для сына самого Нобунаги доходом в двадцать пять тысяч коку. Никто не знал истинных причин опалы, однако ходили слухи, что сначала Хидээси предложил Нобукацу бывшие земли Иэясу, а Нобукацу отказался, поскольку хотел сохранить свою вотчину в Овари. Хидээси разгневала подобная непокорность, в итоге Нобукацу впал в немилость и лишился всего, что имел. Кампаку же в очередной раз воспользовался случаем устранить соперника, который не раз восставал против его власти да еще был отпрыском Нобунаги.

Изгнание Нобукацу возымело весьма печальные последствия для его вассала Ёкуро Садзи – хозяйина замка Ооно и супруга Когоо. Он потерял и своего покровителя, и вотчину, которая была тотчас конфискована. В народе говорили, что Ёкуро Садзи совершил сэппуку в тот самый момент, когда у него отнимали замок. Впрочем, были и такие, кто верил, что он спасся бегством и скрывается неведомо где.

Молва о Ёкуро Садзи дошла до Тятиных ушей в конце девятого месяца, но она, разумеется, ни словом не обмолвилась об этом сестре. Когоо вот уже год как жила в замке Ёдо и все это время покидала свои покои лишь для того, чтобы прогуляться по саду в полном одиночестве.

Примерно через месяц после того, как подоспели вести об отчуждении замка Ооно, Тятя нанесла визит сестре, но не застала ее. В покоях не было даже прислужницы – вероятно, она сопровождала свою госпожу на прогулке в саду. Странные предметы, которые Тятя никак не ожидала увидеть на божнице в покоях Когоо, заставили ее вздрогнуть. Она подошла ближе –

и похолодела. Это и правда были поминальные дощечки с именами Ёкуро Садзи и двух его дочерей.

Тятя поспешила покинуть покои сестры. Выходит, Когоо все знала! Но от кого? Судя по поминальным дощечкам, она убеждена, что ее супруг и дочери мертвы, а не в бегах... Тятя почувствовала болезненный укол совести. Конечно, вина за горести сестры лежит не на ней, это не она отобрала замок у Ёкуро Садзи, но ведь и спасти его она не пыталась. А теперь нет больше князя Садзи, который должен был стать верным союзником и покровителем Цурумацу в случае смерти Хидэёси...

В дальнейшем Тятя не раз виделась с сестрой, но никогда не заговаривала на печальную тему. Когоо, впрочем, после трагического события казалась ей более сдержанной и безмятежной, чем раньше.

Новогодние праздники 19-го года Тэнсё⁸³ Тятя провела с сыном в Ёдо. Гонцы от вельмож и знатных самураев один за другим прибывали в замок с гостинцами для Цурумацу; суэта, поднявшаяся по случаю торжеств, утомляла хозяйку.

На пятый день нового года приехал Хидэёси, поиграл с сыном, провел два часа с Тятей и засобирился в обратный путь, несколько раз повторив, что у него дел по горло.

– И что же за дела тревожат нынче покой вашего высокопревосходительства? Теперь, когда Одавара покорила вашей власти, вы, надо думать, готовитесь усмирить Тохоку? – не без иронии осведомилась Тятя.

– Тохоку занимается Удзисато Гамоо, мне, стало быть, тут не о чем беспокоиться – к осени север будет усмирен, – отозвался Хидэёси.

Сразу после окончания осады Одавара он пожаловал Удзисато Гамоо земли в Айдзу с доходом в девятьсот двадцать тысяч коку и вменил ему в обязанность наведение порядка в северо-восточных землях. Головокружительный взлет тридцатипятилетнего полководца, который из уездного князька, получавшего триста двадцать тысяч коку с рисовых полей в Исэ, превратился в правителя обширнейших угодий в Айдзу, потрясал воображение. Однако его нынешнее положение завидным назвать было нельзя. Поговаривали о разногласиях Удзисато с Масамунэ Датэ, влиятельным даймё из северных краев, и о том, что подчиненные молодому полководцу войска бездействуют в ожидании оттепели, поскольку не привыкли вести боевые действия на заснеженных просторах севера.

– Коли Тохоку вас не тревожит, о чем же тогда печалитесь?

– Мало ли забот у государственного мужа, душа моя? Одно совещание за другим – глаз сомкнуть не могу, времени совсем не хватает.

С начала Нового года военные советы действительно не прекращались, но лишаться из-за этого сна было не в привычках Хидэёси.

По окончании семидневных новогодних празднеств он опять нанес визит в Ёдо. На сей раз кампаку добился своего: совет поддержал его решение о строительстве внушительного числа боевых кораблей во всех приморских провинциях. Цель этой затеи держалась в тайне, подданные терялись в догадках: намерен ли его высокопревосходительство напасть на Чосон⁸⁴ или же он отправится воевать страны в южных морях. Слухи распустились буйным цветом.

Своими истинными планами Хидэёси не поделился даже с Тятей, ясно было одно: он строит флот для броски за море. Тятя между тем недоумевала, почему наезды ее господина в Ёдо стали столь редки.

– Мне так одиноко в этом замке, живу словно на обочине мира. Пожалуйста, позвольте мне перебраться обратно в Дзюракудаи, господин.

⁸³ 1591 г.

⁸⁴ Чосон («Страна утренней свежести», кор.) – одно из названий Кореи, появившееся еще в 1-м тысячелетии до н. э.; со времен первого вана из династии Ли, пришедшего к власти в 1392 г., до 1897 г. официальное название государства на Корейском полуострове.

Услышав просьбу, Хидэёси пришел в изумление:

– Но ведь у тебя есть собственный замок! Только тебе, матери моего сына, дарована такая привилегия. Чего же тебе здесь не хватает?

– Здесь нет тэнсю, а мне бы ужасно хотелось жить в замке с настоящей высокой-превысокой башней. Я читала в одном старинном свитке, что тэнсю – это такое место, которое для женщин не предназначено, вот и размечталась о том, чтобы там пожить.

– Так-так, все ясно! – захохотал Хидэёси. – Что ж, значит, Омаа скоро распрощается со своей тэнсю.

Он выполнил обещание, не прошло и двух месяцев. Дама Кага покинула резиденцию, увенчанную многоярусной укрепленной башней, и сад с пурпурными леспедецами. По приказу кампаку она перебралась в особняк отца, Тосиэ Маэды, тоже расположенный в пределах крепостной стены Дзюракудаи.

В начале десятого месяца состояние Цурумацу резко ухудшилось. Несколько дней мальчик метался в жару. Хидэёси спешно прибыл в Ёдо и – неслыханное дело! – остался на трое суток, до того испугался за своего наследника. Безутешный отец заказал молебны о здоровье сына во всех буддийских и синтоистских храмах в окрестностях Киото и пожертвовал триста коку риса святилищу Касуга в Наре. Лихорадка отпустила Цурумацу, но он по-прежнему кашлял.

В начале третьего месяца к Тяте с визитом неожиданно-негаданно явился Такацугу – хотел лично справиться о здоровье наследника кампаку, поскольку совсем недавно получил о нем неутешительные вести. Во вторую луну 18-го года Тэнсё,⁸⁵ перед началом осады Одавара, Такацугу удостоился перевода из Омидзо в Хатиман, где ему были пожалованы угодья с доходом в двадцать восемь тысяч коку риса. Тятя тогда отправила поздравление Охацу, и сестрица не замедлила ей ответить. Искренне радуясь повышению супруга, Охацу уповала на то, что и в будущем его высокопревосходительство кампаку не оставит их своими милостями. «Как это похоже на Охацу, – подумала тогда Тятя. – Еще несколько лет назад от одного упоминания имени Хидэёси ее бросало в дрожь, словно при виде демона, как же она ненавидела его и боялась в глубине души, а теперь вот себя не чувствует от благодарности к нему».

Такацугу уже исполнилось двадцать восемь. Он тоже сильно изменился, совершенно утратил и мятежный дух, и высокомерную удаль ранней юности. И в манере держаться, и в выражении глаз его теперь сквозили безмятежная отстраненность и легкая холодность, подobaющие взрослому самураю благородного происхождения.

Тятя снова сидела лицом к лицу с кузеном, и ей уже совсем не верилось, что всего лишь тремя годами раньше, в замке Адзути, она жаждала броситься в объятия этого мужчины.

– Благодарю за то, что вы проделали столь долгий путь только ради того, чтобы нас навестить. Надеюсь, моя дорогая сестрица пребывает в добром здравии.

После формального обмена любезностями Тятя внезапно поняла, что говорить ей больше не о чем. Такацугу, расспросив о Цурумацу, тоже пришел в некоторое замешательство и погрузился в неловкое молчание. Наконец, с таким видом, будто нашел-таки тему, достойную интереса, и от этого гордится собой, он изрек:

– Подробности мне, к сожалению, не известны, однако же уход мастера Сэнно Соэки Рикю из подлунного мира был столь неожиданным...

– Что же случилось с мастером Рикю?

– Он совершил самоубийство по приказу его высокопревосходительства кампаку.

Тятю эта новость ошеломила. По словам Такацугу, Хидэёси проникся подозрениями к мастеру Рикю, и тот был взят под стражу в Дзюракудаи, затем переведен под домашний арест, а в двадцать восьмой день второй луны исполнил обряд сэппуку. Тятя множество раз встре-

⁸⁵ 1590 г.

чала мастера чайной церемонии во время осады Одавара. Ей не нравился этот человек с бесстрастным лицом, чья суровая высокомерность более подобала воину, нежели монаху, но она не понимала, отчего вдруг Хидэёси приговорил к смерти ученого мужа, которого сам же приблизил к себе и поднял до невероятных высот. Это казалось невыносимым. Перед ней открылись новые глубины и пропасти в душе Хидэёси. С тех пор как мастер Рикю вышел из заточения в Дзюракудаи, все терялось в догадках и строили предположения по поводу того, что за преступления мог поставить кампаку в вину своему недавнему любимцу.

С того дня как Тятя стала налогомницей Хидэёси, ей еще не доводилось слышать о столь неприятных происшествиях. Она считала, что ни при каких обстоятельствах правитель не должен обречь на смерть человека, который так долго пользовался его величайшим доверием.

Всю весну Тятя не покидала Ёдо. Быть рядом с сыном – что еще нужно для того, чтобы чувствовать себя счастливой? Госпожа из Северных покоев отправила к ней гонца с приглашением полюбоваться цветущей вишней в Дзюракудаи, но Тятя отказалась, сославшись на недомогание.

В шестом месяце она зазвала в гости даму Кёгоку, и впервые за долгое время кухни наговорились всласть. Однако, глядя на сдержанную, приветливую и робкую Тасуко, Тяте с трудом удавалось подавить гнев, нараставший в ее душе и постепенно вытеснявший радость, которую ей всегда доставляло общение с двоюродной сестрой. На обратном пути из Одавара Тятя уже добилась своего – вогнала даму Кёгоку в краску, заявив, что Хидэёси должен принадлежать только им двоим, и теперь ей опять захотелось смутить и напугать эту слишком уж покорную судьбе и застенчивую женщину.

– Вообще-то это я выгнала даму Кагу из ее резиденции в Дзюракудаи, она теперь живет со своим папашей, – заявила Тятя, наслаждаясь произведенным впечатлением: кухня чуть не расплакалась, до того ей было неловко слышать о столь вопиющем поступке. – Возможно, вы тоже хотите от кого-нибудь избавиться? – любезно осведомилась Тятя.

– Ох, что вы такое говорите, сестрица? Конечно нет!

Похоже, дама Кёгоку отчаянно боролась с желанием заткнуть себе уши.

– Ну полно вам! Просто назовите мне имя.

Несчастливая Тасуко, не зная, куда деваться под пристальным взглядом кухни, в отчаянии замотала головой, словно умоляя ее положить конец этим неподобающим речам.

– Может быть, вам не нравится дама Сандзё? – не отставала Тятя.

– Нет, что вы!

– Дама Сайсё?

Загнанная в угол, Тасуко подняла наконец голову, словно отказываясь бороться, и тихо проговорила:

– Госпожа из Северных покоев.

Настала Тятя очередь прийти в изумление. Она какое-то время тарасилась на даму Кёгоку в такой растерянности, словно та нанесла ей неожиданный удар кинжалом.

– Милая Тятя, прошу, оставим эту тему. Но знайте, что я всегда буду вашей союзницей и сделаю все, что вы пожелаете.

И лишь после ухода дамы Кёгоку Тятя полностью осознала, что кухня произнесла тот самый титул, который ей самой жег губы, рвался на волю.

В начале восьмого месяца здоровье Цурумацу после небольшого улучшения снова пошатнулось. Тятя ночей не спала, сутки напролет просиживая у постели сына. Лучшие столичные лекари были срочно вызваны в замок Ёдо. Хидэёси велел молиться за исцеление наследника в храмах и святилищах всех провинций, посулил щедрые дары монахам, ежели Цурумацу поправится. Он заказал службы в храмах на горе Коя и в Кофукудзи, послал

своих людей умилоstitить самого Дзидзо, покровителя детей, в Согэндзи, знаменитый храм в местечке Киномото провинции Оми.

Боги и бодхисаттвы не снизошли. Цурумацу скончался в пятый день восьмой луны в возрасте трех лет. Потеряв сына, Тятя обезумела от горя, Хидэёси впал в беспросветное уныние. Скорбную весть о смерти наследника он получил в киотоском храме Тофуку и остаток дня, а затем всю ночь провел в уединении, на следующий день обрезал волосы и облачился в траурные одежды. Иэясу Токугава и Тэрумото Мори, прибывшие выразить свои соболезнования, тоже обрезали волосы в знак величайшей скорби, и все прочие вассалы последовали их примеру.

На рассвете Хидэёси отправился в святилище Киёмидзу и затворился в покоях для медитации, отказавшись принимать кого бы то ни было. На девятый день восьмой луны он прибыл в Ариму на горячие источники, но и там время проводил в одиночестве.

Погребальный обряд состоялся в Миёсиндзи – Будзэн Исикава, бывший наставник Цурумацу, был последователем Нанкагэнко, настоятеля этого буддийского храма.

После похорон Тятя, измученная душевной болью, удалилась в замок Ёдо и стала ждать визита Хидэёси – только он мог облегчить ее страдания, больше помочь было некому.

В середине десятого месяца Хидэёси наконец вырвался к ней и провел ночь в замке. Впервые после смерти сына они остались наедине. В тот вечер все обитатели замка были приглашены на пир, устроенный в зале приемов в честь праздника любования полной луной. Всех потчевали сакэ, даже гонцов и оруженосцев, которым подали угощение на энгаве.

Прохладный ночной воздух был пропитан грустью, отражение восхитительно прекрасной луны скорбно тонуло в водах Ёдогавы. Хидэёси и Тятя старательно избегали упоминаний о Цурумацу. Его высокопревосходительство рассказывал о прошлогоднем военном походе по прибрежным восточным трактам после взятия Одавара, превозносил красоту леспедец в Ивацуки и виды Киёмидэры в Окицу, где он провел несколько дней, восхищался очарованием залива Таго.

Затем они заговорили о Когоо, и Хидэёси вдруг предложил:

– А не выдать ли мне ее замуж?

– Полагаю, тогда она быстрее утешится, – кивнула Тятя.

– Вот и славно. Что скажешь о Хидэацу?.. Да, пожалуй, это удачная мысль. Я выдам ее за Хидэацу в нынешнем месяце или в начале следующего.

Решение, как всегда, было принято мгновенно. Когоо лишилась семьи ради безопасности Цурумацу в будущем, но и юный наследник кампаку, и Ёкуро Садзи покинули этот мир, так что заложничество Когоо потеряло смысл. Осталась только ее скорбь. Хидэёси, схоронивший сына, внезапно проникся жалостью к этой несчастной женщине и вознамерился устроить ее свадьбу как можно скорее.

На пир по случаю любования полной луной был специально приглашен знаменитый танцор Умэмацу. Таким образом, Хидэёси посвятил праздник памяти своего наследника – маленький Сутэ когда-то любил пляски этого искусника. Теперь осиротевшие родители смотрели представление, испытывая одни и те же чувства, их сердца бились в унисон. В глазах Тяти Хидэёси перестал быть и смертельным врагом, и повелителем, которому она отдала свое тело, и возлюбленным, чьи похождения заставляли ее жестоко страдать от ревности. Общая боль все уравнила, они превратились в обычную семейную пару: пожилой муж и молодая жена, убитые горем, безутешно оплакивающие потерю своего единственного ребенка.

Хидэёси имел склонность быстро принимать решения, и в тот вечер определилась судьба не одной Когоо. Под конец пира он объявил Тяте, что собирается сделать наследником своего племянника Хидэцугу, передать ему титул кампаку и Дзюракудаи. В глубине души Тятя не могла с ним не согласиться: пятидесятишестилетний полководец, только что потерявший единственного сына, просто обязан позаботиться о преемнике, и чем раньше – тем лучше.

Она осмелилась спросить его о строительстве военных кораблей – в последнее время пересуды об этом не утихали, – и на сей раз Хидэёси ответил честно, без тени колебания:

– Воля изъявлена. Мои воины скоро отплывут на них завоевывать Чосон.

Самодержец, осознавший скоротечность и тщету человеческой жизни, был охвачен безудержным стремлением молниеносно осуществить все свои замыслы как в политическом, так и в личном плане. Он торопился жить, и у Тяти от этого щемило сердце, и она любила старого воина еще сильнее. Разделяя чаяния Хидэёси, она поддерживала все его решения.

– Вы поступаете мудро, – вот и все, что она сказала тогда, услышав о готовящемся походе на Чосон.

Вопросом наследования Хидэёси не замедлил заняться вплотную – вскоре после разговора об этом с Тятей на пиру по случаю любования луной он приступил к действиям.

Хидэцугу, племянник кампаку, был старшим сыном его сестры и правителя Мусаси, а значит, самым близким родственником по мужской линии. К тому же он участвовал в многочисленных битвах на стороне Хидэёси, взял штурмом замок Яманака во время осады Одавары, одержал несколько побед на севере и после падения дома Ходзэ получил в награду от главномандующего в дополнение к своей вотчине в Оми прежние земли Нобукацу Оды на севере Исэ и в Овари, став, таким образом, владельцем обширнейших угодий с доходом в миллион коку.

Настал одиннадцатый месяц, и Хидэцугу был объявлен приемным сыном Хидэёси, а на четвертый день двенадцатой луны дадзэ-дайзин⁸⁶ по воле его высокопревосходительства предпринял меры, целью имевшие передачу полномочий кампаку наследнику рода Тоётоми. В двадцать восьмой день двенадцатой луны, когда подходил к концу 19-й год Тэнсё,⁸⁷ Хидэёси назначил Хидэцугу на пост кампаку, а себе взял титул тайко.⁸⁸

На том же пиру по случаю любования полной луной Хидэёси пообещал Тяте выдать замуж Охацу, и в начале нового года дело было сделано. Хидэкацу, младшему брату Хидэцугу, в ту пору исполнилось двадцать четыре года. Хидэёси усыновил его еще в 13-м году Тэнсё, отдав ему при том во владение уезд Камэяма в Тамбе и присвоив чин десятника Лево́й императорской гвардии. Под этим именем молодой воин и прославился – десятник Тамба. Позднее Хидэёси пожаловал приемному сыну земли в провинции Этидзэн с доходом в пятьдесят тысяч коку, а после Одавары к ним прибавились угодья в Синано и Каи. Резиденция Хидэкацу какое-то время находилась в Футю, но по просьбе матери ему пришлось переехать в Гифу, чтобы жить подле нее. В довершение характеристики добавим, что Хидэкацу был крив на один глаз.

Перед официальным оглашением помолвки Тяте предстояло сообщить обо всем сестре. Поскольку приказ исходил от самого тайко Хидэёси, не было и речи о том, чтобы спрашивать у Когоо согласия, просто Тятя хотела дать ей время привыкнуть к мысли о новом замужестве и подготовиться к свадьбе.

Дождавшись окончания празднеств первой недели нового года и отъезда гонцов, передававших поздравления от своих высокопоставленных хозяев, она нанесла визит сестре. Когоо вежливо пригласила ее войти и спокойно осведомилась:

– Чему обязана столь внезапным посещением?

За последнее время она изменилась до неузнаваемости – приобрела царственные замашки и к Тяте стала относиться как к чужому человеку.

– Я пришла сообщить о предстоящей свадьбе с десятником Тамбой.

– О свадьбе? О моей свадьбе, вы хотите сказать? – Когоо подняла на Тятю глаза, в которых не было и намека на волнение.

⁸⁶ Дадзэ-дайзин – «великий министр», первый по рангу министр при императорском дворе.

⁸⁷ 1591 г.

⁸⁸ Тайко – «великий герцог».

– Совершенно верно. Такова воля его светлости тайко. – Тятя тоже держалась с бесстрастной почтительностью, словно обращалась ни к сестре, а к незнакомой особе.

Когоо и глазом не моргнула.

– Слушаю и повинуюсь, – тихо проговорила она, слегка склонив голову с таким видом, будто давно отринула собственные устремления и теперь готова покориться любому приказу, от кого бы он ни исходил.

«И у нее нет выбора, – сказала себе Тятя, – ради того чтобы выжить, ей ничего другого не остается теперь, когда ее насильно оторвали от мужа, за которого просватали, не спросив ее воли, теперь, когда она носит траур по нему и двум дочерям».

В начале второго месяца Когоо покинула замок Ёдо в свадебном паланкине и отправилась в Гифу. За несколько дней до этого из Гифу в ее распоряжение прислали десяток свитских дам, которые сделали необходимые приготовления к брачной церемонии. Когоо было двадцать два года.

Тятя проводила сестру до ворот замка, как и шесть лет назад в Адзути по случаю ее свадьбы с Ёкуро Садзи. В памяти с удивительной ясностью встал тот промозглый осенний день, серое небо снова нависало над озером, и жалкий тоненький силуэт шестнадцатилетней сестренки в белом шелковом кимоно исчезал под пологом паланкина. Тятя вспомнила и тот безудержный порыв любви, который бросил ее тогда к Когоо...

В этот день тоже было холодно, и пепельно-серое небо застыло над равниной Ямадзаки. Когоо, которая обычно очень редко первая заговаривала со старшей сестрой, подошла к ней, прежде чем сесть в паланкин, и поблагодарила за долготерпение и гостеприимство.

– Гифу совсем рядом с Киёсу, где мы жили детьми, – попыталась утешить ее Тятя. – Тебе там будет лучше, чем где-то еще.

– Я никогда не питала особой привязанности ни к Мино, ни к Овари. Жизнь в Овари принесла мне одни беды, и я не знаю, что ждет меня в Мино.

Ответ сестры лишил Тятю дара речи, заставил устыдиться своих необдуманных слов. В Гифу Когоо каждый день будет видеть то же небо, на которое она смотрела из замка Ооно, и те же пейзажи будут пробуждать в ней горестные воспоминания...

Третий замысел, которым Хидэёси поделился с Тятей, – военный поход на Чосон – через какое-то время после отъезда Когоо в Гифу также начал воплощаться в жизнь.

На пятый день первой луны Хидэёси разослал к своим вассалам гонцов с приказом о всеобщей мобилизации для броска за море, но вслед за тем в течение двух месяцев он не предпринимал каких-либо действий. Разговоры о скором завоевании государства Чосон были у всех на устах, но многие в это не верили – заканчивался второй месяц, а новых распоряжений от главнокомандующего не поступало. Даже полководцы, получившие приказ о мобилизации, стали испытывать сомнения.

Лишь в тринадцатый день третьей луны Хидэёси повелел всем воинам выступить к бухтам для отплытия на Корейский полуостров. Затем он объявил о том, что сам возглавит армию в провинции Хидзэн и поведет ее к северо-восточной оконечности Кюсю, где будет размещена его главная ставка.

Как и во время осады Одавара, Тяте и даме Кёгоку предстояло сопровождать Хидэёси. Дата отбытия была уже назначена, но легкое недомогание заставило его отложить выступление до двадцать шестого дня третьей луны. На сей раз проводы войска были обставлены с не меньшей пышностью, чем в одаварскую кампанию. Хидэёси должен был выступить из Осацкого замка, но желание устроить еще одно грандиозное зрелище для искушенных столичных жителей побудило его выбрать местом действия Киото. На рассвете двадцать шестого дня он в церемониальных одеждах посетил императорский храм, а в час Змеи⁸⁹ прогарцевал на бое-

⁸⁹ Час Змеи – время с 10 до 12 часов утра.

вом коне мимо императорского дворца во главе тридцатитысячного войска. Сполохи солнца на оружии и доспехах слепили глаза. В тот день сам государь Гоёдзэй и его августейшая супруга Огимати из покоев императорского чертога наблюдали за отбытием тайко на войну.

Хидэеси в подобающем случае роскошном облачении, в парчовой парадной накидке-дзимбаори, с длинным мечом, ехал верхом на коне в золотой упряжи, впереди него выступали ямабуси,⁹⁰ за ним – десяток полководцев, тоже в золоте и парче, далее – конные самураи высокого ранга с мечами и щитами, инкрустированными золотом. Его высокопревосходительство кампаку Хидэцугу сопровождал его светлость тайко до синтоистского святилища Коме. На обочинах дороги шумела безбрежная разношерстная толпа, знатные господа и простолюдины из всех провинций собрались поглазеть на торжественное шествие.

Армия преодолевала по шесть ри в день. После кратковременного отдыха в Хиросиме провинции Аки она продвигалась вперед почти без передышек и к концу четвертого месяца уже была в Хидзэн.

Тятя и дама Кёгоку в сопровождении нескольких десятков самураев покинули Осацкий замок через два дня после Хидэеси. В дороге им постоянно встречались воинские отряды и гонцы.

Жизнь в провинции Хидзэн Тятю полностью устраивала, поскольку дни свои она теперь могла проводить подле Хидэеси. Корейская кампания позволила ей единолично владеть тайко. Конечно, дама Кёгоку тоже скрашивала их господину и повелителю существование, но она по-прежнему старалась держаться скромно и незаметно и, чтобы избавить Тятю от мук ревности, изо всех сил делала вид, что вовсе и не принимает Хидэеси у себя в опочивальне.

Время от времени Хидэеси начинал избегать разговоров о том, где он собирается провести ночь, и тогда Тятя понимала, что он намерен нанести визит даме Кёгоку, но это не слишком ее растроивало.

С Корейского полуострова одно за другим прилетали донесения о победах, одержанных сынами Ямато, и в ставке главнокомандующего один за другим устраивались пиры в честь этих отрядных событий. На второй день пятой луны войска Юкинаги Кониси вошли в Хансон,⁹¹ а вскоре заняли Кэгён.⁹²

Сразу после этого свежие силы высадились на Корейском полуострове. В шестую луну настал черед Мицунари Исиды, Нагамори Масуды и Ёсицугу Отани со своими войсками пересечь море для участия в крупной военной операции.

В начале седьмого месяца Хидэеси получил доставленное эстафетой сообщение о том, что его мать при смерти, и двадцать первого числа покинул ставку в Хидзэн, чтобы отдать последний сыновний долг. Тяте не хотелось расставаться со своим господином, но при таких обстоятельствах воспротивиться его отъезду она не могла.

В тот самый день, когда Хидэеси отправился в Осаку, его мать покинула этот мир в возрасте восьмидесяти лет.

В Осацкий замок тайко прибыл двадцать девятого числа и спешно выехал оттуда в Киото, в храм Дайтокудзи, где должен был состояться погребальный обряд. В Хидзэн он вернулся в конце десятого месяца. Все это время Тятя, ни на мгновение не забывавшая о том, что в Осаке и Киото ее господин окружен многочисленными наложницами, умирала от ревности. Пока Хидэеси был с ней, она почти не виделась с кузиной, но, как только он отбыл в Осацкий замок, тотчас отправила к даме Кёгоку посланника с приглашением в гости. В присутствии Хидэеси Тятя мгновенно теряла всякую симпатию к Тасуко. Той же ненависти, что к другим

⁹⁰ Ямабуси («спящие среди гор») – горные монахи-воины, последователи учения сюгэндо, совмещающего буддийскую, оккультно-даосскую и шаманскую практики.

⁹¹ Хансон – столица государства Чосон, современный Сеул.

⁹² Кэгён – современный Кэсон, древняя столица государства Коре на Корейском полуострове.

наложницам, она к двоюродной сестре, конечно, не питала, но и сохранить душевный покой, зная, что Хидэёси проводит ночи в спальне соперницы, ей не удавалось. Зато – странное дело! – как только тайко уезжал, Тятя начинала скучать по Тасуко и опять видела в ней союзницу, плечом к плечу с которой можно выстоять против целой армии прочих наложниц.

Вскоре после возвращения Хидэёси в Хидзэн Тятя стала замечать изменения в собственном теле. Получив подтверждение тому, что она снова беременна, молодая женщина преисполнилась светлой радости. Она была уверена, что стареющий тайко уже не способен зачать ребенка, но он во второй раз подарил ей счастье материнства!

Радость же Хидэёси не знала границ – даже релянции о победах в Чосоне не повергали его в такое ликование. Со дня смерти маленького Цурумацу ничто, кроме ратных свершений, не заставляло биться сердце старого воина, теперь же он, казалось, обрел новый смысл жизни.

В последний месяц того года, 1-го под девизом правления Бунроку,⁹³ Тятя узнала от одной из прислужниц, что Омаа прислала из Дзюракудаи в дар Хидэёси новые одежды по случаю надвигавшихся празднеств. Ничего необычного и уж тем более неподобающего в этом не было, однако Тятя еще пуще возненавидела Омаа. Она немедля допросила Хидэёси, и тот поначалу притворился, будто и ведать ни о чем не ведает, но под градом ревнивых упреков в конце концов сдался и показал ей даренные одежды, а Тятя тотчас поручила трем служанкам сжечь их во дворе. Была ли это всего лишь причуда беременной женщины? Так или иначе, Тятя день ото дня становилась все раздражительнее, а Хидэёси благодушно сносил все капризы наложницы, вынашивавшей его ребенка, и приближался к ней с такой осторожностью, словно ему предстояло прикоснуться к гнойному нарыву.

Тянины прислужницы по ее приказанию теперь втайне следили за почтой, которую Хидэёси получал из Осаки и Киото от оставшихся там наложниц. Дама Ёдо стыдилась собственной низости, однако ничего не могла с собой поделать. Однажды верная прислужница принесла ей смятый черновик письма, в котором Хидэёси тепло благодарил Омаа за поднесенные к Новому году одежды. Старый воин отлично знал, как управляться с женщинами, и каждое слово в наброске было тщательно подобрано с целью польстить наложнице и доставить ей удовольствие. Чтение этого письма даже не столько разгневало Тятю, сколько позабавило.

Хитроумный полководец, поднявшийся из самых низов благодаря недюжинным способностям, использовал свой выдающийся талант стратега для того, чтобы одно за другим выигрывать сражения, кипевшие по ту сторону моря, но при этом не забывал наводить порядок и в личной жизни, умело держа под контролем всех своих женщин, оставшихся на воле в Осаке и Киото. Лукавый нрав Хидэёси злил Тятю до невозможности и вместе с тем заставлял ее еще сильнее привязываться к этому мужчине. Об украденном черновике она при нем, само собой, и словом не обмолвилась – иначе разгневанный тайко непременно разыскал бы обворовавшую его служанку и велел бы ее казнить.

На новогодних праздниках 2-го года Бунроку изрядно отяжелевшая Тятя покинула ставку главнокомандующего в Хидзэн и отправилась в замок Ёдо. Ее немало удивили строжайшие меры предосторожности, которые Хидэёси счел необходимым принять во время подготовки к этому путешествию. Тятин паланкин он велел нести от Кюсю до самой Осаки так аккуратно и с такой трепетной нежностью, будто в нем находилось величайшее сокровище мира. Дорога, на которую у обычных путников уходило не больше месяца, заняла у свиты будущей матери наследника тайко в два раза больше времени за счет многочисленных передышек.

В итоге Тятя прибыла в Ёдо к середине третьей луны. Солнце уже согрело воды Ёдогавы; на равнине, окружающей замок, пробились юные весенние травы. Разлука с Хидэёси навевала грусть, но мысли о ребенке, растущем у нее под сердцем, утолили жгучую ревность. Тятя поняла, что Хидэёси принадлежит к тем мужчинам, которые не могут довольствоваться

⁹³ 1592 г.

одной женщиной. Дамы Кёгоку ему будет мало, и, даже если он не вызовет в Хидзэн наложниц высших рангов – даму Кагу или даму Сандзё, – туда непременно отправятся другие, незнакомые Тяте прелестницы. Но она уже не хотела ничего об этом знать. Маленькая жизнь, зревшая внутри нее, избавила будущую мать от беспокойства и даже развеяла скорбные думы о проклятии, заполонившие ее сознание после смерти Цурумацу.

Всю весну напролет неутомимые гонцы привозили ей послания от Хидэёси, который не уставал писать об их ребенке. Как и в ту пору, когда Тятя носила первенца, тайко называл ее «мамочкой». О военных действиях в Чосоне он даже не упоминал – создавалось впечатление, что все мысли старого полководца заняты будущим наследником и ни Тятя, ни обстановка на корейском фронте его уже не заботят.

Лето в тот год выдалось на редкость знойное. Измученная жарой, Тятя лишилась сна и покоя.

В ночь на второе число восьмого месяца ей было видение: алые сполохи пламени пожирают замок, а она стоит неподвижно, взирая на пожар, и языки огня тянутся к ней, приближаются неумолимо, норовят обвиться вокруг нее, задушить... Удивительно, но страха не было – Тятя смотрела на буйство пламени, хладнокровно размышляя о том, что это за крепость. В таком пожаре сгинули и Одани, и Китаносё...

Она проснулась в поту и тотчас поняла, что ребенок просится на волю. Начались схватки. Тятя не знала, сколько длилась эта бесконечная борьба с болью – вечность, наверное. О благополучном разрешении от бремени без устали молились монахи в буддийских храмах и жрецы-каннуси в синтоистских святилищах Кинки.

Утром третьего дня восьмой луны Тятя родила мальчика. Один день и одна ночь прошли после того сна о пожаре. Вельможи и самураи, управлявшие Осацким замком в отсутствие Хидэёси, отрядили к ней гонцов с поздравлениями, Госпожа из Северных покоев прислала морского карпа из Акаси – рыбу, символизирующую счастье, – и одежды для новорожденного.

Вскоре от Госпожи из Северных покоев прибыл еще один гонец. Она получила распоряжение Хидэёси провести обряд потери и обретения ребенка. «Найти» мальчика должен был Мацуноура Сануки-но-ками, которого тайко еще на первых месяцах Тятиной беременности назначил хранителем чрева. Далее повелевалось наречь наследника Хирохи. Первенец, получивший от Хидэёси имя Сутэ – «Подкидыш», – умер в нежном возрасте, и суверенный тайко на сей раз предпочел назвать второго сына «Найденьшем».

На двадцать пятый день восьмой луны Хидэёси, которому нетерпелось увидеть младенца, оставил командование армией на двух верных вассалов (один возглавил ставку в Хидзэн, другой на Цусиме) и отбыл в Ёдо. При первой же встрече с наложницей и сыном он объявил Тяте о своем намерении воспитывать Хирохи в Осацком замке и дал ей распоряжение переехать туда вместе с малышом, как только она окончательно оправится после родов. «Я подарю Хирохи Осацкий замок, – добавил счастливый отец. – Но поскольку тем самым я сам останусь без резиденции, придется мне со всевозможной поспешностью выстроить еще одну крепость – для себя». Тятя подумала, что он шутит. Но Хидэёси был серьезен, как никогда.

Дама Кёгоку вернулась из Хидзэн вместе с тайко и вскоре тоже перебралась из Дзюракудаи в Осаку, где ей отвели западное крыло. Возможно, Хидэёси, знавший о том, что две кухни неплохо ладят, хотел, чтобы они жили в одном замке.

В начале десятого месяца из ставки на юге Хидзэн пришла неожиданная новость: Хидэацу, супруг Когоо, умер в Чосоне, где в шестом месяце 1-го года Бунроку⁹⁴ он заступил на пост командующего 9-й армией. Хидэацу занемог и скоропостижно скончался в девятом месяце.

⁹⁴ 1593 г.

Тятя с ужасом подумала о младшей сестре – Когоо во второй раз стала вдовой. Она вышла замуж за Хидэкацу по приказу тайко, но говорили, что супруги прекрасно поладили и составили счастливую семейную пару.

Тятя вспомнила, что, перед тем как сесть в свадебный паланкин, Когоо поделилась с ней мрачными предчувствиями. Да, интуиция ее не подвела. Тятя передала соболезнования сестре, попытавшись утешить эту несчастную женщину, которая, казалось, родилась под звездой скорби.

В начале одиннадцатого месяца Тятя переселилась вместе с сыном в Осаку, а тайко тем временем был занят поисками подходящего для возведения нового замка места, и хлопоты, связанные со строительством, судя по всему, волновали его куда больше, чем фронтовые сводки из Чосона. Эту бурную жажду деятельности и поспешность в исполнении замыслов, проявившуюся вдруг у Хидэёси, Тятя приписывала возрасту. Тайко страшно постарел за этот год, добрую половину которого он провел в хидзэнской ставке главнокомандующего. Или же рождение второго сына в одночасье лишило его жизненной силы?

На празднествах в честь наступления 3-го года Бунроку⁹⁵ Хидэёси официально объявил о начале строительства нового замка в Фусими. Местечко Фусими располагалось неподалеку от Киото, туда легко можно было добраться из Осаки на ладье по Удзигаве; кроме того, эта земля радовала глаз великолепными видами и являла собой идеальное место для резиденции тайко с точки зрения обороны.

Строительство было предпринято незамедлительно. Хидэёси каждый день мотался в Фусими из Киото, дабы лично понаблюдать за продвижением работ. На Новый год он нашел время заглянуть в Осаку и повидаться с сыном, но в дальнейшем ему приходилось довольствоваться лишь посланиями, в которых беспокойный отец забрасывал Тятю вопросами о здоровье Хирохи, интересовался, весело ли малыш проводит свои дни, обещал, что очень скоро приедет и расцелует любимого сыночка, и требовал, чтобы в его отсутствие Хирохи никому не разрешал себя целовать. Теперь все нежные словечки, которые некогда были выдуманы им для Тяти, предназначались исключительно двухгодовалому наследнику.

Завершение строительства замка Фусими в третьем месяце 3-го года Бунроку стало началом конца для замка Ёдо – его снесли. Тятя получила приказ немедленно перебраться вместе с сыном в Фусими – Хидэёси хотел, чтобы Хирохи и его мать первыми разместились в этом великолепном замке. Однако мальчик был еще слишком мал для путешествий, и переезд сначала перенесли на четвертый месяц – пору цветения сакуры, – а затем и вовсе отложили на неопределенный срок. Памятуя о том, что Цурумацу покинул изменчивый мир, не дожив и до трех лет, тайко решил оставить второго сына в Осаке, пока он не минует этот роковой возраст.

Таким образом Тятя всецело посвятила себя воспитанию наследника в Осацком замке. Это стало ее единственной заботой и величайшей отрадой. Рождение Хирохи совпало по времени с одним из самых решительных этапов карьеры Хидэёси, и он, даже не дождаввшись окончания работ по внутренней отделке Фусими, перенес свою резиденцию в этот новый замок, откуда в любой момент можно было быстро добраться и до Осаки, и до Киото, а также руководить военными действиями в Чосоне. На Тятю времени у него совсем не оставалось – приезжая в Осаку, тайко со всех ног бежал к своему обожаемому чаду и, удостоверившись, что мальчик здоров и весел, спешно возвращался к бесчисленным государственным делам.

Побеседовать с глазу на глаз с Тятей Хидэёси давно уже не удавалось, но он продолжал засыпать ее письмами, в которых неизменно вопрошал о самочувствии сына и давал множество полезных советов, в том числе настаивал на том, чтобы она кормила Хирохи грудью. Хидэёси твердил об этом в каждом письме, настолько он был уверен в пользе молочного вскармливания для здоровья ребенка. Тятино здоровье его совершенно не волновало – он интересовался

⁹⁵ 1594 г.

только состоянием ее груди и качеством молока, а также рекомендовал хорошенько питаться ради Хирохи. Отныне Тятя существовала в глазах тайко лишь как кормилица его сына.

Молодую мать, впрочем, такое положение вещей ничуть не удручало. Чувствовала она себя превосходно. Хидэёси напрасно беспокоился о том, хватает ли у нее молока для сына, – за время кормления она набрала вес, грудь налилась, да так, что ее владелице порой приходилось переживать из-за своей фигуры. После рождения Цурумацу Тятя совсем исхудала, но на этот раз все было по-другому: формы ее изрядно округлились, кожа приобрела молочную влажную белизну, при каждом шаге отяжелевшая грудь величественно колыхалась, а во время кормления Хирохи нужно было обеими руками придерживать два огромных, набухших молоком шара. Тятя с неописуемым удовлетворением чувствовала, как молоко, этот источник жизни, перетекает из ее тела в тельце ребенка. Об отце мальчика она и не вспоминала. Теперь ей казалось, что Хидэёси имеет весьма отдаленное отношение и к ней, и к ее младенцу. Даже память о пережитых бедах потускнела и претерпела чудесные превращения: череда несчастий, через которые она прошла в ранней молодости, стала для нее лестницей, где каждая ступенька вела к рождению сына.

В общем, и для Тяти, и для Хидэёси этот ребенок стал смыслом жизни, все остальное перестало для них существовать. Тятя не держала зла на тайко, который открыто ею пренебрегал, даже не обижалась ничуть – ведь отныне верховный правитель Японии был в ее глазах всего лишь преданным слугой Хирохи, и никем более.

В Чосоне армия Хидэёси сражалась с ханьскими⁹⁶ войсками, отряженными царством Мин на выручку соседям. Победы следовали за поражениями, два воинства изматывали друг друга в бесконечной борьбе. О мирных переговорах Тятя впервые услышала на последних месяцах беременности, тем знойным летом. Заключенное перемирие вынудило самураев Юкинаги Кониси, оккупировавших Хансон, отступить; вслед за ним и остальные японские военачальники отошли на юг, к Пусану, и встали лагерем в окрестных землях. Чуть позже стало известно, что Кониси прибыл в Хидзэн вместе с посланниками династии Мин.

К середине девятого месяца, в ту пору, когда Тятя едва оправилась от родов, развитие событий ускорилося. Хидэёси принял эмиссаров китайского императора у себя в Фусими, но, сочтя оскорбительными некоторые обороты послания правительства Мин, выгнал их из дворца и отдал приказ о новой военной экспедиции на Корейский полуостров.

Тятя, впрочем, узнала об этом гораздо позже. В письмах к ней Хидэёси твердил как заведенный лишь о кормлении Хирохи, а свитские дамы из ее окружения дружно молчали о военных действиях в Чосоне – вероятно, по личному распоряжению тайко, который не хотел волновать кормящую мать. Единственная весть, долетевшая до Тятиных ушей из Чосона, касалась смерти Хидэацу, супруга Когоо, – утаить этот скорбный факт от нее не представлялось возможным.

К весне 3-го года Бунроку Хидэёси смог наконец вздохнуть свободно. Он отдал приказ о новой экспедиции, но армия собирается не за один день, и высадиться на Корейском полуострове свежие войска должны были еще очень не скоро. До Тяти порой доходили слухи о его жизни в Киото – он был горячим поклонником театра Но и часто посещал представления, а также устраивал для своих приближенных чайные церемонии. «Вот и славно», – удовлетворенно вздыхала она, поскольку предпочитала, чтобы тайко предавался этим утонченным развлечениям, а не игре в войну.

Когда отцвела сакура, Тятя неожиданно узнала от одной из свитских дам, что Хидэёси пригласил Госпожу из Северных покоев посетить Фусими. В ту пору законная супруга тайко тоже жила в Осаке, и Тятя, зная, что наиглавнейшая соперница находится в одном замке с ней, а не подле Хидэёси, в кои-то веки могла примириться с ее существованием. Всякий раз,

⁹⁶ Ханьцы – самоназвание китайцев.

наведываясь в Осаку, Хидэёси первым делом бежал к сыну, поэтому Тятя была осведомлена о каждом из его визитов. Обычно он не оставался ночевать и в тот же день норовил улизнуть обратно в Киото или в Фусими, ссылаясь на государственные заботы, – возможно, догадывался о противостоянии двух женщин и не хотел вносить разлад в их отношения. Изредка, когда ему случалось все-таки задержаться в Осацком замке, он проводил по справедливости одну ночь с Тятей, а другую – с законной супругой. Но теперь, даже зная о том, что он спит в опочивальне Госпожи из Северных покоев, Тятя не испытывала и намека на ревность. Отныне ничто не могло задеть ее и обидеть в поведении этого старика, который при каждом визите часами с милением глядел и не мог наглядеться на своего сыночка, тетешкал его и укачивал на руках, а потом и сам засыпал мертвецким сном, сотрясая ночную тишину громким храпом.

Однако, проведав о том, что Госпожа из Северных покоев приглашена в новый замок Фусими, Тятя почувствовала праведное негодование – ведь ни она сама, ни ее сын пока не видели этого замка, о возведении которого народ уже слагал легенды. Только для того, чтобы доставить к месту строительства камни из Дайго и Ямасины, древесину из долины Кисо и с горы Коя, потребовались усилия двухсот пятидесяти тысяч человек. Говорили, что стены Фусими тройной толщины, а со стороны Удзигавы его защищает крепостной вал двадцати дзё высотой. Тятя даже представить себе не могла, как выглядит этот величественный замок, который, судя по всему, не шел ни в какое сравнение с Ёдо ни по размерам, ни по неприступности, ни по великолепию окружающего его ландшафта. Так что известие о том, что Госпоже из Северных покоев первой из них двоих выпала честь полюбоваться этой красотой, не могло не вызвать у Тяти сильнейшее неудовольствие.

Когда Хидэёси в очередной раз приехал в Осаку проведать свое чадо, Тятя набросилась на него с упреками.

– Хирохи говорит, что ему уже не хочется переезжать в Фусими.

– И почему же это Хирохи так сурово судит о вещах, в которых пока ничего не смыслит? – усмехнулся Хидэёси, нежно прижимаясь щекой к щеке сына.

– Он говорит, что не желает видеть в этом замке никаких женщин, кроме своей матушки.

– Ах вот оно что! – удивленно вскинул брови Хидэёси. – Ну, раз Хирохи это не нравится, я больше никого не буду приглашать в Фусими.

– А кого вы туда приглашали?

– Не волнуйся, я тотчас отошлю ее восвояси.

Тятя насторожилась: Госпожа из Северных покоев уже вернулась в Осаку, стало быть, в Фусими сейчас гостит какая-то наложница. Она не сомневалась, что в последнее время Хидэёси развлекается с незнакомыми ей молоденькими прелестницами, но и мысли не допускала, что он решится пригласить в Фусими кого-то из прославленных дам, кроме Госпожи из Северных покоев.

– Кого это – ее? – любопытствовала Тятя.

– Омаа, – без малейшего смущения ответил Хидэёси.

Услышав ненавистное имя, дама Ёдо чуть не задохнулась от гнева. Да как он смел позвать в Фусими не только законную жену, но и даму Кагу, наперсницу Госпожи из Северных покоев, когда она, Тятя, еще ни разу там не была?!

Не желая опускаться до недостойного поведения, дама Ёдо конечно же не выдала своих чувств Хидэёси, однако неприятный осадок надолго остался в ее душе.

Дней десять спустя она отправила гонца к даме Кёгоку. Ей хотелось поделиться своим негодованием с единственной союзницей, к тому же они давно уже не виделись, и Тятя соскучилась по доверительным беседам с кухней. Но гонец вернулся ни с чем: дама Кёгоку, страдавшая в последнее время какой-то глазной болезнью, уехала на горячие источники в Ариму. Удивительное дело – чтобы Тасуко, женщина весьма щепетильная в вопросах этикета, да не нанесла двоюродной сестре визит вежливости, прежде чем отправиться в долгое путешествие?!

Быть такого не может! Тятя прониклась подозрениями: уж не гостит ли дама Кёгоку в Фусими? При мысли об этом бедняжку накрыла волна одиночества: все ее предали, даже Тасуко!

Прошло еще десять дней, и дама Кёгоку, которой доложили, что во время ее отсутствия приходил посланец от кузины, заглянула к Тятя в гости. У нее действительно болели глаза, и она действительно ездила в Ариму подлечиться – в ее словах было столько искренности, что Тятини подозрения тотчас развеялись.

За последние два года Тасуко тоже изрядно располнела, но ее тело при этом сохранило свежесть молодой, ни разу не рожавшей женщины. Глядя на красивые руки кузины, прижатые ладонями к коленям, Тятя неожиданно почувствовала укол ревности.

– Его светлость тайко тоже останавливался в Ариме? – внезапно осведомилась она.

Дама Кёгоку покачала головой, но Тятя уже не могла остановиться – ее обуяли новые подозрения. Ну конечно же Хидэёси отдыхал на горячих источниках вместе с Тасуко или навещался туда к ней время от времени – поэтому двоюродная сестра и пыталась скрыть от нее свою поездку в Ариму!

– Почему вы обманываете меня, дражайшая кузина? – процедила Тятя, начиная злиться.

– Уверю вас, я ездила в Ариму со своей матушкой, – пролепетала дама Кёгоку. – Горячие источники целительны для глаз. Коли не верите мне – спросите у его светлости тайко.

– Я не вправе задавать его светлости подобные вопросы, – сухо сказала Тятя. – Помните, однажды вы пообещали мне, что всегда будете моей союзницей и сделаете все, что я пожелаю?

– Да. – Тасуко побледнела и низко поклонилась, коснувшись лбом татами.

– Если его светлость тайко не сопровождал вас в поездке на горячие источники, он наверняка писал вам, справлялся о самочувствии?

– Да.

– Покажите мне его письмо!

Дама Кёгоку от изумления даже подняла голову.

– Разумеется, вы вольны отказаться, – безжалостно продолжала Тятя. – Но тогда ничто не заставит меня поверить в вашу искренность. Придется мне усомниться, что вы ездили в Ариму одна.

– Я ездила туда одна! – в отчаянии воскликнула Тасуко.

– В таком случае, покажите мне письмо. – Тятя прекрасно понимала, какую боль она причиняет кузине, но не могла сдержаться.

Дама Кёгоку молча удалилась в свои покои, расположенные в западном крыле замка, а на следующий день снова нанесла Тятя визит и, не успев войти, протянула ей свиток.

Это было письмо от Хидэёси, датированное двадцать вторым днем четвертой луны. Тятя развернула его и принялась читать. Хидэёси писал, что в скором времени намерен навестись в покои западного крыла. «Как ваши глаза? Я слышал, что источники в Ариме весьма способствуют исцелению глазных хворей, а посему отрядил туда Мондо Маэду, дабы он отдал необходимые распоряжения...» Стало быть, недуг дамы Кёгоку не был притворным и она на самом деле ездила в Ариму одна – лечиться.

Тятя невозмутимо продолжила чтение.

«К двадцать седьмому или двадцать восьмому дню нынешнего месяца в Ариме все будет готово к вашему приезду. Желательно, чтобы вы отправились туда под присмотром вашей матушки. С болью в сердце отпускаю вас от себя, однако же наберитесь терпения – вашим прелестным глазкам надобен хороший уход, иначе зрение и вовсе испортится. Снадобья и притирания, несомненно, пойдут вам на пользу, но нет ничего лучше омовения в горячих источниках. А после серных бань настоятельно рекомендую массаж».

Знакомые, небрежно начертанные кистью крупные иероглифы походили на магические знаки – Хидэёси, как всегда, напускал колдовские чары на женское сердце, завораживал медоточивыми речами, подкупал ласковой заботой. Тятя прочитала письмо до конца и обратила взгляд на даму Кёгоку, застывшую перед ней в низком поклоне.

– Прошу простить меня за неоправданные подозрения. Надеюсь, глаза вас больше не беспокоят?

Дама Кёгоку подняла голову с видимым облегчением. Конечно, она решилась показать Тяте это письмо – под давлением, против собственной воли, – лишь потому, что в нем не было ни слова о любви, ни одной сомнительной фразы, и все же теперь, когда стало ясно, что кузина не злится на нее, у бедняжки словно камень с сердца свалился.

А Тятю между тем, несмотря на ее благодушный тон, одолевали далеко не приятные мысли. Она поняла, что старый самодержец питает теплые чувства не только к ней. Он, без сомнения, любил даму Кёгоку: за каждым словом письма проступала искренняя, нескрываемая привязанность. Той же нежностью дышали и послания, адресованные ей, Тяте. Вполне возможно, что он таков и с Госпожой из Северных покоев, и с дамой Кагой, и с дамой Сандзё... Берется за кисть и с улыбкой оживляет в памяти лицо каждой из них, чтобы набросать несколько столбцов, преисполненных любовного томления...

После ухода дамы Кёгоку Тятя прогулялась по саду. Она чувствовала себя опустошенной, лишенной сил. Впервые за долгое время ей вспомнились Такацугу Кёгоку и Удзисато Гамоо. С тех пор как стала наложницей Хидэёси, она успешно подавляла в себе эмоции, которые вызывали у нее когда-то эти мужчины, а затем и вовсе перестала думать о них, но в этот день перед ее мысленным взором вновь встали лица молодых самураев, чье присутствие в былые времена заставляло девичье сердце биться сильнее.

Да, Хидэёси, бесспорно, любил ее. Но для него она была одной из многих – в этом тоже не приходилось сомневаться. А что же она? Какова истинная природа ее отношения к этому человеку? Можно ли ее чувства к нему назвать любовью? Или же любовь – это то, что ей внушали по очереди, каждый в свое время, Такацугу и Удзисато? Теперь она поняла, прочитала ясный ответ в своей душе, и тем не менее сила привязанности к старому полководцу, отцу двоих ее сыновей, от этого не ослабла. Возможно, чувство, которое она питает к Хидэёси, нельзя назвать любовью, но оно столь же глубоко и пронзительно, как истинная любовь.

Тятя бродила по саду, тонувшему в летних прозрачных сумерках, и думала о былом. О той поре, когда она, совсем молоденькая наложница Хидэёси, мечтала убить своего господина. Прошло шесть лет, и вот теперь та же мысль молнией сверкнула в голове, но... тотчас погасла, сменилась другой: Хидэёси должен жить, и чем дольше – тем лучше. Он просто обязан жить – ради Хирохи. Размышляя о сыне, Тятя направилась к своим покоям; ее опустевшее сердце расцветало, наполняясь трепетной нежностью к ребенку. Никогда еще Хирохи не вызывал у нее такого приступа всепоглощающей любви и... грусти. Она не колеблясь отдала бы за него свою жизнь, принесла бы ему в жертву Хидэёси... Нет, она не убьет старого тайко – напротив, использует его жизнь, всю, до последней капли, во благо Хирохи.

Едва ступив в свои покои, Тятя потребовала, чтобы ей принесли сына.

В опочивальне, затопленной тусклым предзакатным сиянием, личико двухгодовалого малыша, мирно посапывавшего во сне, показалось ей слишком бледным. Пока служанки не зажгли фонарики, она сидела в полутьме неподвижно, вглядываясь в спящего ребенка и думая о том, что в его жилах течет кровь Асаи и Ода.

VII

Письмо Хидэёси к Тасуко произвело на Тятю глубокое впечатление. Она немедленно велела Офуку, одной из своих прислужниц, разузнать все о том, как Хидэёси ведет себя с остальными женщинами, и таким образом ей стало известно, что он дважды приглашал законную супругу в Фусими после окончания строительных работ и дважды вместе с ней покидал Дзюракудаи, чтобы нанести официальные визиты кампаку Хидэцугу. Весной тайко любовался цветением вишни в Дайго в обществе дамы Каги и трижды призывал ее к себе в Фусими; в последний раз пребывание Омаа в новом замке продлилось целых семь дней. Что до дамы Сандзё, сестры Удзисато Гамоо, Хидэёси тоже возил ее в Дайго, кроме того, она сопровождала его на пиры, которые устраивались столичными вельможами. Правда, имен вельмож, принимавших у себя тайко и даму Сандзё, Офуку узнать не удалось.

Дама Кёгоку, в отличие от прочих, после той поездки на источники в Ариму неотлучно пребывала в Осацком замке. Возможно, Хидэёси намеренно избегал появляться на людях в ее обществе, дабы не уязвить чувства Тяти и Госпожи из Северных покоев, в ту пору также проживавших в Осаке. Однако при этом ходили слухи, что он распорядился выстроить на территории Фусими резиденцию под названием Сосновый павильон, в которой намеревается разместить даму Кёгоку, а на третьем дворе замка уже идет строительство обиталища для пятой дочери Нобунаги Оды, о которой все вечно забывали или предпочитали не помнить – то ли потому, что была она дурнушкой и ничем не примечательной личностью, то ли оттого, что слишком давно стала наложницей Хидэёси. Еще тайко регулярно поддерживал отношения с несколькими прелестницами низкого происхождения, среди которых самой известной была дама Сайсё, – они неоднократно составляли ему компанию на чайных церемониях и представлениях театра Но.

В конце лета Хидэёси провел в Тятиной опочивальне три ночи подряд – неслыханное дело! Госпожа из Северных покоев в ту пору отсутствовала – отправилась поклониться праху матери своего супруга.

Тятя давно уже поджидала возможности неспешно и без помех побеседовать с Хидэёси наедине. Ей не терпелось в приватной обстановке обсудить такие вещи, о которых не стоило заговаривать в течение его обычных кратковременных визитов и которые не подлежали обсуждению между господином и наложницей. Им нужно было провести несколько часов втроем с сыном, снова почувствовать себя отцом и матерью. С начала года Тятя только об этом и думала, и вот наконец случай представился.

Вечером она положила дзабутон для Хидэёси у выхода на энгаву, велела принести сакэ и закуски, затем отпустила прислугу. Она нарочно выбрала это место у раздвинутых сёдзи, где витала вечерняя прохлада и можно было видеть, не забрел ли в обширный сад незванный гость.

– Есть у меня к вам одна просьба, господин... – начала Тятя без околичностей. – Давно хотела с вами о том потолковать, да все никак не выдавалось okazji...

– Что за просьба? – осведомился Хидэёси.

Вид у него был скучающий, в глазах – легкая настороженность, и Тятя подумала, с таким ли выражением лица он выслушивает других наложниц, когда те выпрашивают у него милости и подарки.

– Я не прошу вас свозить меня в Дайго на любование цветущей сакурой или в Ариму на горячие источники, чайные церемонии и представления театра Но тоже не влекут меня, – медленно и четко проговорила она.

Хидэёси не смотрел на нее и по обыкновению молчал, дожидаясь, пока она закончит. Теперь вид у него был невинный и слегка смущенный.

– Вы исполните мою просьбу, господин? – тихо спросила Тятя.

Взгляд Хидэёси, до сих пор блуждавший по саду, устремился на нее.

– Так чего же ты от меня хочешь? – так же тихо спросил он.

– Вы помните ту ночь, когда мы любовались полной луной после смерти нашего Цурумацу?

– Гмм...

– Как вы страдали тогда, мой господин, как тяжело было мне... Дабы облегчить скорбь, вы замыслили много деяний: брак Когоо, поход на Чосон...

– Тятя! – сурово перебил ее Хидэёси. – Ты хочешь поговорить со мной о Хидэцугу?

– Да, – сказала она и, подняв голову, открыто посмотрела ему в глаза.

Их взгляды на мгновение скрестились в пространстве и тотчас разошлись. После смерти Цурумацу Хидэёси, уже не надеявшийся на то, что сможет зачать второго сына, избрал наследником родного племянника и передал ему титул кампаку. Впервые о своем решении он объявил на пиру в честь любования полной луной тремя годами раньше. Именно об этом событии напомнила ему Тятя.

– Молодой господин Хирохи останется без...

– Я думал об этом. И кажется, нашел выход. – Перед Тятей теперь сидел не всемогущий тайко, а старый отец, озабоченный будущим своего сына. – По счастью, у Хидэцугу есть дочь. Я выдам ее за Хирохи.

Этот брак, по мысли тайко, должен был позволить Хирохи унаследовать титул кампаку от своего тестя. Но женитьба двухгодовалого мальчика выглядела в глазах Тяти мерой весьма ненадежной – она рассчитывала на более действенное решение проблемы, надеялась, что Хидэёси отберет титул у Хидэцугу и официально объявит Хирохи своим наследником. Власть, которой обладал тайко, вполне позволяла ему это сделать. Однако Тятя не осмелилась сказать господину о том в открытую.

– Я попрошу супругу Тосинаги Маэды стать посредницей в устройстве этого брака, – продолжал между тем Хидэёси.

Тятя молчала. Она не верила в то, что женитьба на дочери Хидэцугу обеспечит Хирохи в будущем статус законного наследника дома Тоётоми.

Хидэёси тоже некоторое время хранил молчание, затем, словно бы и сам усомнился в верности своего решения, вдруг предложил другой выход:

– Или вот что: пожалуй, я разделю страну на пять провинций, четыре отдам Хидэцугу, одну – Хирохи.

Этот второй план имел перед первым определенное преимущество: можно было воплотить его в жизнь незамедлительно, не дожидаясь, пока мальчик достигнет брачного возраста. Но Тяте такой передел наследства показался вопиющей несправедливостью. Выслушав Хидэёси, она не произнесла ни слова. Он же впал в задумчивость, и теперь тишину нарушали лишь вздохи и едва различимые «гмм, гмм», свидетельствовавшие, как почудилось Тяте, о том, что в голове тайко зреет новая идея. Но когда он поднял к ней бледное лицо, женщина вздрогнула от страха – столько боли и обреченности было в его глазах.

– Мое решение в ночь любования полной луной было преждевременным, – тихо проговорил Хидэёси.

На том их беседа закончилась, меры так и не были приняты.

Три месяца спустя, в середине двенадцатой луны, Тятя и Хирохи переехали в Фусими. Дама Кёгоку последовала за своей кухней и разместилась в Сосновом павильоне. Прежде, в Осацком замке, Тасуко величали Госпожой из Западных покоев, теперь она для всех стала Госпожой из Соснового павильона.

Тятя наконец получила возможность осмотреть новый замок. Вид оттуда открывался волшебный, раньше она и представить себе не могла такой красоты. На юге взорам являла себя полноводная Удзигава, на севере маячили вдали киотоские посады, а внизу к самой крепост-

ной стене подкатывало соломенно-черепичное море крыш. Едва закончилось строительство замка Фусими, купцы со всех концов страны заняли северный посад, и теперь в этом торговом квартале, где сплоченными рядами стояли лавки и трактиры, с утра до ночи кипела жизнь. На востоке меж поросших соснами горных склонов текла Кицугава, теряясь из виду в необозримой дали; на западе по зеленой равнине вилась голубая лента Ёдогавы.

Из всех замков, где Тяте приходилось бывать, этот казался ей самым восхитительным, и ее переполняла гордость при мысли о том, что Фусими принадлежит ее сыну. Им отвели покои в тэнсю. Величественные стены главной башни западного крыла и Соснового павильона возносились высоко над резиденциями даймё в черте замка.

С тех пор как Тятя и Хирохи разместились в Фусими, Хидэёси разрывался между Фусими и Осакой, попеременно останавливаясь на постой то там, то здесь и не избрав в качестве официальной резиденции ни одну из крепостей. При этом Осака отныне всеми рассматривалась как владение Госпожи из Северных покоев, а Фусими – как собственность дамы Ёдо.

С наступлением 4-го года Бунроку⁹⁷ Хирохи сравнялось три года. Тайко собирался провести новогодние празднества в Осаке, поэтому Тятя велела свитским дамам сочинить благопожелательное письмо его светлости от имени Хирохи и вместе с подарком – маленьким ножичком для обрезания ногтей – отправить его адресату.

Через два дня примчался гонец с ответом от Хидэёси.

«Прочел твои благопожелания, и сердце мое возрадовалось. Спасибо за ножичек, он весьма меня позабавил. Вскоре я навещу тебя, чтобы отблагодарить при личной встрече, однако сперва мне надобно нанести визит правителю Харимы. Скучаю по тебе каждое мгновение, не терпится тебя расцеловать».

Письмо было адресовано «господину Хирохи от тайко из Осаки», но составлено в таких выражениях, будто Хидэёси обращался к Тяте, а не к сыну, и все же ее это не столько обрадовало, сколько разгневало – ведь она знала, что точно такие же нежные послания, преисполненные благодарности за новогодние дары, в эти дни старый тайко отправляет одно за другим всем своим наложницам.

На исходе первого лунного месяца и в начале второго Хидэёси несколько дней пожил в Фусими. Как только у него выдавалось свободное время, он приходил в Тятины покои поиграть с сыном и каждый раз придирчиво надзирал за прислугой, смотрел, хорошо ли заботятся о маленьком господине, устраивал разнос нянькам и наставникам, если вдруг замечал, что мальчик слишком легко одет. Заставая Хирохи в дурном настроении, Хидэёси тотчас затевал дознание – не обидел ли кто любимое чадо, все ли его желания выполняются с надлежащим тщанием. Старик сделался придирчивым и склочным во всем, что касалось присмотра за его сокровищем.

Во время пребывания Хидэёси в Фусими Тятя прослышала о том, что со всех сторон тайко поступают жалобы на Хидэёцу – знатные воины и вельможи весьма недовольны его поведением как в общественной, так и в частной жизни.

С появлением новой челобитной Хидэёси всякий раз приходил в ярость, словно ему толковали не о приемном сыне, а о злейшем враге. У тайко начинали трястись руки, он бледнел от гнева и бросал недобрые взгляды в сторону Киото, где находилась резиденция Хидэёцу. А когда старик вскакивал от избытка чувств, его иссохшее тело била такая дрожь, что казалось, он вот-вот развалится на куски.

⁹⁷ 1595 г.

Список провинностей Хидэцугу оказался велик. На пятый день первой луны 2-го года Бунроку⁹⁸ императрица Огимати, супруга Небесного государя, покинула изменчивый мир, и шестнадцатый день того же месяца был посвящен обряду очищения в память об усопшей. А молодой кампаку, вместо того чтобы поститься со всеми, велел подать ему на обед мясо журавля. Дальше – хуже. Нимало не заботясь о том, что траур еще не закончился, он устроил для своих приближенных пир на свежем воздухе в окрестностях Киото, восьмого дня шестой луны созвал музыкантов и повелел услаждать слух своих гостей, а восемнадцатого дня седьмой луны по его указу в Дзюракудаи состоялось состязание борцов сумо. Одиннадцатого числа девятого месяца Хидэцугу охотился в лесах на священной горе Хиэй, что строго запрещено. В довершение всего прочего он взял за правило запускать руку в казну многих даймё и держал при себе впечатляющее количество наложниц.

Прислужницы исправно докладывали Тяте о поступающих Хидэёси жалобах на приемного сына. Ее разбирало любопытство, и она, так же как и тайко, еще не зная, как обратить себе на пользу это всеобщее недовольство поведением Хидэцугу, теперь питала к нему жгучую ненависть и дивилась тому, что неведомо откуда пришедшее чувство поселилось в ее сердце и день ото дня набирает силу вопреки ее воле. Обсуждать поведение молодого кампаку с Хидэёси Тятя, однако, воздерживалась, да и он ни словом не упоминал о приемном сыне в беседах с ней.

На второй день третьей луны в Фусими явился представитель киотоского двора, который должен был преподнести в дар Хирохи коня и меч по случаю его переезда в новую резиденцию. В замке уже несколько дней слуги и самураи сбивались с ног, заканчивая приготовления к визиту императорского посланника. В назначенный день Тятя слегла от недомогания и не смогла присутствовать на торжественной церемонии во славу ее сына. Она сидела на футоне, и ее голова кружилась от счастья при мысли о том, что дитя, вышедшее из ее чрева, удостоилось таких почестей, и она мечтала о еще более блестящем будущем для своего мальчика. Хирохи станет наследником тайко, чего бы это ни стоило, и будет править государством, как его отец. Теперь Тятя знала свое предназначение, поняла, в чем смысл ее жизни. Она не погибла в огне, охватившем замок Одани, и спаслась от пожара в Китаносё лишь для того, чтобы родить и воспитать этого ребенка, которому суждено стать властелином Японии. От внезапно воспылавшей в сердце решимости посвятить себя этой единственной возвышенной цели даму Ёдо бросило в жар, а в следующее мгновение ее лицо покрылось восковой бледностью.

В начале шестой луны над головой кампаку Хидэцугу начали сгущаться тучи. До Фусими долетели слухи о том, что пять полномочных представителей Хидэёси, среди которых был Мицунари Исида, получили приказ провести дознание по делу об измене и злом умысле против тайко. Главным подозреваемым называли Хидэцугу. В самом Фусими и призамковых посадах только об этом и говорили.

Убедиться в достоверности слухов Тятя могла бы легче легкого – достаточно было задать Хидэёси вопрос и получить ответ, но в беседах с тайко она старательно обходила эту тему молчанием, да и сам он по-прежнему не изъявлял желания обсуждать своего приемного сына.

Прошло дней десять, и слухи подтвердились сами собой, когда Тяте и маленькому Хирохи нанес визит Мицунари Исида, остановившийся в Фусими проездом. Этот молчаливый воин с благородными чертами лица как бы невзначай обронил в разговоре, что он отряжен в Дзюракудаи с официальным посланием от тайко.

На рассвете восьмого дня седьмой луны посланник выехал в Дзюракудаи с целью пригласить Хидэцугу в Фусими. Тятя не знала, что задумал Хидэёси, но чувствовала: его отношения с приемным сыном достигли критической точки.

⁹⁸ 1593 г.

В тот день в Фусими воцарилась странная гнетущая атмосфера. Ветер стих, жара сделалась невыносимой. Лишь пронзительная песня цикад нарушала могильную тишину. События начали разворачиваться одно за другим, Тяте своевременно о них докладывали: Хидэцугу прибыл в полдень, но на двор замка не ступил, а отправился в особняк Дайдзэнноскэ Киноситы, где велел обрить себе голову, принял монашеский обет и вскоре под охраной сотни самураев отбыл в монастырь на гору Коя.⁹⁹

На следующий день Хидэёси выехал из Фусими в Киото и был при этом сам не свой, мрачен и молчалив. По прибытии в столицу он явился во дворец Дзюракудаи, лишившийся хозяина, и предпринял последние меры для того, чтобы закрыть дело Хидэцугу. Госииэ Маэда был назначен наставником Хирохи и отправлен в Фусими, затем тайко составил текст клятвы в верности маленькому наследнику дома Тоётоми и поручил Масуде и Исиде раздать ее всем даймё. Первым пунктом в ней значилась готовность дающего обет защищать господина Хирохи даже ценой собственной жизни и безропотно покоряться всем приказам тайко на сей счет. На следующий день Тятя узнала, что даймё скрепили свитки с клятвой своими печатями. Спустя два дня подоспела весть о том, что Хидэцугу совершил сэппуку в храме Сэйгандзи на горе Коя. Не прошло и недели с тех пор, как тайко призвал приемного сына в Фусими.

Минуло еще три дня, и Хидэёси, наведавшись ненадолго в Тятины покои, сказал ей за чаем:

– У Хидэцугу было больше тридцати наложниц.

Поначалу Тятя не вполне поняла, к чему он клонит, затем, решив, что тайко желает таким образом узнать ее мнение по поводу дальнейшей судьбы этих женщин, спокойно произнесла:

– Мой господин конечно же сделает все, дабы убедиться, что никто не желает зла его родному сыну и наследнику.

Странное выражение мелькнуло в глазах Хидэёси, чей пристальный взгляд был устремлен на нее. Возможно, в тот миг его удивила жестокость, которая скрывалась за словами наложницы, а Тятя подумала, что за свою долгую жизнь тайко совершал и худшие зверства, но не решилась сказать это вслух.

Второго дня восьмой луны все бывшие наложницы Хидэцугу были доставлены на лобное место в Сандзёгавару и обезглавлены одна за другой. Поглазеть на казнь собралась огромная толпа, однако мало кто смог вынести столь кровавое зрелище. При виде безвинных молодых женщин, рыдавших перед лицом жестокой смерти, многие теряли сознание, иные выкрикивали проклятия в адрес палача.

Ночью к отрубленным головам, надетым на пики и выставленным на улицах Киото, кто-то подвесил таблички с надписями: «Зверство сие непростительно. Править страной на крови – дурное предзнаменование», «Добрые и дурные поступки вращают колесо судьбы в согласии с законом кармы».

Тот год, 4-й под девизом правления Бунроку, стал для Тяти самым тяжелым годом в ее жизни. Между самоубийством Хидэцугу и казнью тридцати его наложниц она существовала как в кошмарном сне. Разумеется, Тятя ненавидела молодого кампаку, потому что Хидэёси усыновил этого человека для того, чтобы назначить своим наследником, но она не желала ему столь трагической участи. Она мечтала лишь об одном – чтобы ее драгоценный сыночек был официально объявлен наследником дома Тоётоми вместо Хидэцугу. Однако судьба распорядилась по-другому: смерть Хидэцугу и его тридцати наложниц окрасила дело о наследовании в багровый цвет крови.

В первой половине того страшного года произошло еще одно прискорбное событие: Удзисато Гамоо, даймё с баснословным доходом в девятьсот двадцать тысяч коку, княживший

⁹⁹ Коя – священная гора, на которой находились храмы буддийской школы Сингон и мавзолей ее основателя Кобо Дайси (774–835).

в Айдзу, скончался от дизентерии в Киото. Во время первого похода на Чосон в 1-м году Бунроку он был откомандирован в ставку главнокомандующего в Хидзэн и вошел в высший военный совет. Там, в Хидзэн, недуг впервые одолел Удзисато, и он вынужден был вернуться на свои земли в Айдзу, а весной 3-го года приехал на лечение в столицу. Осенью его состояние резко ухудшилось, и в начале 4-го года болезнь унесла жизнь полководца, которому исполнилось всего сорок лет.

Тяте без промедления доложили о случившемся, но известие это совпало по времени с приготовлениями к визиту императорского посланника, который должен был поздравить Хирохи с вступлением во владение замком Фусими, и у всех, в том числе у Тяти, забот был полон рот.

Услышав о внезапной смерти Удзисато Гамоо в расцвете лет, она поначалу долго отказывалась в это верить, к тому же момент для траура был совсем не подходящий. И лишь с наступлением восьмой луны после самоубийства Хидэцугу гибель старого друга обрела для нее смысл реального события. Угроза, черной тенью заслонившая будущее ее сына, только-только начала рассеиваться, Тятя наконец-то вздохнула с облегчением, и вот именно тогда чувство невосполнимой утраты стало неотвратимо заполнять ее сердце.

В течение долгих лет на каждом перепутье своей судьбы она останавливалась и спрашивала совета у Удзисато Гамоо, а затем слепо следовала его указаниям. Она смирилась с положением наложницы Хидэси, понесла от него ребенка, стала матерью наследника дома Тоётоми – и все это благодаря Удзисато. Теперь Тяте казалось, что ее и маленького Хирохи лишили бесценной поддержки, оставили без защиты. В отличие от Такацугу Кёгоку, еще одного друга, Удзисато Гамоо всегда сохранял в отношениях с ней определенную дистанцию. Возможно, в том проявлялись его врожденное благоразумие и осторожность в поступках – качества, за которые Тятя порой ужасно на него злилась, но которые позволили ему пройти по жизни, не сворачивая с правильного пути. Он очень рано добился высокого положения в воинской иерархии и к сорока годам считался одной из самых влиятельных фигур в ближайшем окружении Хидэси, третьим по значимости человеком после Иэясу Токугавы и Госииэ Маэды. С его смертью на небосклоне воинской знати погасла одна из самых ярких звезд.

Тятя не уронила ни слезинки по Удзисато Гамоо, но горькое чувство утраты – нет, не скорби, а именно потери – осталось с ней навсегда, и с каждым новым испытанием, уготованным ей судьбой, оно, утихшее было, отдавалось в сердце острой болью.

В конце восьмого месяца Хидэси провел пять дней в замке Фусими. С тех пор как уладилась проблема наследования, тайко, казалось, тоже слегка повеселел. Однако даже после того, как все закончилось, ни он, ни Тятя не заговаривали об этом деле, оставившем у обоих в душе неприятный осадок.

Во время пребывания в Фусими Хидэси поделился с Тятей своим намерением устроить третий брак Когоо, на этот раз с Хидэтадой, законным сыном Иэясу Токугавы.

– Сколько лет господину Хидэтаде? – полюбопытствовала Тятя.

– Понятия не имею, – пожал плечами Хидэси, – но Когоо определенно старше его. Ты считаешь это препятствием?

Когоо в ту пору было двадцать три, ее будущему супругу – семнадцать.

У Тяти не было причин противиться этому союзу, даже наоборот – брак ее младшей сестры с сыном Иэясу представлялся благом, поскольку мог обеспечить Хирохи поддержку могущественного полководца, который долгое время противостоял власти Хидэси, но в конце концов поклялся ему в верности. Как раз на это старый тайко и рассчитывал. Когоо приходилась родной теткой его сыну, и он намеревался извлечь из этого обстоятельства всю возможную пользу.

Но у Хирохи была еще одна тетка, Охацу, супруга Такацугу Кёгоку. Сразу после разговора о Когоо речь зашла и о ней.

– А не перевести ли мне любезного Такацугу из Хаимана в Оцу? – задумчиво спросил Хидэёси.

Теперь, когда Удзисато Гамоо покинул подлунный мир, Такацугу Кёгоку остался единственным Тятиным другом, способным оказать ей поддержку. Отношения у них всегда были сложными, но в одном Тятя не сомневалась: в случае опасности Такацугу непременно станет союзником Хирохи, поэтому мысль о том, что он из уездного князька с доходом в двести восемьдесят тысяч коку превратится в более влиятельного даймё Оцу, она нашла вполне удачной.

Хидэёси незамедлительно поставил Иэясу в известность о своем желании выдать Когоо за Хидэтаду, и вассалу, недавно присягнувшему на верность тайко и его наследнику, ничего не оставалось, как покориться воле своего господина.

Дней через десять после той беседы с Хидэёси Тятя оповестила о намерениях тайко саму Когоо, переехавшую жить в Фусими. Младшая сестра подняла к ней бесстрастное лицо, на котором не отразилось ни радости, ни гнева.

– Я сделаю все, что пожелаете. Моя жизнь закончилась со смертью дочерей пять лет назад, – проговорила она.

Я буду очень рада, если ты согласишься на этот брак, Когоо, – осторожно сказала Тятя, стараясь не задеть чувства сестры.

– О моем согласии или несогласии не может быть и речи, – спокойно произнесла Когоо. – Я просто покорюсь вашей воле, как в прошлый раз.

Тем не менее она спросила, продемонстрировав тем самым легкое любопытство, о возрасте своего будущего супруга. И рассмеялась, услышав ответ. Тятя уже много лет не видела, как сестра улыбается.

– Мои мужья все молодеют и молодеют! Третьему семнадцать, а четвертый, надо думать, будет обмениваться со мной брачными чарками, сидя в колыбели! – фыркнула Когоо и, когда Тятя упрекнула ее в неподобающем поведении, пожала плечами: – Но ведь двое моих супругов погибли жестокой смертью.

Было очевидно, что она уже не надеялась избавиться от этого проклятия.

Тятя смотрела на сестру и не узнавала ее. В детстве Когоо была угрюмой невзрачной девочкой, самой некрасивой из трех княжон Асаи, говорила мало, никогда ни на кого и ни на что не обижалась. Теперь она стала совсем другой. Перенесенные страдания сообщили чертам невыразительного лица необъяснимую печальную прелесть, и эти внешние изменения безусловно свидетельствовали о внутренней метаморфозе. Детской беспечности и эгоистичного равнодушия к окружающим как не бывало, Когоо обрела глубокое видение вещей, превратилась в отстраненного, но внимательного наблюдателя, в ней появилась какая-то ледяная, разящая наповал, как меч, цельность.

Третья свадьба двадцатитрехлетней вдовы с семнадцатилетним юношей состоялась в замке Фусими. Хидэтада, несмотря на нежный возраст, уже снискал славу отважного воина с твердым характером, да и внешностью отличался весьма представительной. Гости, под одобрительными взглядами которых жених и невеста обменялись чарками, заключив тем самым брачный союз, нашли, что пара получилась ладная. Рядом со статным супругом Когоо держалась робко, словно юная девственница. На следующий день после церемонии ей предстояло отправиться в путь к землям клана Токугава, и Тятя в третий раз проводила сестру к воротам замка и к новой жизни.

Садясь в паланкин, Когоо обернулась:

– Наша покойная матушка была замужем два раза, а я вот в третий выхожу...

– Возможно, в третьем браке наша матушка обрела бы свое счастье, – отозвалась Тятя.

Она искренне верила в свои слова.

Вскоре после свадьбы Когоо Такацугу покинул вотчину в Хатимане и вступил во владение пожалованным ему Хидэёси княжеством Оцу с доходом в шестьдесят тысяч коку. Тятя отправила супругам Кёгоку дары по случаю этого благого события и в тот же день – должно быть, их гонцы промчались друг мимо друга по дороге – получила от сестры послание, преисполненное благодарности за новое назначение мужа. Охацу также сообщала, что снова ждет ребенка.

В одиннадцатом месяце того же года Хидэёси отправился в Киото на официальный прием у императора, но жесточайший кашель заставил его вернуться в Фусими и лечь в постель. Он метался в жару и не мог принимать пищу. Тятя самоотреченно ухаживала за своим господином, дни и ночи напролет проводила у его изголовья. Всего за несколько дней болезнь до неузнаваемости искажила лицо могущественного полководца, он совершенно исхудал и ослаб. Глядя на его ввалившиеся щеки и запавшие глаза, Тятя думала, что ему уже не встать на ноги. Сердце терзала тревога: если тайко умрет, что будет с ней и с ее сыном? Хидэцугу им уже не опасен, но малолетний Хирохи еще не объявлен официальным наследником дома Тоётоми.

«Хидэёси должен выжить во что бы то ни стало, – сказала себе Тятя. – И как только он поправится, я добьюсь от него проведения церемонии совершеннолетия и прилюдного наречения Хирохи наследником». Она заказала молебны о выздоровлении Хидэёси во всех синтоистских святилищах окрестностей Киото – в Гионе, Китано, Атаго, Камо, Киёмидзу, Касуге, в храме Хатимана... Одновременно, словно из чувства соперничества, Госпожа из Северных покоев добилась великой милости от императора: по его повелению главный придворный жрец должен был в течение семнадцати дней молиться за здоровье тайко в Сэйрэнин.

При иных обстоятельствах подобный поступок законной супруги Хидэёси вызвал бы у Тяти великое неудовольствие, однако в тот момент речь шла о спасении тайко, и она понимала, что здесь все средства будут хороши, нельзя презреть никакую помощь, лишь бы больной встал на ноги.

Тайко провел в постели двадцать дней, и с восходом двенадцатой луны его состояние улучшилось. Едва он достаточно окреп, чтобы сидеть на постели, тотчас велел позвать своего обожаемого трехгодовалого сына и хотел заключить его в объятия, но Тятя, опасаясь, что любая, даже самая легкая, хворь может пристать к выздоравливающему и вызвать осложнения, сослалась на запрет лекаря и не разрешила Хирохи приближаться к отцу. Она с жалостью наблюдала за своим господином – тот издали жадно пожирал глазами сынишку, которого слуги выводили на энгаву, и громко разговаривал с ним. Это был уже не могущественный властелин, а всего лишь немощный старик, чье осунувшееся лицо было изуродовано приближением смерти.

Осознав, с каким равнодушием она теперь смотрит на человека, который раньше волновал ее кровь, Тятя сама себе подивилась. Впрочем, ничего странного в этом не было: любовь, которую раньше дарил ей Хидэёси, теперь принадлежала только его сыну, точно так же и Тятино чувство к старому полководцу переродилось в безоглядную материнскую нежность к Хирохи.

Однажды, когда Хирохи, как обычно, играл на энгаве, а Хидэёси поглядывал на него с постели, Тятя сказала:

– Я счастлива вашему выздоровлению, мой господин, но, если вдруг настанет черный день и с вами что-нибудь случится, что будет с вашим маленьким сыном?

– Ох, перестань! Не говори мне больше об этом! – воскликнул Хидэёси с таким смущенным видом, будто испытывал стыд за то, что доставил Тяте столько хлопот. – На новогодних празднествах я заставлю вассалов дать новую клятву в верности.

– Разве одной недостаточно?

– В таком деле очень важно повторение. Лучше запомнят, в чем поклялись.

– И это единственное, что вы намерены предпринять?

– Это все, что в моих силах. Ему только три года.

Когда Хирохи исполнится полных четыре года, он, отец, возможно, сумеет добиться присвоения ему титула наследника дома Тоётоми и проведения по этому случаю официальной церемонии, однако никакого военного ранга, который со временем обеспечил бы ему реальную власть, в столь юном возрасте за Хирохи никто не признает.

Тятя была очень недовольна, но ведь прибавить сыну лет она не могла. Хидэёси задумался и вдруг заявил:

– Я представлю Хирохи императору! – И повторил еще раз, словно решение ему чрезвычайно понравилось: – Ну конечно – представлю его императору!

Тятя не вполне поняла, какую пользу они смогут из этого извлечь, но она готова была согласиться на все, что хоть немного поможет Хирохи в будущем.

В двадцать третий день первой луны 1-го года Кэйтё¹⁰⁰ даймё из разных провинций по приказу Хидэёси снова присягали в верности наследнику дома Тоётоми. Клятву подписали и пятеро высокопоставленных чиновников, ближайших соратников тайко, – Мицунари Исида, Нагамори Масуда, Гэнъи Маэда, Нагамаса Асано и Масаиэ Нацука. Содержание клятвы почти не отличалось от того, что было оглашено в седьмую луну минувшего года, то есть сводилось к обету хранить верность Хидэёси и его сыну Хирохи при любых обстоятельствах.

Вскоре после этого было торжественно объявлено о визите Хирохи ко двору. Визит должен был состояться в пятую луну, так что на приготовления оставалось три месяца. Разумеется, присвоение придворного ранга ребенку само по себе являлось большой честью, но помимо этого представление Хирохи ко двору должно было дать надежную основу его будущей власти – власти, которой пока еще не на что было опереться. Именно с этой целью Хидэёси и затеял торжественную церемонию вступления сына в чертог Небесного государя, а посему ритуал надлежало провести с величайшим размахом, дабы в конце концов добиться всеобщего признания могущества наследника тайко.

В начале пятой луны Хидэёси, совершенно оправившийся от болезни, отбыл в свою резиденцию в Киото – хотел лично проследить за последними приготовлениями. Даймё со всех концов страны уже съехались в столицу попричастствовать на торжественной церемонии.

В назначенный день Хирохи в окружении свиты покинул замок Фусими. От киотоской усадьбы Гэнъи Маэды, который должен был принять у себя мальчика на время его пребывания в столице, их отделяли восемьдесят восемь ри, но обочины дороги на всем протяжении этого долгого пути были черны от столпившегося там народа – столько людей пришли поглазеть на процессию. На расстоянии десяти кэнов друг от друга по обеим сторонам дороги, огражденной занавесями, стражу несли конные самураи.

Процессия, обдуваемая теплым весенним ветерком, продвигалась вперед неспешно. Первыми в два ряда выступали вассалы низшего ранга с тремя сотнями ларцов, мечами, пиками и ружьями – подношением императору. Все как один были в алых накидках-дзимбаори и при оружии. За ними бежали собаки в попонках из китайской парчи, запряженные в маленькие повозочки с дарами. Далее следовали пять десятков юношей не старше пятнадцати лет, после них – вереница паланкинов, и только потом Хирохи, важно восседавший на руках у няньки в открытых, богато украшенных носилках, выделявшихся на фоне остальных паланкинов. За паланкинами придворных дам наставники вели малолетних детей даймё, разодетых в пух и прах, старшим не исполнилось и десяти. Замыкали шествие ближайшие вассалы Иэясу Токугавы и Тосииэ Маэды.

Сами Тосииэ и Иэясу, оба в седле, проводили в тот день Хирохи со свитой до храма Тофуку. На Иэясу поверх парадного кимоно были ярко-синяя накидка-хаори и церемониальные хакама из алого шелка. Тосииэ щеголял в черных атласных одеждах.

¹⁰⁰ 1596 г.

За мостом Годзё Хирохи продолжил путь на руках у няньки, которая теперь шла пешком в окружении знатных женщин. Так они и вступили в Киото под жадными взглядами зевак, толкавшихся и наступавших друг другу на ноги в стремлении получше разглядеть будущего наследника дома Тоётоми.

Хидэёси и с ним еще пятьдесят всадников встретили процессию у моста Сандзё и вместе с участниками шествия направились к усадьбе Гэнъи Маэды.

На следующий день, тринадцатого числа пятой луны, отец и сын вошли в чертог Небесного государя в сопровождении свиты еще более пышной, чем накануне.

Паланкин, в котором восседал наследник тайко, являл собой истинное произведение искусства, расписанное лаком, инкрустированное серебром и золотом, а велик он был настолько, что в нем смогли свободно разместиться несколько человек: Хидэёси, Хирохи на коленях у няньки и еще Тосиэ Маэда с супругой. Иэясу Токугава и прочие воины выступали следом. Все высшие чины, сопровождавшие вельможное дитя, в том числе Иэясу и придворные советники, сидели в лакированных паланкинах поменьше, прочие, в доспехах, длинных накидках и высоких шапках-эбоси, скакали следом верхом. Процессия являла собой невиданной красоты зрелище.

По прибытии в императорский дворец тайко поднес его величеству от имени Хирохи два священных меча, тысячу серебряных монет, отрезки драгоценных тканей, двадцать лебедей и алоэ, а также сделал подарки принцам, придворным дамам и налоговницам. Все придворные вельможи получили серебряные монеты.

Небесный государь подарил Хирохи чашу и пожаловал ему пятый придворный ранг.

Пятнадцатого числа Хидэёси снова отправился в императорский дворец с визитом благодарности, и в тот день, равно как и семнадцатого числа, при дворе был дан спектакль театра Но, в котором сам тайко сыграл одну из второстепенных ролей. Торжественная церемония представления Хирохи ко двору закончилась. Вечером после второго спектакля театра Но Хидэёси с сыном вернулся в Фусими. Двадцать пятого числа туда явились императорские посланники с благопожелательными письмами и дарами, которые тайко не смог принять на Новый год по причине болезни. Случаем воспользовались и многие даймё, а также коменданты крепостей, не сумевшие поздравить своего господина вовремя, так что на пиру в честь прибывших вельмож былолюдно. Почетные места среди гостей занимали Иэясу Токугава, Тосиэ Маэда, Кагэацу Уэсуги и Такакагэ Кобаякава.

Тятя тоже присутствовала в зале, сидела рядом с Хидэёси, пока он принимал благопожелания от собравшихся, и вдруг запечалилась, подумав о том, что среди знатных воинов на этом пиру нет Удзисато Гамоо. Будь он в живых, все равно, наверное, не смог бы приехать, поскольку земли, находившиеся на его попечении, лежали далеко от Фусими. Он и в былые времена нередко пропускал шумные празднества. Не было его на пиру в честь взятия Одавара, не заглядывал он ни в Осаку, ни в Ёдо, не показывался на приемах, которые устраивались цветом воинского сословия. Кабы владения Удзисато располагались поближе к Осакскому замку и Киото, он непременно занимал бы на пирах одно из самых почетных мест подле зрелых воинов самых высоких рангов, рядом с Иэясу Токугавой и Тосиэ Маэдой. Но Тятя ни разу не видела его среди гостей.

От грустных мыслей мучительно зануло сердце, стало трудно дышать. Тятя не могла столь внезапно покинуть официальное празднование и лишь позволила себе упереться дрожащей рукой в пол, склонившись вперед. Посидела так немножко, опустив глаза, отчаянно стараясь справиться с болью в груди. Когда она выпрямилась, подняла голову, сердце уже отпустило, боль ушла так же внезапно, как и нахлынула. Разум снова прояснился, и она задумалась вдруг, уж не по своей ли воле Удзисато Гамоо выбрал для себя судьбу изгнанника в дальних землях и не остался даже на пир по случаю взятия Одавара? Ведь среди знатных полководцев наверняка немало было таких, кто завидовал его молодости, отваге, самообладанию, а

потому боялся... Если хорошенько поразмыслить, то внезапная смерть Удзисато Гамоо выглядит весьма подозрительно... Но кто мог бояться Удзисато? Без сомнения, Иэясу Токугава. И конечно же Тосииэ Маэда, да и все остальные... Тятя задумчиво скользила взглядом по лицам воинов, сидевших в зале собраний. Взгляд остановился на профиле Хидэёси, и сердце вновь пронзила боль. Тятя поспешно отвела глаза. Потом смежила веки, подумав о том, что и сам тайко должен был испытывать страх перед растущим могуществом Удзисато Гамоо. Быть может даже, тайко боялся его больше всех именно потому, что сам выпестовал в нем талант полководца и знал его лучше, чем другие воины...

Когда пир подошел к концу, Тятини подозрения развеялись. Теперь она даже находила странным, что подобные мысли могли прийти ей в голову.

И все же впоследствии, на протяжении всей своей жизни, она то и дело возвращалась к двусмысленным обстоятельствам гибели одаренного полководца, только вступившего в возраст силы,¹⁰¹ вспоминала мужчину, к которому некогда питала глубочайшую привязанность. И каждый раз ее начинали одолевать сомнения, от них кружилась голова и замирало сердце – верные признаки того, что предчувствие, посетившее ее тогда, на пиру, было верным, интуиция не обманула. А потом сомнения отступали и Тятя приходила в недоумение: что за демон навел на нее морок, откуда взялись эти дурацкие мысли, отчего позволяет она так разыграться своему воображению?

После запоздалого празднования Нового года Тятя немало времени потратила на то, чтобы разобрать дары, доставленные вместе с благопожелательными письмами. В замке Фусими несколько покоев были завалены отрезами шелка, китайской парчи, льна и прочими подношениями. Хидэёси, Тятя и нянька с Хирохи на руках обходили залы один за другим, любясь дарами.

В начале лета Хирохи отвезли в Осакский замок. Разлука опечалила Тятю, но она знала, что нужно смириться и думать о будущем сына. Если ему суждено в один прекрасный день стать хозяином Осаки, пусть живет там. Тятя сразу дала Хидэёси согласие на переезд.

В семнадцатый день двенадцатой луны Хирохи получил взрослое имя – Хидэёри. По этому случаю в Осаку явились императорские посланники. Его величество пожаловал Хидэёри меч и пятьдесят штук китайской парчи. Принц крови, придворные вельможи и даймё со всех провинций прибыли с поздравлениями и подарками. Тятя воспользовалась возможностью повидаться с сыном и тоже приехала в Осаку. Там она, впервые за несколько месяцев сидя рядом со своим мальчиком, полюбовалась величественными танцами актеров театра Но на сцене, специально устроенной во внутренних покоях замка.

Таким образом в различных формах был подтвержден статус Хирохи как наследника дома Тоётоми: он удостоился придворного ранга и принял взрослое имя, даймё поклялись ему, четырехгодовалому малышу, в верности. Его мать была бы совершенно счастлива, кабы не одно печальное обстоятельство: сын отныне княжил в Осакском замке, вдали от нее, подле Госпожи из Северных покоев. Поэтому как только Хидэёси прибыл в Фусими, Тятя под предлогом того, что воздух Осаки пагубно сказывается на здоровье ребенка – у него со дня переезда несколько раз поднималась температура, – потребовала, чтобы тайко построил сыну личную резиденцию где-нибудь поближе к Киото. Когда речь заходила о ребенке, Хидэёси неизменно терял здравый смысл и превращался в ополоумевшего от любви отца, так что и на сей раз он даже не подумал спорить с Тятей.

– Говоришь, Хидэёри нужна резиденция? Гмм, в будущем году ему исполнится пять лет и мы проведем церемонию надевания хакама.¹⁰² Собственный маленький замок ему очень даже

¹⁰¹ Имеется в виду сорокалетие.

¹⁰² То есть церемонию совершеннолетия. В самурайском сословии она часто проводилась в очень раннем возрасте.

не помешает, – благосклонно покивал тайко, убежденный в том, что ни одна из уже готовых окрестных цитаделей не будет хороша для его сына.

Замысел воплотился в жизнь в начале нового года. О строительстве резиденции для наследника дома Тоётоми было с помпой объявлено при дворе.

На подступах к императорскому чертогу расчистили огромный участок земли. Домишки ремесленников и купцов снесли, почву сровняли, и в шестом месяце все было готово для возведения маленького дворца. Все даймё Канто получили приказ содействовать строительству, которое отныне шло денно и нощно. К девятой луне новая резиденция Хирохи была готова на три четверти.

Тайко, получив доклад о том, что скоро работы будут закончены, седьмого дня девятой луны распорядился перевезти сына из Осаки в Фусими, где тому предстояло дожидаться завершения строительства. Хидэёси собирался разместить мальчика в новой резиденции без промедления. Тяте же наконец-то выдался случай побыть с сыном, которого она так давно не видела.

Двадцатого числа тайко лично осмотрел готовую резиденцию и назначил переезд на двадцать шестое. Придворная знать и даймё были приглашены на празднование новоселья. Двадцать седьмого числа, сразу после того, как Хидэёри вступил во владение маленьким дворцом, тайко вместе с ним явился ко двору, где должна была состояться церемония совершеннолетия. Государь повысил Хидэёри, пожаловав ему четвертый придворный ранг, и назначил десятником императорской гвардии.

Обо всех этих событиях незамедлительно докладывалось Тяте, которая осталась в Фусими. Осень уже хорошо потрудилась в замковых садах. Тятя сидела на энгаве, любуясь красными листьями. Ей казалось, что она жила, любила и страдала только ради этого дня. Впервые за долгое время она вспомнила свою матушку, госпожу О-Ити, и вдруг расплакалась, и сама не знала отчего. Слезы безудержно катились по щекам. Ребенок, в жилах которого течет кровь Асаи, удостоился таких почестей, такого высокого положения, что его принимает у себя во дворце сам Небесный государь. Она, Тятя, стала наложницей убийцы ее собственной семьи, но сегодня ее маленький Хидэёри, потомок Асаи, сделался полноправным наследником дома Тоётоми, и настанет день, когда его власть распространится над всей империей. Госпожа из Северных покоев, законная супруга Хидэёси, и его многочисленные наложницы вдруг представились Тяте особами столь незначительными, что она недоумевала, как можно было когда-то питать к ним лютую ненависть – они того просто не заслуживали.

В сопровождении трех свитских дам Тятя безмятежно прогулялась по саду и поднялась на холм, с вершины которого открывался вид на Удзигаву, серебристой змейкой петлявшую по синим долам. Тятя посмотрела туда, где когда-то возвышался замок Ёдо, ныне сровнявшийся с землей. Деревья, шумевшие на склоне, застили обзор, но она глаз не могла отвести от дальних высот, потонувших в голубой дымке. Ёдо осталось для нее местом, преисполненным грустных воспоминаний. Она во что бы то ни стало хотела завладеть собственным замком в пику Госпоже из Северных покоев и добилась своего от Хидэёси.

Там она дала жизнь Цурумацу, там же потеряла его. И теперь призрак замка Ёдо навевал на нее мучительную тоску.

В тот день Тятя поняла еще одну важную вещь: Фусими тоже лишился для нее бывшего значения. Здесь она могла чаще видаться с тайко, который в ее обществе забывал о других наложницах и законной жене, но и сам Хидэёси теперь утратил в ее глазах всю свою привлекательность. Отныне она мечтала жить в окрестностях столицы – поближе к сыну.

Несколько дней спустя тайко нанес ей визит, и Тятя поделилась с ним своими чаяниями. Он, похоже, обрадовался при мысли, что ему придется навещать Тятю в Киото, вместо того чтобы тратить время на поездки в Фусими.

– Раз уж тебе захотелось пожить в столице, надобно отправить тебя туда поскорее. Мне и самому не по душе, что за Хидэёри присматривают одни лишь слуги да няньки. Я бы предпочел, чтобы он находился в заботливых руках матери.

Еще через несколько дней Тятя покинула Фусими и разместилась в новой резиденции сына в Киото.

VIII

2-й год правления под девизом Кэйтё¹⁰³ выдался богатым на события. Тайко не только выстроил новую резиденцию для Хидэёри и пышно справил новоселье сына, но и предпринял очередной поход на Чосон. Триста тысяч воинов переправились за море, высадились на Корейском полуострове под предводительством Хидэаки Кобаякавы и Ниёсуя Куроды, изготовились к триумфальному шествию вперед.

На сей раз тайко отдавал приказы из Киото, Осаки или Фусими, куда каждый день прибывали вестовые с фронтовыми сводками. На юге, в прежней ставке главнокомандующего, он не появлялся.

Тяте казалось, что эта война вдохновляет Хидэёси уже не так, как предыдущая. Ей больно было думать о кровопролитных сражениях с чужеземной армией по ту сторону моря, и она чувствовала, что теперь Хидэёси руководит войсками совсем иначе. Он растерял все свое хладнокровие, решения принимал порывисто, под влиянием сиюсекундных эмоций. Вести о победах приводили его в безмерное ликование, а узнав о том, что наступление на каком-то участке захлебнулось и противник начинает брать верх, он погружался в пучину дурного настроения и принимался почем зря ругать всех своих полководцев, не имея в виду никого конкретно.

После 2-го года Кэйтё тень старости сгустилась над Хидэёси, тяжким бременем легла на его плечи. Любовь к сыну начала принимать устрашающие формы, он окружил Хидэёри чрезмерной заботой, без усталости тетешкал и баловал его, не отпускал от себя ни на шаг. Создавалось тягостное впечатление, что лишь присутствие сына сообщает смысл жизни дряхлеющего тайко.

Тятя наблюдала за его причудами с полнейшим равнодушием – у нее не было причин жаловаться на то, что старик питает к сыну болезненное обожание и готов ради него разбиться в лепешку, но порой такое поведение могущественного полководца вызывало у нее досаду. Нынешний Хидэёси не имел ничего общего с тем грозным и величественным воином, который твердой поступью вел свои войска на север в день оглушительной победы над Тятиным отчимом, Кацуиэ Сибатой. С тех пор минуло четырнадцать долгих лет, и сияние славы, увенчавшее некогда Хидэёси в ее глазах, безнадежно померкло.

В первую луну 3-го года Кэйтё¹⁰⁴ тайко предложил Тяте сопровождать его весной в Дайго,¹⁰⁵ на любование цветущей сакурой. «Охотно составила бы вам компанию, но тогда мне придется бросить маленького господина Хидэёри без присмотра», – могла бы ответить Тятя, которая в последнее время все больше старалась увиливать от приглашений на пиры у даймё и чайные церемонии; упоминание о благе Хидэёри тотчас побуждало тайко брать свои слова назад и оставлять наложницу в покое. Однако на сей раз Тятя согласилась. Она давно уже слышала восхищенные отзывы о красотах Дайго, и ей хотелось взглянуть на знаменитые вишневые сады. К тому же Хидэёси собирался взять сына с собой – возможность побыть в тесном семейном кругу Тятю тоже привлекала.

Но, к ее удивлению, вскоре выяснилось, что у тайко были более масштабные замыслы. Он собирался превратить любование цветами в грандиозное празднество.

Девятого дня второй луны Хидэёси собственной персоной явился в монастырь Дайго, дабы обозреть будущее место событий и отдать распоряжения о починке всех обветшавших построек на территории храмового комплекса. Затем, шестнадцатого числа, он снова причался туда с проверкой и велел заодно возвести роскошный зал приемов, расширить пло-

¹⁰³ 1597 г.

¹⁰⁴ 1598 г.

¹⁰⁵ Дайго – горная местность, славящаяся вишневыми садами. Находилась в старые времена в окрестностях Киото, ныне – в черте города.

щадку для церемоний, ускорить ремонтные работы, а также подлатать и без того добротню отстроенные пагоду и центральные ворота.

Двадцатого числа Хидэёси прибыл в Дайго в третий раз и поднялся на вершину горы, нависавшую над площадкой для церемоний, – предполагалось, что именно оттуда гости будут любоваться цветущими садами, и он счел своим долгом удостовериться в великолепии открывавшегося вида.

Рвение, проявленное тайко при подготовке празднества, всех повергало в изумление. Двадцать третьего и двадцать восьмого числа неугомонный старик снова был в Дайго. На третий день третьей луны опять приехал туда. Не усидел в своих покоях и одиннадцатого числа, а четырнадцатого, накануне даты, назначенной для общего сбора, нанес в горный монастырь последний, контрольный визит. Тятя уже поняла, что любование цветами в этом году будет сильно отличаться от скромной семейной прогулки, но и не подумала упрекать Хидэёси.

Разлетелся слух о том, что самураи, вооруженные луками и ружьями, будут нести стражу на подступах к храму Трёх Просветленных, главному храму Дайго, и что в долинах, на окрестных холмах и берегах рек царит невиданное оживление – строятся чайные павильоны, где смогут отдохнуть даймё, которые съедутся из Осаки, Фусими и Киото, дабы присоединиться к процессии паланкинов тайко и его свиты.

Хорошая погода, державшаяся все время приготовлений, тринадцатого числа внезапно испортилась – полил дождь, разгулялся порывистый ветер. На следующий день ветер улегся, да и ливень поутих, но небо все еще грозно хмурилось. На пятнадцатый день третьей луны наконец распогодилось, выглянуло солнце, к огромному облегчению организаторов празднества. Тайко со свитой покинул Фусими рано утром, в час Зайца, и отправился в Киото. Там, у резиденции Хидэёри, к нему присоединились остальные приглашенные, после чего процессия паланкинов, окруженная внушительным эскортом конных воинов, двинулась к Дайго. Несмотря на звон оружия и отблески доспехов, в пути царили мир и благодать, подобающие людям, которые настроены на любование цветущей сакурой.

Паланкин, возглавивший процессию, занимала Госпожа из Северных покоев, за ней несли даму Сандзё. Третьим в веренице был паланкин дамы Кёгоку, в четвертом сидели тайко и его сын. Тятя следовала сразу за ними, далее – дама Кара. Охрана Тятиного паланкина была поручена Сюго Киносите, Камону Исиваре и их верным вассалам, свита ее, состоявшая из придворных дам, была весьма многочисленна.

В дороге Тятя то и дело откидывала полог, но впереди рассмотреть ничего не могла за спинами всадников, сопровождавших паланкин тайко и Хидэёри; по бокам окрестные пейзажи заслонял ее собственный эскорт, а позади напирали воины, охранявшие даму Кагу.

За Ямасиной дорога разветвлялась. Горы были уже совсем близко, а в местных деревеньках то здесь, то там бушевало бело-розовое море цветущих вишен.

У храма Трёх Просветленных в Дайго большая часть эскорта развернулась и пустилась в обратный путь, а гостей встретили другие воины. Между главными воротами монастыря и воротами храма, возле которых стражу несли две статуи демонов, простиралось обширное пространство – площадка для церемоний, обсаженная вишнями в цвету. По обеим сторонам дороги полоскались на ветру белые и алые занавеси, над которыми сплетались черные ветки в белой пене лепестков.

Процессия вступила в гостевые покои храма Трёх Просветленных, дабы отдохнуть немного после долгого пути. Там, на территории храма, тоже повсюду цвели вишни. В дзэнском садике звенели ручьи, петляя меж декоративных скал и камней. Супруге и наложницам Хидэёси, а также свитским дамам были предоставлены отдельные покои для предусмотренного по случаю празднества переодевания.

Через час все собрались у входа в храм. Женщины щеголяли в роскошных нарядах, соперничая друг с другом в изяществе. Тятя испытала странное чувство, оказавшись в окруже-

нии давних соперниц, – здесь присутствовали Госпожа из Северных покоев, дама Сандзё, дама Кага, дама Кёгоку и еще много-много наложниц; все стояли поодаль друг от друга, среди своих фрейлин и прислужниц, всех было не узнать с первого взгляда в сказочной красоте одеяния.

Тайко, его законная супруга и юный наследник, равно как и армия домочадцев Тоётоми в полном составе, начали восхождение на гору, чтобы с ее вершины насладиться волшебным зрелищем. А Тятя все гадала, что же заставило Хидзёси устроить такое помпезное празднество, пригласить ближних и дальних родственников, тьму-тьмушую знатных особ. Раньше ничего подобного ему и в голову не приходило. До сих пор тайко стоило немалой крови держать в подчинении всех своих женщин, гасить ссоры, улаживать размолвки, не допускать открытого соперничества; он до смешного внимательно следил за тем, чтобы в одном месте не сталкивалось больше двух наложниц, и вдруг его посетила блажь собрать их всех до единой и вместе отправиться на любование цветущей сакурой! Но вскоре смутные подозрения развеялись как дым. Тятя поняла, что тайко просто-напросто хочет, чтобы как можно больше людей разделили его радость, посмотрели, как он любит цветущей вишней вместе с сыном. Несомненно, именно это желание и побудило его взять с собой законную супругу и многочисленных наложниц. И Тятя вдруг еще острее ощутила свое превосходство над этими женщинами. До появления на свет Хидзёри лишь сознание собственного высокородства придавало ей сил в жестокой борьбе с другими наложницами, теперь же все изменилось. Быть матерью наследника тайко – при мысли об этом она чувствовала, как сердце замирает от гордости.

Процессия неспешно продвигалась вперед. Позади остались пятаярусная пагода и женский буддийский монастырь. Дальше тропа круто забирала вверх, по обеим сторонам ее шумели бамбуковые заросли.

Тятя время от времени останавливалась и оглядывалась на маленького Хидзёри, который, цепляясь за отцовскую руку, топал по тропе чуть позади. Шестилетний мальчик был чудо как хорош в нарядном кимоно. Как только попадался более или менее ровный участок дороги, Хидзёри пускался вприпрыжку, и старый отец с трудом поспевал за ним, кряхтя и задыхаясь. В окружении юного наследника то и дело колокольчиком звенел женский смех, раздавались возгласы умиления.

Подле замшелого каменного мостика стараниями самурая из клана Масуды недавно был возведен чайный павильон. Жена самурая в старинных одеждах – алой накидке и светло-зеленом кимоно – вышла навстречу гостям. Она взяла Хидзёси за руку и повела в павильон. Там тайко отведал несколько чашечек чаю, остальные освежались бодрящим напитком, расположившись на траве. Лишь Госпожа из Северных покоев с фрейлинами продолжила восхождение к вершине, не сделав передышки. Ее поведение поразило Тятю – можно подумать, статус законной супруги давал этой женщине право относиться с пренебрежением к самому тайко!

Все наложницы были с дамой Ёдо весьма почтительны и держались в нескольких шагах позади нее. Тяте в тот день впервые за долгое время довелось столкнуться с дамой Кагой, и та, вопреки ожиданиям, всякий раз опускала глаза, встретив ее взгляд, как будто выказывала искреннее уважение. На фоне прочих наложниц юность и красота дамы Каги привлекали взоры. Ее лицо, еще недавно являвшее собой ледяную маску, воплощение высокомерия и суровости, теперь сделалось нежнее, щеки округлились, смягчив выражение и черты.

Дама Кёгоку, кухня и добрая подруга Тяти, вела себя на любовании цветущей вишней совсем как преданная служанка матери наследника Тоётоми. Ее поведение по отношению к Тяте стало еще сдержаннее, манера говорить – еще почтительнее. В нежном личике Тасуко, которое так и светилось добротой, Тятя увидела странное очарование, трудно уловимое с первого взгляда, но куда более притягательное, чем прелесть юной Омаа.

Дама Кёгоку все время норовила остаться в самом хвосте процессии. В час отбытия из Киото ее паланкин несли перед паланкином тайко, однако, когда началось восхождение к вершине, Тасуко пропустила вперед всех наложниц. После чаепития у павильона самурая из клана

Масуда Тятя сделала кухне знак занять место рядом с ней, но дама Кёгоку ответила на это смущенной улыбкой и замедлила шаг.

Тятя, раздосадованная ее робостью, произнесла приглашение вслух:

– Мы так долго не виделись, прошу вас, присоединяйтесь ко мне. – Она не понимала, почему высокородная дама Кёгоку идет, точно какая-нибудь простолюдинка, позади других наложниц.

Второй чайный павильончик стоял в роще криптомерии на берегу шустрой горной речушки, в которой резвились караси и карпы. Третья остановка была сделана в роскошных чайных покоех, где всем знатным особам хватило места.

Четвертый чайный домик тоже оказался настоящим дворцом. Возведен он был стараниями самого Юэмона Масуды в пяти те¹⁰⁶ над подножием горы. Пятый, построенный Токудзэном, высился в окружении множества маленьких павильонов различных стилей, где расположились на отдых все участники процессии без исключения. Так, освежаясь время от времени чаем в домиках, сооруженных на всем протяжении дороги, процессия медленно продолжала путь к вершине горы Дайго.

Наконец все вышли на плато, с которого открывалась удивительная панорама. Весеннее солнце, нырнувшее было за тучи, снова выглянуло, пролило на землю теплые струи света. Десятки придворных дам, прислужниц и ближайших вассалов тайко дожидались там прибытия участников праздника. На плато тоже цвели вишни; лепестки, облепившие неподвижным белым кружевом черные ветви, перекрещенные под синим небом, были здесь белее, чем в храмовых садах у подножия.

Среди деревьев стояли павильоны для чайной церемонии, гостей ждали изысканные яства, поданные прямо на траве. Пирующие переходили с одного места на другое, любуясь морем цветов, слуги подавали наилучшее сакэ из Кара и Хакаты, было тут и восхитительное рисовое вино, приготовленное монахами из Нары, и знаменитые напитки из самых разных провинций. Кукольники, уже и раньше развлекавшие знатную публику во время остановок в чайных павильонах, снова начали представление Бунраку¹⁰⁷ на плато.

Тятя сидела на циновках в окружении своих придворных дам и наслаждалась праздником. Вдруг ветер неведомо откуда принес звон множества колокольчиков, едва различимый в веселом многоголосье гостей. Тятино сердце преисполнилось странным волнением, она давно потеряла из виду Хидзэси с сыном и уж было подумала послать на поиски служанку, как вдруг заметила, что гости здесь и там расступаются, освобождая дорогу стайке юных прислужниц – у каждой в руке был колокольчик, каждая звенела в ритме шагов и звонко смеялась. В стайке девушек Тятя разглядела тайко и Хидзэри, тоже с колокольчиками. У одной прислужницы была повязка на глазах. Выставив вперед ладошки, девушка бежала на звон колокольчика, пытаясь поймать кого-нибудь из участников игры в жмурки. Тятя с улыбкой наблюдала за игрой и не могла отвести взора от сына. Девушка в повязке как раз бросилась догонять маленького Хидзэри. Тот вдруг остановился на миг, огляделся и, увидев мать, припустил к ней, совсем позабыв об игре.

Тятя смотрела на сына, бегущего к ней под сводом вишневых веток в цвету. Мальчик что-то весело кричал, но она не разбирала слов за вспышками смеха и разговорами вокруг. Расстояние между ней и сыном быстро сокращалось, и сердце сладостно замирало – до того она была счастлива. Вдруг на ум ей пришла тревожная мысль, что это счастье, столь интенсивное, возвышенное и пьянящее, совершенное счастье, которого она никогда раньше не испытывала, будет быстротечным, словно интуиция ей подсказала, что грядут мрачные события, грозящие разрушить его без остатка. За тридцать лет жизни ни разу еще подобная светлая, звенящая

¹⁰⁶ Те – японская мера длины, равная примерно 110 м.

¹⁰⁷ Бунраку – традиционный японский кукольный театр.

радость не пронизывала насквозь все ее существо и ни разу не была она во власти такой острой тоски при мысли о том, что, мгновение за мгновением, у нее отбирают эту всепоглощающую радость.

Трепеща от волнения и грусти, навеянной думами о хрупкости и мимолетности земного счастья, Тятя поднялась с циновки, чтобы заключить в объятия свое дитя.

Тайко в тот день сложил стихотворение:

Как в минувшие годы,
Вновь заморожен я
Красотою заснеженных гор:
На их склонах проснулись
Убаюканные зимним ветром цветы.

Жестокие сумерки,
Зачем хотите скрыть от меня
Незабвенную сакуру?
Долгожданные дни весны
Взор усладили цветами.¹⁰⁸

Тятя тоже облекла свои чувства в слова:

Вишен метель
Бушует в горах и долах.
Весна победила, зима ли?¹⁰⁹

Все триста одиннадцать стихотворений, прочитанных на вершине горы Дайго участниками празднества, дышали печалью, какую испокон веков испытывает человек перед лицом преходящей красоты подлунного мира. Печаль эта была и в Тятиных строках, а особенно пронзительно, как ей показалось, звучала она в трех стихотворениях, сочиненных тайко. Счастье, переполняющее сердца тех, кто любит цветущую сакуру, имеет странную природу: оно готово развеяться как дым в тот момент, когда пытаешься его выразить.

После любования цветами на горе Дайго Хидэёси возобновил бурную деятельность. Дни его снова проходили в военных советах, за обсуждением дел на Корейском полуострове и изучением фронтовых сводок, которые доставляли гонцы из-за моря. Тятя время от времени писала ему в Осацкий замок письма от имени Хидэёри. Тайко не мешкая на них отвечал. В ту пору каждое его послание начиналось словами «Господину второму советнику».

Тятя то и дело задавалась вопросом, способен ли Хидэёси думать о чем-либо другом, кроме любимого сына и войны с чосонским ваном. Тайко проявлял болезненное внимание к жизни маленького Хидэёри и, хотя мальчик находился в Киото, а сам он неотлучно пребывал в Осаке, знал обо всем, что происходило вокруг его наследника, да в таких мельчайших подробностях, что у Тяти порой от этого пробегал по спине холодок. Однажды Хидэёси написал сыну:

«Счастливы были получить твое письмо, каковое доставили мне с похвальной поспешностью. Я прослышал, что Кицу, Камэ, Ясу и Цуси вызывают твое неудовольствие. Полагаю, ты совершенно прав. Дай знать своей матушке, что всех четырех негодниц надлежит немедля взять под стражу и держать в оковах до моего прибытия. А затем мы с тобой велим их забить

¹⁰⁸ Перевод В. Полякова.

¹⁰⁹ Перевод З. Лорткипанидзе.

до смерти бамбуковыми палками, ибо негоже прощать слуг за нерадивость. Запомни это хорошенько. *Тайко*».

Радение четырех упомянутых в письме прислужниц юного наследника Тоётоми – Кицу, Камэ, Ясу и Цуси – действительно оставляло желать лучшего, но откуда тайко, занятый военными делами в Осаке, мог так быстро об этом узнать? – недоумевала Тятя. К тому же проступки девушек не заслуживали столь страшного наказания, которое придумал для них тайко. Она, однако же, понимала, что вступаться за бедных прислужниц перед взбешенным Хидэёси будет пустой тратой сил – смягчить их участь не удастся. Тятя так разнервничалась, что даже слегла с мигренью. Впрочем, пока она искала решение, дело уладилось само собой, вернее, не получило развития, поскольку через несколько дней после того, как гонец привез послание с этой угрозой, тайко перебрался в Фусими, и там внезапный недуг приковал его к постели.

Поначалу Тятя думала, что болезнь не опасна, но, когда в середине пятого месяца она вместе с Хидэёри навестила своего господина, изменения, произошедшие в его внешности за столь короткое время, повергли ее в ужас. Перед ней лежал изможденный, иссохший, словно бамбук в жаркое лето, древний старик, тень от тени прежнего тайко. Рука, выпроставшаяся из-под футаона, была рукой скелета.

Тятя тогда не задерживаясь вернулась с сыном в Киото, а в начале шестой луны нанесла больному второй визит и на этот раз осталась подле него, будучи уверена, что тайко уже не встанет на ноги – до того недуг ослабил его, лишив жизненной энергии.

На шестнадцатый день шестой луны к тайко явились даймё. Хидэёри тоже присутствовал на этой встрече; ближайšie вассалы – Нагамаса Асано, Мицунари Исида, Нагамори Масуда – и прочие знатные воины сидели двумя рядами справа и слева от ложа. Когда аудиенция закончилась и рядом остались только самые преданные соратники, тайко сказал сквозь слезы:

– Как бы я хотел дождаться пятнадцатилетия Хидэёри, дать ему лучших воинов и заставить даймё сплотиться вокруг него, как сегодня. Больше мне не о чем мечтать, но дни мои сочтены, и я уже ничего не могу сделать, чтобы мечта воплотилась.

Тятя впервые видела, как он плачет. Все поняли, что тайко чувствует приближение смерти.

Весь день Тятя места себе не находила, от горя щемило сердце. Жизнь уходила из тайко по капле, он сам это осознавал, а стало быть, надежды на выздоровление не осталось. Ей тяжело было смотреть на своего господина, который и на смертном одре продолжал думать о будущем сына. Впрочем, это действительно было важно. Единственными политическими фигурами, достаточно могущественными для того, чтобы после смерти Хидэёси держать в узде остальных даймё, были Иэясу Токугава и Тосиэ Маэда, но они не являлись прямыми вассалами дома Тоётоми, оба были всего лишь старыми соратниками тайко. Возможно, они и протянут руку помощи Хидэёри, но слишком много ждать от них не приходится. Хидэтада, сын и наследник Иэясу, женат на Когоо, у них родилась дочь, и уже заключено предварительное брачное соглашение – маленькая княжна просватана за Хидэёри, – тем не менее всем ясно, что свадьба, которая должна состояться в отдаленном будущем, – далеко не надежная мера. Что до Тосиэ, его дочь Омаа стала наложницей Хидэёси, а ее младшая сестра – женой Хидэиэ Укиты, и только: никаких кровных уз у Тосиэ с тайко нет. По-настоящему рассчитывать Хидэёси может лишь на своих ближайших вассалов – Нагамасу Асано, Мицунари Исиду, Ёсипугу Котани, Киёмасу Като, Масанори Фукусиму, однако ни один из них не занимает высокого положения в правительственной иерархии и доверить им страну без опаски нельзя.

Размышляя об этом, Тятя прекрасно понимала причину слез Хидэёси и с внутренней дрожью спрашивала себя, уж не является ли ее собственное видение ситуации, которая может сложиться после его смерти, более близким к действительности, ясным и беспристрастным. Возможно, тайко даже не осознает до конца всей опасности, угрожающей его сыну. Для Когоо, ставшей супругой наследника Иэясу, пробьет час мести. Тайко спланировал этот брак для того,

чтобы в будущем обеспечить маленькому Хидэёри преданность Иэясу, но результат может оказаться прямо противоположным. Когоо всегда ненавидела Хидэёси, а в один скорбный день ее ненависть перекинулась и на родную сестру. Если сердце Когоо до сих пор терзает горечь утраты... При мысли об этом Тятя содрогнулась от страха.

Нельзя забывать и про Омаа. Омаа, о чьих истинных чувствах по отношению к тайко очень трудно судить. Впрочем, угрозу представляет не только она, но и все наложницы без исключения. Всех этих женщин объединяет одно: стойкая неприязнь к Хидэёри, плоду любви Хидэёси и дамы Ёдо. Если тайко считает, что Тосииэ встанет на защиту Хидэёри лишь потому, что в свое время он, Хидэёси, сделал Омаа своей наложницей, это серьезная ошибка с его стороны...

Большую часть времени Тятя проводила у ложа умирающего тайко, а возвращаясь в свои покои, мучилась тревожными раздумьями.

На исходе шестой луны Хидэёси призвал к себе самых давних соратников – Иэясу Токугаву, Тосииэ Маэду, Хидэиэ Укиту, Тэрумото Мори и Кагэкацу Уэсуги, повелел им заботиться о Хидэёри и учредил новую систему правления, Совет пяти старейшин, передав таким образом в руки означенных воинов власть над страной. Но и эти меры не развеяли тревоги тайко о том, что произойдет после его смерти. Он в дальнейшем то и дело посылал за кем-нибудь из ближайших вассалов и требовал от них снова и снова присягать в верности Хидэёри.

Пятнадцатого дня седьмой луны он взял письменные клятвы в верности у пяти старейшин, пяти наместников и всех важных даймё. Содержание свитков почти дословно совпадало с той клятвой, которая была принесена теми же людьми на новогодних торжествах 5-го года Бунроку¹¹⁰ – все они обещали поддержку Хидэёри, – но на сей раз воины расписались собственной кровью.

С наступлением восьмого месяца состояние Хидэёси ухудшилось. Пятого числа у него начался жар. Едва слышно тайко призвал к себе пятерых старейшин и пятерых наместников и велел им обменяться между собой клятвами в верности друг другу, подписанными кровью. Но даже это не принесло покоя его истерзанной душе, не помогло сосредоточиться на приближении смерти. Он потребовал, чтобы семь пятерых наместников связали себя брачными узлами с домом Тоётоми, дабы упрочить союз и подкрепить принесенный обет.

Когда наконец с делами было покончено, смерть уже обдавала его лицо ледяным дыханием. Оставалось только изъявить последнюю волю.

Составляя завещание, тайко опять принял все возможные меры предосторожности, дабы обезопасить будущее своего сына. Он еще раз дал распоряжение заботиться о Хидэёри не только Иэясу Токугаве, но и его наследнику Хидэтаде, не только Тосииэ Маэде, но и его наследнику Тосинаге, снова препоручил сына опеке пятерых наместников, а также пожелал, чтобы Иэясу правил страной из замка Фусими, а Тосииэ осуществлял общее руководство из Осаки, пребывая подле Хидэёри.

В день, когда писари перебелили свиток завещания и все формальности были улажены, силы окончательно оставили тайко, речь его сделалась бессмысленной – он начал бредить.

Восьмого дня восьмой луны Хидэёси впал в беспамятство. Сознание время от времени возвращалось к нему, он пытался отдавать приказы ближайшим вассалам, но слов уже было не разобрать. Могущественный властелин превратился в жалкий мешок костей, наступила агония.

Когда разум тайко помутился, Тятя прекратила неусыпное бдение у его ложа и навещалась в покои умирающего лишь на пару часов в день с Хидэёри. Вместо нее у смертного одра денно и ночью, сменяя друг друга, дежурили пятеро наместников и пятеро старейшин.

¹¹⁰ 1596 г.

В шестнадцатую ночь восьмой луны, в час Быка, Хидэёси Тоётоми скончался на руках у четырех из пяти старейшин. Присутствовали Иэясу Токугава, Тосиизэ Маэда, Тэрумото Мори и Хидэизэ Укита. Тайко было шестьдесят два года.

Дама Ёдо и Хидэёри тоже находились в числе тех, кто стали свидетелями его кончины. Тятя давно примирилась с неизбежностью этого события, смерть старого Хидэёси не стала для нее ударом. Тятю волновало другое: отныне ей предстояло вступить в жестокую борьбу за то, чтобы продолжить растить, воспитывать и защищать своего сына – наследника дома Тоётоми. В Фусими и его окрестностях собрались знатные воины со всех концов страны, и никто не в силах был предсказать, на чью сторону они встанут теперь, после смерти тайко.

Согласно последней воле покойного, его смерть надлежало держать до поры до времени в тайне, а урну с прахом хранить в Амидагаминэ, храме на юго-востоке Киото. Гэнъи Маэда, один из пяти наместников, и настоятель буддийского монастыря с горы Коя организовали скромные похороны.

Остаток лета и начало осени 3-го года Кэйтё,¹¹¹ после кончины тайко, Тятя провела в Фусими, подле своего сына.

Поскольку о смерти Хидэёси не было официально объявлено, в жизни Тяти и ее окружения ничего не изменилось, только в замке теперь царило некое мрачное спокойствие. С наступлением осени Тятя услышала о том, что Госпожа из Северных покоев, чья резиденция по-прежнему находилась в Осаке, дала буддийский обет и приняла монашеское имя Кодайин. Вскоре после этого распространилась молва, что дама Кёгоку, проживавшая в Фусими, тоже намерена стать монахиней. Не успели придворные дамы поделиться с Тятёй этой новостью, как дама Кёгоку сама испросила у нее аудиенции и сказала, что хочет принять постриг, а затем перебраться из Фусими в Оцу, к своему брату Такацугу.

Тятя не сразу узнала двоюродную сестру – до того исхудала и постарела бедная Тасуко. При упоминании имени Хидэёси ее лицо омрачалось, и скорбь эта была искренней. Еще при жизни тайко Тятю посещала мысль о том, что дама Кёгоку, наверное, единственная из наложниц питает к своему господину глубокое истинное чувство, теперь ее догадка подтвердилась. Тасуко всегда держалась скромно, избегала распрей с соперницами, довольствовалась тем мимолетным вниманием, которое дарил ей Хидэёси, и любила его, не требуя ничего взамен. И не было ничего удивительного в том, что она пожелала стать монахиней.

Как и Тасуко, Тятя овдовела, но отныне в судьбах двоюродных сестер не останется ничего общего. Даме Кёгоку предстоит молиться за беспокойный, мятущийся дух тайко, даме Ёдо – оберегать и воспитывать его наследника. Остаток ее жизни будет посвящен тому, чтобы из Хидэёри, в котором смешалась кровь Асаи, Ода и Тоётоми, сделать всемогущего властелина, повелителя страны.

– Когда увидите с братом, передайте ему мои наилучшие пожелания и скажите, что я уповаю на его поддержку и помощь господину Хидэёри, – попросила Тятя кузину.

Такацугу был всего лишь скромным хозяином клочка земли в Оцу с мизерным доходом в шестьдесят тысяч коку, но теперь сам факт его существования приобрел в Тятиных глазах огромную важность. Брат ее доброй подруги дамы Кёгоку, муж ее любимой сестры Охацу остался для них с Хидэёри единственным союзником, на которого можно было положиться без колебаний.

Незадолго до того как дама Кёгоку покинула Фусими, до Тяти начали долетать тревожные слухи о строптивом поведении Иэясу Токугавы. Он стал открыто пренебрегать последней волей покойного тайко, отступаться от собственных обещаний, чем вызвал гнев Тосиизэ Маэды. Еще поговаривали, что назревает разлад между Мицунари Исидой и другими влиятельными даймё.

¹¹¹ 1598 г.

С наступлением 4-го года Кэйтё¹¹² было объявлено о переезде Хидэёри из Фусими в Осаку. Осацкий замок считался оплотом рода Тоётоми, а значит, у Тяти не было оснований противиться этому решению, так что она предпочла покориться и ждать назначения даты переезда. Однако она все же выдвинула одно условие: ей, как матери наследника, также должно быть выдано дозволение жить в Осаке. До сих пор в целях соблюдения приличий по отношению к Госпоже из Северных покоев Тятя еще никогда не бывала в Осацком замке одновременно с сыном. Но теперь положение в корне изменилось: Тятя была матерью Хидэёри, с которым Госпожу из Северных покоев не связывали кровные узы, а стало быть, законная вдова Хидэёси не могла с ней ничего поделывать.

Десятого дня первой луны Тятя и ее сын заняли резиденции в Осацком замке.

Тосииэ Маэда и другие влиятельные даймё сопровождали их в пути, Иэясу также присоединился к эскорту, провел день в своей осацкой усадьбе и вернулся в Фусими. Отныне, согласно последней воле тайко, Тосииэ и Иэясу надлежало разделить полномочия по решению государственных вопросов и вдвоем править страной – Тосииэ из Осаки, Иэясу из Фусими.

Через несколько дней после Тятиного переезда в осацкий замок Госпожа из Северных покоев приняла постриг и объявила о своем желании удалиться в киотоский монастырь. Тятя, когда ей об этом доложили, ограничилась словами: «Вот и славно». Она считала, что, чем раньше Госпожа из Северных покоев покинет Осаку, тем будет лучше для всех. Ей вспомнилась первая встреча с законной супругой Хидэёси в Дзюракудаи так отчетливо, словно это было вчера. Она тогда только-только стала наложницей кампаку. Взгляд Госпожи из Северных покоев до сих пор ледяным пламенем жег ей лоб, она помнила гнев и стыд, разрывавшие ее сердце. За десять лет, минувшие с тех пор, две женщины ни разу не вступили в открытое противостояние, но взаимная ненависть тлела у каждой в груди, готовая вспыхнуть пожаром.

В день, назначенный для отъезда Госпожи из Северных покоев в Киото, Тятя думать ни о чем не могла, кроме прощального визита, который вдова тайко обязана была нанести Хидэёри. Тятя собиралась облачиться в церемониальные одежды и проводить Госпожу из Северных покоев до ворот замка – это будет последняя дань уважения бывшей супруге Хидэёси.

Но Госпожа из Северных покоев не явилась в резиденцию наследника дома Тоётоми. От прислужниц Тятя узнала, что она направилась напрямик к воротам. «Что ж, – подумала Тятя, – стало быть, и я избавлена от необходимости оказывать ей почести». Сославшись на недомогание, она отрядила вместо себя двух придворных дам, чтобы они поприсутствовали при отбытии высокопоставленной вдовы.

Для всенародного извещения о кончине тайко власти дожидались возвращения войск с Корейского полуострова. На двадцать девятый день второй луны наконец состоялась погребальная церемония. Похороны тайко, который при жизни так любил пышные, шумные торжества, прошли скромно и тихо, несмотря на внушительное число участников шествия.

По случаю официальных похорон пятеро старейшин – Иэясу Токугава, Тосииэ Маэда, Тэрумото Мори, Хидэиэ Укита и Кагэкацу Уэсуги – обменялись с пятью наместниками письменными клятвами. Они пообещали друг другу объединить усилия всех десятерых для принятия решений государственной важности и для помощи Хидэёри. В сердце каждого, кто слышал эту клятву, она отдалась зловещим отзвуком. Тятя, узнав обо всем от придворных дам, поняла, как и остальные, что бесчисленные обеты, вырванные тайко незадолго до смерти у своих приближенных и подписанные кровью, теперь уже ничего не значат, раз есть необходимость в новом подтверждении союза старейшин и наместников.

День ото дня Тятино беспокойство по поводу грядущих событий нарастало наравне с осознанием собственной беспомощности что-либо изменить. Это был самый мучительный и тревожный период ее жизни. Она, конечно, знала, что трудности после смерти тайко нагрянут

¹¹² 1599 г.

неизбежно, но никогда не думала, что это случится так быстро, что не пройдет и года со дня кончины властелина всей Японии, как придется готовиться к худшему.

Тяте ничего не оставалось, как во всем положиться на Тосииэ Маэду, ведь именно к нему наравне с Иэясу Токугавой перешла вся полнота власти после смерти Хидэёси. Кроме того, между Тятей и Тосииэ существовала давняя и прочная духовная связь с тех самых пор, когда пятнадцать лет назад даймё Маэда приютил у себя в замке Футю трех княжон Асаи после пожара в Китаносё.

Тятя совсем извелась от недобрых предчувствий, но так и не решилась расспросить Тосииэ о сложившейся политической ситуации, а тот, со своей стороны, хранил молчание. Однако всякий раз, оказываясь в обществе этого воина шестидесяти двух лет, Тятя не могла отогнать от себя смутные мысли о том, что крепким здоровьем он не отличается, а старость и недомогание существенно подрывают его позиции в противостоянии Иэясу. На исходе третьей луны она впервые осмелилась осведомиться у Тосииэ, имеют ли под собой основание многочисленные слухи о его разногласиях с господином Токугавой и следует ли ждать в связи с этим тревожных событий. Тосииэ, серьезный и мрачный, закрыл глаза.

– Я уже принял все необходимые меры ради безопасности господина Хидэёри. Если со мной что-нибудь случится, представители дома Тоётоми должны руководствоваться одиннадцатью статьями моего завещания, которое я оставил своей супруге.

– Господин имеет в виду меры на случай войны? – уточнила Тятя.

– Именно, – честно ответил старый полководец.

– К ней надобно готовиться уже сейчас?

– Да. Думаю, не пройдет и трех лет, как вспыхнет междоусобица. Больше всего я жалею о том, что меня не будет рядом с вами, когда все начнется, – так сказал Тосииэ, и в голосе его звучало искреннее сожаление.

Через десять дней после этого разговора он покинул изменчивый мир. Тяте подумалось, что старый воин умер от истощения – все свои силы он отдал на то, чтобы предотвратить распрю, которую неизбежно должны были затеять даймё вокруг наследия тайко. Кончина Тосииэ Маэды повергла Тятю в беспросветное отчаяние. Огромный Осацкий замок внезапно показался ей опустевшим и шатким, потерявшим опору.

Со смертью Тосииэ Тятино окружение закипело и забурило. Дня не проходило без того, чтобы кто-нибудь из знатных воинов не нанес ей визит. Она всех принимала радушно, понимая, что необходимо заручиться поддержкой как можно большего числа людей, даже если из десятка союзников в решающий момент лишь один сохранит ей верность. Из числа самых влиятельных соратников Хидэёси к ней чаще других навещался Хидэиэ Укита, а поскольку после смерти Тосииэ Тятя чувствовала острую потребность в собеседнике, которому можно было бы поверить свои тревоги, Хидэиэ и стал ее избранником. Среди наместников наиболее внимательным к ней оказался Мицунари Исида, а из круга наследственных вассалов дома Тоётоми дольше прочих в Осацком замке всегда гостил Юкинага Кониси.

От воинов, бывавших в Осаке, Тятя узнала о назревающей смуте. Асано и Куроду часто видели в Киото в обществе вдовы тайко – похоже, там завязывались какие-то интриги. Иэясу начал потихоньку подтягивать свои войска к Фусими. Наметилась тревожная политическая тенденция: по слухам, его превосходительство Токугава после смерти Хидэёси очень сблизился с Госпожой из Северных покоев, а недавно к ним примкнули Киёмаса Като и Масанори Фукусима, которые будто бы и забыли совсем о существовании Хидэёри, наследника тайко. Правдивость слухов ничто не подтверждало, но на Тятю они произвели тяжелое впечатление – она и не подумала усомниться, что создается новый союз.

Когда умер Тосииэ, Мицунари Исида поспешил вернуться в свой замок в Саваяме. Все знали, что Исиду, враждовавшего с наследственными вассалами дома Тоётоми, просто-напро-

сто выставили из Осаки и жизнью он обязан только Иэясу, который соизволил вмешаться в конфликт.

Как бы то ни было, после отъезда Исида в Осацком замке окончательно воцарились уныние и запустение.

Тосииэ оставил сцену, и теперь главным действующим лицом на ней стал Иэясу. Из замка Фусими он единолично повелевал всеми даймё и, как тайко перед смертью, не замедлил потребовать от них письменные клятвы в верности.

В Осаке остались только Хидэиэ Укита и Тэрумото Мори, но и они вскоре объявили, что возвращаются в свои владения. Тятя не знала истинных причин их отъезда, но оба вассала дома Тоётоми заверили ее, что радеют о благе Хидэёри – дескать, так будет лучше для него. Тем не менее прощальный пир, на котором присутствовал и юный наследник тайко, прошел в безрадостной, гнетущей атмосфере.

В конце лета, вскоре после отбытия князей Укиты и Мори, Иэясу собственной персоной явился в Осаку якобы для того, чтобы засвидетельствовать свое почтение Хидэёри. Он сразу же нанес визит вежливости Тяте и ее сыну, но никого это не обмануло – все поняли, кто теперь настоящий хозяин Осацкого замка.

Тятя ненавидела Иэясу. Его лицо, походка, манера держаться – все вызывало у нее отвращение. В ее присутствии князь вел себя с тем же почтением, которое неизменно демонстрировал по отношению к ней еще при жизни тайко, однако его взгляд оставался ледяным, а бесстрастное лицо надежно скрывало истинные мысли и чувства. Иэясу исполнилось пятьдесят семь, он был на семь лет моложе тайко и являлся полной его противоположностью: никто и ничто не могло его заставить поддаться эмоциям, скинуть маску извечной невозмутимости. Прошло дней десять после приезда Иэясу в Осаку, как вдруг он огорошил Тятю неожиданным предложением составить ему компанию на пиру в честь праздника хризантем.¹¹³ Тятя спросила самурая, с которым Иэясу передал это приглашение, будет ли Хидэёри также присутствовать на пиру.

– Его превосходительство Токугава не дал мне никаких указаний на этот счет, – ответил посланец.

– В таком случае я должна подумать. Господин получит ответ чуть позже, – сказала Тятя и отпустила самурая. Затем отослала прислужниц и долгое время сидела в покоях одна, погружившись в раздумья. Что за блажь посетила Иэясу? Странное приглашение – полюбоваться цветами наедине с ним... При мысли о том, что она интересуется его как женщина, Тятя вскинула голову, побледнев от гнева.

Позвав прислужницу, она велела передать Иэясу ответ: госпожа, мол, низайше благодарит его превосходительство за любезное приглашение, но чувствует себя дурно и посему нет у нее возможности присутствовать на пиру. Это, по ее мнению, должно было прояснить их отношения в глазах Иэясу, лишить двусмысленности и в будущем помочь избежать недопонимания. Либо она, Тятя, одержит верх над Иэясу, либо он полностью подчинит ее своей власти. Ее и Хидэёри. Могущество Иэясу, конечно, велико, но и у дома Тоётоми хватает верных вассалов. Надобно лишь дождаться подходящего момента, и тогда она сможет победить Иэясу!

На следующий день Иэясу нанес визит Хидэёри, после чего остался выпить чаю с Тятей, но о вчерашнем приглашении даже не заговаривал.

– Прошу меня извинить за причиняемые присутствием столь внушительного числа самураев неудобства. Вероятно, скоро в Фусими снова воцарится покой – думаю, мне придется отрядить свои войска в Кагу, – сообщил Иэясу.

Кага была вотчиной Тосинаги, сына и наследника Тосииэ Маэды.

¹¹³ Праздник любования осенними хризантемами традиционно отмечается в девятый день девятого лунного месяца.

– Неужели? Присутствие здесь воинов и правда весьма обременительно, – только и сказала Тятя.

Иэясу затевал военную кампанию против своих бывших соратников и союзников своего сына. Тятя подняла на него глаза – в них невозможно было прочесть ни единой враждебной мысли, лишь равнодушие да полнейшую безмятежность. Взгляд, которым ответил ей Иэясу, был так же холоден и спокоен.

Не прошло и нескольких дней после этого разговора, как по Фусими, словно огонь по пороховой дорожке, прокатился слух о военном походе Иэясу против клана Маэда. Не замедлила прозвучать и весть о скором прибытии вдовы Тосииэ – она должна была остаться подле Иэясу в качестве заложницы. Моментально выяснилось, что это не просто досужие вымыслы. Все оказалось чистой правдой.

Тятя хорошо знала супругу Тосииэ. Впервые они встретились много лет назад, когда князь Маэда приютил в своем замке Фугю трех осиротевших княжон Асаи. За истекшие с тех пор шестнадцать лет жизнь еще не раз сводила Тятю с этой женщиной, всегда вызывавшей у нее симпатию. Супруга Тосииэ была столь же красива и отличалась тем же необузданным нравом, что и ненавистная Тятиному сердцу Омаа, но в присутствии Тяти она держалась с неизменным почтением. Дело было не только в том, что общественное положение матери и дочери по отношению к любимой наложнице Хидэёси разнилось, – просто супруга Тосииэ была куда умнее, чем дама Кара, ее внутренний взор проникал в самую суть вещей.

Какая же беспросветная скорбь должна была таиться в глубинах сердца этой отважной женщины! Несомненно, она сама вызвалась стать заложницей Иэясу, бывшего соратника ее покойного мужа, чтобы попытаться спасти дом Маэда. Получив извещение о прибытии вдовы, Тятя из деликатности не стала отправлять к ней даже посланника с приветствием – ей хотелось избавить госпожу Маэду от чувства неловкости, которое неизбежно возникло бы в сложившихся обстоятельствах при встрече с формальной хозяйкой замка.

Шум вокруг похода на клан Маэда немного поутих с приездом вдовы Тосииэ в Осаку, но тут же поползли новые слухи о мятеже, замышляемом против Иэясу теперь уже князем Кагэацу Уэсуги. В отличие от пересудов о клане Маэда, они зиждились на конкретных фактах. Не было ничего удивительного в том, что Кагэацу, в прошлом не раз доказывавший свою верность тайко и снискавший славу человека прямолинейного и безукоризненно честного, недоволен поведением Иэясу. После смерти Удзисато Гамоо тайко пожаловал Кагэацу Уэсуги земли покойного в Тохоку, и Кагэацу был безмерно признателен за этот дар, принесший ему годовой доход в один миллион триста тысяч коку риса. Так что теперь честолюбивые замыслы Иэясу, угрожавшие дому Тоётоми, не давали ему покоя.

Еще в восьмом месяце того года, едва вернувшись в свои владения в Айдзу, Кагэацу, по слухам, начал собирать войско для нападения на Иэясу. Даже придворные дамы в Осацком замке без устали шептались о том, что князь Кагэацу воспользовался своим возвращением на север для того, чтобы заключить союз с Мицунари Исидой против Иэясу. Называли даже точное место встречи, где два князя держали военный совет; поговаривали, что Кагэацу нанимает на службу ронинов¹¹⁴ по всей стране.

Пятый год Кэйтё¹¹⁵ начался в предчувствии смуты.

Первые пять дней года жизнь в Осацком замке кипела и бурлила. Гонцы с благопожеланиями и дарами от многочисленных даймё сменяли друг друга в приемных залах. Среди гостей были и такие, кто напрямиком направлялся к Иэясу, минуя покой наследника тайко, иные посту-

¹¹⁴ Ронин – самурай, не являвшийся вассалом какого-либо клана и продававший свои воинские услуги за деньги. Буквально «человек-волна», «перекати-поле».

¹¹⁵ 1600 г.

пали наоборот. Тятя и ее окружение внимательно следили за порядком, в котором посланники приносили поздравления, и было весьма неприятно слышать, что к Иэясу они обращаются с тем же почтением, каковое по праву должны были выказывать только Хидэёри.

В третьем месяце осакские воины открыто заговорили о карательной экспедиции на север против Кагэкацу Уэсуги – события, о которых до этого шептались в замке на каждом углу, повлекли наконец за собой решительные действия. Иэясу, по слухам, призвал Кагэкацу на совет в Киото, и тот отказался явиться. Нобуясу Фудзита, вассал Кагэкацу, повздорил со своим господином, восстал на него и, вынужденный бежать из Айдзу, прибыл в Осакский замок, где предложил свой меч клану Токугава.

Иэясу предпринял еще одну попытку заманить Кагэкацу в Киото – его эмиссары отправились в Айдзу с требованием подписать клятву в верности их господину и незамедлительно прибыть в столицу. Кагэкацу проявил непочтительное высокомерие и открытую враждебность. Его ответом стал твердый отказ без каких-либо оправданий и извинений.

Услышав эти вести, Тятя прониклась к Кагэкацу живейшей благодарностью, которую, разумеется, никто не смог прочесть на ее бесстрастном лице. Она хранила внешнее спокойствие, а внутри у нее все пело и ликовало при мысли о том, что настанет день, когда Иэясу, чье поведение становится все более вызывающим, будет повержен отважными воинами, такими как Кагэкацу, верными дому Тоётоми и презирающими клан Токугава.

Во второй день шестой луны Иэясу дал своим полководцам приказ о выступлении в поход. Боевая тревога и воинские сборы повергли Осаку и призамковые посады в суматоху. В главных покоях тэнсю каждый день проходили военные советы. Пятнадцатого числа Иэясу испросил у Хидэёри аудиенцию, на которой должна была присутствовать и Тятя. До того дня Иэясу и словом не обмолвился при ней о назревающей войне с Кагэкацу, но на этот раз торжественно объявил о своем броске в Айдзу.

– Теперь мы с вами долго не увидимся, молодой господин. Я иду войной на дальние северные земли, – сказал он Хидэёри.

Восьмилетний мальчик внимательно слушал.

– Печально слышать об этом. Когда вы отбываете? – осведомилась Тятя, от души надеясь на то, что войско Иэясу будет разбито и она никогда больше не увидит его в Осаке.

– Завтра. Берегите себя и молодого господина в мое отсутствие – предатели только и ждут удобного случая, чтобы затеять мятеж против... дома тайко, – произнес Иэясу, полоснув по Тяте таким ледяным взглядом, что она вздрогнула, и вдруг зловеще расхохотался.

На следующий день он действительно покинул Осакский замок. Авангард его войска миновал главные ворота на рассвете, воины все шли и шли, замыкающие ряды исчезли за крепостной стеной лишь к часу Овна.¹¹⁶ Все это время замок трясло в боевой горячке, ржали лошади, скрипели подпруги, бряцало оружие, весь этот тревожный шум волнами докатывался до Тятиных покоев, находившихся довольно далеко от тэнсю. Любопытствующие слуги и придворные дамы из ее окружения вышли к воротам на проводы армии, но Тятя осталась, заперлась с сыном в своей резиденции. Когда прислужница явилась к ней с сообщением о том, что его превосходительство Токугава с войском покинул наконец Осаку, Тятя высоко подняла голову.

– Тот, кто ступил сегодня за крепостную стену, никогда не вернется – Хидэёри этого не допустит! – воскликнула она и заглянула в глаза сыну, словно искала подтверждения. Тут ей вспомнился неприятный смех Иэясу, и в сознание закралась пугающая мысль: а ведь он наверняка подготовился к тому, что сторонники Хидэёри воспользуются его отсутствием, чтобы собрать армию и поднять оружие против него. Одно за другим в памяти стали возникать лица из жалкой горстки даймё, которые не отреклись от своих обязательств по отношению к дому

¹¹⁶ Час Овна – время с 14.00 до 16.00.

Тоётоми и остались верны наследнику тайко. Что ж, если Иэясу ожидает восстания союзников Хидэёри, она, Тятя, постарается его не разочаровать!

Иэясу в тот же день вошел в Фусими, назначил полководца Мототаду Тории комендантом крепости и восемнадцатого числа продолжил путь на север.

Весть о том, что Иэясу не поленился оставить военный пост в Фусими, что само по себе означало введение чрезвычайного положения, была незамедлительно передана Тяте и привела ее в ярость. Почему Иэясу не принял никаких мер безопасности в Осаке, но решил усилить охрану Фусими? По всему выходило, что он действительно предвидел то, что может произойти в его отсутствие.

Начиная с двадцатого дня шестой луны опустевший было Осацкий замок снова стал заполняться воинами. Тятя делала вид, что ничего не замечает, хотя прекрасно понимала: сторонники Хидэёри приступили к осуществлению своих замыслов. Ей донесли о прибытии Гэнъи Маэды, Нагамори Масуды, Масаиэ Нацуки...

Самураи, собравшиеся в Осаке, втихомолку обсуждали передвижения войск и пересчитывали возможных союзников: Ёсицугу Отани вроде бы покинул свою вотчину и отправился в Саваяму, на земли Мицунари Исиды; Тэрумото Мори созывает вассалов, он, стало быть, тоже на стороне Хидэёри... Не успел Иэясу выступить на север, как все даймё, до сих пор тихо сидевшие по своим крепостям, зашевелились, подняли головы, одновременно приступили к действиям.

IX

В середине седьмого месяца много шуму наделало самоубийство супруги Тадаоки Хосокавы. Князь Хосокава вместе с Иэясу выступил в поход на Айдзу, поручив жене охрану своего замка. Жену его между тем призвали в Осаку – она должна была стать залогом мужниной верности Иэясу. Женщина отказалась подчиниться, выбрав смерть.

В тот самый день, когда об этом стало известно, в Осакский замок вступил Тэрумото Мори с войском, изгнал Цунамасу Сано, которого Иэясу оставил на страже западного крыла, и занял его место. Как будто прибытие Тэрумото стало долгожданным сигналом атаки, незамедлительно был обнародован указ, подписанный пятью собравшимися в Осаке наместниками. Все пятеро объявляли Иэясу изменником, тринадцать раз преступившим посмертную волю тайко. Кроме того, Тэрумото Мори, Хидэиэ Укита и другие влиятельные полководцы разослали даймё петицию, призывавшую объединить силы в поддержку Хидэёри.

В Осакском замке установилось чрезвычайное положение. Тятя без передышки принимала воинов и полководцев, просивших аудиенции у наследника дома Тоётоми. Украдкой наблюдая за сыном, который в столь юном возрасте отважно смотрел в лицо воинам и не отводил глаз до тех пор, пока взрослые мужчины, закаленные в сражениях, не сгибались перед ним в низжайшем поклоне, она замирала от пронзительной радости: в мальчике воплотились лучшие качества высокородных предков. Глядя на овальное личико, в чертах которого уже сквозила твердость и воинственность духа, Тятя видела живой портрет своего покойного отца. Бледность кожи и разлет бровей, готовых в любой момент гневно сойтись на переносице, говорили о том, что в жилах ребенка течет кровь Ода, но спокойное достоинство, с которым он держался на людях, все же выдавало в нем потомка Асаи.

Однажды Тятя снова услышала о Такацугу Кёгоку. Нагамори Масуда сообщил ей о том, что намерен послать к нему гонца с предложением присоединиться к стану Тоётоми. Известить об этом Тятю, с точки зрения Масуды, было делом вполне естественным – ведь Такацугу Кёгоку приходился ей шурином.

– Передайте правителю Оцу мои наилучшие пожелания, – безмятежно кивнула Тятя, хотя в тот миг волна забытых чувств затопила ее сердце. Она ничуть не сомневалась, что, даже если бы Такацугу не был мужем Охацу, он по первому зову примчался бы на помощь ей и Хидэёри. Думая о том, что воин, который когда-то очень давно, в юности, владел всеми ее помыслами, и ныне готов отдать за нее свою жизнь, она преисполнялась глубокого волнения. Твердо зная, что у нее в союзниках будет Такацугу Кёгоку, хозяин замка Оцу, Тятя чувствовала себя в полной безопасности. Один Такацугу стоил в ее глазах десяти тысяч воинов.

Восемнадцатого числа неразбериха в Осакском замке достигла точки кипения. Цунамаса Сано, которому Иэясу поручил охрану западного крыла, где находились его частные покои, в тот день организовал отъезд наложниц и слуг своего господина в надежное укрытие на земле Ёдо, сам же с пятью сотнями самураев отправился в Фусими. Вооруженные воины сновали из башни в башню с утра до вечера.

Девятнадцатого числа стало известно, что самураи Укиты, Кобаякавы и Симадзу осадили замок Фусими и начали штурм. Гонцы доставляли в Осаку новости с места событий каждый час.

В первый день восьмой луны Фусими пал; назначенный Иэясу комендант замка Мототада Тории вспорол себе живот. Пятого числа состоялась церемония награждения воинов, отличившихся при взятии Фусими, – господин Хидэёри пожаловал верных вассалов богатыми дарами.

Тятя знала, что отныне Фусими находится в руках их сторонников, но не вполне понимала, что творится в других землях. Повсюду шли сражения, однако судить о том, в чью пользу развивается ситуация, пока было слишком рано, а гонцы, которые один за другим, загоняя

коней, со всех концов страны прибывали в Осаку, вносили еще больше путаницы в общую картину. К тому же не все даймё четко высказались, чью сторону они принимают. Не ясно было, к примеру, к какому стану следует отнести таких князей из дальних провинций, как Маса Санада, – к вражескому или своему.

А все потому, размышляла Тятя, что в западных землях нет среди воинов личности достаточно яркой и могущественной, чтобы вокруг нее сплотились защитники Хидэёри. Мицунари Исида мог бы претендовать на роль предводителя, но ему приходилось решать сиюминутные вопросы – он как оглашенный метался между Осакой, Фусими и Саваямой, вместо того чтобы разрабатывать общую стратегию. Противоречащие друг другу приказы сыпались на западные войска со всех сторон, все было не так, как во времена тайко, – война выходила из-под контроля. И даже Тятя понимала, что неразбериха связана с отсутствием полководца масштаба Хидэёси, человека, способного объединить и направить к одной цели усилия многих воинов.

В середине восьмого месяца лазутчики донесли, что военачальники из лагеря Иэясу покинули театр военных действий в Тохоку и собрались на совет в горной крепости Киёсу. Прослышав об этом, Тятя всерьез забеспокоилась и отрядила гонца к Хидэаки Кобаякаве справиться о положении на фронтах. Кобаякава в полном боевом облачении лично явился в Тятины покои засвидетельствовать свое почтение ей и Хидэёри. «Положение столь серьезно, – заявил полководец, – что медлить более нельзя. Мы сегодня же выступаем в Оми». В тот день резервные подразделения, расквартированные в Осаке, получили приказ покинуть город. К вечеру замок снова опустел. На страже с несколькими подчиненными остался лишь Тэрумото Мори – большинству своих самураев он тоже велел идти на восток. Однако на следующий день неведомо откуда подоспело подкрепление, существенно усилившее осакский гарнизон.

В конце месяца последовала вереница сообщений о поражениях сторонников Хидэёри на всех фронтах. Первым пал замок Гифу; войскам князей Отани и Исиды был нанесен невосполнимый урон.

На восьмой день девятой луны Тятя получила новость, в которую долго отказывалась верить: Такацугу Кёгоку, средоточие всех ее чаяний, только что заключил союз с кланом Токугава и теперь готовит свой замок Оцу к длительной осаде. Он строит укрепления, а его самураи уже перекрыли западной армии дорогу на восток. Всем было ясно, что он с самого начала замыслил предательство и притворился союзником западных сил, чтобы избавиться себя от подозрений с их стороны, а сам между тем продолжал тайные сношения с Токугава и в конце концов, дождавшись удобного момента, поднял свои войска против сторонников Хидэёри с целью выбить почву у них из-под ног.

Тятю это известие ошеломило. Чтобы Такацугу обратил оружие против нее и ее сына? Немыслимо! Это чудовищная ошибка! Двоюродный брат и родная сестра Охацу не могли ее предать! Она давно потеряла надежду наладить отношения с Когоо, супругой Хидэтады, наследника Иэясу, поскольку считала, что над ними довлеет предопределенность кармы, но даже мысли не допускала, что подобный разлад может случиться между ней и Охацу или дамой Кёгоку. Неужели Тасуко, которая искренне любила Хидэёси и была так предана ему, что после его смерти стала монахиней, теперь последует примеру своего брата и перейдет в стан Токугава, жаждущий стереть с лица земли род Тоётоми?

– Полагаю, правитель Оцу встал на сторону Токугава во имя бывлой дружбы и родственных связей, – сказал онемевшей от потрясения Тяте самурай, который сообщил ей об измене кузена.

Самурай, без сомнения, имел в виду «былую дружбу» и «родственную связь» Такацугу с Когоо.

С женой наследника Иэясу правителя Оцу действительно объединяли давние отношения. Так же как и с ней, с Тятей. Когоо была его свояченицей. Так же как и она, Тятя.

Ее ошибка заключалась в том, что, думая о Такацугу, она принимала в расчет лишь юношескую влюбленность, горевшую ярким пламенем между ними много лет назад. Этот чистый огонь исказил восприятие вещей, в нем сгорела реальность, остались лишь эфемерные узы, которые некогда крепко связывали их с Такацугу и о которых никто, кроме них двоих, не знал. На самом же деле именно эти узы могли сыграть против нее. Память во всех подробностях восстановила сцену в замке Адзуты: обезумевший Такацугу, стоя на коленях, отчаянно цепляется за подол ее кимоно, а она бесстрастно, с ледяной жестокостью отталкивает его. Быть может, для Такацугу пробил час мести? Быть может, того, что позднее она сама предложила ему свое тело и он демонстративно отверг ее, было недостаточно, чтобы утолить его жажду возмездия?

– Кому дано читать в чужих сердцах? – тихо произнесла Тятя.

Эти слова случайно вырвались наружу и гулким отзвуком отдались в ее собственном сознании. Она почувствовала, как из самых глубин ее существа поднимается смех.

Проводив самурая, Тятя вышла на энгаву и залюбовалась лучами осеннего солнца, играющими в листве деревьев. В саду мирно покачивались пурпурные волны леспедец, там царил удивительный покой, рядом с которым жестокое буйство судьбы, накотившей штормом на нее и Хидэёри, казалось неуместным. Тятя вдруг поняла, что всю свою жизнь, даже презирая Такацугу, даже проникаясь к нему ненавистью, она тем не менее не переставала думать о нем. Высокородный мальчик, будущий воин, еще в детстве отвоевал себе место в ее сердце и остался там навсегда. Само имя Кёгоку, осиянное славой былых свершений, приводило ее в трепет, когда она была маленькой девочкой, и преклонение перед самурайским домом, растерявшим свое могущество, по-прежнему жило где-то в закоулках души взрослой женщины.

Тятю вдруг прошиб холодный пот. А ведь теперь, когда тайко мертв, она впервые в жизни свободна... Вольна делать все, что пожелает, не опасаясь гнева господина...

Ей осталось выполнить свой последний долг – привести к власти Хидэёри, и, как только эта задача будет решена, она, Тятя, если, конечно, ее посетит такая блажь, сможет отобрать у Охацу мужчину, которого когда-то сама... отвергла. Но в юности-то она его действительно любила, а он испытывал к ней настоящую страсть... Она отдала Такацугу сестре только на время и теперь имеет право его вернуть!

Очнувшись от сладостных мечтаний, Тятя внезапно осознала, что в реальности ситуация развивается совсем по-другому. Такацугу повернулся к ней спиной и в этот самый момент укрепляет замок Оцу, готовясь к обороне от войск ее союзников. Ради Хидэёри нужно срочно отговорить его от этого решения! Тятя принялась лихорадочно размышлять, кого бы отправить к нему с посланием, и вспомнила о семидесятилетней старухе по имени Атя, мастерице чайной церемонии, их с дамой Кёгоку давней приятельнице.

В тот же день госпожа Атя покинула Осаку и направилась в Оцу. Вернулась она два дня спустя. Заручившись поддержкой Тасуко, старая женщина пыталась склонить Такацугу на сторону Хидэёри, но безуспешно. Он велел передать Тяте, что нынешнее положение вещей определено законом кармы и никто из смертных не в силах в этом что-либо изменить. Ему же ничего не остается, кроме как молиться за спасение госпожи Ёдо и ее сына. Нынешняя война имеет лишь отдаленное отношение к ней и к маленькому господину Хидэёри, а посему он советует им набраться терпения и не покидать Осацкий замок, пока все не закончится.

Атя сообщила, что в замке Оцу уже сожжены призамковые посадки, лавки купцов, усадьбы вассалов и на их месте возведены частоколы, вокруг выставлены военные посты и приняты все меры предосторожности на случай осады. При этом с юга Оцу защищен лишь крепостной стеной да рвом, так что одного решительного штурма будет достаточно, чтобы замок пал.

В ночь на одиннадцатое число одиннадцатого месяца, сразу после возвращения Ати, совет западных сил в Осаке официально признал поведение Такацугу Кёгоку изменой и постановил начать осаду замка Оцу. Мотоясу Мори был назначен руководителем операции, Хидэё

канэ Мори – заместителем командующего. Семь осакских полков, несколько военачальников из провинции Ямато со своими самураями и подразделения, прибывшие с острова Кюсю, – всего пятнадцать тысяч воинов – выступили к Оцу. Осацкий замок в который раз погрузился в тишину.

Тятя ничего не знала о том, как идут дела в Оцу и что происходит на восточном фронте. В замке царило напряженное ожидание. Мысли его обитателей были заняты не столько осадой неприметной крепости Оцу, сколько решающей битвой, которая не сегодня завтра должна была разразиться на востоке. Вестовые на взмыленных боевых конях один за другим влетали в ворота замка, но Тятя и ее сын не покидали своих покоев.

В ночь на шестнадцатое число явился гонец с реляцией о взятии Оцу. Тятя услышала об этом из уст прислужницы и тотчас отправила посланника к Тэрумото Мори – впервые за долгое время она позаботилась справиться о положении дел на поле брани. Разумеется, прежде всего ее волновала судьба Такацугу, но она поостереглась задать этот вопрос напрямую. Посланник вернулся с лаконичным ответом Тэрумото: госпожа Ёдо может быть спокойна, после кровопролитных боев замок Оцу пятнадцатого числа был взят союзными войсками. О Такацугу – ни слова. Возможно, князь Тэрумото и сам ничего о нем не знал.

Тятя не спала до рассвета. «Такацугу конечно же погиб в сражении», – думала она, и сердце ее замирало от жалости к кузену, чья короткая жизнь с самых ранних лет была посвящена отчаянной борьбе за восстановление былого могущества прославленного дома Кёгоку. Когда Нобунага Ода, загнанный в ловушку, вспорол себе живот в Хоннодзи, Такацугу воспользовался случаем, чтобы напасть на вотчину Хидэёси в Нагахаме. Опять настало смутное время – теперь уже после смерти тайко, – и Такацугу повел себя точно так же: предал своего господина, поднял руку на Хидэёри. Похоже, он взял за правило в периоды больших перемен выбирать неверный путь. Но только Тятя, она одна, знала, что толкает его на предательство. У них не было нужды в объяснениях – они понимали друг друга без слов. Громкое имя, увенчанное воинской славой, баснословно богатые и знатные предки стали причиной всех бед молодого самурая...

Наутро после беспокойной ночи Тятю разбудила прислужница и доложила о визите Тэрумото Мори. Тятя побледнела при мысли о том, что лишь серьезное ухудшение ситуации на фронте могло привести к ней старого полководца в столь ранний час.

Тэрумото в полном боевом облачении устало вошел в ее покои и, не успев сесть, промолвил:

– Плохие вести, госпожа: наши войска разбиты при Сэкигахаре силами Токугава. Я получил реляцию полчаса назад.

– Когда состоялось сражение?

– В пятнадцатый день нынешней луны.

– Тогда же был взят замок Оцу?

– Верно. Что бы ни случилось, я буду защищать вас, госпожа, вас и молодого господина Хидэёри. Даже ценой собственной жизни. Вам не о чем беспокоиться, – попытался утешить ее князь Мори.

– Мне уже не раз приходилось видеть, как пылают и рушатся замки, я сумею сохранить хладнокровие и теперь, – без тени иронии отозвалась Тятя.

Она отчетливо помнила языки пламени, уничтожившие Одани, не забыла пожар в Китаносё. Она привыкла терять близких. Ее отец, мать, отчим, дядя были вынуждены покончить с собой. Она похоронила своего первенца. Тайко умер у нее на руках. Никого не осталось рядом с ней, и, если Такацугу тоже сложил голову на поле брани, зачем цепляться за жизнь?

Но есть еще Хидэёри... Ее Хидэёри должен жить! И она не имеет права умереть, пока не увидит его во главе страны, пока не приведет его к власти. Тятя почувствовала, как в сердце безудержно закипает гнев, направленный против тех, кто был в ответе за поражение при Сэки-

гахаре. Эти люди проявили глупость и малодушие, они пренебрегли ее советом, наделали ошибок и в итоге проиграли битву!

– Стало быть, скоро тут появится столько беглецов, что замок затрещит по швам. – На этот раз Тятя уже не смогла скрыть горькую иронию. Она дала понять, что аудиенция закончена, и Тэрумото Мори, бравый вояка, которому, по ее мнению, не хватало утонченности, удалился.

С наступлением сумерек, как и предполагала Тятя, маленькими группами начали прибывать самураи, оставившие поле битвы. С верхнего яруса сторожевой башни она видела, как один за другим на подступах к замку загораются бивуачные костры – пораженцы привечали собратьев по несчастью. Ближайшие вассалы уже сообщили ей, что в стане западных сил произошел раскол и завязался спор между партией полководцев, готовых идти до конца, призывающих окопаться в Осацком замке и сражаться до последнего, и партией благоразумных, склоняющихся к тому, чтобы сдать Иэясу Токугаве. В осакском гарнизоне осталось еще много самураев, и воины из разбитой армии продолжали прибывать. Тятя знала, что сопротивление возможно – Токугаве нелегко будет взять Осаку. Тайко лично руководил строительством этой уникальной крепости, она была неприступна. Но в отсутствие достойного предводителя, способного возглавить оборону, падение замка превращалось в вопрос нескольких дней. А от самых умных и влиятельных полководцев, таких как Мицунари Исида и Ёсицугу Отани, не было никаких вестей.

Вечером восемнадцатого числа Тятя услышала от одного из ближайших вассалов, что во время осады Оцу Такацугу удалось бежать и теперь он скрывается на горе Коя. По всей видимости, правитель Оцу взял ответственность за уничтожение замка на себя и выбрал добровольное изгнание, удалившись в один из буддийский монастырей.

Когда выяснилось, что ее кузен жив, все скорбные размышления о его судьбе и воспоминания о днях молодости показались Тяте смехотворными. В ней снова закипел гнев при мысли о том, что этот человек предал ее и Хидэёри, заключив союз с Иэясу Токугавой.

– Вот ведь нетерпеливый! – фыркнула она. – Не мог подождать всего пару дней – тогда бы Иэясу непременно наградил его как героя!

Такацугу действительно повернулся спиной к победе, которая уже сама шла к нему в руки. Впрочем, если подумать, такое поведение было вполне в его духе.

Тятя спустилась в ночной сад. Полная луна, застывшая в самой середине неба, щедро изливала на землю свой серебристый свет. Тятя не знала, что принесет ей новый день, но сердце ее внезапно преисполнилось покоя. Странно было чувствовать такую безмятежность в мире, который вот-вот обрушится и погребет тебя под обломками. Быть может, ее сердце просто смирилось с тем, что судьба слишком часто бывает жестокой?..

Она вдруг задумалась о своих сестрах Охацу и Когоо. Три княжны Асаи оказались в совершенно разном положении. Единственной, кому не приходилось бояться неопределенности будущего, единственной, чья жизнь не подвергалась непосредственной угрозе, была, пожалуй, Когоо, жена Хидэтады Токугавы, в тот момент пребывавшая в Эдо. Три года назад она родила дочь, и Тятя отправила ей по этому поводу благожелательное письмо, но Когоо, по своему обыкновению, не ответила – такая уж она была.

Несколько дней прошли для Тяти в тревожном ожидании. Ей страшно было думать о том, что где-то продолжаются бои, она понимала, что необходимо узнать о переменах во внешнем мире, но не находила в себе сил – до того уютно и тихо было в ее покоях, хотелось, чтобы это умиротворение осталось навсегда. Она не задавала вопросов даже ближайшим слугам. Пару дней в замке с утра до вечера царили шум и беготня, затем все опять стихло – вероятно, за это время в Осаке собралось и выступило в поход очередное воинство.

Двадцать седьмого числа Тятю неожиданно известили, что господин Токугава просит аудиенции у Хидэёри. Она понятия не имела о возвращении Иэясу. Выяснилось, что он при-

был утром, отдохнул с дороги в покоях западного крыла и после этого отправил к ней посланника. Иэясу сопровождал его сын Хидэтада. Всех полководцев из стана Хидэёри, до сих пор находившихся в Осаке, куда-то увезли.

Иэясу не замедлил появиться собственной персоной в покоях наследника Тоётоми. Тятя усадила гостя на почетном месте лицом к Хидэёри, сама опустилась на татами рядом с сыном.

– Молодой господин, скорблю о том, что не имел чести лицезреть вас столь долгое время. Вы заметно подросли и возмужали со дня нашей разлуки, – бесстрастно произнес Иэясу и обратился к Тяте: – Некоторые воины совсем потеряли стыд и проявили непочтительность, причинив вам беспокойство, госпожа Ёдо. Но теперь порядок восстановлен. Весьма сожалею о неудобствах, каковые вам пришлось претерпеть по вине заговорщиков.

– Ваша забота трогает меня до глубины души, мой господин. Позвольте поблагодарить вас за хлопоты, – промолвила Тятя.

Сами по себе слова были вежливы, но от них веяло таким холодом, что Иэясу не мог не понять: эта женщина сохранила достоинство, благодарить «спасителя» ей не за что. Он помолчал немного и продолжил:

– Мицунари Исида, Юкинага Кониси, Эйгё Анкокудзи взяты под стражу. Я привез их с собой в Осаку. Если желаете передать им послание, лично берусь его доставить.

– Мне нечего им сказать, – спокойно произнесла Тятя. – Что вы намерены с ними сделать?

– Двадцать девятого числа нынешнего месяца их проведут по улицам Осаки на осмеяние толпе, а в первый день новой луны казнят на Рокудзё-гаваре в Киото, – ответил Иэясу все с той же невозмутимостью. – Головы заговорщиков будут выставлены на мосту Сандзё в назидание прочим смутьянам.

Тятя почувствовала, что ледяной, недобрый взгляд задержался на ней чуть дольше, чем того требовал этикет, и подняла глаза. «На сей раз я уберег вас от этой жестокой участи, притворился, будто мне ничего не известно о вашем участии в заговоре, – хотел сказать Иэясу. – Но ежели вы опять затеете нечто подобное, на мое милосердие можете не рассчитывать. Вы тоже пойдете на плаху Рокудзё-гавары, и ваши головы будут красоваться на мосту Сандзё».

Тятя выдержала его взгляд.

– Никто не властен над своей судьбой. Смертным не дано прозревать будущее. Я никогда бы не подумала, что для столь доблестного и честного воина, как господин Исида, однажды настанут черные дни... Мой отец Нагамаса, мой отчим Кацуиэ тоже нежданно-негаданно встретили лютую смерть. Жизнь похожа на страшный сон...

За непроницаемым спокойствием этой речи, за каждым словом, срывавшимся с Тятиных уст, бушевала ненависть к Иэясу. «Нынче власть в ваших руках, но кто поручится, любезный господин Токугава, что однажды и ваша отрубленная голова не окажется на мосту Сандзё? С какой стати вы должны избежать участи, уже постигшей Нагамасу, Нобунагу, Кацуиэ и поджидающей Мицунари Исиду?» – в этом заключался истинный смысл ее ответа.

Как и обещал Иэясу, трое воинов были казнены в первый день одиннадцатой луны в столице, на Рокудзё-гаваре, а их головы, насаженные на копья, выставлены на мосту Сандзё рядом с головой Масаиэ Нацуки, который незадолго до казни соратников вспорол себе живот.

Еще какое-то время молва шумела о новых кровавых расправах. Восемнадцать самураев из гарнизона Фусими были обезглавлены по подозрению в тайных сношениях с осакским лагерем. Десятки воинов по малейшему подозрению в связях с заговорщиками приговаривались к смерти.

После победы Иэясу при Сэкигахаре уже никто не просил аудиенции у Тяти и Хидэёри. Многие, разумеется, старались держаться подальше от наследника тайко из страха попасть в немилость к Иэясу, но все-таки прекращение визитов главным образом свидетельствовало о том, что восстание было подавлено на совесть и большинство сторонников Хидэёри истреблены. В те мрачные дни лишь одна-единственная новость пролилась бальзамом на скорбящее

сердце Тяти: Такацугу получил от Иэясу землю в Васакэ с доходом в девяносто две тысячи коку риса. Это было значительное повышение – в Оцу его доход составлял всего шестьдесят тысяч. Такацугу, конечно, капитулировал под напором западных войск, но лепту свою в победу Иэясу тем не менее внес: перед решающей битвой при Сэкигахаре он оттянул на себя часть воинских сил из осакского лагеря, пожертвовав собственным замком, и помешал им успеть на выручку товарищам. Иэясу не обошел своим вниманием эту услугу, и в итоге Такацугу не только не был наказан за бегство с поля боя, но и удостоился награды за благонамеренность.

А ведь если бы он продержался в осаде всего на день или два больше, его слава гремела бы сейчас по всей стране... Впрочем, в этом и заключалась его извечная беда: Такацугу Кёгоку всегда был поверженным героем.

«Как же все это похоже на Такацугу, – думала Тятя. – Его внезапный переход на сторону Токугава, опасность, которой он тем самым подверг себя, оказавшись под ударом осакской армии, доблесть, проявленная в начале осады, решимость сражаться до конца и неожиданное бегство, стыд, который погнал его на гору Коя, желание смыть позор, удалившись от мира в монастырь, милость, проявленная вдруг Иэясу, и бессовестное возвращение, а в конце награда – новое княжество и девяносто две тысячи коку годового дохода...»

Она не простила ни Такацугу, ни Охаци предательство Хидэёри, союз с Иэясу и запретила себе вспоминать о них, но всякий раз, когда разум упрямо возвращался к этой теме, в сердце вопреки ее воле безудержно закипал гнев.

В шестую луну следующего, 6-го года Кэйтё¹¹⁷ дама Кёгоку, принявшая монашество, нанесла Тяте визит. Она считала, что ее брат покрыл себя позором, примкнув к лагерю Токугава. Рассказала Тяте, что, когда начался штурм, она находилась в главной башне замка Оцу. Осакские воины, осадившие замок Такацугу, пошли на приступ, завязался кровавый бой, вдруг ударили пушки, и башня содрогнулась, а она, Тасуко, потеряла сознание.

– Представляю, что вам пришлось вытерпеть, – посочувствовала Тятя.

– В жизни нужно мириться с неизбежным, да и потом мои страдания – ничто по сравнению с теми, которые терзают дух покойного тайко. Он смотрит на нас и не находит себе покоя. Как печален подлунный мир... – Дама Кёгоку покачала головой с искренним отвращением.

В гости к Тяте она наведалась с определенной целью: хотела попросить кузину выхлопотать для нее резиденцию в Киото. В свете последних событий она побрезговала обращаться за помощью к брату, зато, перед тем как отправиться к Тяте, заручилась поддержкой Госпожи из Северных покоев, вдовы тайко, которая в ту пору обосновалась в столице. При жизни Хидэёси дама Кёгоку люто ненавидела его законную супругу, но после его смерти это чувство притупилось, две женщины поладили друг с другом, и теперь Тасуко связывали с Госпожой из Северных покоев отношения почти такие же теплые, как с Тятей.

Тятя передала просьбу кузины Кацумото Катагири, чиновнику, который занимал в Осакском замке пост смотрителя женских покоев, и спустя месяц получила от Тасуко благодарственное письмо: ей отвели келью в киотоском монастыре Сэйдоин.

Вскоре после визита дамы Кёгоку Тятя прослышала о том, что Омаа вышла замуж за столичного вельможу, дайнагона¹¹⁸ Мадэнокодзи. Чего еще было ожидать от дамы Каги! Конечно же она забыла тайко, начала новую жизнь и теперь блистает в роли супруги знаменитого придворного сановника, о чьей красоте и величественной осанке слагают легенды!

Кровь еще дымилась на поле брани при Сэкигахаре, когда Иэясу решительно взял бразды правления страной в свои руки. До этого он еще как-то соблюдал формальности и внешние

¹¹⁷ 1601 г.

¹¹⁸ Дайнагон – ранг старшего советника при императорском дворе.

приличия – каждый раз перед оглашением важного решения просил аудиенции у Хидэёри и делал вид, что совещается с ним, теперь же он словно и забыл о существовании наследника тайко. Тятя и ее сын отныне не принимались в расчет, все относились к ним как в меру строптивым нахлебникам, живущим за счет Иэясу в его Осацком замке.

Сам Иэясу курсировал между Фусими и Эдо, где находилась его официальная резиденция, а в Осаке показывался крайне редко. Тем не менее от его пронзительного взгляда, способного, казалось бы, проникать сквозь стены, ничего не укрывалось, он знал обо всем, что происходило в Осаке. Формально хозяином замка считался Хидэёри, но фактически замок ему не принадлежал.

Прошло три года после битвы при Сэкигахаре. В двадцать второй день второй луны 8-го года Кэйтё¹¹⁹ Иэясу Токугава был назначен правым министром двора и возведен в чин сёгуна. В двадцать пятый день третьей луны он удостоился приема в императорском дворце. На пышной церемонии его сопровождали Хидэясу Токугава, Тадаоки Хосокава, Тэрумаса Икэда, Такацугу Кёгоку, Масанори Фукусима и прочие знатные воины, все до единого обязанные своим возвышением покойному тайко.

О визите Иэясу в чертог Небесного государя потом еще долго судачили в Киото, а начались эти пересуды еще до того, как он состоялся. Тятя с грустью вспоминала о том, с какой торжественностью в императорском дворце когда-то принимали Хидэёси. Ей больно было думать, что те же самые люди, полководцы из свиты тайко, теперь возносят почести Иэясу.

Вступив в должность сёгуна, Иэясу незамедлительно поднял вопрос о свадьбе Хидэёри и своей внучки Сэн-химэ, рожденной в союзе Когоо и Хидэтады. Такова была последняя воля тайко, об этом знали все воины из его окружения, и Иэясу понимал, что рано или поздно настанет день, когда ему придется выполнить обещание.

Тятя не могла просчитать все последствия этого шага, не дано ей было угадать и истинные мотивы решения сёгуна, но она не стала противиться женитьбе сына, обрадовавшись уже тому, что наконец-то Иэясу проявил уважение к пожеланиям тайко. Она не очень-то надеялась, что брак с внучкой сёгуна укрепит положение Хидэёри: в ту пору речь шла о пустой формальности – Хидэёри было всего одиннадцать лет, Сэн-химэ и того меньше – семь, и, что случится в будущем с этим союзом, предсказать не представлялось возможности. Кроме того, своими действиями в прошлом Иэясу уже не раз дал всему свету понять, что семейные узы для него ничего не значат. Некогда он даже пожертвовал родным сыном Нобуясой, чтобы доказать свою благонамеренность Нобунаге Оде, затем, в борьбе с Ходзё, пошел войной на собственного зятя Удзинао. Так что Тятя не питала иллюзий: брак с Сэн-химэ отнюдь не обеспечит Хидэёри безопасность. С другой стороны, она не забывала о том, что Сэн-химэ – дочь ее сестры Когоо. Стало быть, этот союз приобретал символическое значение: две женщины из клана Асаи в скором времени переплетут судьбы детей, плоть от плоти и кровь от крови своей. Политические узы в этом смысле приобретут вес и важность родственных.

Свадебная церемония была назначена на седьмую луну, и с конца весны в Осацком замке уже все с ног сбивались, занимаясь приготовлениями. Распорядителем торжества был назначен Кацумото Катагири. Иэясу тогда правил страной из Фусими, Сэн-химэ и ее родители жили в Эдо. С наступлением седьмой луны было официально объявлено, что госпожа Когоо с дочерью покинет Эдо в свадебной ладье и отправится в Осаку, а оттуда – в Фусими, где они пробудут до дня церемонии.

Тятя с радостью предвкушала встречу с сестрой после стольких лет разлуки.

Когоо и Сэн-химэ приплыли в Осаку на двадцать первый день седьмой луны. Тятя ждала их на пристани в сопровождении воинского эскорта. Перемены, произошедшие с сестрой,

¹¹⁹ 1603 г.

сразу бросились ей в глаза: Когоо расплелась так, что ее трудно было узнать, кожа на безучастном лице увяла, потеряла свежесть юности, взгляд был по-прежнему спокойным, но приобрел холодную пронзительность, движения сделались ленивыми, плавными. Все в ее облике говорило о пугающей бесчувственности. С бьющимся сердцем Тятя устремила на сестре, но та не проявила никаких признаков душевного волнения. Когоо держалась с высокомерным достоинством жены наследника сёгуна, которая и шагу не согласится ступить, если вокруг нее не будет целой армии прислужниц и свитских дам. В общественной жизни две сестры все так же занимали разное положение, но теперь они поменялись местами.

Когоо и Сэн-химэ провели ночь в Осаке, однако Тятя не стала их беспокоить, решив, что путешествие на ладье было утомительным и им требуется отдых. А на следующий день мать и дочь ни свет ни заря отправились в Фусими, и долгий разговор с сестрой, к которому Тятя давно готовилась, пришлось отложить до лучших времен.

Свадьба была назначена на двадцать восьмой день седьмой луны, и по мере приближения к этой дате оживление, установившееся в Осацком замке с конца весны, нарастало – принимались последние приготовления. Мнения знатоков ритуала разделились. Все сходились на том, что Сэн-химэ надлежит доставить в паланкине к подъемному мосту, а дальше начинались споры: одни считали, что паланкин следует накрыть отрезом наилучшего белого шелка и нести его к внутренним воротам замка по дороге, выстеленной циновками, другие полагали, что необходимо учесть презрение сёгуна к любым излишествам и обойтись без этой бессмысленной роскоши. В конце концов от идеи выстелить дорогу циновками решено было отказаться. В остальном план церемонии был одобрен: Окубо, правителю Сагами, предстояло отправиться навстречу свадебному паланкину к замку Фусими, а Асано, правитель Кии, должен был ждать процессию у подъемного моста Осаки. Тятя с превеликим неудовольствием отметила, что все вассалы, занятые устройством торжества, готовы в лепешку разбиться, лишь бы угодить сёгуну.

Настал день свадебной церемонии. Погода выдалась на славу – в небе ни облачка, солнышко припекает. В Фусими Сэн-химэ взойшла на расписную ладью, которая пустилась в плавание по Ёдогаве. Даймё из западных земель со своими вассалами несли стражу на берегах реки в окрестностях Фусими и Осаки; вдоль всего течения покой невесты охраняли три сотни лучников, копейщиков и стрельцов с ружьями. Ладья плавно скользила по речной глади, оставляя за собой белопенный след. Гребцам то и дело приходилось останавливаться или возвращаться обратно по требованию юной Сэн-химэ, которую путешествие весьма забавляло. В общем, на свадебный караван все это мало походило. Когда ладья во время очередного маневра села на мель, тридцать пеших воинов под предводительством Хорио, правителя Синано, вошли в воду с мотыгами и заступами, а на ладье между тем не смолкал звонкий смех в окружении юной невесты.

Свадебный пир состоялся в большом церемониальном зале Осацкого замка. Тятя сидела подле своего сына, лицом к Когоо, которая заняла место рядом с Сэн-химэ. Сёдзи, раздвинутые по всему периметру, открывали вид на белый песок и старые узловатые сосны.

Как только жених и невеста обменялись чарками, девочка вскочила и побежала на энгаву, а оттуда резво прыгнула в сад. Целая толпа придворных дам суматошно устремила за ней. Хидэёри, который в тот день был мрачнее, чем обычно, не пошевелился.

– Иди поиграй с ней в саду, – шепнула ему Тятя, но мальчик с бледным нервным лицом даже не посмотрел в ее сторону и продолжал молча и неподвижно сидеть, глядя прямо перед собой.

Тем вечером Тятя и Когоо вместе ужинали у открытых сёдзи. В просторных покоях гулял свежий ветер. Удивительное дело, женщинам долго не удавалось найти тему для беседы – обмениваются парой ничего не значащих фраз, кто-нибудь из двоих непременно смешается, и обе

опять умолкнут. Они были сестрами и в то же время смертельными врагами – и та и другая это остро осознавали и не могли преодолеть разъединивший их навсегда барьер, вот и сидели они, словно чужие, не решаясь начать важный разговор. Единственной общей и при этом вполне безопасной на первый взгляд темой оказалась жизнь Охацу. Когоо сообщила, что в последнее время часто с ней видится, и Тяте стало грустно и неприятно при мысли о том, что Охацу находит время съездить в Эдо к младшей сестре, а к ней, старшей, ни разу не заглянула, хотя Осака куда ближе...

За время общения с Когоо тем вечером Тятя окончательно удостоверилась, что в брачном союзе ее сына и племянницы нет никакого смысла. Она с самого начала утешала себя разными измышлениями, но никогда не испытывала настоящей радости по поводу этого события и догадывалась, что Когоо тоже не в восторге. Если бы тайко был жив, все сложилось бы по-другому! Тайко, с его скрупулезным вниманием к мелочам, сумел бы сделать из свадьбы сына великий праздник, устроил бы в садах представления театра Но, пригласил бы борцов сумо и акробатов... Даймё со всех концов страны пировали бы, веселились, поднимали чарки за счастье новобрачных дни и ночи напролет... Конечно, в тот вечер во внутренних покоях замка тоже шел свадебный пир, на нем присутствовало множество знатных воинов, но здравицы и смех не долетали до того места, где тихо сидели Тятя и ее младшая сестра. Быть может, и не было там никакого веселья...

– Луна взошла! – внезапно воскликнула Когоо, обратив бледное лицо к ночному светилу, которое мерцало в саду над вершиной насыпного холма.

Глядя на профиль сестры, Тятя вспомнила маленькую девочку, которой Когоо была когда-то, и в первый и последний раз за этот вечер легкая тоска по прошлому затопила ее сердце, заставив ощутить кровное родство с незнакомкой, сидевшей рядом с ней.

– Должно быть, в Эдо луна прекрасна, – поддержала беседу Тятя.

– Не так уж она и отличается от той, что я вижу сейчас, – отозвалась Когоо. Помолчала немного и добавила: – Если подумать, всю свою жизнь я смотрела на луну из разных мест... Луна над Ооно... – Она осеклась.

А Тятя внутренне содрогнулась. Разумеется, сестра хотела рассказать, как красива полная луна над Ооно, и, если она передумала, это значит, что боль утраты, скорбь по первому мужу – Ёкуро Садзи, правителю Ооно, – и двум дочерям все еще слишком сильна в ней.

– Многое произошло за эти годы, – тихо проговорила Тятя. – Но я рада, что мы с тобой не погибли в пожаре, уничтожившем Китаносё. Если бы мы покинули этот бранный мир тогда, вместе с матушкой, то не смогли бы нынешним вечером любоваться луной.

– Вы правда так думаете? – удивилась Когоо. – А я столько раз жалела, что не ушла вслед за матушкой! И полагала, что вы тоже жалеете... Я всегда была уверена, что вы хотели бы разделить ее судьбу. Думаю, и теперь...

– Теперь у меня есть Хидэёри.

– А у меня когда-то были две дочери.

– Ты до сих пор ненавидишь меня, Когоо?

– Что вы, сестрица, как можно? Я ненавижу тайко, – спокойно сказала Когоо.

– Но неужели сейчас, после свадьбы его сына и твоей дочери, эта ненависть не утихла? – осторожно спросила Тятя.

– Разумеется, нет, – отрезала младшая сестра и, помолчав, добавила: – Если у них родится ребенок, в нем будет течь твоя кровь, моя, тайко и сёгуна. Прелюбопытная смесь!

Когоо тихо засмеялась, а у Тяти по спине пробежал холодок – она пришла в ужас, представив себе дитя, которое может появиться на свет от четырех таких разных людей. Скорее масло смешается с водой, чем их кровь соединится!

– Тайко, должно быть, тоже веселился от души, замышляя этот союз, – отсмеявшись, покачала головой Когоо.

В тот вечер согласие между сестрами так и не установилось. Казалось, ничто и никто не в силах заставить Когоо изменить отношение к Хидэёси. Тятя, со своей стороны, решила впредь рассматривать Сэн-химэ не как жену сына, а как заложницу из дома Токугава в Осакском замке. В будущем она вознамерилась подобрать в законные супруги Хидэёри более достойную девушку.

В седьмой день седьмой луны 9-го года Кэйтё,¹²⁰ одиннадцать месяцев спустя после свадьбы Хидэёри и Сэн-химэ, Когоо в Эдоском замке дала жизнь второму ребенку Хидэтады. Это был мальчик, которому предстояло войти в историю под именем Иэмицу, третьего сёгуна из дома Токугава. Всепоглощающая радость, дарованная наконец судьбой после длинной череды бед и невзгод, стала первым взносом в копилку грядущих счастливых событий, которые отныне должны были вознаграждать Когоо за все выпавшие на ее долю страдания. Она сделала шаг к этому новому, безоблачному существованию в тот день, когда обменялась брачными чарками с Хидэтадой, которого в ближайшем будущем ждал чин сёгуна, и все же до рождения сына скорбное прошлое камнем давило на ее сердце, трагической тенью лежало на челе. Разрешившись от бремени и прижав к груди крошечного наследника дома Токугава, Когоо внезапно и бесповоротно поняла: теперь уже ничто не властно над ее счастьем. Правитель более могущественный, чем ее первый муж Ёкуро Садзи, распорядился по-своему, сделал ее вдовой, отнял двух дочерей, но с этого дня никто не в силах отобрать у нее Хидэтаду и сына. Не потеряет она супруга и на поле брани, где когда-то сложил голову ее второй муж, Хидэкацу Хасиба. Власть клана Токугава простерлась над всей страной, она непоколебима, а пробивающиеся то здесь, то там ростки гражданской войны скоро будут вырваны с корнем, и тогда уже никто не посмеет посягнуть на ее дом!

О рождении племянника Тятя узнала с опозданием – малышу уже исполнился месяц. Новость не вызвала у нее ни малейшего интереса, однако она не замедлила сочинить от имени Хидэёри благопожелательное письмо Иэясу и Хидэтаде, а также отправить богатые дары младенцу. Зато Когоо она поздравила с искренней радостью, как женщина, которая знает, что такое таинство и муки рождения, может поздравить любимую сестру, прошедшую через то же испытание. К ее удивлению, вернувшийся из Эдо гонец привез вежливый ответ – не в привычках Когоо было отвечать на послания, не содержавшие вопросов. Тятя сразу узнала крупный небрежный почерк, более подобающий мужчине; Когоо ошиблась в написании нескольких иероглифов и, вместо того чтобы перебелить коротенькую записку, замазала их, по своему обыкновению, тушью и начертала заново слева от столбцов. Эта с детства знакомая неряшливость сестры очень позабавила Тятю. Одно обстоятельство ее насторожило: в письме, каждый знак которого дышал безмятежным счастьем, Когоо ни разу не упомянула о восьмилетней Сэн-химэ, со дня свадьбы с Хидэёри жившей в Осаке, вдали от матери, не справилась о ее здоровье и настроении. Благое событие – рождение наследника, – казалось, заставило ее позабыть о самом факте существования дочери. Сэн-химэ была, конечно, девочкой, но Когоо все же выносила это дитя в своем чреве и растила до семи лет – на ее месте любая мать хоть немного погрустила бы в разлуке с чадом и побеспокоилась о нем. Когоо же, судя по всему, совершенно не волновала судьба дочери.

Да и сама Тятя, лишь прочитав письмо сестры, вспомнила о племяннице, доверенной ее опеке и живущей под одной крышей с ней. До этого она редко думала о Сэн-химэ и вызывала в памяти детское личико только для того, чтобы поздравить себя с тем, что в Осаке есть заложница из дома Токугава. Теперь же она прониклась к девочке жалостью. О жизни Сэн-химэ ей мало было известно, кроме того, что маленькая госпожа не знает ни забот, ни хлопот – из Эдо в Осаку отрядили целую армию прислужниц и самураев, которым надлежало присматривать

¹²⁰ 1604 г.

за внучкой сёгуна и выполнять все ее желания. Тятя раз и навсегда дала себе слово не вмешиваться в жизнь племянницы.

В начале 10-го года Кэйтё¹²¹ было объявлено об официальном визите Хидэтады в Киото, назначенном на третью луну. О цели посещения сыном Иэясу императорского дворца Тятя ничего не знала, а вассалы Хидэёри, изредка навещавшие ее, тоже не могли приоткрыть завесу тайны.

Молва, долетавшая до Осацкого замка, шумела о том, что Хидэтада должен торжественно вступить в столицу в сопровождении ста тысяч воинов, по примеру самого сёгуна Ёритомо,¹²² который в давние времена вместе со своей армией под командованием Хисатады Хатакэямы покинул Камакуру и через двадцать дней вошел в Киото.

Сын Иэясу, по слухам, собирался повторить это внушительное действие. Официальной причиной визита ко двору считалось желание Хидэтады принести Небесному государю нижайшую благодарность за его назначение на пост предводителя Правой императорской гвардии, состоявшееся в минувшем году, но Тятя подозревала, что это всего лишь прикрытие основного замысла: на самом деле предстоящий военный парад должен был показать ей, матери наследника Тоётоми, сторонникам Хидэёри и всей Японии, сколь велико могущество клана Токугава.

С восходом третьей луны путешествие Хидэтады в Киото состоялось, как и было задумано. Прошло оно с небывалым размахом. В Кинки потом долго еще обсуждали блестящую свиту сына сёгуна, гордую поступь его сотысячного войска.

На стенах призамковых посадов Осаки и Киото появились надписи: «Господин Хидэёри, берегитесь!»

Тятя изо всех сил старалась не обращать внимания на тревожные слухи, порожденные визитом Хидэтады в столицу. Все это ей настолько не нравилось, что в конце концов она запретила свитским дамам и ближайшим вассалам, старавшимся держать ее в курсе происходящего, даже упоминать при ней о демарше сёгуната. Дело это, однако, получило развитие, на которое Тятя уже не могла закрыть глаза. Через месяц после демонстрации военного могущества дома Токугава стало известно, что Иэясу в начале четвертой луны неожиданно подал в отставку с поста сёгуна, передав свой чин Хидэтаде. Новость эта с молниеносной быстротой достигла Осацкого замка.

Тятя, услышав о том, сделалась бледной как смерть. Она не предвидела такого поворота событий, но, поразмыслив, поняла, что ничего лучшего лукавый Иэясу и придумать не мог. Этот ловкий маневр обеспечил ему нерушимую стабильность положения дома Токугава: реальная власть осталась в его, Иэясу, руках, старший сын еще при жизни отца унаследовал пост сёгуна. Старый полководец в очередной раз проявил себя прекрасным стратегом.

– Нет, это невозможно! – не сдержалась Тятя перед князьями Като и Фукусимой, сообщившими ей ужасную новость. В глубине души она уже точно знала, что это – правда, неизбежное свершилось, но удар был настолько сокрушительным, что бедняжка отказывалась верить посланникам.

Через несколько дней, двенадцатого числа четвертого месяца, Хидэёри сообщили, что он понижен в придворной должности: отныне его будут титуловать не «дадзё-дайджин» («великий министр»), а «удайджин» («правый министр»). Прошло еще три дня, и выяснились причины этого вопиющего решения: когда в седьмой день четвертой луны Иэясу подал в отставку с поста сёгуна, он сразу же был назначен великим министром и удостоился первого старшего придворного ранга без официального извещения о том.

¹²¹ 1605 г.

¹²² Минамотоно Ёритомо (1147–1199) – первый военный правитель Японии, основавший камакурский сёгунат в 1192 г.

Новость эта привела в движение остатки западных сил. Все воины, некогда выступившие против Иэясу, ранним утром съехались в Осацкий замок. На главном дворе снова ржали боевые кони и бряцало оружие.

В тот день Тятя наконец-то поняла истинный смысл визита Хидэтады в Киото со стотысячной армией: известие о том, что Иэясу передал своему сыну чин сёгуна, могло вызвать волнение в Кинки, мятежники снова начали бы стягивать силы к Осаке, и вот тут-то сто тысяч воинов, готовых в любой момент покинуть Киото и выступить в Осаку, чтобы навести там порядок, пришлось бы очень кстати. Им нужно было только пересечь равнину Ямадзаки и подняться по Ёдогаве.

Отречение Иэясу от поста сёгуна в пользу своего прямого наследника Хидэтады ясно доказывало, что он не намерен возвращать власть клану Тоётоми. Тятя, разумеется, с самого начала догадывалась, что отобрать у него бразды правления и вручить их Хидэёри будет не так-то просто, тем не менее питала надежду, что со временем этот вопрос как-нибудь да решится в интересах ее сына. Теперь надежда умерла. Никогда раньше ей в голову не приходило, что не истечет и семи лет со смерти тайко, а от дома Тоётоми не останется камня на камне.

Иэясу только что продемонстрировал ей волчьи клыки, которые до поры до времени искусно скрывал.

На следующий день в Осацкий замок явился посланник от Госпожи из Северных покоев. Тятя, против своих правил, приняла его немедленно. Вдова тайко настойчиво рекомендовала даме Ёдо отправить Хидэёри в столицу, где он должен будет поздравить нового сёгуна с назначением на высокий пост.

Передавший послание молодой воин с узким нервным лицом был Тяте незнаком. Поручение он получил от Госпожи из Северных покоев, однако не приходилось сомневаться, что за всем этим стоит Иэясу Токугава, который уже не однажды проявлял склонность окружать себя всевозможными предосторожностями и на сей раз не изменил своей привычке.

– Увы, не могу ответить согласием на столь любезное приглашение даже несмотря на то, что исходит оно от Госпожи из Северных покоев, – холодно проговорила Тятя. – Токугава всегда были вассалами Тоётоми, а не наоборот, посему, если его высокопревосходительство Хидэтада желает видеть моего сына, этикет требует, дабы он сам явился в Осаку. Извольте передать это Госпоже из Северных покоев по возвращении в столицу.

Эти слова стремительно облетели весь замок, а вскоре их уже передавали из уст в уста горожане. Через несколько дней слухи о новом неотвратимом столкновении сил Токугава и Тоётоми заполнили Осаку и Киото; словно в подтверждение этим слухам, в окрестностях появились ронины, которые отрядами по десять—двадцать человек бродили между Осацким замком и столицей, предлагая свои услуги. Как только народ уверовал в угрозу очередной войны, на трактах начали появляться беженцы, спешившие убраться со своим скарбом подальше из Киото, Осаки и ближних деревень.

Внимания к слухам о назревавшей междоусобице не проявляли только Тятя и Иэясу. Иэясу прекрасно знал, что осакский лагерь не в состоянии выставить против него больше десятка тысяч воинов, а Тятя, со своей стороны, не могла не понимать, что ее замок не продержится и часа, если стотысячная армия, расквартированная в Киото, пойдет на него штурмом.

На десятый день пятой луны в Осаку явился, как и ожидала Тятя, посланник бакуфу¹²³ и испросил аудиенции у Хидэёри.

Визит представителя сёгуната Тятю обрадовал – она расценила его как доказательство того, что дом Тоётоми еще не до конца растерял свое влияние; на душе у нее стало немного легче. Посланник бакуфу был принят Хидэёри и в тот же день вернулся в Фусими.

¹²³ Бакуфу («полевая ставка») – то же, что сёгунат, военное правительство, возглавляемое сёгуном.

С его отъездом Тятин образ мыслей снова изменился. Она уже не чувствовала себя победительницей. Возможно, на сей раз ей и удалось заставить сёгуна склониться перед наследником тайко, однако никакого ощутимого преимущества Хидэёри это не дало. Сидя в своих покоях у раздвинутых сёдзи, Тятя подставляла лицо свежему вечернему ветерку и мрачно размышляла о будущем – собственном и своего сына. Она не сомневалась, что посланник из Фусими прибыл в Осаку по приказу Иэясу. Скорее всего, новый сёгун Хидэтада об этом демарше даже не подозревал.

В середине шестого месяца того же года Тятя услышала о смерти дамы Каги – Омаа покинула подлунный мир, не прожив и тридцати шести лет. Тятя никогда не питала приязни к своей давней сопернице, но теперь, когда Омаа больше не было, между ними перестала существовать эмоциональная связь – ни о любви, ни о ненависти уже не могло быть и речи, Тятя получила возможность беспристрастно вспоминать прошлое. И воспоминания о жестоком противостоянии, бушевавшем в те времена, когда тайко был жив, окрасились в ностальгические тона. Своей красотой дама Кара затмевала всех остальных наложниц покойного властелина. Вот она в роскошных одеждах медленно поднимается по горной тропе за Госпожой из Северных покоев на празднике любования цветами в Дайго... Как хороша... Все осудили ее скоропалительную свадьбу с дайнагоном Мадэно-кодзи сразу после смерти тайко, но люди не имели на это права – в них говорила человеческая глупость; Тятя же прекрасно понимала причины ее решения. Омаа никогда и ни к чему не чувствовала глубокой привязанности. Она согласилась стать наложницей тайко и чисто по-женски ревновала его к своим соперницам, но в глубине души, вероятно, не питала к своему господину ни истинной любви, ни уважения. Поэтому, когда его не стало, она, не заботясь о том, что скажут окружающие, поспешила выбрать путь законной супруги столичного вельможи – путь, на котором расцветет ее женственность и будет удовлетворено тщеславие. Быть может, к этому решению ее подтолкнула врожденная гордость дочери самого Тосиэ Маэды, воина из древнего знатного рода.

Тятя немедленно послала гонцов с посмертными дарами в храм Дайтоку на равнине Мурасаки, где состоялись похороны Омаа, и дала себе обещание непременно сходить на могилу, как только в следующий раз судьба приведет ее в окрестности Киото.

С тех пор как Хидэтада занял пост сёгуна, власть клана Токугава крепла день ото дня. В 11-м году Кэйтё,¹²⁴ через год после его назначения, началось строительство нового Эдоского замка. В 9-м году Кэйтё по приказу бакуфу уже был отреставрирован Фусими силами даймё из западных земель, но Эдоский замок обещал стать еще более роскошной и внушительной цитаделью. Лучших плотников и каменщиков согнали в Эдо со всех концов страны, три корабля, груженные каменными блоками, пришли из княжества Идзу. Когда строительство было закончено, в народе шептались, что Осацкий замок, которым некогда так гордился тайко, кажется крошечным и незначительным по сравнению с новой неприступной твердыней.

Однако Токугава, для того чтобы увековечить свое могущество, не ограничились двумя замками. В 12-м году Кэйтё было объявлено о строительстве цитадели в Сумпу, колыбели этого рода, через год мастеровые начали трудиться на склонах Сасаямы в провинции Тамба, затем, во втором месяце 15-го года Кэйтё, настал черед крепости Нагоя.

Официально передав власть сыну, Иэясу перенес свою резиденцию в западное крыло Эдоского замка, а в 12-м году Кэйтё перебрался в Сумпу, и этот город наравне с Эдо стал политическим центром страны. Все приказы государственной важности отныне исходили из Эдо или Сумпу, а Киото и Осака превратились в обычные уездные городки.

¹²⁴ 1606 г.

Летом 13-го года Кэйтё¹²⁵ Тятя приняла у себя в Осацком замке редкого гостя – Такацугу Кёгоку. Они не виделись десять лет, со дня похорон тайко в 3-м году Кэйтё. Битва при Сэкигахаре и союз Такацугу с кланом Токугава развели их по разные стороны барьера, эти события и нынешнее положение в обществе каждого из них не располагало к дружескому общению. Такацугу, однако же, исправно слал Тяте благожелательные письма и дары по случаю новогодних праздников и смены сезонов каждую зиму и каждое лето. И всякий раз Тятя вежливо, но с многозначительной краткостью отвечала ему.

Такацугу сравнялось сорок пять, он начал стареть. Благородное происхождение позволило ему сохранить независимость по отношению к бакуфу – Кёгоку не были ни хатамото, ни гокэнин, ни фудай-даймё,¹²⁶ а Иэясу по-прежнему дарил его своей милостью.

Визит кузена навеял Тяте грустные воспоминания. Во времена битвы при Сэкигахаре поведение Такацугу привело ее в ярость, теперь же она вынуждена была признать, что, если бы он сохранил верность тайко и Хидэёри, род Кёгоку давным-давно был бы уничтожен – Такацугу сложил бы голову на поле брани или на плахе, как все остальные.

Она пригласила кузена отобедать. Тем для беседы у них хватало, однако говорили они мало. Такацугу растерял юношескую пылкость, его манеры сделались вальяжными, речь – плавной. Он стал зрелым мужчиной, многого достиг в жизни, но навсегда лишился задора, непримиримости, романтического ореола, которые когда-то так привлекали в нем Тятю. Она все гадала, что привело кузена в Осаку, и вскоре цель его неожиданного визита проявилась: Такацугу явился с намерением убедить ее в том, что, если в следующий раз сёгун или его отец Иэясу пожелают увидеть Хидэёри в столице, наследник тайко должен будет покориться их воле. Слушая его, Тятя поняла: время, когда она могла противиться приказам клана Токугава, истекло. «Не позволяйте чувству обиды и суетным сожалениям толкать вас в бой за фамильную честь, которая уже ничего не значит», – хотел сказать ей Такацугу.

– Разумеется, я последую вашему совету, – покорно кивнула Тятя. – Благодарю за заботу.

– Зная ваш гордый нрав, думаю, это будет для вас не просто, однако смирение есть первейшая из добродетелей.

«Тот Такацугу, которого я когда-то знала, ни за что не произнес бы эти слова», – с грустью подумала Тятя. Ей уже не удавалось представить себе, что в молодости она любила этого человека. Кто из них изменился – она или он? И все же Тятя была рада снова, вот так запросто, пообщаться с одним из старых друзей. Такацугу заночевал в Осацком замке, а на следующее утро, перед отъездом, опять нанес ей визит. Прежде чем удалиться, он повторил свой совет.

В новом году, 14-м под девизом правления Кэйтё,¹²⁷ Такацугу покинул сей бранный мир в возрасте сорока шести лет. Его смерть опечалила Тятю, но не стала для нее потрясением. Возможно, не повстречайся они год назад, ее скорбь оказалась бы глубже, теперь же в Тятиной душе не было ничего, кроме теплой сестринской привязанности к воину, который не поленился нанести ей визит только для того, чтобы научить смирению. Соболезнования, выраженные ею в письме к Охацу, были искренними.

Тятя осталась одна. Хидэёси, Удзисато, Такацугу – все были мертвы. Хидэёри исполнилось семнадцать. Она была его матерью, его возлюбленной, его вассалом, она не задумываясь отдала бы за него жизнь. Такацугу так и не смог ее убедить, что смирение есть первейшая из добродетелей, она чувствовала в себе решимость сражаться до последнего вздоха с тем, кто дерзнет запятнать честь ее сына. И эта решимость крепла в ней день ото дня.

¹²⁵ 1608 г.

¹²⁶ Хатамото («знаменосцы»), гокэнин («почетные члены семьи») – прямые вассалы сёгуна, подчинявшиеся непосредственно военному правительству и обладавшие определенными привилегиями. Фудай-даймё – воинская знать высшего ранга, князья, присягнувшие в верности клану Токугава и сражавшиеся за него в битве при Сэкигахаре.

¹²⁷ 1609 г.

X

На новогодних торжествах 15-го года Кэйтё¹²⁸ Тятя отправила благопожелательное письмо и дары Иэясу в Сумпу. Поначалу она роптала – мол, с какой это стати мать наследника тайко должна первой поздравлять вассалов своего сына, – но Кацумото Катагири долго ее уговаривал уступить, и в конце концов Тятя скрепя сердце согласилась. В делах, касавшихся достоинства Хидэёри из дома Тоётоми, она всегда проявляла непреклонность, однако на сей раз сдалась – слишком мало времени прошло со дня смерти Такацугу, его слова о смирении, несмотря ни на что, запали ей в душу, и она решила последовать совету Кацумото Катагири в память об ушедшем друге.

Хидэтада уже пять лет занимал пост сёгуна. В свое время, едва вступив в должность, он потребовал от Хидэёри явиться к нему в Фусими – тогда Тятя ответила категорическим отказом, заявив, что, коли сёгун Токугава желает видеть ее сына, пусть сам приедет в Осаку и испросит у него аудиенции. В тот раз Хидэтада, самый могущественный человек в стране, стерпел, теперь ей больше не приходилось рассчитывать на поблажки. Наследник тайко и его мать, безвыездно сидевшие в Осаке, уже не имели никакого влияния – все решалось в Эдо, где находилась резиденция Хидэтады, или в Сумпу, в замке Иэясу; Тятя прекрасно это понимала, но по-прежнему отказывалась склонять голову перед Токугава. Она снизошла до того, чтобы поздравить своего врага с Новым годом – в первый и последний раз! – только из чувства долга перед человеком, которого любила в молодости. В ответ на ее благопожелательное письмо из Сумпу явился гонец с вежливым посланием и дарами от Иэясу.

На следующий год, когда Кацумото Катагири снова принялся убеждать ее в том, что она должна поздравить отца сёгуна, Тятя сдаваться уже не собиралась. Кацумото заметил, что это будет выглядеть странно: в прошлом году Иэясу получил от нее знаки внимания, а в этом она намерена промолчать; но Тятю волновало другое: соизволит ли Иэясу во второй раз ответить на ее благопожелания? Уж лучше рассматривать свою прошлогоднюю слабость как исключение и смело презреть формальности, чем подвергнуться со стороны отца сёгуна унижению.

Тятя, впрочем, могла сколько угодно рассуждать о вассальном долге Токугава по отношению к Тоётоми и дорожить своими принципами – за минувший год ситуация в стране снова претерпела коренные изменения. Могущество Токугава росло, они уже не скрывали своего пренебрежения Осакой, бакуфу демонстративно закрывало глаза на сам факт существования Хидэёри и его матери. Кое-кто из знатных воинов, сблизившихся с Токугава, пока еще продолжал признавать свои обязательства перед тайко и его сыном – Кацумото Катагири, к примеру даймё Като, Фукусима и Асано, – однако большинство разорвало все связи с Осакой. Выжившие в пору битвы при Сэкигахаре и последовавших за ней репрессий воины, которые в давние времена хранили верность даме Ёдо и Хидэёри, знали, что теперь за ними пристально следят из Эдо и любой их неосторожный поступок будет сочтен государственной изменой.

В 16-м году Кэйтё Кацумото Катагири удалось-таки сломить Тятино сопротивление – после долгих уговоров та согласилась во второй раз отправить Иэясу новогодние дары и благопожелания. Но, как она и опасалась, ответа из Сумпу не последовало.

Вторая луна сменила первую, и Тятя устроила в Осацком замке пир в честь начала цветения сливы. Хидэёри наравне с остальными взрослыми воинами присутствовал на том празднике. В саду прислужницы расстелили циновки меж сливовых деревьев, подали яства и напитки, и гости трапезничали, услаждая взор дивным зрелищем. А Тятя глаз не могла отвести

¹²⁸ 1610 г.

от профиля сына, медленно подносившего к губам тёко,¹²⁹ которое свитская дама только что наполнила сакэ. Хидэёри исполнилось девятнадцать. Он стал прекрасным молодым воином.

Тяте казалось, что сын ее необычайно красив: огромные прозрачные глаза, прямой нос, матовая бледная кожа... Он унаследовал правильные черты лица от матери и был похож одновременно на своего родного деда, Нагамасу Асаи, и двоюродного деда – Нобунагу Оду. В его характере проявлялась безудержная отвага и дерзость молодого тайко, он обладал сильной волей и энергией, но вместе с тем умел сосредоточиться на мелочах. Ростом Хидэёри, по счастью, пошел не в отца и не в мать – к девятнадцати годам был уже высок и статен. Стоя рядом, Тятя едва доставала макушкой до его плеча и замирала от восхищения, любуясь собственным ребенком.

Сэн-химэ тоже присутствовала на пиру – по всей видимости, ее пригласил Кацумото Катагири, поскольку сама Тятя давным-давно и думать забыла о своей невестке. Между тем супруге Хидэёри уже исполнилось пятнадцать, стало быть, в Осаке она провела восемь лет – в неизвестности, словно некое сокровище, доверенное кланом Токугава под охрану клану Тоётоми. На свадьбе Хидэёри и Сэн-химэ Тятя приняла решение относиться к девочке как к заложнице из дома Токугава, а не как к законной жене сына, и за долгие восемь лет не изменила этого решения. Оно, казалось бы, нашло отклик и в поведении юных супругов, которые с момента обмена брачными чарками и до сих пор, судя по всему, не считали себя семейной парой.

При появлении Сэн-химэ в саду Тятя сделала ей знак приблизиться; девушка, пришедшая в окружении нескольких свитских дам, слегка склонив голову, направилась к ним и заняла место неподалеку от Хидэёри. Внешне Сэнхимэ больше походила на своего отца Хидэтаду, чем на Когоо: у нее было овальное личико с правильными, строгими чертами. Зато нравом она пошла в мать – в ее движениях, речи, походке проявлялась та же безмятежная отстраненность, отличавшая когда-то юную Когоо. Тятя не могла не признать, что Сэн-химэ красива; прелесть невестки показалась ей в тот день такой же неоспоримой, как мужественная красота Хидэёри.

Молодые супруги поприветствовали друг друга наклоном головы, продолжая хранить молчание. Сэн-химэ со скучающим видом то посматривала на сливовые ветви, усыпанные цветами, то опускала взгляд к своим рукам, лежавшим на коленях. Тятя, сидевшая поодаль, украдкой наблюдала за ней. Она пригласила невестку присоединиться к ним с Хидэёри, но не испытывала ни малейшего желания заводить беседу. Девица из дома Токугава, по ее мнению, заслуживала соответствующего обращения – слишком свежа была обида, нанесенная Иэясу, дедом Сэн-химэ, который не ответил на Тятино новогоднее поздравление, и внучке теперь приходилось расплачиваться.

– Пойдемте любоваться сливой в другой конец сада, – внезапно предложила Тятя.

Многочисленные вассалы и дамы из ее окружения поднялись одновременно со своей госпожой. Тятя, которую присутствие невестки стало раздражать, хотела бросить ее в полном одиночестве, но, поскольку Хидэёри даже не пошевелился, часть вассалов остались сидеть подле него и Сэн-химэ.

Тятя с десятком придворных дам прогулялась под сливами в лучах зимнего солнца, пронзавших белое марево лепестков. Женщины весело щебетали и пересмеивались на ходу, Тятя медленно шла вперед, время от времени обмениваясь с ними лаконичными репликами. Вдруг она обернулась и посмотрела туда, где только что сидела. Небольшая группа воинов во главе с Хидэёри оставалась на прежнем месте. Тятя в общем-то и не ожидала, что сын покорно последует за ней, и все же ей не понравилось, что он остался на циновке. Цель, впрочем, и без того была достигнута: Сэн-химэ очутилась теперь немного в стороне от свиты мужа, никто не заго-

¹²⁹ Тёко – маленькая чашечка для сакэ.

варивал с ней, и она казалась жалким, потерянным ребенком. Тятя окинула ее удовлетворенным взглядом и отвернулась.

Дней через десять после праздника любования цветущей сливой одна из прислужниц принесла Тятю весьма неожиданное известие: в последнее время Хидэёри вечерами навещается в покои Сэн-химэ.

Тятя выслушала прислужницу с недоверием. Сэн-химэ, конечно, законная супруга Хидэёри, но лишь формально; сын тайко не может питать к девице из дома Токугава никаких чувств, кроме ненависти, – что ему делать в покоях Сэн-химэ?! Тем не менее Тятя поручила своим приближенным разведать все поподробнее. Результат дознания вывел ее из заблуждения: со дня любования цветущей сливой Хидэёри проводит ночи в опочивальне супруги. К девятнадцати годам у юного наследника тайко уже было несколько наложниц, и Тятя о его похождениях прекрасно знала. В этом возрасте все молодые люди проявляют интерес к противоположному полу – что тут такого? Она и не думала ему препятствовать. Но интимная связь сына с Сэн-химэ повергла ее в панику. С одной стороны, свадебная церемония между двумя детьми состоялась восемь лет назад, малолетняя чета выросла, и нет ничего удивительного в том, что муж с женой, достигнув брачного возраста, выполняют свой супружеский долг, – это даже вполне естественно. С другой стороны, Тятя не могла смириться с тем, что положение ее племянницы в Осакском замке изменится, – ведь ради безопасности Хидэёри им по-прежнему нужна заложница на случай нового столкновения с Токугава.

Однако, тщательно обдумав последствия поступка сына и то значение, которое приобретет для него Сэн-химэ, Тятя немного успокоилась. Хидэёри, плоть от плоти ее, разумеется, не способен потерять голову от любви к внучке Иэясу; в нем конечно же кипит горячая кровь тайко, большого ценителя женских прелестей, а посему Сэн-химэ для него – не более чем мимолетное увлечение. Просто-напросто Хидэёри, как и его отец, не может спокойно смотреть на красивую девушку – ему нужно ею обладать, вот он и воспользовался случаем удовлетворить свою прихоть.

Проанализировав отношения молодых супругов, Тятя окончательно убедила себя в том, что бояться нечего. Статус ее племянницы в Осакском замке не изменится: Сэн-химэ, как и прежде, будет заложницей, чья жизнь и смерть навсегда останутся в ее, Тятиных, руках.

В двадцатый день третьей луны Иэясу, отец сёгуна Хидэтады, прибыл из Сумпу в столицу и неожиданно выразил желание побеседовать с Хидэёри. Он долго не позволял себе поступков, ведущих к открытому противостоянию, однако на сей раз незамедлительно отправил в Осаку Ураку Оду с приказом Хидэёри явиться в Киото. Дерзкое требование Иэясу посеяло бурю в Осакском замке.

Тятя спешно созвала на совет ближайших вассалов во главе со смотрителем замка Кацумото Катагири и спросила, что надлежит ответить великому министру. Большинство воинов заявили, что со дня смерти тайко Иэясу Токугава смиренно просил аудиенции у Хидэёри и самолично навещал его всякий раз, когда возникала такая необходимость. С какой же стати теперь он требует Хидэёри к себе в Киото? Как-то это непочтительно. Коли отец сёгуна возжелал повидаться с наследником тайко, ныне взрослым мужем и воином, пусть едет сюда, в Осаку!

Тятя знала, что в Киото ее сына может подстерегать опасность, и все же материнскую заботу перевесил гнев: как смеет Иэясу, вассал дома Тоётоми, отдавать приказы ее сыну и своему господину?

– Этот человек ни за что не дерзнул бы проявить подобную непочтительность, будь тайко жив! – с горечью воскликнула Тятя, и собственные слова вызвали в ее душе безудержный приступ ярости.

До того момента Хидэёри, присутствовавший на совете, внимательно и бесстрастно слушал то, что говорили другие, но дрожащий от гнева голос дамы Ёдо его растрогал. Ему, в конце

концов, было всего девятнадцать лет – неудивительно, что чувства матери пока еще находили отклик в его сердце и гнев ее он считал праведным. Негодование смешалось в его душе с горечью, и чело юного воина омрачилось.

Заметив, что эмоции дамы Ёдо завладели и всеми присутствующими, Кацумото Катагири, до сих пор молчавший, взял слово:

– Однако же если молодой господин не примет приглашение сёгуна, мы окажемся в ловушке – это будет равносильно открытому объявлению войны между Осакой и Эдо. Должен ли я рассказывать вам о последствиях? Дороги назад уже не будет, мы потеряем всё, потому я считаю, что молодому господину надлежит покориться и отправиться в Киото. Иэясу это успокоит – он убедится в том, что против него никто не злоумышляет, и мы избежим столкновения.

Речь Кацумото Катагири была встречена гробовым молчанием. В тот момент Тятя его возненавидела. Этот человек прикрывался благом Хидэёри, а на самом деле думал лишь о собственной безопасности. Если войне суждено разгореться – пусть разгорится! Она, Тятя, безоглядно верит в своего сына. Сейчас, когда он стал взрослым воином, верные вассалы дома Тоётоми воспрянут духом, сплотятся вокруг него, и, быть может, их численность превзойдет даже самые смелые ожидания!

– Да рассудят нас боги, – холодно произнесла Тятя. – Обратимся за советом к прорицателю Рюгаку Сираи.

– Прекрасно, – невозмутимо кивнул Кацумото Катагири, – я немедленно отдам необходимые распоряжения.

Новое совещание было назначено на следующий день, на тот же час. Тятя ожидала, что на нем будет присутствовать сам Рюгаку Сираи, но он не появился. Божественную волю, изъясненную в процессе обряда укэй,¹³⁰ огласил Кацумото Катагири. Жрец-прорицатель, по его словам, два раза задал богам вопрос, надлежит ли господину Хидэёри отправиться в Киото, и два раза боги выразили свое одобрение. Тятя была вне себя от возмущения. Кого Катагири надеется обмануть?! Она уже приготовилась обвинить его в подлоге, но не успела – слово взял Хидэёри:

– Боги сочли мою поездку в Киото благом, кроме того, его высокопревосходительство Иэясу – родной отец моего тестя, его высокопревосходительства Хидэтады, а посему сыновний долг велит мне проявлять почтительность к нему, и, если я откликнусь на приглашение, честь дома Тоётоми не пострадает.

Тятя не верила своим ушам. Невозможно, просто немыслимо, чтобы подобные речи прозвучали из уст ее сына! Перед внутренним взором на мгновение встал образ Сэн-химэ, которую она уже давно не видела. Уж не женоушка ли внушила Хидэёри понятие о сыновнем долге перед Иэясу? Эта девчонка, до сих пор остававшаяся в ее глазах простой заложницей, внезапно превратилась в угрозу номер один. Теперь это была уже не пленница, отданная на ее милость, а острое меча, направленное прямо ей в сердце.

И между тем Хидэёри был прав: Иэясу действительно приходился отцом его тестю. Как с этим поспоришь?

– Коли молодой господин желает отправиться в Киото, нам остается лишь молча принять его решение, – медленно проговорила Тятя, вложив в эти слова, адресованные любимому сыну, весь свой яростный протест.

От ее внимания не ускользнул вздох облегчения, прокатившийся по залу собраний, где все это время царил напряженная атмосфера ожидания.

Приготовления к путешествию начались безотлагательно. Киёмасе Като, Нагамасе Асано, Масанори Фукусиме и Кацумото Катагири была поручена охрана наследника тайко.

¹³⁰ Укэй – синтоистский ритуал гадания.

Двадцать седьмого числа Хидэёри в сопровождении трех сотен самураев покинул Осаку и пустился в плавание по Ёдогаве. В Ёдо его встретили два внука Иэясу, десяти и двенадцати лет, и два высокопоставленных воина бакуфу – Сандзаэмон Икэда и Като, правитель Хиго, с эскортом. Путь из Ёдо до Киото Хидэёри предстояло проделать в открытом паланкине. Его свиту составила сотня конных самураев; даймё Киёмаса Като и Нагамаса Асано скакали по правую и по левую руку от него.

Со дня отъезда сына в столицу и до его благополучного возвращения в Осаку дама Ёдо места себе не находила от беспокойства. Она потребовала, чтобы на время отсутствия Хидэёри Сэн-химэ переселилась в ее покои – Тятю преследовала мысль о том, что невестка может сбежать из замка. Она твердо решила заколоть внучку Иэясу собственным кинжалом, если с ее сыном что-нибудь случится во время путешествия. Но в киотоской резиденции Иэясу, куда Хидэёри ступил на следующее утро после отплытия из Осаки, с ним ничего худого не произошло. Он побеседовал с отцом сёгуна и Госпожой из Северных покоев, вдовой покойного тайко, и пустился в обратный путь. В Фусими взошел на корабль и по Ёдогаве прибыл в Осацкий замок к середине часа Обезьяны¹³¹ того же дня.

Узнав о возвращении сына, Тятя отослала Сэн-химэ, которая безропотно провела эти два дня под ее бдительным надзором в соседних покоях, отделенных от опочивальни свекрови лишь тонкими фусума. Компанию юной заложнице составили несколько придворных дам. Сэн-химэ вела себя так, будто ничего особенного не случилось. Время от времени за фусума раздавались переливы звонкого смеха, и Тятя вздрагивала – до того он был похож на смех Когоо. Сэн-химэ, судя по всему, воспринимала любые жизненные обстоятельства с беспечностью, которая была присуща и ее матери до трагической гибели Ёкуро Садзи. Но в отличие от Когоо, обделенной природой в плане внешности, ее дочь блистала редкой красотой.

Сидя у энгавы и слушая беззаботный смех невестки, Тятя чувствовала горький привкус поражения. Внучка Иэясу, в которой она с самого начала видела только заложницу, почему-то отказывалась вести себя как пленница – хорошенькое личико не омрачало тень печали, голосок звучал бодро, смех был до неприличия радостным и непринужденным. Однажды Тятя не выдержала и заглянула в соседние покои – ей было любопытно узнать причину столь бурного веселья. Но едва лишь она раздвинула фусума, как смех смолк и Сэн-химэ обратила к ней серьезное бесстрастное лицо.

– Что вас так позабавило, дитя мое? – холодно осведомилась Тятя.

Ответила ей одна из свитских дам, будто защищая свою хозяйку:

– Мы просто забавлялись, гадая, какими изысканными яствами потчуют сейчас молодого господина в Киото.

Вот так-то, пока свекровь изводила себя тревогой за сына, измышляя всякие несчастья, которые могли приключиться с ним в логове Иэясу, невестка расписывала своим приближенным, как роскошно принимают ее мужа в резиденции деда.

Через месяц после визита Хидэёри в Киото, на шестой день четвертой луны, Нагамаса Асано, который, не жалея ни сил, ни средств, порой в открытую, порой оставаясь в тени, стоял на страже интересов Тяти и ее сына, покинул сей бренный мир в возрасте шестидесяти пяти лет. Еще десять месяцев спустя пятидесятитрехлетний Киёмаса Като умер на борту корабля, отплывшего из Кагосимы. Внезапно почувствовав недомогание, он схватился за горло, словно его душили, и рухнул на палубу. Его язык так распух, что очевидцы кончины заподозрили отравление. Последние верные вассалы, не забывшие о своем долге перед кланом Тоётоми, уходили один за другим. Тяте не на кого было больше рассчитывать. Като и Асано при жизни тайко никогда не были ее союзниками – они скорее принадлежали к лагерю Госпожи из Север-

¹³¹ То есть к 5 часам вечера.

ных покоев, – но после смерти Хидэёси Тятя вынуждена была обратиться к ним за поддержкой и ни разу не пожалела об этом.

Осень 16-го года Кэйтё была для дамы Ёдо мучительно печальной. Холодное дыхание зимы вторгалось в ее сердце. Как схваченная заморозками павлония один за другим теряет лепестки, так она лишалась друзей. С кольчуги, до сих пор надежно хранившей ее и сына от вражеских стрел, падали кольца.

Весной 17-го года Кэйтё¹³² в Осацкий замок наведалься мастерица чайной церемонии, часто бывавшая в Сумпу. От нее Тятя узнала, что Иэясу «чудовищно постарел». В этом не было ничего удивительного – ведь ему исполнилось семьдесят два, – но слова гостьи и то, как она их произнесла, наводило на мысль, что конец уже близок. Будущее внезапно показалось Тяте не таким уж мрачным, словно грозовые тучи в ее душе рассеялись, уступив место лучику надежды. Скорбь по ушедшим Като и Асано все еще была тяжела, но Тятя внезапно осознала, что и сам Иэясу не надолго задержится в этом мире – годы возьмут свое. «Если бы только он умер», – повторяла она как заклинание, и перед ее мысленным взором открывалась широкая дорога в грядущее.

В последнее время Тятя с каким-то отчаянным рвением жертвовала средства на строительство и реконструкцию буддийских храмов и синтоистских святилищ, неустанно молила богов и будд о счастье для своего сына. В 9-м году Кэйтё¹³³ мастерские по ее приказу привели в порядок обветшавшую пагоду Трех Просветленных в буддийском монастыре Дайго, а также Ситэннодзи в Осаке. В 11-м году за ее счет были отреставрированы главные покои Нандзэндзи, павильон для чтения сутр в Китаносё и святилище Хатимана в Ивасимидзу. В 12-м году в Китаносё одно за другим были восстановлены несколько синтоистских храмов, а Большому святилищу в Исэ она преподнесла в дар новый кагурадэн.¹³⁴ Помимо того, имена щедрых дарителей Ёдогими и Хидэёри были выгравированы на опорных столбах всех буддийских храмов и синтоистских святилищ в окрестностях Осаки.

Приняв к сведению тот факт, что смерть уже дышит в затылок Иэясу, Тятя продолжила свои богоугодные занятия с прежним усердием, но цель ее при этом изменилась. Весной 17-го года Кэйтё она взялась за обновление Большой пагоды Будды в осакском Хокодзи. Работы на территории этого храма начались еще в первой половине 15-го года и ввели ее в немислимые расходы. Руководил мастерскими Кацумото Катагири. Когда реставрация была завершена, Тятя вознесла Будде молитву не только о покровительстве ее сыну, но и о смерти Иэясу. Вернее, смерть Иэясу была ее наипервейшим и самым отчаянным желанием. С уходом старого врага из этого мира власть должна была естественным образом перейти в руки Хидэёри. Тятя конечно же не забывала о том, что пост сёгуна занимает Хидэтада, но у нее были основания надеяться, что своим положением он обязан исключительно отцу и после смерти последнего, оставшись без поддержки, легко уступит полномочия военного правителя Хидэёри.

В третьем месяце 19-го года Кэйтё¹³⁵ тридцать девять бронзолитейщиков начали трудиться над выплавкой огромного колокола для Большой пагоды Будды, и в девятнадцатый день четвертой луны было пышно отпраздновано окончание работ. Кацумото Катагири отправился в Сумпу с докладом об успехах и третьего дня пятой луны удостоился аудиенции у отца сёгуна. Церемонию открытия глаз новой статуи Будды предполагалось провести в третий день восьмой луны, а освящение храма – восемнадцатого числа.

Однако в конце пятого месяца в Осаку примчался гонец с приказом от Иэясу отложить торжества на неопределенный срок и немедленно предоставить ему копию якобы благопоже-

¹³² 1612 г.

¹³³ 1604 г.

¹³⁴ Кагурадэн – в синтоистских святилищах павильон для ритуальных плясок-кагура.

¹³⁵ 1614 г.

лательной надписи, выгравированной на колоколе и амулетах. Оказалось, Иэясу донесли, что в надписи этой зашифровано колдовское заклятие, призывающее его смерть.¹³⁶ Тятя, само собой, молилась о скорейшей кончине отца сёгуна во время строительных работ и отливки колокола, но чтобы открыто увековечить свои чаяния в бронзе!.. Такой глупости она за собой не помнила.

История с колоколом, однако, повлекла за собой серьезные последствия. Кацумото Катагири опять бросился в Сумпу с оправданиями и извинениями, но Иэясу ничуть не смягчился и на третий раз просто отказался его принять. Тятя, которой обо всем доложили, поняла, насколько опасная сложилась ситуация, и поспешно приняла меры – отправила в Сумпу мать Харунаги Ооно, одного из своих вассалов. Если Иэясу не желает видеть Кацумото Катагири, он, возможно, соизволит выслушать пожилую женщину, когда та прибудет с приватным посланием от Хидээри и испросит аудиенции. Так и случилось: Иэясу действительно принял госпожу Ооно. Вернувшись в Осаку, она сообщила, что гнев Иэясу уже поутих, но Кацумото Катагири, несмотря на это, согласился в знак примирения отдать Тятю и Хидээри ему в заложники, а Осацкий замок препоручить заботам эдоского правительства. Разумеется, лукавый Иэясу разыграл с посланниками осакского лагеря две совершенно разные партии: перед госпожой Ооно выступил в роли всепрощающего властелина, перед Катагири продемонстрировал свою непреклонность. Но ни Тятя, ни Хидээри об этом не знали, и Кацумото Катагири мгновенно превратился для них в двурушника, который на словах принадлежит к осакскому лагерю, а на деле выступает заодно с бакуфу. Что еще могло означать подобное поведение? Надо же – выразил готовность отправить даму Ёдо и ее сына в Эдо и без боя сдать Иэясу Осацкий замок, построенный самим тайко!

Тятя была в ярости. На сей раз даже Хидээри счел требования Иэясу невыполнимыми, а покорность Кацумото – предательской. Все находившиеся в замке воины разделяли их мнение. Тятя решила взять Кацумото Катагири под стражу, как только он вернется в Осаку, подвергнуть допросу и, в зависимости от результатов дознания, вынести ему смертный приговор или помиловать. Но Кацумото, по всей вероятности, почувал опасность, потому что в Осаку он не вернулся – отправился из Сумпу напрямик в собственный замок и сидел там безвылазно.

Все лето в Осаке шли военные советы, и в середине девятого месяца после жарких споров было наконец принято решение объявить войну клану Токугава. В то же время стало известно, что Кацумото Катагири, на сей раз не таясь, отсекся от осакского лагеря и заключил союз с Эдо. Впрочем, это уже никого не интересовало. Подписанные Хидээри воззвания появились на городских площадях во всех провинциях, рекрутчики от его имени повсюду набирали ронинов в осакское войско, уполномоченные по снабжению отправились в княжество Сакаи за воинской амуницией и оружием.

Тятя, Хидээри, Харунага Ооно и Ураку Ода руководили приготовлениями к восстанию из Осацкого замка. На военных советах ими овладевали попеременно то лихорадочное воодушевление, то черная тревога. Большинство вассалов Тоётоми, рассеянных по всей стране, не оправдали Тятиных надежд: они смиренно сидели в своих крепостях и не думали братья за мечи. Большинство самурайских домов, на чью поддержку так рассчитывала Тятя, – Маэда из провинции Кага, Симадзу из Сацумы, Идати из Осю – отреагировали на ее призыв с леденящим равнодушием; хуже того, многие из них уже успели дать вассальную присягу клану Токугава. Отступничество Кацумото Катагири не прошло даром – его благоразумному примеру последовали многие бывшие сторонники клана Тоётоми.

Тем не менее в Осаке уже собрались десять тысяч ронинов, а новые отряды продолжали прибывать со всех концов страны. На улицах города царило небывалое оживление, стены замка

¹³⁶ Двумя из четырех иероглифов, которыми обозначается обычная благопожелательная формула «кокка анко» («мир и покой в стране»), записывается имя «Иэясу» – это и послужило формальным поводом для гнева основателя династии сёгунов Токугава.

сотрясались от похвальбы и молодецких выкриков вояк, грозивших погибелью всему клану Токугава. Были среди них и прославленные ронины, такие как Юкимура Санада, Мотоцугу Гото, Наюки Ханава, Моритика Тёсокабэ. Все они потеряли своих хозяев в битве при Сэкигахаре и впали в немилость после победы Токугава, а теперь стали бесценными союзниками Хидэёри.

В начале десятой луны Иэясу стало известно о том, что Осака собирает против него армию. Одиннадцатого числа он, самолично возглавив стотысячное войско, выступил из Сумпу; двадцать третьего числа Хидэтада повел своих людей из Эдо. Дорога длиной в сто двадцать ри между Эдо и Осакой ошетилилась копьями, луками, ружьями, древками боевых стягов. В восемнадцатый день одиннадцатой луны две армии Токугава слились в одну у Тяусуямы на подступах к Осаке.

Обо всех передвижениях вражеских сил лазутчики незамедлительно докладывали в Осацкий замок, но там не знали, что делать с этими сведениями. Волей-неволей вассалы Тоётоми пришли к выводу, что им ничего не остается, как подготовиться к долгой осаде. По мнению Тяти, можно было бы, не дожидаясь штурма, вывести войско за пределы крепостной стены и вступить в открытый бой, но все самураи, к которым она подступала с этим предложением, полагали, что единственная приемлемая тактика в данной ситуации – окопаться в замке и ждать армию Токугава. Хидэёри был согласен с ними, а не с матерью.

В военных вопросах Тятя была не столь уж категоричной – старалась никому не навязывать свою точку зрения. Если ее сын, как и все остальные, стоит на позиции обороны и отказывается от нападения, думала она, значит, у него есть какой-то план действий на случай осады и он сумеет извлечь выгоду из того положения, в которое они скоро попадут. Кроме того, Осацкий замок был не обычной крепостью – тайко строил его с таким расчетом, чтобы он смог выдержать самый отчаянный штурм; врагам придется потратить много сил и понести немалые потери, прежде чем они чего-то добьются.

Поскольку большинством голосов на совете была принята оборонительная тактика, немедленно началась подготовка к осаде, и заняла она пятьдесят дней. Десять тысяч воинов возвели дополнительные укрепления на подступах к замку, и вскоре Осака была защищена так, что муха не пролетела бы над линиями обороны. Тятя в боевом облачении самолично объезжала каждый день сторожевые посты в окружении ближайших вассалов, тоже одетых в доспехи. С тех пор как замок перешел на военное положение, она не видела сына – молодой главнокомандующий был слишком занят подготовкой к войне. Порой мать посылала за ним слуг, но за Хидэёри было не угнаться – он без усталости инспектировал линии укреплений, совещался с военачальниками, раздавал приказания.

Осацкие полководцы по-прежнему ежедневно держали военные советы – теперь Тятю на них уже не звали. Она рвалась туда всей душой, но никто не брал на себя труд предупредить ее о месте и времени сбора, которые постоянно менялись. Если ей вдруг случайно удавалось об этом проведать, она спешила на совет, не дожидаясь приглашения; такая удача выпадала крайне редко, и всякий раз Тятя не забывала водрузить перед циновкой, на которой сидел ее сын, золотой сосуд в форме тыквы-горлянки – тайко считал его символом власти главнокомандующего. Хидэёри терпеть этого не мог, но тут уж Тятя твердо стояла на своем, не заботясь о мнении сына. В глазах матери юный военачальник был овеян славой боевых свершений отца, и авторитет тайко должен был стать для него магической защитой.

Вокруг Осацкого замка уже разбили лагерь подразделения воинства Токугава, набранные из всех провинций. Число бойцов прирастало день ото дня; окрестные земли – не только прилегающие к Осаке, но и весь район Киото и Нара – кишели конными самураями. Тятя слышала, что по приказу Иэясу строятся десять временных крепостей на подступах к городу – близ Тэннодзи, Имами, Тяусуямы, Имафуку, Моригути, Тэммы, – Токугава брали Осаку в

кольцо. Судя по всему, до начала боевых действий было еще далеко – обе армии увлеченно занимались приготовлениями.

Тятя осторожно намекнула нескольким самураям, что хорошо бы взять под наблюдение покои Сэн-химэ. Она все еще была уверена: присутствие внучки Иэясу в Осацком замке играет не последнюю роль в том, что он медлит идти на штурм.

Однажды Тятя нанесла невестке визит, предварительно прислав к ней прислужницу с объяснением: свекровь, мол, хочет посмотреть, не причиняет ли любезной Сэн-химэ беспокойства суэта в осажденном замке. В тот день Тятя впервые не стала надевать доспехи и принарядилась как для официального торжества. Сэн-химэ ради встречи со свекровью тоже облачилась в церемониальное кимоно. Глядя на их роскошные одежды, трудно было представить себе, что не сегодня завтра вокруг этих изысканных женщин зазвучат боевые кличи, вспыхнет война.

– Надеюсь, осадное положение никак не сказалось на приятности вашей жизни в этом замке? – саркастически осведомилась Тятя, демонстративно окинув взглядом богатую обстановку в покоях Сэн-химэ.

– Мне не на что жаловаться, – спокойно ответила невестка.

– Как печально, что вы не можете повидаться с отцом – он ведь совсем рядом...

– Когда будет заключен мир, я с удовольствием навещу и батюшку, и деда.

Тятя оторопела – она совсем не ожидала от невестки таких речей.

– Мир?! О мире забудьте, дитя мое. Нас ждет схватка не на жизнь, а на смерть, из нее выйдут победитель и побежденный, какой между ними мирный договор?

– Мир можно заключить, не доводя дело до схватки, – бесстрастно произнесла Сэн-химэ.

Ни от одной женщины Тятя не потерпела бы подобной наглости. Она прекрасно понимала, что Сэн-химэ ведет себя недопустимо, и удивилась, обнаружив, что слова невестки не вызвали у нее гнева.

– Никогда больше так не говорите! Долг верной жены – во всем поддерживать своего мужа. Если бы молодой господин услышал вас, что бы он сказал? – выпалила Тятя скорее для того, чтобы разозлить саму себя, нежели пристыдить невестку.

А Сэн-химэ, к ее изумлению, внезапно рассмеялась.

– И что же вас так позабавило? – нахмурилась свекровь.

Но девушка продолжала хихикать, и лишь когда Тятя сурово повторила вопрос, хорошенькое личико снова сделалось серьезным – Сэн-химэ догадалась, что свекровь действительно сердится.

– Мне стало смешно, потому что вы оба говорите одно и то же.

– Мой сын уже сделал вам замечание? Сэн-химэ молчала, опустив глаза.

– Ну же, отвечайте!

Девушка еще немного поколебалась и промолвила:

– Нет. Просто на днях я сказала ему о мире то же самое, что и вам. А он усмехнулся и посоветовал никогда вам об этом не говорить, иначе вы лопнете от ярости. – Новый приступ веселости заставил бедняжку изо всех сил прикусить губу.

Допив чай со сладостями в покоях Сэн-химэ, Тятя поспешила удалиться. И лишь выйдя из резиденции невестки, она осознала, что цель ее визита так и не была достигнута. Появилось неприятное ощущение, будто Сэн-химэ в очередной раз взяла над ней верх. Тятя злилась на себя за то, что оставила без ответа дерзкие речи племянницы, ей было обидно, что супруга сына вовсе не чувствует себя заложницей. Ну да ничего – как только пули и стрелы лавиной хлынут на замок, девчонке придется распрощаться со своей гордыней! Нужно просто подождать, убеждала себя Тятя, и сама не знала, чего именно ждет.

Утром двадцать шестого дня одиннадцатой луны завязался бой у северо-восточной линии обороны. Защитники замка возвели там частоколы, но два подразделения армии Току-

гава под командованием Уэсуги и Сатакэ все же устремились на приступ. Дозорные ударили тревогу, и весь замок пришел в оживление.

Тятя немедленно поднялась на верхний ярус сторожевой башни. Оттуда она слышала ружейные залпы, но никак не могла определить, где идет сражение, и когда вассалы указали ей направление, удивилась, что все происходит так близко. Расстояние до поля битвы можно было покрыть взглядом – Тятя видела крошечные фигурки воинов, суетившихся, словно муравьи, на подступах к замку, конные отряды со всех сторон спешили к передовой. Вскоре Тяте пришлось спуститься: в сторону сторожевой башни полетели пушечные ядра, и несколько десятков самураев разбежались по ярусам устанавливать дополнительные укрепления на галереях. Тятю весьма обеспокоило то, что боевые действия только-только начались, а сторожевая башня замка уже подверглась серьезному обстрелу.

С тех пор в Осацком замке не смолкал шум сражений – боевые кличи и ружейные залпы звучали днями напролет то ближе, то дальше, заставляли Тятю вскакивать посреди ночи.

Нападавшим удалось пробить брешь в частоколах и прочих укреплениях со стороны Имафуку, но защитники замка не замедлили отвоевать свои позиции, отбросив врагов назад. Линия фронта ширилась с молниеносной быстротой, Тятя знала, что жестокие бои идут по всему периметру, однако в курс военных операций никто не потрудился ее ввести.

Вскоре поползли слухи о мирных переговорах. В Осаке на всех углах шептались, что посланника от Масадзуми Хонды впустили в замок для тайной встречи с Харунагой Ооно, а на другом совещании между военачальниками из двух лагерей состоялся обмен предложениями, внушающими надежду на примирение.

Всякий раз, когда Тяте передавали очередную сплетню, она бросалась к сыну за подтверждением, но тот упорно отрицал саму возможность ведения переговоров с врагом. «Даже если бы это было так и кто-то за моей спиной готовил бы пути к отступлению, моя решимость сражаться до последнего вздоха непоколебима», – твердил он матери. С самого начала войны Хидээри проявлял удивительное хладнокровие. Он считал, что, раз уж битва разгорелась, нужно довести ее до конца, даже если от замка останется пепелище. Самурайская честь, самолюбие, гордыня были тут ни при чем – значение имела только необходимость завершить начатое. Глядя на своего мальчика, произносившего подобные речи, – высокого, прямого, с бледным суровым лицом, – Тятя чувствовала пугающий холодок в груди. В последние дни она задавалась вопросом: а не стоит ли прислушаться повнимательнее к предложениям мира со стороны Иэясу? И пришла к выводу, что в прекращении кровопролития не будет ничего постыдного, честь дома Тоётоми не должна пострадать. Хидээри уверял ее, что в мирных переговорах осацкий лагерь не участвует, но ведь враг до сих пор не предпринимал решительного штурма – разве это не подтверждало обратное?

В двенадцатый день двенадцатой луны за дело взялись пушкари осаждающей армии; обстрел Осаки с короткими передышками продолжался несколько дней; под ливнем ядер стены замка сотрясались до основания. Двенадцатого числа Тятя не выходила из своей опочивальни, а на следующее утро вражеские ядра обрушились на ее резиденцию, разнесли вдребезги гостевые покои. Неподвижно стоя среди суеты и сумятицы, глядя на обезумевших от страха прислужниц, метавшихся вокруг нее и голосивших почему зря, Тятя выкрикнула:

– В бой вступают, чтобы побеждать! Стыд и позор трусам! Будь тайко жив, он оплакал бы жалкий удел сына, окруженного недостойными слугами!

В тот же день Харунага Ооно лично нанес ей визит и пригласил на важный совет, который должен был пройти в церемониальных покоях тэнсю в присутствии всех военачальников осажденной армии. От Харунаги Тятя узнала, что из лагеря противника действительно поступали предложения о мирных переговорах и на совете предстояло постановить, следует ли их поддержать. Иэясу, оказывается, из кожи вон лез, добиваясь компромисса.

– Почтенная матушка правителя Вакасы предложила свое посредничество на переговорах. Сегодня в ставке военачальника Тадатаки Кёгоку она проводит последнее совещание с Масадзуми Хондой и госпожой Атей и готова прибыть в Осаку, – сообщил Харунага.

«Почтенной матушкой правителя Вакасы» была не кто иная, как Охацу, Тятина сестра, средняя дочь князя Нагамасы Асаи. После смерти Такацугу она замуж не вышла, осталась вдовой. Ее сын Тадатака, выступавший на стороне Токугава, теперь участвовал в осаде Осацкого замка. Тятя уже много лет не видела сестру, часто вспоминала о ней с грустью, а услышав о том, что она хочет стать посредницей в улаживании раздоров между Токугава и Тоётоми, пришла в изумление. Странно было представить Охацу в этой роли.

На совете в церемониальных покоях тэнсю Хидэёри держался непреклонно – с начала и до конца отстаивал свое мнение, твердил, что любое предложение, которое может бросить хоть малейшую тень на честь дома Тоётоми, должно быть решительно отвергнуто. Остальные военачальники единодушно склонялись к тому, чтобы начать мирные переговоры.

Через пару дней в Осацкий замок прибыла Охацу. Ей предстояло повидаться с сестрой и обсудить с ней условия прекращения военных действий, которые могли бы устроить обе стороны, поэтому она сразу же направилась в Тятины покои, минуя резиденции племянника и его полководцев.

Впервые за долгие годы две сестры сидели лицом к лицу. Глядя на Охацу, Тятя думала о том, что Когоо, младшая княжна Асаи, с которой они виделись в последний раз восемь лет назад, на свадьбе Хидэёри и Сэн-химэ, уже тогда показалась ей старухой.

– Вы так молодо выглядите, сестрица! – воскликнула она, обратившись к сестре почтительно – в детстве у них такого не было заведено.

– А вы, госпожа О-Тятя, теперь кажетесь старше своих лет, – с той же почтительностью отозвалась Охацу.

Тятя уже привыкла к тому, что все льстиво превозносят ее молодость, и удивилась, услышав обратное. Возможно, годы действительно взяли свое, а она этого и не заметила... Зато Охацу время пощадило. Восемь лет назад Когоо уже была дородной матерью семейства, а средняя сестра и сейчас сохранила тонкую девичью фигурку – это была здоровая худоба, свидетельствующая о жизненной энергии.

Они вспомнили свою матушку О-Ити, поговорили о покойном Такацугу; им столько нужно было рассказать друг другу, что беседа текла своей чередой в бесконечность. Во время давней встречи с Когоо Тятя постоянно наткнулась на стену безразличия, которую та возвела вокруг себя, но с Охацу все было иначе – она без устали болтала сама, внимательно слушала сестру и старательно обходила вопрос мирных переговоров, который и привел ее в Осаку, словно не могла решиться начать. Они обсудили множество событий, сказали все, что должно быть сказано между любящими сестрами, проведенными в разлуке много лет. Беседа продолжалась уже два часа, Тятю стало одолевало беспокойство оттого, что Охацу никак не желала переходить к главному. И в этот момент Охацу внезапно произнесла:

– Как же вы, должно быть, устали от всего этого, любезная О-Тятя: горящие замки, самоубийства, кровь рекой... – Впервые с минуты их встречи в ее глазах появилась легкая настороженность.

– Ваша правда, – спокойно кивнула Тятя. – Мне не нравится, когда льется кровь. И воспоминания о пожарах в Одани и Китаносё слишком свежи.

– Ах да, это было ужасно, ужасно... – вздохнула Охацу и покачала головой, словно пыталась отогнать от себя страшное видение: языки пламени, пожирающие замок отца, а потом замок отчима. Она достала из рукава кимоно свиток и протянула его сестре: – Примите это, прошу вас.

В послании были изложены условия примирения, выдвинутые Иэясу. Три его основных требования сводились к следующему: распустить отряды ронинов, взятых Тятей и Хидэёри

на службу, отдать в заложники сёгунату двух военачальников – Оду и Ооно, которым впредь надлежит пребывать в Ёдо, и засыпать внешние рвы вокруг Осацкого замка.

Тятя пробежала глазами столбцы письма, и ее лицо просветлело: эти условия не задевали честь Тоётоми!

– Я согласна, – быстро сказала она с едва заметной дрожью в голосе. – Полагаю, господин Хидэёри тоже не откажется скрепить своей печатью это предложение.

Об условиях мирного договора Тятя незамедлительно известила сына и ближайших вассалов, после чего началось их длительное обсуждение. Подавляющее большинство военачальников изъявили готовность исполнить все требования Иэясу – они считали, что думать тут не о чем, и только Хидэёри упрямылся. Он опасался, что эти три условия – чистая формальность и, как только они будут приняты Осакой, Иэясу выдвинет новые требования, более жесткие. «Не то чтобы я не доверял своей тетушке, уважаемой матери правителя Вакасы, однако...» – разводил руками Хидэёри.

В конце концов он все-таки сдался под напором большинства и скрепил печатью мирный договор.

Прошло дней десять; Тятя все это время пребывала в приподнятом настроении – ей казалось, что она на своих руках вынесла сына из пламени пожара. Но не успела она вздохнуть с облегчением, как в ее ушах снова зазвучал звонкий смех Сэн-химэ; Тятя внезапно поняла, что случилось именно то, о чем говорила ей невестка.

Хидэёри тоже оказался прав. Когда после зимней осады Осаки были засыпаны внешние рвы, защищавшие третий двор замка, Иэясу в дополнение к изначальным условиям приказал засыпать рвы и вокруг второго двора, а также снести сторожевую башню на второй линии обороны, все западное крыло и резиденции военачальников Оды и Ооно. Тушь еще не просохла на свитке мирного договора, а эти новые меры уже были навязаны побежденной стороне.

Тятя набрасывалась на всех встречавшихся ей на пути вассалов Тоётоми с требованием объяснений: почему они пошли на поводу у Иэясу, когда он не имел никакого права менять по своей прихоти изначальные условия договора? Но было поздно. Осацкие военачальники считали, что, раз уж война обошлась им малой кровью, мир заключен и за этим не последовало со стороны бакуфу никаких репрессий по отношению к Хидэёри, его матери и вассалам, легкое ужесточение условий следует принять безропотно и даже с благодарностью. Слыша подобные оправдания, Тятя закипала от гнева: «Обещание есть обещание! Нельзя молчать и бездействовать, когда кто-то изменяет данному слову! Это позор!»

Она обрушилась с упреками на Харунагу Ооно – мол, как вам не стыдно гнуть спину перед Иэясу, – но тот с необычной для него горячностью выпалил в ответ:

– Госпожа Ёдо, позвольте мне действовать так, как я считаю нужным! В настоящее время нам ничего не остается, как смириться и терпеть. Да, терпеть! Но знайте: что бы ни случилось, я всегда буду на вашей стороне!

Разумеется, такой ответ не мог удовлетворить Тятю. Он привел ее в бешенство. Ооно – вассал дома Тоётоми; оставаться в осацком лагере до конца – его прямой долг, почему же он говорит об этом так, будто оказывает ей великое благодеяние?!

Войско Хидэтады Токугавы, которому было поручено засыпать рвы, рьяно взялось за дело и, успешно справившись со своей задачей, волной отхлынуло к Фусими. В девятнадцатый день первой луны Тятя отважилась подняться на смотровую площадку тэнсю. Она не однажды собиралась посмотреть оттуда, как идут работы, но всякий раз кто-нибудь из вассалов ее отговаривал. Впрочем, если бы она действительно хотела окинуть взором окрестности с верхнего яруса, никто во всем мире не смог бы ей воспрепятствовать – что-то внутри нее самой мешало взойти на башню, что-то подсказывало: увидев самураев Токугава, копошащихся во рвах ее собственного замка, она окончательно лишится душевного равновесия. Но когда вражеские войска покинули Осаку, Тятя уже не смогла побороть в себе желание взглянуть на результат

их усилий. Она пообещала себе сохранять хладнокровие, сколь бы страшной ни оказалась картина, которой суждено предстать перед ее глазами, ни в коем случае не ахать и не охать от ужаса, но, увидев, во что превратился замок, все же не сумела сдержаться. У нее задрожали губы, затряслись руки. Неужели это Осака, детище тайко, твердыня, прославившая его на всю страну?!

Ни ров, ни внешней крепостной стены, ни сторожевой башни – до второго двора тянется ровная, голая поверхность склона. От укреплений ничего не осталось. Лишь тэнсю, отданная во власть стихии и вражеским стрелам, центральная башня, на которой Тятя стояла в тот момент, возвышалась над землей. Внизу, у подножия, чернел единственный уцелевший ров. Тэнсю, сердце замка, лишилась защиты. Если неприятель снова пойдет на штурм, он без труда овладеет некогда неприступной твердыней, открытой теперь всем ветрам.

– Позвать ко мне Харунагу! – выкрикнула бледная как смерть Тятя столпившимся у нее за спиной вассалам. Зимний ветер ледяными кулаками ударил ее в грудь.

«Господина Ооно никто не видел с самого утра, должно быть, он отлучился из замка», – доложили вассалы спустя некоторое время. Тятя отправила прислужницу испросить аудиенции у сына, но тотчас послала другую с поручением отменить визит – Хидээри и так слишком хорошо знает, что случилось с его цитаделью.

Город Осака чудом уцелел во время осады, не сгинул в огне. Странное дело – лишь разоренный замок напоминал о недавних боях. Даже усадьбы знатных воинов, рассеянные в окрестностях, ничуть не пострадали, улицы в призамковых посадах выглядели как новенькие. С верхнего яруса тэнсю Тятя видела горожан, совсем маленьких с такого расстояния, крошечных, как рисовые зернышки; они деловито суетились на перекрестках, спешно прятались по домам от разбушевавшейся стихии. Ветер злобно срывал черепицу и солому с крыш.

«Быть новой войне, – подумала Тятя. – Перемирие не продлится и до лета. Весной Иэясу опять приведет сюда свои войска и возьмет этот замок, похожий теперь на оципанную курицу, голыми руками».

В тот момент, стоя на смотровой площадке, она впервые трезво оценила положение сына и свое собственное. Поднимаясь на башню, она еще надеялась, что где-то в будущем, за поворотом судьбы, их ждет победа над Токугава, но достаточно было одного взгляда с высоты – и надежды рассыпались в прах. Тятя с пронзительной ясностью поняла, что им никогда не победить. И все же ей по-прежнему казалось непростительным поведение Ооно и Оды, допустивших это надругательство над наследием тайко.

Постепенно гнев в ее сердце уступил место печали. За поворотом судьбы их с сыном ждет не победа, а смерть. Как могло случиться, что Хидээри, наследнику Тоётоми, рожденному царствовать, судьба уготовила столь жалкую участь? Ну что ж, какой бы эта участь ни была, ее не миновать. Тятя в поисках опоры прислонилась к перилам галереи на смотровой площадке. И все же сколь печален удел ее сына в изменчивом мире неблагодарных трусов! Одни пошли против своего господина, забыв о долге перед тайко, который осыпал их милостями, которому они всем обязаны, другие ни на что не способны, бессильны помочь... Бедный, бедный Хидээри!

Вернувшись в свои покои, Тятя велела разжечь огонь в жаровне, чтобы согреть выстуженную зимними ветрами опочивальню, и до вечера просидела там, не двигаясь и никого не принимая. Явился Ооно, испросил аудиенции, но Тятя, сославшись на недомогание, отказалась видеть и его.

«Ах, если бы только Такацугу был рядом!» Она с грустью вспомнила о двоюродном брате, покинувшем бранный мир семь лет назад. Даже находясь в стане Токугава, он ни за что не бросил бы на произвол судьбы мать и сына, загнанных в ловушку, затравленных, припертых к стенке. Уж он бы придумал выход из отчаянного положения! Тятя долго размышляла о человеке, который в молодости внушал ей пылкое чувство – наверное, это была любовь; с годами

она прониклась к нему презрением, потом ненавистью; временами между ними устанавливалась головокружительная душевная близость, порой наступало отчуждение... В последний раз, когда они виделись, Такацугу пытался внушить ей, что смирение – первейшая из добродетелей. Интересно, будь он жив сейчас, повторил бы свои слова? Возможно, но у него наверняка нашелся бы для нее и более дельный совет. И уж точно он не стал бы твердить, как Ооно, что нужно «смириться и терпеть», в тот момент, когда все свершилось и нет пути назад.

Тятя вспомнила и о другом воине, который умер сорокалетним, – Удзисато Гамоо. Двадцать лет минуло с тех пор, он закончил земной путь, не успев узнать о важнейших событиях эпохи: второй поход на Чосон, смерть тайко, битва при Сэкигахаре, возвышение Токугава, назначение Иэясу на пост сёгуна... Если бы Удзисато пожил подольше, все могло быть по-другому – Иэясу никогда не добрался бы до власти. Да, для Хидэёри смерть Удзисато – невосполнимая потеря. Обстоятельства гибели влиятельного полководца в расцвете лет нередко вызывали у Тяти подозрения, и теперь она задумалась, уж не Иэясу ли приложил к этому руку. Основатель сёгуната Токугава был в ее глазах воплощением зла, виновником всех бед, так что она не замедлила записать на его счет и смерть друга двадцать лет назад.

До поздней ночи Тятя продолжала вспоминать своих друзей и союзников, ушедших за последние годы. Она с сожалением думала о Тосиэ Маэде и других верных вассалах Тоётоми – Нагамасе Асано и Киёмасе Като, обо всех могущественных и влиятельных военачальниках, покинувших бранный мир, оставив ее без поддержки. Ей казалось, что лишь враги продолжают жить, а мертвые начали приобретать в ее глазах все мыслимые и немыслимые добродетели. Даже дама Кара, Тятина непримиримая соперница при жизни, искупила вину своей смертью. Охацу, вдова Такацугу, и Когоо, супруга сёгуна Хидэтады, были с ней, с Тятей, одной крови, но единственного обстоятельства – того, что они живы, – хватило ей, чтобы обвинить их в злокозненности и коварстве, которые и не снились покойной даме Каге. Когоо возненавидела старшую сестру раз и навсегда, а Охацу, хоть и любит ее, Тятю, по-прежнему, не дрогнув отправила своего сына Тадатаку в стан Токугава. Теперь, вспоминая поведение Охацу во время их последней встречи, то, как сестра болтала обо всем на свете, отвлекая ее внимание от условий мирного договора, Тятя заподозрила, что все это были уловки, призванные одурачить ее, мать наследника тайко, и самого Хидэёри, лишить их бдительности.

В ту ночь Тятя легла поздно и никак не могла заснуть – все время вскакивала на ложе, вглядываясь во тьму широко открытыми глазами. Часы сменяли друг друга, и в ее душе набирало силу желание изменить ход судьбы. Получится у нее или нет – не важно, она просто обязана хоть что-то предпринять! Засыпанные рвы снова разверзнутся, ошестинятся кольями, укрепления вырастут на пути врага! Она разошлет всем влиятельным даймё петиции с призывом присоединиться к лагерю Тоётоми! Среди них наверняка много таких, кто недоволен политикой Токугава. Авторитет тайко еще не до конца разрушен. Пока она, Тятя, жива, ни один сёгун из клана Токугава не ступит на землю Осаки! Она соберет здесь всех ронинов империи, и тогда люди поймут, что Хидэёри готов бросить вызов всевластию Токугава, и князя, которые до сих пор робко сидели по своим замкам, сплотятся вокруг него! Во что бы то ни стало народ должен узнать, что Тоётоми решились на последнюю битву с Токугава, и чем раньше эта битва произойдет – тем лучше. Однако, пока замок лишен защиты, нельзя открыто объявлять о своих намерениях – сначала нужно восстановить его обороноспособность, выкопать рвы, возвести стены...

Утром Тятя вскочила ни свет ни заря; несмотря на бессонную ночь, она чувствовала себя помолодевшей и полной сил, ее глаза горели от возбуждения. Она сразу вознамерилась нанести визит сыну, чтобы поделиться решениями, принятыми ночью, и получить его одобрение. Но когда она вошла в приемные покои Хидэёри, слуги сказали ей, что господин еще спит, а присутствие одной из свитских дам Сэн-химэ свидетельствовало о том, что он делит ложе с супругой.

Тятя вернулась к себе в дурном настроении и спустя час снова отправилась к сыну. К тому времени Хидээри уже встал. Выслушав мать, он сразу же выразил свое согласие.

– Я и сам принял это решение, когда смотрел, как воины Токугава засыпают рвы на втором оборонительном рубеже. Все наши военачальники разделяют мое мнение. Однако же я не вижу необходимости восстанавливать укрепления. Лишенный защиты, замок не выдержит осады, стало быть, нам не на что надеяться и остается только идти в наступление, ведь в любом случае это будет наша последняя битва, – невозмутимо сказал Хидээри.

Тятя порадовалась тому, что они с сыном думают об одном и том же, но мрачная решимость Хидээри оставить замок без защиты ее испугала. Битва, которую они затевали, должна была стать последней и увенчать род Тоётоми славой, но победить в ней будет не так-то просто, необходимо позаботиться о пути отступления. Тятя поделилась своими сомнениями с сыном, и тот усмехнулся:

– Матушка, неужто вы и правда верите, что мы можем выстоять, окопавшись в замке? Лишь человек, несведущий в искусстве войны, способен впасть в такое заблуждение. Повторяю: у нас нет надежды, даже на помощь богов бессмысленно уповать. Речь идет только о том, чтобы начать и довести до конца последнюю битву.

Хидээри говорил спокойно, он просто пытался растолковать матери ситуацию. Тятя наконец поняла его намерения – и с лихорадочным отчаянием отбросила мысль о том, что ее сын может погибнуть. Он так молод еще, ему столько предстоит совершить! Он должен жить, обязан, любой ценой! Несмотря на юный возраст, это был уже настоящий воин, своими достоинствами превзошедший в ее глазах самого тайко. Беда Хидээри была в том, что он родился в неподходящее время, в эпоху смуты – при других обстоятельствах его слава непременно затмила бы отцовскую. Почему же его жизнь должна закончиться, не успев начаться?!

После разговора с сыном Тятя направилась к Харунаге Ооно. Выслушав ее, военачальник кивнул:

– Совершенно с вами согласен, госпожа Ёдо. Необходимо вырыть защитные рвы, возвести частоколы. Я займусь этим, как только сёгун Хидэтада отбудет на восток, и тогда, если только остальные полководцы нас поддержат, можно будет не бояться Токугава.

Тяте такие речи понравились.

– Однако же на восстановление замка нам потребуется месяца два, не меньше, – продолжал Харунага, – и, пока работы не закончатся, ни в коем случае нельзя вступать в боевые действия. А для этого необходимо, чтобы почтенная хозяйка Вакасы соизволила отправиться в Сумпу.

– Охацу? Я, конечно, сумею убедить ее отправиться в Сумпу, но о чем она будет вести там переговоры?

– Просто попросите ее сделать это для нас. Остальное оставьте мне.

Харунага, судя по всему, собирался доверить Охацу некое прошение, чтобы та передала его в Сумпу Иэясу. Вероятно, это должно было на время отвлечь внимание сёгуната от Осаки. План показался Тяте разумным.

Двадцать восьмого числа сёгун Хидэтада выехал из Фусими в Ёдо. Как только стало известно о его отбытии, в Осацком замке закипела бурная деятельность по восстановлению укреплений. Через несколько дней надежного человека отрядили в Киото, где гостила Охацу, с просьбой отправиться в качестве посланницы к Иэясу в Сумпу. Лучшей посредницы в переговорах между кланами Токугава и Тоётоми, чем вдова Такацугу Кёгоку, и представить было нельзя. В итоге, правда, было решено, что кроме нее ходатайствовать перед отцом сёгуна за Хидээри будут еще три достойные дамы: госпожа нии-но-цубонэ¹³⁷ – мать Ватанабэ, правителя Этиго; госпожа Окура, мать Харунага Ооно, а также мать самурая Масанаги Ватанабэ, род-

¹³⁷ Нии-но-цубонэ – ранг придворной дамы.

ственника правителя Этиго. Официальная цель их визита к Иэясу заключалась в том, чтобы испросить финансовой помощи для княжеств-тодзама,¹³⁸ разоренных войной.

В начале третьей луны четыре посланницы покинули Осаку.

Возвращение Охацу в замок было предусмотрено на начало четвертого месяца. В этот промежуток осакские военачальники занимались спешными приготовлениями к последней битве.

Через несколько дней после отбытия посольства к Иэясу Тятя нанесла визит в покои Сэн-химэ – собиралась высказать кое-какие претензии. Как и в прошлый раз, невестка приняла ее с величайшим уважением и усадила на почетное место.

– Впереди – новые сражения? – грустно спросила Сэн-химэ.

– Коли война началась, ее нужно довести до конца. На сей раз мы будем биться, пока от этого замка не останется камня на камне, – твердо сказала Тятя.

– Но ведь этот замок уцелел в боях, хотя и казалось, что его вот-вот сровняют с землей. Да и я давным-давно должна была умереть, а все еще живу. Так, может, и грядущая битва не станет последней? Впрочем, если мне суждено погибнуть, жалеть будет не о чем...

– Во время нашей прошлой беседы вы, помнится, мечтали о мире.

– Я мечтала о настоящем мире. У меня не было сомнений, что договор будет подписан, но я так же хорошо знала, что этот мир не продлится долго. К сожалению, мы с господином Хидэёри были единственными, кто это понимал.

Сэн-химэ сокрушенно покачала головой, а Тятя смотрела на невестку во все глаза, и не узнавала ее, и думала, что юная заложница из дома сёгуна ведет себя так, будто в ней нет ни капли крови Токугава.

– Я никогда не видела, как замки исчезают в огне, – тихо продолжала Сэн-химэ. – Печальное, должно быть, зрелище... – Она произнесла это с искренней грустью.

Тятя все еще не могла отвести взора от девятнадцатилетней девочки, которая вдруг так точно выразила ее собственные мысли и чувства. В тот момент Тяте почудилось, что между ними установилась душевная близость, какой у нее никогда не было ни с Охацу, ни с Когоо.

Сэн-химэ повзрослела, расцвела как женщина, обрела здоровую психику человека, не знавшего горестей, и Тятя, чье детство прошло в скитаниях от замка к замку, Тятя, видевшая, как рушатся крепости, которые были ей родным домом, и как умирают дорогие ее сердцу люди, неожиданно для себя прониклась к племяннице живейшей симпатией.

В вишневом саду у резиденции Сэн-химэ только-только начали распускаться бутоны. Тятя медленно шла среди деревьев; внезапный приступ головокружения заставил ее остановиться. Возникло видение: вокруг закачалась призрачная стена огня, языки пламени жадно потянулись к ней. «Сэн-химэ!» – закричала Тятя. «Я здесь!» – отозвался чистый звонкий голосок, и в алом ревящем вихре пожара показалось личико Сэн-химэ с неуловимой улыбкой на устах. «Она уцелеет в огне, который уничтожит Осакский замок!» – пронзила Тятю странная мысль. Головокружение прошло. Она схватилась за плечо прислужницы, почувствовав слабость, но в следующий миг отпустила ее и зашагала дальше.

Сменяли друг друга дни, насыщенные заботами. На подступах к замку суетились воины и мастеровые, трудились с утра до ночи, но работы по восстановлению укреплений продвигались ни шатко ни валко. Тятя то и дело поднималась на смотровую площадку тэнсю обозреть поле деятельности, и всё, что она видела, – это беспорядочно набросанные повсюду горы земли да чернеющие то здесь, то там ямы, которые никак не могли слиться в один ров, хотя их численность прибавлялась день ото дня.

¹³⁸ Княжества-тодзама («внешние», «посторонние») – владения князей из осакского лагеря, сражавшихся против Иэясу в битве при Сэкигахаре

Еще до возвращения четырех посланниц из Сумпу поползли тревожные слухи: Иэясу набирает войско и готовится выступить на запад. Обитатели Осацкого замка и горожане занервничали. Ураку Ода, наравне с Харунагой Ооно командовавший во время зимней осады Осаки армией Тоётоми, бежал из замка вместе со своей семьей. Тятя не слишком-то рассчитывала на этого стареющего полководца и никогда не питала к нему особого доверия, однако его предательство стало для нее событием не менее неприятным, чем отступничество Кацумото Катагири.

Вишня в том году распустилась рано по сравнению с годом минувшим – в самом начале третьей луны – и быстро отцвела. Однажды вечером, в разгар цветения, Тятя прогуливалась по саду с двумя прислужницами и вдруг с ослепительной ясностью поняла, что любит сакуру в последний раз. Она постаралась отогнать эту мысль, принялась убеждать себя в том, что настанет день, когда она снова, рядом с сыном, пойдет под ветвями, тяжелыми от бело-розовых лепестков. Никогда еще ее мальчик не устраивал по случаю любования цветущей вишней праздника столь же роскошного, как то торжество в Дайго, которое прославило его отца. Хидэёри просто не может умереть, не познав радостей, вдохновлявших когда-то самого тайко! Хидэёри обязан жить! Все помыслы отца, все его свершения были направлены на то, чтобы его сын стал великим правителем!

Вернувшись с ночной прогулки по вишневному саду, Тятя обнаружила в своих покоях Хидэёри и Ооно – они ее ждали. Первым заговорил Ооно: лазутчики донесли, что армия Иэясу не сегодня завтра покинет Сумпу; осакские посланники один за другим прибывают в его ставку с письменными извинениями, но Иэясу отказывается их принимать; теперь выбора не осталось – быть войне.

– Вы просили прощения у Иэясу?! Это что еще за новость? – разгневалась Тятя. – Впервые слышу о том, что Осака отправила в Сумпу кого-то еще, кроме моей сестрицы и дам, которые ее сопровождают! Где это видано, чтобы глава дома Тоётоми приносил свои извинения Токугаве?

Ооно спокойно рассказал ей то, о чем она еще не знала: Иэясу не только настаивает, что Осака не должна нанимать на службу ронинов, но и требует, чтобы Хидэёри покинул Осацкий замок и поселился в провинции Ямато.

Тятя чуть сознания не лишилась от удивления. Несколько мгновений она не могла произнести ни слова – дыхание перехватило, рот скривился от ярости. Наконец ей удалось справиться с эмоциями.

– А как же подписанный мирный договор? – выдавила она.

– Боюсь, этот так называемый «мирный договор» с самого начала был для Иэясу не более чем уловкой для временного прекращения боевых действий, – ответил Ооно. – Всех посланников, которых мы отрядили в Сумпу, держат там в плену – никто не вернулся.

– Мне все ясно. Теперь я знаю, что делать, – спокойно и отчетливо произнесла Тятя, опустив глаза. Потом вдруг резко вскинула голову: – А что думает об этом молодой господин?

Хидэёри, до того момента хранивший молчание, сказал:

– Ничего нового. Я с самого начала знал, чем все закончится, и ваши действия, любезная матушка и уважаемый господин Ооно, всегда казались мне бесполезными. Как видите, я был прав. – Он еще немного помолчал и продолжил: – Матушка, господин Ооно, я хочу, чтобы вы прямо сейчас четко уяснили себе, что бой, который мы дадим Токугава, будет нашим последним боем. Я требую, чтобы вы раз и навсегда отказались от надежды восстановить власть дома Тоётоми над страной. Сегодня же вечером я намерен объявить войну бакуфу. Откладывать этот шаг бессмысленно – каждый новый день будет лишь укреплять преимущество Иэясу.

Тятя бросила вопросительный взгляд на Ооно.

– Приготовления к войне уже завершены. Однако же мне думается, что нет необходимости торопиться с публичным объявлением, – заявил тот, к ее облегчению.

Тятя уже поняла, что ее видение ситуации не вполне совпадает с представлениями сына. Возможно, Хидэёри прав: они действительно находятся в отчаянном положении, но кто знает, как распорядится их жизнями судьба. Нужно подождать. Объявить войну сейчас – значит написать себе смертный приговор.

– Если я не брошу вызов сегодня, Иэясу первым нападет на нас завтра, – сказал Хидэёри.

Вассалы Тоётоми должны верить, что война ведется по воле Осаки – это поднимет их боевой дух. Вот что было на уме у Хидэёри. С другой стороны, объявление войны стало бы признанием того, что Тоётоми загнаны в тупик и готовы совершить самоубийство, бросившись в последний бой, который не принесет им ничего, кроме поражения и смерти. Нет, решила Тятя, Осака ни в коем случае не должна бросать вызов Токугава – пусть сами нападут и выставят себя мстительными злодеями, мечтающими сломить сопротивление Тоётоми, поставить их на колени.

– Последуем совету господина Ооно – подождем хотя бы до конца третьего месяца, – предложила Тятя.

– Что ж, – пожал плечами Хидэёри, – на это время наши воины сумеют сдержать свой пыл. Но с восходом четвертой луны я объявлю войну. – На этом он покинул покои матери; вскоре за ним последовал и Харунага Ооно.

Оставшись одна, Тятя тоже поднялась с циновки и прошла по своим владениям, размышляя о том, что случилось с четырьмя посланницами, уехавшими в Сумпу.

С наступлением четвертого месяца Осацкий замок снова затрясло в боевой лихорадке. Каждый день в главном зале тэнсю проходили военные советы. Самураи, выступавшие за объявление войны бакуфу, составляли большинство; они считали, что следует немедленно очистить Кинки от всех союзников Токугава. Тятя и Ооно тщетно пытались охладить их пыл. Ооно призывал дожидаться возвращения последних эмиссаров, отправленных Осакой к Иэясу на исходе третьего месяца, Тятя ему вторила, и в конце концов им удалось заручиться поддержкой нескольких военачальников. Хидэёри считал все предложения матери и Ооно бессмысленными, однако, опасаясь раскола в собственном лагере, согласился подождать до десятого числа – это была заранее оговоренная дата возвращения четырех посланниц из Сумпу, – а потом присоединиться к мнению большинства.

Первые десять дней четвертой луны выдались богатыми на события. Отряд осакских ронинов по собственному почину ворвался в замок Фусими и устроил там погром, другие отряды самовольно пошли на штурм Амагасаки. В самой Осаке полководцам с трудом удавалось сдерживать своих самураев и сохранять порядок в войсках. «Потерпите еще немного! Если ринетесь в бой сейчас, вы сыграете на руку Токугава!» – срывающая голос, твердили Ооно и прочие полководцы, пытаясь утихомирить подчиненных.

В самый разгар волнений, утром девятого дня четвертой луны, в Осаке распространился слух о том, что четвертого числа сёгун Хидэтада распределил ближайших вассалов на посты командующих подразделениями своей армии; одновременно с этим Иэясу, выступив из Сумпу во главе собственного войска, пошел на Нагою, и теперь все полки Токугава один за другим двигаются к Осаке. Ни Тятя, ни Хидэёри, ни Ооно такого не ожидали. Значит, Токугава тайком начали наступление еще до того, как Осака объявила им войну! В тот же день слух подтвердился: от лазутчиков стали поступать донесения о передвижениях войск бакуфу.

Осакские воины собрались на главном дворе замка. Юкимура Санада, Мотоцугу Гото, Сигэнари Кимура, Кацунага Мори – все были там. Пока Харунага Ооно разъяснял им обстановку, подоспели новые режиссеры: самураи Такаторы Тодо заняли берега Ёдогавы, Удзигавы и Кацурагавы; Наотака Ии из Хиконэ разбил лагерь на подступах к Фусими; всё новые и новые вражеские полки продолжают прибывать в район Фусими и Тобы, их возглавляют военачальники восточного лагеря из провинций Мино, Овари и Микавы.

И тут Хидээри оглушительно расхохотался. Воины смущенно отвели взоры, устыдившись недостойного поведения своего главнокомандующего; лишь Тятя во все глаза смотрела на сына, с ужасом спрашивая себя, не сошел ли он с ума. Когда приступ странной веселости миновал, Хидээри невозмутимо заговорил:

– Мы оказались честнее, потому-то Иэясу и сумел нас одурачить. Так или иначе, жребий брошен, отныне ничто не удерживает меня в этом мире, кроме желания достойно провести последнюю битву против Токугава. Я давно принял решение умереть на развалинах своего замка, но только теперь понял, что умру счастливым: я вижу вокруг множество великих воинов, готовых сражаться за меня. Я, Хидээри, – самый удачливый человек в Японии! – Отдав дань уважения соратникам, он повернулся к Тяте: – Матушка, на сей раз вам придется смириться. Отбросьте всякую надежду на то, что род Тоётоми продолжит существование в веках, и позвольте мне самому руководить последним сражением. – Таким образом сын хотел положить конец вмешательству матери в военные дела.

– Ваше слово – закон, мой господин, – покорно склонилась перед ним Тятя.

Воины, присутствовавшие на собрании, держались довольно холодно с Харунагой Ооно, которого считали ответственным за создавшееся положение, но Тяте, со своей стороны, было не в чем его упрекнуть. Военачальники из Осацкого замка все как один являлись отважными и верными вассалами, готовыми пожертвовать жизнь во имя славы дома Тоётоми, но трудно было найти человека более преданного и упорного в борьбе за дело своего господина, чем Харунага Ооно, – ради возвращения власти клану Тоётоми он не побоялся даже бесчестия. Тятя, как никто другой, понимала мотивы его поступков. Жаль только, что все его усилия оказались тщетными.

На военном совете был объявлен перерыв, и обсуждение продолжилось после полудня. В промежутке между двумя заседаниями какие-то горячие головы подкараулили Ооно у ворот замка и нанесли удар мечом. Раненого спешно унесли во внутренние покои тэнсю, кликнули лекаря, и на втором заседании Ооно сидел в перевязках.

Тятя там тоже присутствовала. Хидээри запретил ей вмешиваться, но она не смогла сдерживать любопытства и явилась послушать других. Ее настроение в последние дни совершенно изменилось – вернулись гордость и хладнокровие, которые она потеряла на время, ослепленная материнским страхом за сына. Ей было уже сорок девять лет. Едва разменяв пятый десяток, она страшно растолстела, даже передвигалась с трудом, но за последние три-четыре года сбросила лишний вес и сделалась прежней Тятей – стройной, бледнолицей, надменной дочерью высокородного князя Асаи и матерью наследника тайко. Она не терпела не только прямых выпадов в адрес дома Тоётоми, законного держателя власти, но и малейшего намека, способного бросить тень на достоинство своего клана.

После полудня, на втором заседании совета, самураи выступали с различными предположениями о том, с чего Токугава начнут военные действия. В конце концов Хидээри поддержал мнение военачальников о том, что Иэясу, скорее всего, ударит со стороны Тэннодзи и, стало быть, необходимо усилить посты с той стороны, разделив все войско на два крыла. В тот же вечер расквартированные в Осаке отряды ронинов и самураев пришли в движение, снялись с места и выступили в путь к линиям обороны; каждому была доверена охрана своего участка.

На следующий день Хидээри со знаменосцами отправился объезжать позиции со стороны Тэннодзи, где предположительно должно было состояться главное сражение. Вокруг молодого главнокомандующего полоскались на ветру двадцать алых боевых стягов и десять штандартов с золотыми кистями, все с гербами Тоётоми; к небу тянулся лес пик. Тятя проводила Хидээри до ворот замка. Горделивый выезд сына, восседавшего на боевом коне, напомнил матери о тайко, который точно так же в давние времена выступал в поход в окружении вассалов, у каждого из которых за плечами красовался флаг с тем же гербом.

Восемнадцатого числа Хидэтада вошел в Киото; двадцать первого Иэясу перенес свою ставку в Фусими. Осацкий лагерь узнал об этом двадцать второго, а двадцать шестого Охацу, нии-но-цубонэ и еще две дамы наконец-то вернулись из Сумпу в Осаку. Они привезли послание от Иэясу, который упрекал Хидээри в невыполнении приказов, давным-давно переданных им через Ооно: распустишь ронинов и покинуть Осацкий замок.

Тятя приняла сестру в своих покоях и, поблагодарив ее за хлопоты, предложила провести этот день вместе, поскольку считала, что свидеться в этом земном существовании им уже не придется. Охацу принялась убеждать ее, что еще не все потеряно, Осацкий замок может уцелеть, но обе они знали: это всего лишь вежливое утешение, Охацу и сама не верила в то, что говорила.

Сидя на энгаве, женщины залюбовались весенним буйством листвы в саду. Беседа замерла ненадолго, затем неспешно потекла своим чередом.

– Охацу, мы с тобой и Когоо вместе росли и воспитывались, но судьба сделала нас, трех сестер, врагами. И все же я рада нашей последней встрече, и я благодарю тебя за все, что ты для меня сделала. Повидаться с Когоо, супругой сёгуна, я уже не успею. В последний раз мы с ней разговаривали на свадьбе ее дочери и моего сына. Когда ты с ней встретишься, засвидетельствуй ей мое почтение, скажи, что к Сэн-химэ я относилась как к родной дочери... – Тятя осеклась, внезапно подумав о том, что Сэн-химэ тоже должна погибнуть в пламени, которое уничтожит Осацкий замок.

Охацу впервые за время их беседы подняла голову и посмотрела в глаза сестре. Она как будто давно хотела об этом заговорить, но слова давались ей с трудом:

– Не обижайтесь, милая О-Тятя, на то, что я скажу... однако, даже если замок будет разрушен, я всей душой желаю, чтобы вы остались живы, вы и ваш сын. Для этого есть лишь один способ...

Тятя не дала ей закончить.

– Ты имеешь в виду, что я должна спасти Сэн-химэ? – спросила она, бросив на Охацу испытующий взгляд. – Я была бы рада помочь ей бежать из Осаки, пока еще есть время, но думаю, она откажется. Что до меня, я твердо решила разделить судьбу своего замка и своего сына. Понимаю, тебе печально это слышать, но никто и ничто, даже воля богов и будд, не заставит меня изменить решение... Не забудь поприветствовать от моего имени супругу сёгуна Хидэтады, когда ее увидишь.

Сама ли Охацу придумала для нее путь к спасению или же Токугава попросили замолвить словечко за Сэн-химэ, Тятя не знала. В любом случае она была убеждена, что Сэн-химэ не согласится бросить мужа. Иэясу, Хидэтаде и Когоо останется лишь оплакать ее смерть! В огне, который сотрет с лица земли Осацкий замок, исчезнут вместе с ним прекрасное лицо, прекрасные волосы, прекрасное тело Сэн-химэ!

Охацу покинула замок поздно вечером. Тятя проводила ее до ворот и в миг расставания впервые вспомнила о племяннике.

– Я буду молиться, чтобы молодой господин Тадатака уцелел на поле брани. – Она не сомневалась, что Тадатака Кёгоку, полководец из стана Токугава, тоже пойдет на штурм Осаки со своим войском.

– Я передам ему ваши слова, – тихо сказала Охацу. – Как бы мне хотелось, чтобы вы с ним познакомились! Он так похож на своего отца...

Перед мысленным взором Тяти встал образ Такацугу – каким он был в юности. Ей подумалось, что Тадатака сейчас, наверное, столь же отважен и горяч... Странное дело, она не держала зла на племянника, заключившего союз с ее врагом, – лишь испытывала щемящее чувство разлуки с незнакомым, но дорогим человеком, которого навсегда отобрала у нее судьба. Погибнуть бы от его руки...

XI

Во время зимней осады Осаки полководцы из стана Хидэёри высказались за оборонительную тактику с самого начала боевых действий, теперь же замок, лишенный укреплений, перестал быть надежным убежищем, и самураям волей-неволей пришлось готовиться к атакам на врага. Осацкие воины единодушно считали, что Токугава, скорее всего, пойдут в наступление со стороны Нары и главный удар западные войска должны принять в том месте, где люди Иэясу спустятся с плато и волной хлынут на равнину, стало быть, основные силы следует сосредоточить между Тэннодзи и Кавати.

Вооруженные столкновения произошли двадцать восьмого и двадцать девятого числа четвертого месяца в районе Кавати. В бою погиб Оюки Ханавана, о чьей отваге и ловкости в обращении с мечом ходили легенды. Тятя никогда не встречала этого ронина, но была о нем наслышана, и гибель столь доблестного воина во время первой же стычки с противником – битвой это и назвать-то было нельзя – показалась ей дурным предзнаменованием.

Когда пятая луна сменила четвертую, война уже шла полным ходом. Хидэёри каждый день держал совет с военачальниками. Тятя неизменно присутствовала на этих заседаниях, где обсуждалось перемещение войск, но в споры никогда не вступала. И всякий раз уходила из главного зала тэнсю, терзаемая мрачными предчувствиями. Она ничего не понимала в воинском искусстве, смысл речей полководцев от нее ускользал, тем не менее ей казалось, что к победе надо идти совсем другой дорогой. Давно велись разговоры о противостоянии двух кланов в смертельной битве, из которой один выйдет победителем, другой – побежденным, но ответственность за разработку тактики и стратегии в этом последнем сражении никто на себя не брал, вернее, желающих взять было слишком много, поэтому план военных действий на ближайшие дни всякий раз утверждался с учетом многочисленных и порой противоречащих друг другу мнений. Идеи Хидэёри, Ооно, Сигэнари Кимуры, Моритики Тёсокабэ, Мотоцугу Гото, Юкимуры Санады или Хаято Сусукиды никогда не принимались в чистом виде – они претерпевали изменения, исправлялись и дополнялись в соответствии с пожеланиями других военачальников. Все, даже самые незначительные, решения утверждались советом, частные инициативы конкретных воинов искажались и в конце концов теряли всякий смысл. В такие критические моменты Тятя сокрушалась о том, что ее сын слишком юн – ему всего двадцать три; случись эта междоусобица двумя-тремя годами позже, он успел бы достигнуть зрелости, набраться опыта и смог бы единолично возглавить армию. Молодость Хидэёри представлялась его матери губительным недостатком.

На совете второго дня пятой луны Тятя осведомилась у Ооно о дислокации войск противника. С начала боевых действий она никому не задавала вопросов, однако молчать и далее, видя, как день ото дня сокращается число военачальников, присутствующих на совете, – западная армия несла огромные потери, – было невыносимо.

– Иэясу по-прежнему сидит в своей киотоской резиденции, Хидэтада еще не покинул Фусими, – ответил Ооно. – Главные силы противника сосредоточены на земле Кавати, авангард стоит в Кокубуне, войско Такаторы Тодо – в Сэндзуке. Наотака Ии разбил лагерь в окрестностях Ракуондзи.

– А наша армия? – снова спросила Тятя, которая сделалась белой как полотно, узнав о том, что вражеские войска уже так близко – почти у ворот замка.

– Войска Хаято Сусукиды, Мотоцугу Гото и Юкимуры Санады заняли позиции в том же районе и ждут сигнала к бою. Резервные полки под командованием Сигэнари Кимуры и Моритики Тёсокабэ тоже ждут, готовые прийти им на подмогу.

– Мы можем рассчитывать на победу? – не унималась Тятя.

– Полагаю, первая битва будет решающей. Если Гото, Санада и Сусукида одержат верх, дальнейшие события станут развиваться в нашу пользу. Если они потерпят поражение, резервным войскам будет трудно даже свои позиции удержать.

Невозмутимость, с которой Ооно отвечал на вопросы, раздражала Тятю. Нельзя допустить новую осаду замка, нужно самим идти в наступление – разве не об этом все твердили с самого начала? И что получилось в итоге? Замок опять обложен со всех сторон! «Чем вы занимались до сих пор? Будь тайко жив, он не позволил бы ни одному вражескому воину войти в Киото или в Фусими!» – хотелось закричать Тяте, но она лишь сердито проворчала:

– Стало быть, мы должны либо победить, либо умереть.

Совет закончился, все разошлись. Тятя окликнула сына, шагавшего впереди нее по энгаве к своим покоям. Хидээри тотчас остановился и отослал сопровождавших его оруженосцев, Тятины прислужницы тоже не мешкая удалились. Ей показалось странным, что Хидээри хочет поговорить с глазу на глаз, однако, несмотря на неприятный холодок тревоги, она была счастлива остаться с сыном наедине – такого случая им давно не выпадало, на протяжении долгих лет рядом постоянно был кто-нибудь из приближенных.

– Матушка... – (Тятя сама окликнула Хидээри, но первым начал беседу он.) – Скоро вы и сами это поймете, однако я скажу вам сейчас: падение Осаки станет вопросом считанных дней, быть может, часов. Надобно с этим смириться. Конец близок. У нас осталось несколько дней.

– Несколько дней?! – выдохнула Тятя.

– Да. Мне это очевидно. И не только мне – Ооно тоже все понимает, и другие военачальники... Просто никто об этом не говорит.

Белый песок в саду искрился под ослепительным, уже по-летнему жестоким солнцем. Вязы и криптомерии тянулись к небу густыми кронами, заглядывая поверх белой крыши дальнего павильона во внутренний сад. Лето уже вступило в свои права, а Тятя, погруженная в свои мысли, и не заметила, как весна сдалась под отчаянным натиском.

В замке царил тишина; еще пару дней назад конское ржание, бряцание оружия и голоса воинов долетали до самых отдаленных его пределов, ныне же основные войска, судя по всему, ушли. Все вокруг дышало такой безмятежностью, что Тятя никак не могла поверить сыну: неужели через несколько дней здесь не останется камня на камне? И все же она сказала:

– Мое решение принято давным-давно.

– В таком случае, мне нечего добавить.

– Давайте прогуляемся по саду. Мы так давно не проводили время вместе...

Тятя позвала прислужниц, те принесли деревянные гэта для прогулки, мать с сыном вдвоем спустились в сад и неспешно пошли среди камней и кустов. В самом конце сада у центральной башни журчал ручей, вытекающий из пруда, на берегах которого цвели ирисы.

– Ирисы распустились! – воскликнула Тятя. – Уже!

А ведь и правда, скоро Праздник мальчиков¹³⁹... Ах, какая веселая суета охватывала замок с приближением этого дня, когда Хидээри был маленьким! При жизни тайко к торжеству начинали готовиться за месяц, а то и за два, даймё со всех концов страны присылали подарки юному наследнику дома Тоётоми, обитатели замка угощались сакэ, в которое непременно добавляли корешки ириса, повсюду витал аромат ирисовых благовоний, служанки не покладая рук лепили тимаки...¹⁴⁰

Но шли годы, и шумные пиры становились всё тише, гонцы с дарами прибывали всё реже, а в последнее время Осака и вовсе забыла о существовании этого праздника.

¹³⁹ Праздник мальчиков традиционно отмечался в Японии на пятый день пятой луны. Его второе название – Сэбуно сэкку, «Праздник ирисов».

¹⁴⁰ Тимаки – рисовые колобки, завернутые в листья ириса или бамбука, главное угощение на Празднике мальчиков.

Хидээри, должно быть, тоже вспомнилось былое веселье, потому что он вдруг задумчиво сказал:

– Я выступлю против Токугава пятого числа. В этот день, матушка, вы увидите, что ваш мальчик стал настоящим воином. – И засмеялся – так безудержно, радостно, по-детски, что у Тяти защемило сердце.

По традиции она держалась чуть позади сына; ничего в нем не изменилось, но ей казалось, что поступь главы клана Тоётоми сделалась тверже и воинственной, в ее глазах он неожиданно превзошел своим величием самого тайко в расцвете славы.

Они бродили по саду целый час, а потом вернулись к тэнсю и расстались возле энгавы. Перед тем как уйти, Хидээри заглянул матери в глаза:

– Не будет больше таких безмятежных прогулок, тихих бесед. Матушка, что бы ни случилось, пообещайте мне, что поддержите любое мое решение.

– Обещаю, – покорно склонилась перед сыном Тятя.

Однако, очутившись в своих покоях, она задалась вопросом: с какой стати Осака заведомо соглашается на поражение, почему они должны позволить Токугава сжечь замок? Кто заранее обрек ее сына, такого молодого, такого выдающегося воина, на гибель? И все же, вопреки этим мятежным мыслям, она знала, что изменить судьбу не в ее силах. Она ничего не могла сделать – только молча ждать неизбежного.

Третий и четвертый дни пятой луны выдались на удивление спокойными. Полководцы не устраивали советов. Тятя постоянно посылала своих людей к Ооно справиться о военной обстановке, но всякий раз ответ был один и тот же: бои еще не начались.

Пятого числа замок снова затрясло как в лихорадке. Хидээри и Ооно никто не видел с самого утра; выяснилось, что на рассвете оба отправились объезжать позиции, чтобы поднять боевой дух воинов и полководцев перед битвой. К вечеру Тятя уже места себе не находила от беспокойства. Хидээри сказал ей, что собирается выступить в поход в день Праздника мальчиков, так, может, он выполнил обещание и уже сражается где-то с врагом? Последние резервные полки один за другим покидали Осацкий замок. Солнце уже зашло, а все еще можно было различить, прислушавшись, отдаленное конское ржание.

Тем вечером Тятя хотела лечь пораньше, но едва лишь она удалилась в опочивальню, как ей доложили о визите Сэн-химэ. Тятя, уже успевшая переодеться в ночное платье, велела прислужницам попросить гостью подождать и облачилась в наряд, подобающий для приема невестки.

Сэн-химэ исполнилось девятнадцать, но свекрови она вдруг показалась совсем девочкой, веселой и беспечной. Это дитя, доверенное ее опеке кланом Токугава, как будто даже и не подозревало, сколь печальная участь уготована замку и всем его обитателям. И Тятя не удержалась – бросила ей в лицо слова, которые еще ни перед кем не произносила:

– На сей раз надобно готовиться к худшему. – Ее голос дрожал от плохо сдерживаемой ненависти. «Всему виной твои отец и дед!» – хотелось ей добавить, но и так все было ясно.

Сэн-химэ, как и полагается невестке, заняла скромное место по отношению к свекрови. Сев, она спокойно проговорила:

– Я уверена, что мы победим в сражении.

Тятя, подобной уверенности не ожидавшая, холодно осведомилась, на чем ее мнение основывается.

– Сражения затевают для того, чтобы в них побеждать. Кто же пойдет в бой, будучи уверенным в своем поражении? Что бы там ни говорил господин Хидээри, я знаю: в глубине души он надеется выиграть битву.

– Порой приходится принимать бой, обрекая себя на поражение, коли враг к этому вынуждает, – заметила Тятя, хотя ее сердце уже пело и ликовало, замирало от нежности к Сэн-химэ, которая нежданно-негаданно подарила ей надежду. А ведь и правда, почему они должны

проиграть? Сто тысяч самураев, ронинов и военачальников пришли к Осаке, чтобы сражаться за дом Хидэёри. Быть может, она, Тятя, одна поддалась унынию, а все остальные грезят победой? Да и сам Хидэёри, несмотря на похоронные речи, в глубине души наверняка надеется одержать верх над кланом Токугава...

Однако же обнаруживать перемены в своем настроении перед невесткой она не собиралась – все-таки в жилах молодой женщины, сидевшей напротив нее, текла кровь заклятого врага.

– Мечтать о победе – дело достойное. Но что вы будете делать в случае поражения? – спросила Тятя.

Сэн-химэ молчала, склонив хорошенькую головку.

– Ну же, отвечайте! – Тятино настроение опять изменилось. Она вдруг преисполнилась ожесточенной решимости забрать невестку с собой, если Осаке и ей самой суждено сгинуть в пожаре. Она сделает это даже ценой нарушения всех приличий, она вцепится обеими руками в полы кимоно Сэн-химэ, чтобы помешать ей спастись бегством! Тятя живо представила эту сцену, себя и невестку в огне, пожирающем замок.

И в этот миг Сэн-химэ ответила на ее вопрос. Слова молодой женщины прозвучали так неожиданно, что Тяте показалось, будто их принес откуда-то издалека ветер.

– Я подумаю об этом, когда придет время.

– Что?! – вскинулась Тятя.

Сэн-химэ вежливо, с безмятежной уверенностью, повторила.

– Значит, вы еще не приняли решение умереть? – Тятя, не вставая с колен, подползла к ней ближе, словно не верила своим ушам.

Сэн-химэ подняла голову и смело посмотрела свекрови в глаза:

– Я пришла именно для того, чтобы поговорить с вами об этом, госпожа Ёдо. Я не сомневаюсь в нашей победе, но воинская удача переменчива. Если боги распорядятся по-своему, пусть они решат и мою судьбу за меня. Коли смерть неизбежна, надобно встретить ее достойно, но коли есть надежда на жизнь, мы все должны оставаться в живых. – Молодая женщина опустила голову, продолжая говорить: – Я не хочу видеть, как этот замок исчезает в огне, не хочу видеть, как умирает господин Хидэёри, поэтому готова на все, чтобы спасти Осаку и ее обитателей.

Слова невестки снова повергли Тятю в изумление, заставили задуматься о том, что прежде не приходило ей в голову: если можно остаться в живых, нужно жить! Сэн-химэ права. Она, Тятя, тоже не хочет видеть, как пламя пожара разрушает замок, не хочет убивать своего сына! Возможно, даже в случае поражения у них с Хидэёри найдется возможность сохранить жизнь, если они того пожелают. При всей своей жестокости, Иэясу и Хидэтада не осмелятся поднять меч на главу клана Тоётоми и его мать. Ее вдруг охватила дрожь. Тятя попробовала призвать тело к порядку, чтобы не показать Сэн-химэ своей слабости, но не смогла.

Во время этой беседы примчался верховой с посланием от Ооно. Тятя велела проводить самурая в соседние покои, вышла к нему и приняла свиток. Ооно писал, что сражение начнется завтра на рассвете, войска вступят в бой по всей линии фронта.

Когда гостя ушла, Тятя долго сидела в одиночестве. Дышалось тяжело – ночь была мучительно жаркая. Погода в тот год все время капризничала: зима закончилась раньше срока, вишни расцвели с небывалой поспешностью, а четвертый месяц вдруг выдался холодным, в первый день пятой луны выпал град, и вот теперь Праздник мальчиков принес с собой летний зной. Сейчас сёдзи были раздвинуты, в сад падал свет свечей, но с воли не доносилось даже слабого дуновения ветерка.

Тятя, взволнованная разговором с невесткой и посланием от Ооно, встала и вышла на энгаву. Взгляд утонул во мраке сада. На небе – ни звездочки. Должно быть, духота предвещает

грозу... Замок молчал – ни голосов, ни звона доспехов, ни перестука копыт, – но в воздухе ощущалось гнетущее напряжение.

Перед приходом Сэн-химэ Тятя собиралась лечь в постель, теперь же сна не было ни в одном глазу. Известие о начале боевых действий завтра на рассвете взбудоражило нервы. Как же заснуть в такую ночь? Тятя решила оставаться на ногах, пока сон не сморит ее, и бродила по энгаве в том же церемониальном кимоно, которое надела поверх ночного платья, чтобы выйти к невестке. Прислужниц и вассалов она отпустила. В час Мыши¹⁴¹ она наконец легла, но сон по-прежнему не шел, глаза не желали закрываться. В час Быка Тятя села на футоне – в замке поднялась суматоха, со двора донесся шум. Состоявший при ней на службе молодой самурай, которому она недавно велела отправляться спать, но который, по всей видимости, приказ проигнорировал, крикнул из-за фусума:

– Его превосходительство Сигэнари Кимура ведет войско к полю брани!

Казалось, конское ржание, переключки всадников, топот сотен ног раздаются совсем близко – должно быть, оттого, что стояла ночь и остальные звуки стихли. Ненадолго установилось прежнее спокойствие, но вскоре шум возобновился. Тот же молодой самурай возвестил:

– Его превосходительство Моритика Тёсокабэ ведет войско к полю брани!

К рассвету в Осацком замке снова воцарилась тишина. Тятя, очнувшись от дремоты, встала с наступлением часа Зайца и раздвинула сёдзи – моросил дождь. С отбытием десяти тысяч воинов из последних резервных полков под командованием Кимуры и Тёсокабэ замок впал в оцепенение.

Тятя не знала, провел ли ее сын ночь в Осаке или отбыл к линии фронта еще накануне, она умирала от беспокойства, но не стала расспрашивать об этом приближенных и утро провела на энгаве, глядя на дождь, поливающий сад.

В час Коня примчался гонец от Ооно.

– Его превосходительство Мотоцугу Гото пал в бою у Домёдзи сегодня на рассвете, – доложил он.

Домёдзи находился всего в пяти ри к юго-востоку от замка. Тятя была потрясена не только печальным известием о гибели Гото, бесстрашного воина и талантливого стратега, но и осознанием того, что вражеская армия подобралась настолько близко. Бои шли в пяти ри от Осаки – она и не думала, что Токугава так быстро сломят сопротивление западных войск.

– Что с молодым господином? – спросила Тятя, уже не способная совладать с тревогой.

– Он все еще в замке, – ответил гонец, к ее великому облегчению.

Два часа спустя явился второй посланец от Ооно:

– Его превосходительство Хаято Сусукида сложил голову в битве при Домёдзи.

Тятя совсем пала духом. Выдающиеся полководцы, последняя надежда и оплот осакского лагеря, умирали один за другим. В живых остались только четверо военачальников, умеющих принимать стратегические решения и командовать армией: Санада, Мори, Кимура и Тёсокабэ.

Не в силах и дальше выносить бездействие, Тятя направилась к центральной башне. В большом церемониальном зале она обнаружила десяток самураев, собравшихся на совет вокруг Хидзэри и Ооно. Тятя молча вошла и заняла место рядом с сыном.

– Какова обстановка на фронте? – осведомилась она.

Хидзэри хранил молчание, и за него ответил Ооно:

– Вражеские войска под предводительством Мидзуно, Хонды, Мацудайры и Датэ захватили земли вокруг Домёдзи, наши люди во главе с Санадой, Фукусимой, Ватанабэ, Ики и Отани пытаются сдержать их наступление, но на линии фронта царит сумятица. Мы только что отправили туда с конной эстафетой приказ об отступлении полкам Санады.

– А что же резервные полки, покинувшие замок нынешней ночью?

¹⁴¹ То есть в полночь. Час Мыши – время между полуночью и двумя часами утра.

– Они сражаются с подразделением вражеской армии под командованием Ии в двух ри от замка.

– В двух ри?! – простонала Тятя.

– Сигэнари Кимура дрался как демон и пал в бою.

– Что вы такое говорите?! – Тятя потеряла дар речи и лишь с беспомощной безмолвной мольбой обратила к сыну лицо, в котором не было ни кровинки.

Хидээри, бесстрастно встретив ее взгляд, произнес спокойно, но твердо:

– Матушка, извольте удалиться.

– Я не могу остаться?

– К чему? Решающий час настал.

– Где Иэясу?

– Иэясу и его сын сегодня на рассвете привели свои войска в Хиракату, разбили лагерь и готовы вступить в сражение, как только возникнет необходимость.

Услышав этот ответ Ооно, Тятя почувствовала вдруг, что нервное напряжение, не отпускавшее ее несколько дней, прошло, и расхохоталась, хотя для веселья не было ни единой причины.

– Значит, замок взят в кольцо войсками клана Токугава! – отсмеявшись, подытожила она и с угрозой добавила: – И что же вы намерены делать?

– Еще не все потеряно. Мы сдержим наступление армии Иэясу у Хиракаты, войска Тёсокабэ, Санады и Мори будут защищать позиции возле Тяусуямы и Тэннодзи. Кроме того, мы сами готовы предпринять последнее наступление в окрестностях Нары. Начиная с завтрашнего дня бои станут решающими.

– Стало быть, завтра на замок посыплются стрелы и ядра. Вот шуму-то будет! – саркастически хмыкнула Тятя, встала и покинула церемониальный зал.

Оказавшись на галерее, она вдруг подумала о том, что за все время ее пребывания на совете Хидээри не произнес ни слова, только приказал ей удалиться. Мать прониклась сочувствием к сыну. Он собрал вокруг себя слишком много военачальников – это и стало причиной всех бед. Ему больно было признаться матери, что осакская армия обречена на поражение, поэтому он и позволил подчиненным говорить вместо него.

В своих покоях Тятя долго размышляла, пытаясь найти путь к спасению замка, какой-нибудь способ сохранить жизнь сыну. Ее уже не заботили ни авторитет дома Тоётоми, ни честь самого Хидээри. Перед мысленным взором мелькали лица союзников – людей, которые могли бы помочь. Большинство из них были мертвы, но время перестало для нее существовать. Вчерашние события смешались с воспоминаниями десяти– и двадцатилетней давности. Удзисато Гамоо, Такацугу Кёгоку, Тосиэ Маэда дружески смотрели на нее из прошлого. Как странно – все, на кого она могла бы положиться, уже ушли из этого мира. Тятя подумала о сестрах – Охаци и Когоо. Судьба распорядилась так, что обе оказались ныне во вражеском лагере, но Тятя знала, что, если ей удастся передать им тайные послания, они объединят свои усилия, чтобы ее спасти. Однако, пребывая в замке, окруженном войсками Токугава, она не видела возможности послать к сестрам гонцов. Тятя безмолвно взывала о помощи к даме Кёгоку, даме Каге и даже к Госпоже из Северных покоев, ее разум не делал различий между живыми и мертвыми. Она потеряла счет часам, ее взгляд заблудился в пространстве, мысли вились хороводом, подчиненные одной, целиком поглотившей ее цели: спасти замок и сына.

Вдруг, очнувшись, Тятя обнаружила, что в саду сгустились сумерки. Черная земля пропиталась влагой, но дождь уже прекратился. Ветер издали приносит отзвуки ружейных выстрелов и боевые кличи. Вассалы и прислужницы суетились в ее покоях, перетаскивая мебель и циновки, чтобы защитить опочивальню госпожи от пуль и стрел.

Настала ночь. Самураи в боевом облачении явились сообщить обитателям замка, что до рассвета боев не будет и можно спать спокойно.

Тятя слышала голоса воинов за фусума и гадала, откуда у них такая уверенность в том, что сражение утихнет. Быть может, два лагеря вступили в мирные переговоры? И на нее вдруг навалилась чудовищная усталость. Тятя велела приготовить ей постель в дальнем углу опочивальни, заставленном мебелью и заваленном циновками. Едва коснувшись затылком подголовника, она погрузилась в беспокойный, насыщенный страшными видениями сон.

Пробудившись утром седьмого дня пятой луны, Тятя обнаружила, что за ночь действительно ничего не произошло: в ее резиденции царили тишина и покой. Как ни напрягала она слух, не смогла различить ни ружейного выстрела, ни боевого клича и снова подумала: уж не заключено ли перемирие между двумя армиями?

После утреннего омовения ей принесли поднос с завтраком. Вдохновленная надеждой на мир, Тятя взяла палочки-хаси и с усердием принялась за еду. Несколько дней назад у нее совершенно пропал аппетит, но этим утром – удивительное дело! – она неспешно и с удовольствием съела все, что подала ей молоденькая служанка. Когда девушка забирала поднос с пустой посудой, прибежал самурай от Хидэёри – тот просил мать без промедления явиться к главной башне. Тятя тотчас покинула свои покои в сопровождении посланника.

Она думала, что ее проводят в церемониальный зал тэнсю на военный совет, но самурай направился ко двору у Вишневых ворот – центральных ворот внутреннего кольца укреплений. Хидэёри был уже там – сидел на походной скамеечке в окружении десятка воинов. Весь двор от Вишневых ворот до тэнсю был заполнен рядами вооруженных самураев в боевом облачении. Подле Хидэёри красовались все атрибуты власти главнокомандующего – копьё, стяги, штандарты. На молодом военачальнике были кожаные доспехи с золотыми и серебряными пластинами, вороной мускулистый жеребец рядом нетерпеливо перебирал копытами в ожидании всадника. При виде этой картины Тятя распрощалась с надеждой на мир: воины готовились выступить к полю брани. Забыв на мгновение, в каком отчаянном положении они оказались, женщина залюбовалась своим сыном, ей почудилось, будто вернулись времена победоносного тайко – до того воинственно и величаво выглядел Хидэёри.

Тятя медленно приблизилась к сыну.

– Юкимура Санада прислал гонца с известием о том, что настало время последней битвы. Мы идем на штурм Тэннодзи. – Хидэёри позвал мать, чтобы попрощаться, поскольку был уверен: им уже не суждено свидеться.

– Я буду молить богов и будд, дабы ниспослали вам победу. – Тятя сказала сыну те самые слова, которыми ей так часто приходилось провожать на войну тайко. Ее вдруг охватила дрожь, но виной тому был не страх, объявший материнское сердце при мысли о неотвратимости битвы, а гордость за Хидэёри. Ее мальчик стал зрелым воином и поднял оружие против захватнической армии Токугава! «Какой величественный воин! Он прекрасен, прекрасен!» – мысленно твердила Тятя, вознося хвалу сыну. Ах, если бы тайко был жив и мог увидеть своего наследника в боевом облачении!

В этот момент она заметила Харунагу Ооно, входившего в Вишневые ворота с несколькими самураями. Вид у князя был до того измученный, что Тятя не сразу узнала его. Нетвердым шагом он направился к Хидэёри и, не обращая внимания на присутствие множества знатных воинов, выкрикнул зычным голосом, который никак не вязался со слабостью, проявившейся в физическом облике:

– Я, Харунага, против вашего участия в битве, мой господин! Оставайтесь в замке, умоляю! Дозвольте мне вместо вас повести войско на помощь Санаде!

– Но ведь Санада просил меня, хозяина этого замка, возглавить самураев в последнем сражении, дабы поднять их боевой дух.

– Что бы там ни говорил Санада, покидать замок сейчас неразумно. Вражеская армия захватила почти все земли между Тэннодзи и Окаямой, а их подкрепление уже выступило к Тэннодзи из Хино!

Слово взял незнакомый Тяте бородатый самурай:

– Я тоже позволю себе высказаться против вашего участия в сражении, господин. При нынешних обстоятельствах наша главная задача – оборона замка.

Хидзэри в конце концов уступил под напором двух воинов и отказался встать во главе войска. Оно взял командование на себя, принял атрибуты верховной власти и повел самураев к Тэннодзи, заняв место своего господина. Тятя вздохнула с облегчением – ей хотелось увидеть сына, увенчанного воинской славой, но она предпочитала, чтобы его отбытие на поле брани было отсрочено.

Настало время вернуться к суровой действительности. Прежде чем удалиться в свои покои, Тятя решила подняться на сторожевую башню у центральных ворот второй линии укреплений. Свитские дамы и самураи пытались отговорить ее, но она никого не слушала. За Вишневыми воротами были выставлены на копьях отрубленные головы врагов. Эти вчерашние трофеи провели ночь под дождем, и теперь взъерошенные волосы и застывшие, искаженные смертью и непогодой черты наводили ужас. Тятя поспешно пересекла второй двор, оставив за спиной этот чудовищный частокол, и направилась к сторожевой башне. Бедняжка совсем запыхалась, пришлось не раз останавливаться на лестнице, чтобы отдышаться, но вот наконец она достигла верхнего яруса. Вдали, вокруг Тэннодзи, колыхалось людское море, которое Тятя сначала приняла за воинство дома Тоётоми, однако дозорный растолковал ей, что это вражья сила.

– А где же самураи Санады? – У Тяти внезапно пересохло в горле, и она с трудом задала этот вопрос.

– Там же, госпожа, – ответил дозорный, – но их почти невозможно отличить от неприятельских воинов, до того плотно они окружены.

Тяте в конце концов удалось разглядеть несколько знакомых стягов – они покачивались за плечами горстки самураев Санады. Два лагеря стояли так близко, противники почти что дышали друг другу в лицо, и ей показалось странным, что бой еще не начался. А со стороны Хино к Тэннодзи катились все новые и новые волны армии Токугава, укрепляя ряды неприятеля на подступах к храму, – Оно был прав.

Сильный ветер трепал верхушку сторожевой башни, принося с собой свежесть, изгоняя удушающую жару. Тятя еще раз окинула взглядом панораму грядущей битвы и окончательно убедилась, что войска Иэясу обложили Осаку со всех сторон.

Она спустилась во двор, довольная тем, что получила наконец-то полное представление о расстановке сил и теперь точно знает, чего ждать и к чему готовиться: как только разгорится сражение, Осака, краса и гордость покойного тайко, падет, будет уничтожена врагом, не сумеет оказать сопротивления.

Да, Осацкий замок сегодня же сгинет в огне, этой ночью он обратится в прах...

В своих покоях Тятя созвала свитских дам и прислужниц, каждой преподнесла в дар что-нибудь из своих личных вещей и сказала, что, хотя бежать из замка уже поздно, те из них, кто отыщет путь к спасению, могут покинуть резиденцию, когда пожелают. Все женщины, будто сговорившись, разражались рыданиями, принимая из рук хозяйки скромные безделушки. А лицо самой дамы Ёдо, напротив, становилось все светлее и безмятежнее.

Церемония раздачи памятных даров подходила к концу, когда в Тятины покои ступила Сэн-химэ в сопровождении двух десятков прислужниц. Они походили скорее на свадебный кортеж, чем на беженок, ищущих укрытия от пуль и стрел. Сэн-химэ и ее свитские дамы облачились в самые прекрасные кимоно, и в момент их прибытия в резиденции удивительным образом воцарилась атмосфера пышного праздника. Заглядевшись на прислужниц Сэн-химэ, дамы из Тятиного окружения тоже стали переодеваться в свои лучшие наряды.

Тятя пообедала раньше обычного в обществе невестки. За трапезой они говорили мало и только на темы, не связанные с грядущей гибелью замка, – поболтали, к примеру, о грибах,

которыми славится провинция Ямадзаки, и о способах их приготовления. Один раз Сэн-химэ тихонько рассмеялась, и Тятя, подняв на нее глаза, в глубине души должна была снова признать, что никто в мире не сравнится в красоте с ее невесткой. Сэн-химэ по определенным причинам внушала ей ненависть, и все же невозможно было отрицать, что в этом церемониальном кимоно девятнадцатилетняя жена Хидэёри сказочно прекрасна. Тяте даже подумалось, что, если бы тайко, большой ценитель женских прелестей, был жив, он наверняка воспылал бы страстью к Сэн-химэ. Впервые за много месяцев дама Ёдо пребывала в столь безмятежном настроении, чтобы позволить своим мыслям витать в облаках.

В полдень загрохотали вдали первые залпы. Всю ночь ружья и пушки хранили молчание, а теперь их терпение лопнуло, они разбушевались, заговорили все разом. Вскоре грянули боевые кличи совсем рядом с замком, посеяв ужас и смятение в Тятиних покоях. Когда перепуганные женщины поняли наконец, что это последние осакские полки выступили к полю битвы, в резиденции воцарилась странная, мертвящая тишина.

Тятя и Сэн-химэ отправились к Вишневым воротам в надежде застать там Хидэёри. Он и правда, как и утром, сидел на походной скамеечке в кругу военачальников, только обстановка изменилась – взыграл боевой дух, самураи с мечами наголо переминались с ноги на ногу, сдерживая ярость и желание ринуться на врага. Через Вишневые ворота туда и обратно сновали всадники с приказами и донесениями.

Мать и невестка расположились по правую и по левую руку от Хидэёри на почтительном расстоянии; подле своих хозяек расселись три десятка свитских дам. Тятя впервые заметила, что небесная синева сгустилась, приобрела летнюю прозрачность и глубину, а солнечный свет, тоже по-летнему щедрым потоком, изливается на вишни у ворот.

То ближе, то дальше – по прихоти ветра – звучали оружейные выстрелы и крики самураев. Сложно было сказать, в какой стороне идет сражение.

Харунага Ооно, ранним утром отбивший на позиции к Тэннодзи вдохновлять на битву воинов, вернулся в сопровождении двадцати всадников. Тяте показалось, что он еще больше постарел с момента их последней встречи, состоявшейся всего несколько часов назад, и на ногах держится с трудом. Харунага начал докладывать Хидэёри о положении на фронте, но договорить не успел – рухнул на землю, потеряв сознание, из-под правого наплечника брызнула кровь, окрасила нагрудник в рубиновый цвет. Все подумали было, что его задела вражеская стрела сегодня утром, когда он объезжал войска, однако выяснилось, что это открылась рана, предательски нанесенная «соратниками» несколько дней назад у ворот замка.

Когда Ооно упал, все вскочили, и в тот же миг в ворота влетели три верховых гонца, закоротили поводья, кони взвились на дыбы. Одновременно – будто это стало сигналом – грянул боевой клич на подступах к замку, еще ожесточенней загремели ружья. Часть самураев, до этого момента в ожидании бродивших по двору, устремилась к Вишневым воротам, чтобы в свою очередь броситься в бой. Покой восстановился так же внезапно, как был нарушен.

Тятя, оставив свитских дам сидеть на прежнем месте, подошла к сыну. Теперь свист стрел, выстрелы и боевые кличи безостановочно звучали со всех сторон, словно сражение бушевало уже у крепостных стен.

С поля битвы примчался Юкицуна, сын Юкимуры Санады, и в который раз принялся убеждать Хидэёри возглавить войско. Юный самурай, подросток с нежными, совсем детскими чертами лица, с ног до головы был покрыт кровью врагов. Хидэёри поднялся. Все считали, что для него это последний шанс вступить в схватку с Токугава. Воины из его окружения повскакивали с мест, поднялась боевитая суэта.

Прибыл гонец с известием о том, что полки на подступах к Окаяме разгромлены неприятелем. Почти одновременно с ним на взмыленном коне прилетел еще один, сообщил, что войско Санады разбито у Тэннодзи, все самураи и их предводитель Юкимура Санада полегли на поле брани. Тятя взглянула на сына – его лицо перекошилось от ярости.

– Все за мной! – закричал он, обращаясь к остаткам своего воинства у Вишневых ворот. – Отдайте свои жизни за Хидээри Тоётоми! Отомстим за смерть Санады и его соратников!

В этот миг во двор ворвался Морихиса Хаями, уцелевший в битве при Тэннодзи, его конь встал на дыбы прямо перед Хидээри, который уже собирался оседлать вороного жеребца.

– Авангард нашей армии почти полностью уничтожен, – доложил Морихиса Хаями. – Сражения идут на улицах в южной части города, мы отступаем. Броситься в атаку на врага, уже опьяненного победой, сейчас – значит совершить самоубийство.

– Я с самого начала жду смерти! – заорал Хидээри. – В бой! В бой!

– Главнокомандующий не должен спешить на встречу со смертью! Пока не поздно, нужно отступить и подготовиться к обороне замка. А потом, когда силы окончательно покинут нас, еще останется время умереть.

Лицо и доспехи Морихисы Хаями были тоже залиты кровью.

– Нет, мы примем бой! – не унимался Хидээри.

Он уже взялся за луку седла, но Хаями схватил его поперек туловища и попытался оттащить от жеребца, а в следующий миг совершил кувырок в воздухе – высокий и сильный Хидээри отбросил его, как соломинку. Тятя, еще не осознавая, что делает, рванулась к сыну, обняла его за колени – она не отдаст в лапы смерти своего мальчика, нет, ее мальчик не умрет! – и покатила по земле, отброшенная ударом ноги в плечо.

Поднявшись с песка, мать, будто во сне, увидела, как несколько самураев навалились на Хидээри, удерживая его за руки, за плечи, за шею, а фоном этой печальной картины неуместного кулачного боя стало пышное многоцветье церемониальных кимоно – Сэн-химэ и ее свитские дамы сидели чуть поодаль неподвижно, словно нарядные куклы-химэ на Празднике девочек.

Где-то позади грянул крик: «Пожар!» Тятя обернулась – черные клубы дыма поднимались в небо над внешней крепостной стеной. Во дворе началась суматоха: самураи выхватывали мечи из ножен и вертели «мельницы» над головой, изрыгая проклятия, хотя в пределах видимости не было ни одного врага. Но пожар означал, что враг рядом и что в замке есть предатели.

Тятя вспомнила о Харунаге Ооно. Он уже пришел в себя, вскочил в седло и скакал по двору, призывая воинов к порядку. Когда всеобщее буйство утихло, Харунага повел самураев за собой к Вишневым воротам. Хидээри и военачальники из его окружения поспешили вслед. Ворота закрылись за ними. Во дворе остались только три десятка женщин, стяги и копьё – атрибуты власти главнокомандующего. Воцарившаяся ненадолго тишина была снова нарушена ружейными залпами и боевыми кличами, зазвучавшими на сей раз совсем близко. Третья, внешняя, крепостная стена, вероятно, уже была в руках неприятеля – оглушительно трещали частоколы, ревели воины, устремившиеся на штурм, гремели пушки.

Опять распахнулись Вишневые ворота, впустив самураев, бежавших с поля битвы. Многие были ранены и опирались на свои мечи, как на костыли.

Вернулись Хидээри и Харунага Ооно, за ними во двор приливной волной хлынули остатки осакского войска. Казалось, самураи отступают в полном беспорядке, но это было лишь внешнее впечатление – Ооно хриплым, сорванным голосом выкрикивал приказы, и воины беспрекословно повиновались ему, выстраиваясь в ряды справа и слева от ворот. С другой стороны внутреннего двора распахнулись еще одни ворота, через них тоже входили люди, и вскоре вся площадь у главной башни была заполнена самураями.

Пламя с третьей крепостной стены перекинулось на вторую, бои, судя по всему, шли уже на территории Осацкого замка. Тятя не знала, кто отдал такое распоряжение, но ее, Сэн-химэ и свитских дам в спешке проводили в тэнсю и укрыли в дальних покоях. Откуда ни возьмись появился Ооно – только что он руководил отступлением у Вишневых ворот – и заорал: «Наверх! Поднимайтесь вверх!» Прислужницы, схватив даму Ёдо за руки, потянули ее к лест-

нице, почти втащили на второй ярус тэнсю; за ними по пятам следовали Сэн-химэ и другие обитательницы замка. Тятя узнала Укёдаю, мать Сигэнари Кимуры и кормилицу Хидээри, была там и Аэбано-исубонэ...

Когда прибежал самурай с официальным извещением о том, что третья линия укреплений разрушена и неприятель штурмует вторую, стрелы и пули уже вонзались в стены второго яруса тэнсю с глухими хлопками, будто на внешней галерее кто-то жарил соевые бобы. Дама Ёдо неподвижно, выпрямив спину, сидела на полу, все женщины знали, что они загнаны в ловушку в этой башне, которая вот-вот окажется в руках врага, но ни одна из них не проронила ни слова.

На втором ярусе быстро сгущались сумерки, день умирал, теряя силу капля за каплей. Вошел Хидээри в сопровождении нескольких воинов; мужчины прерывисто дышали, были совсем измотаны. Тятя разглядела сына в полутьме, но не узнала никого из его окружения. Все хранили молчание.

Спустя некоторое время на второй ярус поднялся еще один человек – это был Харунага Ооно. Осмотревшись, он направился в тот угол, где собрались мужчины, затем, посоветовавшись с ними, приблизился к женщинам.

– Здесь, в тэнсю, становится опасно, нужно перебраться в сторожевую башню. Мы должны держаться вместе, – хрипло проговорил военачальник.

Женщины слушали его стоя. Внутри царил мрак, но на галерее, ведущей к лестнице, они оказались в сумеречном вечернем сиянии, которое то и дело вспыхивало ярким светом от огненных сполохов, пожиривших замок.

Маленькая процессия спустилась во двор и подошла к сторожевой башне внутренней крепостной стены – когда-то это небольшое строение было предназначено для любования луной. Ватанабэ, до сих пор самоотверженно следовавший за своим господином, у входа в башню остановился. Накануне он был тяжело ранен в битве при Домёдзи и теперь решил отправиться в сад, чтобы совершить там сэппуку.

– Прошу отпустить меня, господин. Раны не позволяют мне быть рядом с вами, – громко, твердым голосом произнес верный вассал.

Все это слышали, и никто не дерзнул его удержать. Соратник, чье лицо было скрыто сумраком, оказал Ватанабэ помощь в совершении обряда – отсек мечом голову, когда все было сделано, а скорбный крик матери доблестного воина оборвался хриплым стоном боли – она вслед за сыном вонзила клинок себе в живот. Кто-то из самураев сослужил и ей «последнюю службу».

Мужчины и женщины – всего около трех десятков человек – поднялись на сторожевую башню. Самоубийства Ватанабэ и его матери каждого заставили задуматься о собственной участи. Даже Тятя на время потеряла самообладание, но, едва оказавшись на верхнем ярусе сторожевой башни, вновь обрела контроль над собой.

Во тьме кто-то закричал, что тэнсю занялась огнем. Кричала женщина, ей никто не ответил, никто не упрекнул, и вскоре выяснилось, что она права: сквозь бойницы начал пробиваться причудливый красноватый свет. Он рассеял мрак, и Тятя обнаружила, что сидит между Хидээри и Сэн-химэ. Ружейные залпы, кличи, воинственный рев, погребальный стон умирающего в огне дерева не утихали. Во внутреннем дворе, у последней и теперь единственной линии обороны, выжившие на поле брани осакские самураи, которых загнал сюда враг, вели последний бой.

– Кадзума с нами? – внезапно спросил Хидээри.

– Он совершил сэппуку в церемониальном зале тэнсю, – отозвался кто-то.

– А Бунго?

– Он тоже... в церемониальном зале, – прозвучал другой голос.

– Накадзима?

– В церемониальном зале.

– Хорита?

– Я видел его у ворот третьей линии обороны, он сражался бок о бок с Нономурой, правителем Иё, был тяжело ранен, что дальше – неведомо мне...

На каждый вопрос Хидэёри отвечали разные самураи, и Тятя постепенно узнавала, как много воинов покончили с собой, сколько героев пали в бою. Затем разговоры смолкли. Ооно и еще несколько воинов, не в силах усидеть на месте, все время выходили из убежища и возвращались.

Вернувшись в очередной раз, Ооно сел рядом с Сэн-химэ, совсем близко, почти касаясь ее плечом, и что-то зашептал ей на ухо. Тятя вздрогнула. О чем это князь толкует? Она уже давно заметила, что Ооно ведет себя не так, как остальные воины, оказавшиеся в укрытии: он единственный из всех еще не отрекся от надежды спасти своего господина. Быть может, Ооно пытается избавить дом Тоётоми от неизбежной гибели, обменяв жизнь Хидэёри на жизнь Сэн-химэ, дочери Хидэтады Токугавы? Но что бы он ни замыслил – слишком поздно. Даже если ему удастся вывести Сэн-химэ из горящего замка – что с того? В сердце дамы Ёдо, которая весь этот день не находила себе покоя и думала лишь об одном – о спасении сына, – возродилась ожесточенная гордость, затеплилось вновь чувство собственного достоинства. Для них с Хидэёри пробил час, настало время встретить смерть. Впервые решение умереть она приняла окончательно и бесповоротно. Склониться перед Иэясу, этим негодяем и разбойником, умолять его о пощаде, отсрочить свою гибель или же добровольно выбрать смерть? Тут не о чем размышлять! Отныне она будет защищать не жизнь, а честь Тоётоми!

Тятя нащупала в потемках длинный рукав кимоно Сэн-химэ, подтянула его к себе и намертво пригвоздила к полу коленями.

– Ну же, госпожа, идемте...

Ооно говорил очень тихо, но Тятя, отчаянно напрягавшая слух, различила его слова. Сэн-химэ пошевелилась, хотела было встать и не смогла – свекровь всей своей тяжестью навалилась на рукав ее кимоно.

Несколько мгновений безмолвной борьбы – и из уст юной красавицы вырвался глухой стон, который услышала только свекровь. Тятя возликовала. Теперь Сэн-химэ умрет вместе со всеми! Иэясу, настало время платить за злодеяния! Твоя родная внучка разделит судьбу дома Тоётоми!

Вдруг тишину разорвал зычный голос Ооно:

– Пожар!

Все вскочили, в башне началась паника, Тятя, как и остальные, в миг оказалась на ногах.

– Ложная тревога! Успокойтесь! – через пару мгновений призвал всех к порядку Ооно.

Люди опять расселись по местам, и Тятя обнаружила, что Сэн-химэ нет рядом – исчезла в суматохе.

– Ооно! – взревела Тятя, но ответа не последовало – князя и след простыл.

Когда он снова появился, Тятя сделала ему знак приблизиться и сурово спросила:

– Господин Ооно, где моя невестка?

– Госпожа Ёдо, прошу, не мешайте мне. Я буду защищать дом Тоётоми даже ценой собственной жизни, – хрипло проговорил Ооно.

Тятя смолчала. Сэн-химэ вырвалась на свободу, ничего с этим уже не поделаешь, а упрекать верного вассала теперь нет смысла. Ооно готов сражаться до конца, до последнего вздоха за своего господина, он пойдет на все, чтобы отвести смертельную угрозу, нависшую над домом Тоётоми...

– Не знаю, что вы задумали, но уверена, что при нынешних обстоятельствах все будет бесполезно. Вы только сыграете на руку этому разбойнику Иэясу, – тихо сказала Тятя.

К часу Мыши зыбкий кровавый свет, проникавший в сторожевую башню сквозь бойницы, угас. Тэнсю, должно быть, сгорела дотла. Во тьме лишь Ооно и еще несколько воинов по-прежнему бродили туда-сюда, выходили наружу и возвращались. Хидэёри сидел неподвижно, безмолвно.

На рассвете стало известно, что Сэн-химэ в сопровождении одной служанки и двух самураев благополучно покинула Осаку и находится в ставке Токугава. Что толку? Иэясу, без сомнения, предпочел бы увидеть труп родной внучки среди бездыханных тел защитников замка, нежели вступить в мирные переговоры с Тоётоми. А теперь, когда он получил Сэн-химэ живой и невредимой, тем более бессмысленно просить у него пощады.

Когда встало солнце, на сторожевую башню поднялся Кодзукэ Хонда из лагеря Токугава и, окинув взглядом двадцать восемь мужчин и женщин, укрывшихся на верхнем ярусе, молча удалился. Час спустя явился посланник от Иэясу с приказом всем уцелевшим совершить сэппуку. Ооно изменился в лице, услышав этот приговор, а Тятя, напротив, вздохнула с облегчением, как будто неизбежное наконец свершилось, и нечего больше бояться, и нечего больше ждать.

Все произошло очень быстро. Прибыли три воина из клана Токугава, чтобы засвидетельствовать последнее деяние поверженных врагов. Вдруг где-то поблизости прозвучал пушечный залп – стреляли по сторожевой башне. Тятя задохнулась от гнева – что за неуважение к людям, которые готовятся к смерти! – но не проронила ни слова. Она приняла решение убить себя сразу после того, как обряд сэппуку совершит ее сын.

«Матушка!» – вот и все, что сказал Хидэёри, опускаясь на колени. Дама Ёдо в тишине склонила голову – это было прощание.

Она на мгновение закрыла глаза, а потом устремила взгляд на острое, ослепительно острое лезвие, и, как до нее отец, князь Нагамаса Асаи, матушка, госпожа О-Ити, отчим Кацуэ Сибата и дядюшка Нобунага Ода, помедлила самую малость, прежде чем взять в руки короткий меч. В бойнице сиял краешек солнечного диска, белел клочок облака, и прозрачное кружево дыма от горячих развалин замка время от времени взмывало вверх, в синее, по-летнему бездонное небо.

Эпилог

После падения Осацкого замка Госпожа из Северных покоев, принявшая буддийский обет, продолжила жить-поживать в Кодайдзи, а Иэясу пожаловал ей годовой доход в тринадцать тысяч коку. Впоследствии она перебралась в Нандзэндзи, затем – в Кэннидзи, где и покинула сей бренный мир на шестой день девятой луны 1-го года правления под девизом Канъэй¹⁴² в возрасте семидесяти шести лет.

Двум Тятиным сестрам тоже был отмеряй долгий век. Охацу умерла в 11-м году Канъэй;¹⁴³ Когоо, супруга второго сёгуна из дома Токугава и мать третьего, Иэмицу, закончила дни свои в 3-м году Канъэй,¹⁴⁴ достигнув высочайшего положения, какое только может быть даровано женщине в Японии. Старшую сестру, погибшую на дымящихся развалинах Осацкого замка, Охацу, стало быть, пережила на девятнадцать лет, а Когоо – на одиннадцать. Которая из трех сестер была счастливее в своем земном существовании? Кто же возьмется о том судить! Чтобы узнать истину, надобно каждой из них задать этот вопрос.

¹⁴² 1624 г.

¹⁴³ 1634 г.

¹⁴⁴ 1626 г.